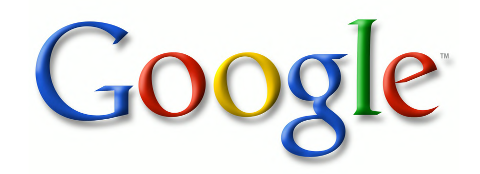
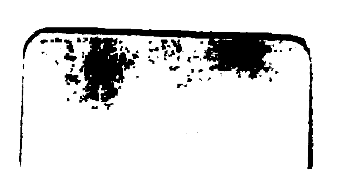




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

составляемый

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XCIV.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1817.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 11 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 13.
ІЮЛЬ. 1817.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

О супружествѣ.

Супружеское общество есть первое общество; и оно — первое основаніе гражданскимъ обществамъ.

Мущина и женщина сотворены другъ для друга. Мы ищемъ самихъ себя въ другихъ; и мущина и женщина встрѣчаются съ симъ восхитительнымъ счастіемъ, когда заключаютъ союзъ между собою. — Прародитель нашъ былъ полный властелинъ міра; земля несла къ нему всѣ богатства, всѣ сокровища произведеній: но онъ въ одиночествѣ мало имъ трогался. Самое великолѣпнѣйшее зрѣлище Природы не наполняло пустоты его сердца. Восторгъ обильнѣйшимъ потокомъ пришелъ къ нему тогда, когда онъ увидѣлъ въ другомъ человѣкѣ самаго себя; когда языкъ произ-

неей, а во глубинѣ души отозвались слова: *се кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (*)!

По неизмѣняемымъ уставамъ Природы мущины не могутъ существовать безъ женщинъ, женщины безъ мущинъ. Вообразимъ время, въ которое бы люди могли быть безъ женщинъ и безъ установленія супружескаго общества. Ромулъ открываетъ въ городѣ своемъ прибѣжище рабамъ, должникамъ, преступникамъ, — и злодѣи толпами стекаются подъ егидъ его; но не имѣвъ женъ, они должны похитить Сабинокъ, и вѣроятно при самомъ возрожденіи общества злодѣи разошлись бы въ разныя стороны, обратились бы въ прежнія жилища, если бы не прибѣгли къ сему столь насильственному поступку.

Неоспоримая истина, что супружество есть связь гражданскаго общества, которая въ самомъ себѣ его поддерживаетъ; но доколѣ страсти людей необузданы законами, дотолѣ дикая любовь всегда разстроиваетъ его порядокъ и существованіе. Природа влечетъ одинъ полъ къ другому; но та же Природа для блага общества внушаетъ политикѣ, дабы узы супружества были неразрывны. Взаимное согласіе — первая основа супружескому обще-

(*) Быт. Гл. 2, ст. 23.

ству: кажется, довольноб было одного сего узла; но супружество тогда особенно бываетъ прочно, когда освящается установленными обрядами. И народы, всякой по образу своихъ мыслей, по степени просвѣщенія, по началамъ исповѣдуемой Религіи, вводятъ ихъ у себя, и слѣдуютъ имъ какъ законамъ самымъ необходимымъ.

У Римлянъ по древнему ихъ обыкновенію супругъ покупалъ себѣ супругу — обыкновеніе всѣхъ варварскихъ народовъ; жена съ своей стороны покупала за три мѣдныя монеты право, по которому она входила въ домъ супруга и пользовалась покровительствомъ его Пенатовъ. Въ минуту брачнаго торжества жрецы при десяти свидѣтеляхъ приносили богамъ плоды, жертву въ дымѣ возносящуюся на небо и съ неба низводящую ихъ благословеніе на мущину и женщину. Брачущіеся садились вмѣстѣ на одну разостланную баранью кожу, и *ѣли* пирогъ, приготовленный *для* нихъ изъ пшеницы и сарачинскаго пшена — древнюю пищу первыхъ обитателей Италіи, которая ихъ душѣ и тѣлу служила емблемою таинственнаго ихъ соединенія.

Древній Германецъ, вступая въ бракъ, для прочности его дарилъ невѣстѣ пару воловъ, взузданнаго коня, щитъ, мечь, копье; невѣста съ своей стороны дарила ему подобное оружіе. Взаимные дары, дѣлаемые ими

другъ другу въ присутствіи отцевъ и родственниковъ, изображали ихъ взаимную любовь и согласіе переносить всѣ обязанности новаго состоянія; они были ихъ неразрывною цѣпью, ихъ таинствомъ, ихъ божествомъ; и волы, и взузданной конь, и грозное оружіе, приносимое невѣстою жениху, означали не униженіе, но равенство ея съ своимъ супругомъ: они ей внушали, что она будетъ предметомъ его заботъ объ ней, что она во время мира и войны должна подвергаться съ своимъ мужемъ однимъ трудамъ, и съ нимъ жить и умереть вмѣстѣ. Сіи брачные обряды, носящіе на себѣ печать таинственности, показываютъ, что мущина и женщина, съ минуты вступленія въ супружество, сливаются въ одно лице; что они имѣютъ одну душу, однѣ чувства, однѣ желанія, однѣ отвращенія.

Если по языческимъ брачнымъ обрядамъ мужъ и жена составляютъ одно лице; то первыми законами супружества должны быть ихъ взаимная любовь, взаимная вѣрность другъ ко другу, и ихъ связи должны быть неразрывны.

Предки нынѣшнихъ Германцовъ, дышащіе одною войною, даютъ просвѣщеннымъ своимъ потомкамъ и другимъ народамъ самый наставительный примѣръ взаимной любви супружеской. Обитатели Сѣвера почитали себя друзьями и покровителями своимъ женамъ; жены

за какія чувства нѣжности отвѣчали имъ всею къ нимъ привязанностію и вѣрностію. Вѣрность, истинное счастіе супружескаго общества, предписываемая супругамъ гражданскими и нравственными законами, сохраняется единственно взаимною ихъ любовью другъ ко другу. Когда мы подымаемъ оружіе, или когда хотимъ быть несправедливыми противъ тѣхъ, кто насъ пламенно любитъ, и кого мы любимъ пламенно?

И благо общественное и благо семейственное требуютъ отъ супруговъ взаимной другъ ко другу, вѣрности. Добродѣтельныя семейства дѣлаютъ добродѣтельнымъ семейство великое — государство. Семейственныя добродѣтели крѣпость государству; для супруговъ онѣ покой и счастіе.

Невѣрность и въ мущинѣ и въ женщинѣ есть порокъ; но невѣрность въ женщинѣ предосуждается болѣе, нежели въ мущинѣ, по слѣдствіямъ, отъ нее происходящимъ, которыя или отъ мнѣнія, или по предубѣжденію почитаются въ немъ менѣе вредными.

Невѣрность мужа есть порокъ, обвиняющій одного своего виновника; но невѣрность жены есть такое преступленіе, которое отъ преступницы отражается на мужа, которое чернитъ его имя, его достоинство, и которое невинно падаетъ на его дѣтей.

Законодатели останавливают, или по крайней мѣрѣ уменьшают дѣйствіе преступленій учрежденіемъ противъ нихъ наказаній. Въ Римѣ невѣрность жены почитали самымъ важнымъ преступленіемъ, и въ Римѣ въ силу законовъ мужья невѣрныхъ женъ карали смертною казнію; они подобною казнію карали женъ, замѣченныхъ въ пьянствѣ. — Древній Германецъ женѣ-преступницѣ остригалъ волосы, лишалъ ее одѣянія, выгонялъ ее изъ дому, и чрезъ все селеніе въ такомъ позорномъ видѣ билъ ее бичемъ, или палкою, — и у древнихъ Германцовъ, подобно какъ у древнихъ Римлянъ, рѣдко видимы были примѣры супружеской невѣрности.

Нѣтъ сомнѣнія, что наказаніе удерживаетъ отъ преступленія; но я думаю, что супружеская вѣрность сохраняется не столько строгостію, сколько тѣми правилами нравственности, которыя съ самаго младенчества внушаютъ мущинамъ и женщинамъ.

И у всѣхъ народовъ и во всѣ времена праздность почитается матерью пороковъ; и праздность главный источникъ порока — невѣрности. Въ праздности душа улетаетъ во области воображенія, воображеніе раждаетъ въ умѣ мечты, мечты раждаютъ желанія, желанія сердца раждаютъ пороки и преступленія. Другія слѣдствія жизни дѣятель-

ной: она настроиваетъ сердца къ добродѣтелямъ, возвышающимъ достоинство человѣка. Дѣятельная жизнь, даже при самомъ пылкомъ характерѣ, лучшее обузданіе страстямъ человѣческимъ.

Въ древней Германіи, тогда какъ все мужество обитателей сего края было обращено на пріобрѣтеніе военной славы, ихъ жены занимались управленіемъ дѣлъ домашнихъ; озабоченныя попеченіемъ о семействахъ, онѣ сами питали и воспитывали дѣтей своихъ. Въ древней Германіи мать дочери вливала въ душу чувства скромности, чувства супружеской вѣрности — совершенства, которыя каждаго плѣняютъ; сыновьямъ, которымъ не позволялось являться въ свѣтѣ, пока не созрѣвали и тѣломъ и душею, пока не могли быть способными носить оружіе и защищать отечество, — сыновьямъ въ кругу семейства она разсказывала подвиги предковъ, и направляла порывы ихъ юныхъ сердецъ къ подобнымъ героическимъ подвигамъ. Въ древней Германіи каждая жена ткала себѣ одѣяніе собственными руками, и тамъ каждая жена, столько занятая, была вѣрнымъ другомъ своему супругу.

Люкреція живутъ во времена добродѣтельныя; во времена добродѣтельныя имъ представляется преступленіе несносмѣе смер-

ліи. Въ Римѣ когда женщины занимались веретенами, праслицею, тогда онѣ мало были знакомы съ безславіемъ.

Но другое позорище видимъ, когда Римлянки оставили домашнія рукодѣлія; тогда явились на сценѣ и Фульвіи, и Деліи, и Семпроніи. Семпронія, славная родомъ и красотою, жена счастливая мужемъ, мать окруженная кучею дѣтей, Семпронія, наученная искусствамъ пѣть и танцовать болѣе, нежели сколько прилично было честной женщинѣ, имѣя отъ праздности въ сердцѣ пустоту, наполняла ее не только пороками, многими ужасными злодѣйствами, свойственными одному дерзскому мущинѣ, — Семпронія играла ролю позорнѣйшей женщины. И самый Саллюстій, невольникъ сладострастной жизни, какъ бы стыдясь ея разврата, говоритъ: „Усумнишься, что она болѣе берегла, деньги, или доброе имя.“ Дорого доброе имя для мущины; но оно несравненно дороже для благородной женщины. Мужъ женѣ своей есть честь; слава мужа отражается на его супругу: но сія слава украшается всѣмъ блескомъ, когда женщина имѣетъ доброе имя.

И по естественнымъ и политическимъ законамъ узы брака могутъ быть разрываемы одною только смертію кого нибудь изъ супруговъ. Но гдѣ царствуетъ развратъ, ро-

жденный бездѣйственною жизнію, тамъ самый легкій, самый близкій переходъ къ разводу. Въ Римѣ, въ продолженіе пяти вѣковъ, когда сохраняли правила добродѣтели, когда женщины занимались домашними дѣлами, не знали сего семейственнаго и гражданскаго зла. Но въ Римѣ въ продолженіе трехъ слѣдующихъ столѣтій разводы сдѣлались самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ сіе время одинъ знакъ, одно объявленіе чрезъ письмо посредствомъ кого нибудь, объявленіе даже посредствомъ отпущенника, раздѣляло мужа съ женою; и въ сіе время самая нѣжнѣйшая изъ всѣхъ связей человѣческихъ сдѣлалась минутною, которой узелъ расторгали или деньги, или постыдная страсть, или необузданное своевольство.

Августъ предписываетъ законами, чтобы граждане вступали въ супружество, — и Государь самый сильный, по причинѣ непостоянства женщинъ, видитъ все ихъ сопротивленіе къ своимъ повелѣніямъ. Началамъ должно противиться; болѣзнь неизлѣчима, если она усилится. И во время Августа супружество было самой рѣдкой феноменъ.

Ничто, кромѣ законныхъ причинъ, не можетъ оправдывать разводовъ. Свобода ихъ не способствуетъ ни благополучію, ни успѣ-

камъ добродѣтели. Въ царствованіе Юстиніана законными причинами къ разводу признавались: неизлѣчимая болѣзнь, долговременное отсутствіе и вступленіе кого нибудь изъ супруговъ въ званіе монашеское. Преемникъ Юстиніана, по усильнымъ прозьбамъ подданныхъ, призналъ разводъ законнымъ, когда бы требовали его и мужъ и жена.

Не знаю, какъ принять разводъ въ то время, когда супруги несходны нравами. Несходство нравовъ причиняетъ оскорбленія, жизнь отравляетъ упреками, жалобами; сердце человѣческое ненавидитъ всякія оковы. Но не должно ли сіе же сердце покоряться необходимости и переставать биться для непозволенныхъ желаній? Безъ сомнѣнія, въ Римскомъ Государствѣ, во времена добродѣтельныя, могли быть супруги несогласные характерами; но по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, гармонія ихъ брачнаго союза была столь чудесна, что они оба, видя непобѣдимую неволю, предписываемую законами, которая приковывала ихъ другъ къ другу, отказывались не только отъ желанія, но и отъ всякой мысли искать другаго сердца и другой судьбы.

Свобода разводовъ влечетъ за собою пагубныя слѣдствія и физическія и моральныя. Позвольте свободу разводовъ, и вы увидите,

что мужъ подъ предлогомъ несходства нравовъ будетъ искать глазами женщину по своему воображенію, или по прихоти сердца; женщина въ свою очередь будетъ дѣлать сравненія, и станетъ желать обмѣнять прежняго мужа на новаго.

Въ Римѣ нѣкоторыя женщины имѣли по осьми мужей не болѣе какъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Горесть наконецъ ихъ сопровождала. Природа никогда не прощаетъ намъ нашихъ проступковъ. Когда отцвѣтала ихъ красота, и онѣ достигали старости, — свѣтъ наказывалъ ихъ презрѣніемъ, и онѣ въ осиротѣломъ своемъ состояніи не имѣли ни друзей, ни помощниковъ, ни утѣшителей. Никто, самые порочные не смотрятъ хладнокровно на чужіе пороки.

Бѣдствіе супруговъ, которые разрываютъ узы брака! Но какое бѣдствіе дѣтямъ, которыхъ оставляютъ родители! Если ихъ несчастіе довольно извѣстно тамъ, гдѣ оно неизбѣжно, гдѣ непобѣдимый законъ Природы разлучаетъ супруговъ на вѣки; то можно ли добровольно поручать ихъ попеченію мачихи? можно ли добровольно попускать, чтобы они были въ рукахъ чужой женщины, которая къ нимъ равнодушна, или злодѣйки, которая будетъ ихъ ненавидѣть?

Мудрые законодатели, взирая на гибельныя слѣдствія разводовъ, не распространяютъ ихъ, и не даютъ слѣпо родителямъ власти покидать дѣтей по приливу и отливу ихъ непостоянной прихоти, — и мудрые законодатели принимаютъ противъ нихъ возможнѣйшія мѣры.

Въ Англіи позволяется расторгать узы супружества, если женщина изобличена въ невѣрности. Основательная причина! Дурная жена не можетъ быть ни усердною матерью дѣтямъ, ни попечительною правительницею дома. Но въ Англіи дѣло просителя на виновницу преступленія должно сперва пройти чрезъ многіе Трибуналы, и потомъ быть внесено въ Парламентъ, гдѣ окончательное его рѣшеніе стоитъ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ. Отъ етаго въ семъ Государствѣ разводъ возможенъ только для богатаго класса людей.

Въ Шотландіи достаточно невѣрности со стороны мужа, чтобъ произведенъ былъ разводъ. Съ перваго взгляда кажется, что сей законъ снисходителенъ; но въ то же время имѣетъ нѣкоторую свою строгость. По расторженіи узъ супружества запрещается виновному вступать во вторый бракъ съ участницею преступленія.

Въ Женевѣ невѣрность почиталась достаточною причиною къ разводу. Тамъ раз-

лученіе мужа и жены могло быть произведено по уваженію несходства нравовъ; тамъ жена, оставивъ домъ мужа своего и удалясь къ друзьямъ своимъ, или родственникамъ, подавала поводъ къ требованію развода, которой всегда имѣлъ законное дѣйствіе; но тамъ разводы были рѣдки: имена тѣхъ, которыя искали разводу, провозглашаемы были во всѣхъ церквахъ. Такое провозглашеніе служило для нихъ и нѣкотораго рода наказаніемъ и общественнымъ судомъ, которой былъ страшенъ для всякаго, кто хотѣлъ разрывать супружескія связи.

Если въ супружествѣ два лица составляютъ одно, и Природа, и благочестивая хрістіанская Религія возстаютъ противъ раздѣленія столь священнаго ихъ сліянія другъ съ другомъ; то та же Природа и та же Религія не допускаютъ къ сему сліянію многія другія лица. *Мужу подобаетъ единыя жены быти.* Заповѣдь небесной мудрости, которая и обязываетъ къ сохраненію непорочности брачнаго ложа, и запрещаетъ многоженство. Европейцы, озаренные свѣтомъ Божественной Религіи, слѣдуютъ сей заповѣди. Въ Индіи и во всѣхъ Азіатскихъ государствахъ мущина можетъ имѣть многихъ женъ; въ Малабарѣ женщина можетъ имѣть многихъ мужей. Такія обыкновенія и нарушаютъ порядокъ Природы и низпровергаютъ начала нравственности въ самомъ ея основаніи.

Люди, въ сердцѣ которыхъ сокрыто сѣмя испорченности, стремятся къ запрещенному и всегда желаютъ того, что имъ непозволено. Еще въ младенчествѣ міра Ламехъ имѣлъ двухъ женъ. Въ древнемъ Римѣ двуженство почитали прелюбодѣяніемъ. Въ Азіатскихъ странахъ страсти увлекли людей далѣе отъ прямаго пути; они нашли прелесть въ обладаніи многими женами. Не льзя найти словъ, чѣмъ бы можно было назвать многоженство, котораго слѣдствія — самыя великія бѣдствія для рода человѣческаго. . . .

Многоженство пріятно своимъ разнообразіемъ; но тамъ, гдѣ оно принято, пріятность его отравляется горестію самыхъ чувствительныхъ неудовольствій. Первое слѣдствіе многоженства — ревность женщинъ, одной противъ другой, и чѣмъ многочисленнѣе ихъ толпа, тѣмъ большее открывается поле ихъ враждѣ и несогласію. Стихотворецъ Еврипидъ не могъ ужиться съ двумя женами: два брюзгливыя чудовища такъ мучили, такъ терзали его своею ревностію и своимъ крикомъ, что онъ поклялся вѣчною ненавистію къ женщинамъ. Если у Азіатцевъ, любящихъ роскошь, въ женщинахъ, заключенныхъ ими въ стѣнахъ гарема, нѣтъ явной вражды и несогласія, то сіе происходитъ отъ одинаковой ихъ жестокой неволи, которую онѣ переносятъ, живя подъ однимъ кровомъ.

Другое слѣдствіе многоженства, съ другой стороны ревность — ревность мущины къ своимъ женамъ, ревность, которая не оставляетъ мѣста ни близкому знакомству съ людьми посторонними, ни чувствамъ дружбы съ друзьями искренними. На Востокѣ всѣ семейства отъ ревности мущинъ такъ отдалены одно отъ другаго, какъ будто онѣ живутъ въ разныхъ государствахъ. Такъ далеки въ одномъ округѣ, въ одномъ городѣ семейства отъ семействъ! Но отъ мущинъ, окруженныхъ толпами женъ, еще далѣе радости свѣта. Онѣ не существуютъ тамъ, гдѣ въ нихъ утопаютъ; тамъ свѣтъ и все въ свѣтѣ представляется суетою; и можно ли тамъ найти радость, гдѣ деспотъ смотритъ на женъ своихъ, какъ на невольницъ, и гдѣ жены невольницы смотрятъ на мужа, какъ на деспота? Равенство состояній сближаетъ сердца человѣческія.

Многоженство — зло для женщинъ, зло для мущинъ; но оно несравненное несчастіе для воспитанія дѣтей. Отецъ, считающій ихъ въ своемъ семействѣ пятьдесятъ человѣкъ, не дастъ имъ ни нравственности, ни свѣдѣній. Такой отецъ почти незнакомъ съ ними. По природѣ сердце родителя чувствуетъ любовь къ дѣтямъ; но она, дѣлясь между всѣми, ни для кого изъ нихъ нечувствительна. Пламя любви имѣетъ благодѣтельное свое дѣйствіе тогда, когда она, со-

средоточиваясь, останавливается на немногихъ дѣтяхъ. И дѣти пренебреженныя, оставленныя холодному попеченію рабовъ, дѣти проведшія юныя свои лѣта, всякое дурное впечатлѣніе принимающія, безъ надзору родительскаго, какіе члены отечества?

Многочисленность народа при довольствѣ и изобиліи составляетъ силу государства. Невзирая на вредныя слѣдствія, ещё бы извинительно было многоженство, если бы оно способствовало распространенію рода человѣческаго. Но извѣстно изъ опытовъ, что въ Азіи отъ десяти мущинъ, имѣющихъ супружескія связи съ десятью женщинами, родится болѣе дѣтей, нежели отъ пяти мущинъ, находящихся въ супружествѣ съ десятью женщинами. Европа, гдѣ число женщинъ и мущинъ содержится какъ число 13 къ 12, опустѣла бы, еслибъ въ ней принято было, не говорю многоженство, по крайней мѣрѣ двуженство: тогда половина жителей должнабъ была вести жизнь безбрачную.

Мудрые законодатели въ законахъ своихъ опредѣляютъ время, въ какомъ возрастѣ, и предѣлы), между какими лицами можетъ быть позволяемо супружество. Въ Римѣ, въ силу законовъ Нумы Помпилія, можно было вступать въ брачное состояніе по совершеніи круга двѣнадцатилѣтняго возраста. Кто заключаетъ супружество, хотъ по не-

ходимости принимаетъ на себя обязанности пещися о супругѣ и о будущихъ дѣтяхъ. Для достиженія сей цѣли нужна зрѣлость лѣтъ и ума. Крѣпость тѣла нужна для понесенія трудовъ въ приобрѣтеніи средствъ къ пропитанію; зрѣлый умъ нуженъ для управленія дѣлами, относящимися ко благу семейства. По мнѣнію Бентама, право на вступленіе въ бракъ можетъ быть дано не прежде права на вступленіе во владѣніе имуществомъ. Безумнобъ было, говоритъ сей глубокомысленный Англійскій законоискусникъ, дозволять человѣку располагать собою на всю его жизнь въ такомъ возрастѣ, въ которомъ не позволяется ему располагать недвижимымъ имуществомъ.

Въ древней Спартѣ, по установленію Ликурга, заключали брачный союзъ мущины въ тридцать лѣтъ, когда могли переносить все бремя трудной военной жизни и отправлять должности гражданскія; женщины не прежде двадцати, когда оканчивалось ихъ воспитаніе. Государства для безопасности своей ограждаютъ себя крѣпостями; въ древней Спартѣ, при подробномъ мудромъ постановленіи, и крѣпостями и неразрушимою стѣною ей служила грудь ея гражданъ.

И физическія и нравственныя причины не позволяютъ людямъ незрѣлыхъ лѣтъ вступать въ супружество; сіи же причины вступ-

нать въ него запрещаютъ близкимъ родствен-никамъ.

У Персовъ и Ассиріянъ позволялось заключать супружеское общество съ своими матерями; Скиѳы-отцы женились на своихъ дочеряхъ; въ Аѳинахъ братъ заключалъ союзъ супружества въ своею единокровною сестрою; въ Спартѣ онъ вступалъ въ него съ сестрою такъ называемою сводною; въ Египтѣ брату могла быть женою двоюродная его сестра.

И натура и разумъ человѣческій возстають противъ такого супружества. Семейства суть убѣжища, вѣрная и надежная пристань, гдѣ люди находятъ приятную тишину послѣ бурь, встрѣчаемыхъ ими на сценѣ міра. Но допустите супружество между близкими родственниками, и вы увидите въ нихъ вертепы порочной любви и мучительной ревности. Тогда между родными родятся подозрѣнія, погасится пламя сладостнѣйшихъ чувствъ въ сердцѣ, и возгорится вѣчная ненависть и мщеніе другъ противъ друга; и тогда домы семействъ будутъ не оградою, но камнемъ преткновенія и соблазна, какъ для цѣломудрія, сей лучшей прелести молодой женщины, такъ и для ея прочнаго и добродѣтельнаго воспитанія.

Ярославль.

Г. Покровскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ IV пѣсни Виргиліевы о Георгикъ.

Есть вертепъ подъ скалой, которая служитъ оплотомъ
Противъ свирѣпости волнъ мореходцамъ: въ етомъ вертепѣ
Дивный старецъ почіетъ, и юноша тамо, и Нимфа
Облакамъ скрывшимся, невидима старцу, вдали ожидала.

Сиріусъ, зноемъ палящій Индійцовъ, лучи раскаленны
Лилъ съ высоты на поля пожранные зноемъ; былъ полдень,
Травы засохли, и рѣкъ безбрежное ложе кипѣло.
Старецъ отшелъ для покоя и вкругъ его чуды,
Рыбы, дельфины, киты, огромные граждане моря,
Горькую влату бросая къ верху, его освѣжали.
Какъ заботливый пастырь, видѣвшій рыщуща волка,
Вечеромъ стадо въ хлѣву повѣряетъ; такъ старецъ огромныхъ
Чудъ своей паствы счелъ, опочилъ, и чуды заснули. . . .
Вдругъ Аристей схватилъ его съ крикомъ, и вервіемъ крѣпкимъ
Руки связалъ ему . . . Старецъ прибѣгнулъ къ обманамъ. . . .

Въ огнь превратился и дымомъ исчезъ, заравъ вѣлъ водопадомъ,
Львомъ зарыкалъ, и щетину подъявшій, вихремъ помчался;
Тщетно все было: — и старецъ, признавъ себя побѣжденнымъ,
Образъ принялъ человѣка и съ гнѣвомъ рекъ Аристею:
„Юноша дерзскій, какъ ты осмѣлился сонъ мой нарушить?
Кто указалъ тебѣ путь, и чего ты желаешь, безумецъ?“ —
— Самъ ты знаешь вину моихъ потерь и прихода! —
Смѣло на то Аристей: — во книгѣ судебъ ты читаешь.
Волѣ боговъ повинуясь, пришелъ я, открой мою душу надеждѣ! —
И прорицатель, сверкая очами полными яраго гнѣва,
Въ страшномъ бореньи съ собою, прервалъ молчанье, и тако
Рекъ Аристею, судьбу разрѣшая: „боги безвинно
Гнѣвъ изливать на смертныхъ не могутъ; печаламъ своимъ гибель
Самъ ты навлекъ: но казнь не равна преступленію. Вѣдай,
Боги отмщаютъ тебѣ за Орфея! Однажды его Евридику
Въ рощѣ преслѣдовалъ ты; она убѣгала въ смятеньѣ
Робко по брегу рѣки, и въ цвѣтахъ на лугу не видала,
Какъ наступила на змія . . ., Онъ ужалилъ ей ногу. . . .
Ядъ въ крови разлился, и смерть ей вѣжды сомкнула.

Нимфы подруги ея наполнили холмы и долы
Стономъ и воплемъ; горы Ѳракійскія съ ними стонали,
Ебръ возрыдалъ, и Родопъ, пораженный сей вѣстью, потрясся.
Вѣрный Орфей бродилъ по горнымъ ущельямъ, и лирой
Горесть свою услаждалъ; тебя, о милая сердцу!
Пѣлъ онъ какъ день наставалъ, и тебя же какъ ночь наступала,
Самъ недовольный, отчаянный страстный любовникъ рѣшился
Въ тартаръ бездонный сойти, проникнуть въ дремучія рощи,
Въ ужасъ Плутонова мрачнаго Царства, предстать ко престолу
Грознаго адскаго бога, къ пощады незнающимъ Паркамъ,
Къ Фуріямъ грознымъ, весело внемлющимъ вопли страдальца.
Сладкіе звуки Орфеевой лиры весь адъ всколебали;
Жители тартара — блѣдные призраки, тощія тѣни,
Въ большемъ числѣ слетѣлись къ нему, чѣмъ бурю почуя
Птицъ станицы слетаются вечеромъ въ частую рощу;
Прежде супруги и матери — нынѣ безплотныя тѣни,
Жертвы, которыхъ девятикратно обтекшій вкругъ ада
Стиксъ и Коцитъ тростникомъ поросшій отъ насъ отдѣляютъ.
Томно играя на лирѣ, Орфей весь тартаръ восхитилъ;

Лета уже не текла, призѣвный Церберъ не лаялъ,
Черныя зміи, віясь на главахъ Евменидъ, не шипѣли,
И не катилось, о чудо! тогда колесо Иксіона.
И въ торжествѣ Орфей возвращался; за нимъ Евридика,
Ада богиней ему возвращенная съ строгимъ завѣтомъ
Быть терпѣливу — не видѣть ее до возврата на землю.
Имъ провѣвалъ уже воздухъ земли; но, безумная слабость!
(Слабость, прощенья достойная, если бы адъ зналъ прощенье!)
Свѣту блеснувшему съ неба, при выходѣ самомъ изъ бездны,
Долго боровшійся съ сердцемъ, тутъ позабылъ всѣ обѣты. . .
Сталъ . . . оглянулся . . . . все для него невозвратно погибло!
Безчеловѣчный Плутонъ возвратилъ добычу, и трижды
Адъ восплескалъ въ торжествѣ. Евридика вскричала: о жребій!
Кто погубилъ насъ обоихъ, Орфей! Отколь нетерпѣнье?
Рокъ отзываетъ обратно меня, и я чувствую, тмятся
Вѣжды мои тяготѣя. Напрасно ищу тебя, милый!
Руки къ тебѣ простираю; ночь вкругъ меня, и отверзлась
Адская бездна . . . . Прости, незабвенный! и дымомъ исчезла.
Тщетно Орфей призываетъ, тщетно стремится за нею;

Тщетно желаетъ ее удержать . . . онъ тѣнь
лишь объемлетъ.
Грозный Харонъ запретилъ ему приближаться
ко Стиксу.
Что предпринять потерявшему два раза милую сердца?
Чѣмъ умягчить свою участь? кого умолять объ
возвратѣ
Стиксъ вторично преплывшей безцѣнной его
Евридики?

Въ снѣжной пещерѣ Стримонскихъ высокихъ гранитныхъ утесовъ
Онъ обиталъ семь мѣсяцовъ, лирой тоску услаждая;
Гласъ его тигровъ смирялъ и двигалъ деревья
и камни.
Такъ потерявъ птенцовъ, неуспѣвшихъ еще
опериться,
Изъ роднаго гнѣзда похищенныхъ злымъ птицеловомъ,
Ночью въ лѣсу Филомела сладко стонаетъ, и
окрестъ
Горы, брега, утесы и рощи съ нею стонаютъ.
Съ етой поры онъ не зналъ ни любви, ни узъ
Гименея;
Смутный, прискорбный душой, одинокій, по
льдамъ Танаиса,
Въ Гиперборейскихъ снѣгахъ и въ иніистыхъ рощахъ Рифея
Мрачный страдалецъ скитался, тоскуя объ
другѣ погибшемъ
И проклиная адскую хитрость адскаго бога.
Тщетно красавицы мнили красами плѣнить его
сердце;
Вѣрный супругъ и по смерти погибъ онъ вѣрности жертвой,
Въ праздники Оргій свирѣпо растерзанный жрицами Вакха,

Нои за то, что презрѣлъ онъ ихъ ласки, въ неистовствѣ звѣрскомъ
Хмеля и мести, на части его разорвали, и члены
Вросили въ Ебръ; глава пѣснопѣвца всплыла на поверхность. . .
Оледенѣлый языкъ еще лепеталъ: Евридика!
Горное ехо печально твердило за нимъ: Евридика!

Воейковъ.

И ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Сумароковъ.

(Продолженіе.)

Второй актъ начинается разговоромъ между двумя Князьями, и также весьма натурально. — Синавъ, которой прежде оставилъ одного Трувора съ Ильменою, спрашиваетъ его теперь съ довѣренностію брата и друга: не примѣтилъ ли онъ въ ней какой-либо тайной любви, которая была бы причиною отвращенія ея отъ супружества? Надобно поставить себя на мѣстѣ Трувора и Синава, дабы почувствовать всю красоту сей сцены. Синавъ угрожаетъ смертію тому, кто дерзнулъ отнять у него сердце возлюбленныя. Труворъ старается напомнить ему правила

умѣренности, совѣтуетъ брату не принуждать Ильменной склонности, и не мстить тому, кто счастливѣе его въ любви — онъ убѣждаетъ его законами чести, долгомъ и обязанностію его въ новомъ отечествѣ: —

Синавъ. Что злѣе, какъ любить, и, ахъ! не быть любиму.

Труворъ. Еще стократно злѣй въ любви взаимной тлѣть,
И въ сладостяхъ ея надежды неимѣть.

Синавъ. Ябъ горесть такову вкушалъ, *алкая въ сладость,*
Печали бы мои въ себѣ имѣли радость;
Хотя бы я въ любви успѣха неимѣлъ,
Ябъ тѣмъ доволенъ былъ, что сердцемъ я владѣлъ.
Которое бы мнѣ вздыханіе давало;
Вздыханіе мое подобнобъ воспримало; —
Я всѣ бы горести съ любезной раздѣлялъ,
И симъ страданіемъ себя увеселялъ. —

Сіи стихи по слогу не совсѣмъ хороши — согласенъ; но какъ милы и нѣжны чувствованія, въ нихъ заключенныя, какъ счастливо примѣровлены они къ положенію двухъ добрыхъ и несчастныхъ братьевъ-соперниковъ! . . . Зритель обоихъ любитъ, въ обоихъ принимаетъ участіе, и страдаетъ вмѣстѣ съ ними. — Признаюсь, я съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаю всегда подобныя удачныя

черты, или цѣлые характеры въ старомъ Писателѣ: — за это, можетъ быть, покажусь я неугоднымъ нынѣшнимъ нашимъ молодымъ авторамъ, для которыхъ только то и хорошо, что пишутъ друзья ихъ и современники, а все худо, что писано прежде. — Нужды нѣтъ. — По моему мнѣнію, всегда надобно, изъ должнаго уваженія къ знаменитымъ Писателямъ, отличать погрѣшности ихъ собственныя отъ погрѣшностей принадлежащихъ ихъ вѣку; — да и на сіи погрѣшности должно смотрѣть со стороны особенной. — Языкъ нашъ, недостигшій еще надлежащей своей опредѣленности, образуется безпрерывно вмѣстѣ съ нашимъ вкусомъ. Почему знать, можетъ быть, и нынѣшніе, такъ называемые лучшіе писатели, чрезъ 30 лѣтъ будутъ также немилосердо забыты, какъ теперь отъ многихъ полуученыхъ забыты почтенные наши Ломоносовъ и Сумароковъ! . . . . .

Г-нъ Рецензентъ нашъ также пропускаетъ многія мѣста въ своемъ Авторѣ, уклоняясь на другую сторону, которая, кажется, не относится къ цѣли. — Но у Француза всегда [illegible] своя частная цѣль, которой онъ никогда не забываетъ. Вотъ его разсужденіе. — „Князь Труворъ продолжаетъ здѣсь нравоученіе свое, утверждая оное многими разсудительными изреченіями. — Должно благодарить Автору, что онъ при семъ случаѣ то[illegible] *храбро ополчается противъ*

неправды и свирѣпости, пороковъ ненавистныхъ, въ которыхъ многіе часто обвиняли самодержавное правленіе, и которымъ Отечество его неоднократно въ жертву приносимо бывало такъ, что прежде сего Министры и Владѣтели, неменьше какъ и народъ, отъ оной небыли изключены!“ Несчастной человѣкъ! какъ ты жалко обнаруживаешь свое невѣжество, и какъ очевидно, неискусно изливаешь ядъ свой! . . . Вотъ духъ возмутительный писателей 18 вѣка, проповѣдниковъ свободы! Да, государь мой! нравоученія хороши, если онѣ сообразны съ правилами здраваго разсудка, со всеобщею пользою и съ религіею; но и тогда не онѣ должны составлять достоинство трагедіи. — Онѣ вообще излишни и дурны даже въ вашемъ Вольтерѣ, не смотря на то, что онъ искуснѣе всѣхъ умѣлъ приводить ихъ, на зло чистой нравственности! — *Противъ сихъ пороковъ бывшихъ толь долгое время въ отечествѣ его.* — Гдѣ и когда оні были? — Какъ могъ Сумароковъ позволить помѣстить ядъ сей предъ своею трагедіей? Далѣе: „проповѣдывать Россіи правосудіе и человѣколюбіе нечто иное есть, какъ вспомоществовать всеавгустѣйшему примѣру, которой она имѣетъ отъ владѣющей нынѣ Государыни, и для того должно здѣсь слушать Автора, а не Князя Трувора.“ —

Забавно! — слушать Сумарокова, а не Трувора! Какъ? Сумароковъ въ трагедіяхъ проповѣдывалъ Россіи правосудіе и человѣколюбіе, соотвѣтствуя намѣреніямъ высокимъ своей Государыни? Ето новое; — ето не его дѣло, М. Г. *Здѣсь должно слушать Автора, а не Князя Трувора.* — Вы оскорбляете Автора. — Будьте увѣрены, Сумароковъ очень уже разумѣлъ и отъ вашихъ же писателей научился, что въ одной только поемѣ можетъ говорить онъ отъ лица своего; а въ драмѣ его нѣтъ совсѣмъ на сценѣ, и все относится непремѣнно къ лицу говорящему или дѣйствующему, сообразно характеру.

Слѣдующее замѣчаніе Рецензента Французскаго еще страннѣе; онъ говоритъ, что г-нъ Сумароковъ *здѣсь весьма прилично вмѣстилъ похвалу женскому своего Отечества полу:*

Природа *лучшихъ дѣвъ въ сей градъ произвела,*
Любовь сіи брега столицей избрала,
И землю осудивъ сію на жертву хладу,
Раждаетъ красоту на мѣсто винограду. —

Хорошъ вкусъ г-на Рецензента! . . . А мнѣ кажется, что сіи похвалы, кромѣ того, что онѣ весьма дурно выражены, здѣсь совсѣмъ неприличны ни страсти, ни положенію обоихъ братьевъ, ни обстоятельствамъ; что онѣ

сутить камни на дорогѣ, объ которые спотыкается дѣйствіе. Совѣтъ Трувора полюбить другую дѣвушку былъ бы хорошъ въ еклогѣ; но въ трагедіи и предъ Синавомъ весьма забавенъ. — Гостомыслъ также весьма дурно утѣшаетъ смущеннаго Синава: —

Ильмену знаю я: мнѣ нравъ ея знакомъ;
Хоть подлинно она вздыхаетъ здѣсь о комъ,
Супругой ставъ твоей, она его забудетъ
И вѣрность наблюдать тебѣ по гробъ свой будетъ. —

Синавъ отвѣчаетъ весьма благородно. Что мнѣ пользы, говоритъ онъ, что она будетъ моею супругой, когда я въ глазахъ ея кажусь тираномъ, когда видѣть буду ее всегда печальною и страждущею? — Гостомыслъ говоритъ далѣе тономъ таинственнымъ:

Не ты, о Государь, нещастнѣй всѣхъ во градѣ;
Разсудокъ, здравіе и мужество губя,
Есть люди, кои въ томъ нещастнѣе тебя! —

Синавъ точно какъ въ дикомъ лѣсу!

Вообще сіе молчаніе и бездѣйствіе большей части лицъ весьма чудны. — Авторъ извлекаетъ изъ сего себѣ пользу для наружнаго наполненія разговорами пяти актовъ; но дѣйствіе выигрываетъ отъ етаго очень мало. Я представляю себѣ всѣхъ актеровъ Сума-

рокова людьми, кои, бѣжавъ отъ опасности, пришли къ большой рѣкѣ, которой ни переплыть, ни перейти нельзя. Они остановились на берегу ея, и смотря на близкую опасность, пожимаютъ плечами и остаются въ нерѣшимости. Конечно и минута нерѣшимости можетъ быть трагическою, когда она непродолжительна, когда возбуждаетъ болѣе усилій и страсти къ преодолѣнію, и заставляетъ бросаться на первую опасность: это средство важное, обнаруживать силу характеровъ, средство представлять ихъ въ отчаянномъ бореніи, и извлекать оттуда новыя прекраснѣйшія сцены. — Здѣсь то ли? Гостомыслъ придворной человѣкъ, а не отецъ: онъ холоденъ къ несчастіямъ своей дочери, занятъ единственно приличіями, угодливостію Князю безнужною, и недѣйствуетъ. — Нѣтъ ничего легче и простѣе, когда мы чего не въ силахъ и не умѣемъ сдѣлать, тогда ничего не дѣлать и ждать судьбы съ главою преклоненною: — это средство самое покойное; но гдѣ же будетъ дѣйствіе? гдѣ отчаянная пламенная трагедія? — гдѣ виды для нетерпѣливаго слушателя, которому въ это время и покой и медленность равно ненавистны? — Мы любимъ только то, что выше насъ въ прозорливости, въ страсти, въ силѣ, въ мужествѣ, въ терпѣніи, въ добродѣтеляхъ и порокахъ вообще: — иначе никакое лице на насъ не дѣйствуетъ, ибо не возбуждаетъ ни любопытства въ ду-

тѣ нашей, ни возвышаетъ ее. — Наконецъ послѣ долгаго ожиданія открываются между собою актеры; Труворъ объявляетъ Синаву, что онъ его соперникъ. Рецензентъ Французской удивляется сей смѣлости, однако называетъ ее удачною. — Я скажу, что она поздно случилась: ибо сильныя страсти не могутъ скрываться подъ завѣсою политики такъ долго; тѣмъ болѣе не должно бы было искушать терпѣнія зрителя, потому что онъ уже давно обо всемъ знаетъ. — Труворъ требуетъ смерти; Синавъ борется между любовію къ брату и любовію къ Ильменѣ.

Синавъ. Не будь любовникомъ или не буди братъ.

Труворъ. Драгія имена сіи священны оба.

Синавъ. Ужасная любовь, ты мнѣ страшнѣе гроба!

Симъ открытіемъ, кажется, ожило дѣйствіе. „Въ етомъ ужасномъ явленіи" говоритъ Рецензентъ „слѣдуетъ монологъ, въ которомъ Синавъ чувствительнѣйшія сраженія любви съ дружествомъ постепенно претерпѣваетъ." — Мы думаемъ, что етотъ монологъ совсѣмъ не кстати: сочиненъ весьма искусно и холодно для отчаяннаго положенія Синава. — Какъ можно умному человѣку позволить себѣ чувствовать и говорить:

О естьли дружбу онъ еще мою вспомянетъ,
И мнѣ прелестную любити перестанетъ,
Великодушіе такое чѣмъ воздамъ?

Что пользы, если бы ето и случилось? — Узнанъ счастливѣйшій соперникъ! . . . Все дѣло рѣшено! или Синавъ, или Сумароковъ не знали, что такое истинная, высокая, благородная любовь. Но Рецензентъ Французской и объ етомъ не говоритъ ни слова. . . . Онъ вѣдаетъ, гдѣ сдѣлать выгодное примѣчаніе. — Онъ напр. говоритъ: „сама Ильмена споръ сей прекратила: пришедъ, съ благородною смѣлостію подтверждаетъ она все то, въ чемъ ему прежде Труворъ признался.“ — Подумаешь, что етотъ разговоръ взятъ или изъ оперы Мѣльника, или изъ Бочара:

Синавъ. *Но помнишь ли, что будешь мнѣ жена,*
И что Синаву ты въ супружество дана? —
Ильмена. Когда, о Государь, твоей супругой буду,
Но должности тогда я Трувора забуду. —
Синавъ. Сама сказала ты, что ты навѣкъ его, . . .
Ильмена. Недолго стану ждать кончанья моего;
И, можетъ быть, какъ жизнь моя съ твоей спряжется,
Что въ самой тотъ злой часъ и духъ мой прочь возмется! . . .

Синавъ, какъ человѣкъ, непонимаетъ мечтательную Ильмену. — Она вступаетъ въ дѣйствительной диспутъ съ Синавомъ, и

доказываетъ ему логически, равнодушно, что страсть Трувора сильнѣе нежели его страсть. — Да вѣдь ты будущая жена моя, возражаетъ бѣдной Синавъ. — Философка отвѣчаетъ:

Колико житіе настало мнѣ превратно! —
Любовницы его, ахъ! имя мнѣ пріятно.
Еще тебѣ, еще Ильмена не жена! —
Доколь не буду я съ тобой сопряжена,
Позволь симъ именемъ Ильменѣ нарицаться! —

Великое утѣшеніе для Синава! Потомъ напоминаетъ ему о правахъ человѣка въ отношеніи къ другому человѣку, которыя онъ долженъ соблюдать, и о славѣ, если ему удастся одержать надъ собою побѣду! . . . Вотъ женщина, которой безъ сомнѣнія на трагической сценѣ еще невидано! . . . по крайней мѣрѣ со временъ Еврипида. . . .

Гостомыслъ въ то же время, называя Ильмену жертвою отечества, говоритъ о чести, любви и общей пользѣ. — Ето все старое. Вообще первое явленіе третьяго дѣйствія представляетъ какой-то странной героизмъ со стороны Гостомысла и Ильмены: —

Гостомыслъ. Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу;
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду:

Синаву общества, нарекъ тебя я мздой:
Ни мнѣ ужь, ни тебѣ нѣтъ власти надъ тобой.

Она твердитъ одно и то же, что готова повиноваться, — и идетъ на смерть. Гостомыслъ представляетъ ей сиротство свое, горести, которыя должны его свести во гробъ; Ильмена говоритъ объ непостижимой силѣ своей страсти, которая увлекла ее противъ воли:

Желаніе мое нещастнаго любить,
Колико я могу, стараюсь истребить;
Стремительно отъ сей я мысли убѣгаю;
Но убѣгающа, совсѣмъ изнемогаю. —
Повсюду страсть моя *гоняется* за мной,
Повсюду множитъ жаръ и рушитъ мой покой.
Дражайшу зрака тѣнь повсюду обрѣтаю,
И истребляя страсть, я страсть мою питаю.—
. . . .
Сама съ собою брань имѣю непрестанно,
Разима, рвусь, стеню и стражду *несказанно.*
Нетако въ варварскихъ терзается степяхъ
Невольникъ, мучимый въ темницѣ и цѣпяхъ,
Какъ я живущая въ странѣ своей природной,
Въ дни щастья твоего, въ дни *тихости* народной. —

Увидѣвъ Трувора, по повелѣнію отца она *вознамѣрилась* удалиться; но Труворъ ее останавливаетъ. — Гостомыслъ подкрѣпляетъ ее

опять одними и тѣми же совѣтами, — и оставляетъ съ Труворомъ!! Страненъ образъ, которымъ дѣйствуетъ сей отецъ благоразумной! Ето значитъ не потушать, а раздражать страсть. — „Его нравоученіе весьма изрядно" говоритъ Французской Рецензентъ „и великую честь дѣлаетъ Россійскому стихотворцу; но мы его оставляемъ, хотя въ немъ есть многія изображенія новыя." — Новаго ничего нѣтъ, и все то же; Труворъ объявляетъ, что Синавъ въ сей день намѣренъ сочетаться съ Ильменою, а его посылаетъ въ изгнаніе. — Чудно! или онъ перемѣнилъ свое намѣреніе отсрочить на три дни бракъ, или уже три дни прошло, какъ мы слушаемъ драмму! Если первое справедливо, то для чего было и вводить отсрочку на три дни безнужную? — ибо Ильмена въ первой день, въ первой часъ дѣйствія и въ первыя минуты задумала уже умереть; — а если прошло три дни, и совершилось только два дѣйствія съ половиною, то мы конца должны ждать — еще три дни, — всю полную недѣлю! — Хорошо занятіе! — Гостомыслъ, оставляя дочь свою съ Труворомъ, по замѣчанію г-на Рецензента „даетъ ей умной совѣтъ, что *хотя онъ увѣренъ въ ея добродѣтели, однако проситъ, чтобъ она вела себя осторожно и пристойно.*" Смѣшное замѣчаніе! — Гостомыслъ не долженъ быть по крайней мѣрѣ столь низкимъ въ чувствахъ сво-

ихъ; — гораздо бы лучше толковать сiе мѣсто такъ, что онъ хотѣлъ доставить послѣднее горестное утѣшенiе любовникамъ, въ которомъ чадолюбивой отецъ немогъ отказать, — утѣшенiе — проститься!

Довольствуйся безъ слезъ послѣднею минутой: —
Ты женской крѣпости примѣръ ему подавъ,
Какъ долгу слѣдовать, *подать ему уставъ*.

Труворъ предлагаетъ ей убѣжать съ нимъ вмѣстѣ, упрашиваетъ, молитъ объ етомъ, заклинаетъ любовiю своею; она не можетъ рѣшиться и говоритъ:

Я помню только то, что я герою дщерь. —

Въ Ильменѣ вообще примѣтенъ героизмъ какой-то романической, непонятной, которой никакъ не можно согласить съ истинною пламенною страстiю. — Синавъ находитъ Трувора, стоящаго предъ ней на колѣняхъ, и возгарается гнѣвомъ. — Оба брата *трактуютъ* другъ друга весьма непристойно, даже и для героевъ комическихъ; наконецъ исторгаются мечи. . . . Ильмена становится между ними.

Кто болѣе изъ васъ свирѣпства ощущаетъ
Коль въ злобу я могла любовью васъ привлечь,
Вонзай *мнѣ въ грудь хоть ты, хоть ты свой острый мечь*.

Герои романическіе успокоиваются, и влагаютъ въ ножны ужасные мечи свои. — Труворъ уходитъ. Удивительный Синавъ и послѣ етой сцены хлопочетъ тотчасъ о бракѣ, и умоляетъ Ильмену шествовать во храмъ; онъ говоритъ весьма простодушно: *тебѣ стыдно и грѣшно такъ меня мучить!*

Скончай, дражайшая, скончай *тоску и' стонъ*.
Ильмена. Не возмущай еще души моей ты снова!
И я во храмъ идти съ тобой уже готова! —

Вотъ, кажется, теперь дѣло рѣшено. — Совсѣмъ нѣтъ! — Четвертой актъ весь состоитъ изъ повтореній прошедшаго. — Ильмена декламируетъ огромной монологъ, въ которомъ Французской Рецензентъ нашелъ довольно хорошихъ разсужденій и плакалъ съ ней горько; Гостомыслъ опять не кстати принялся за нравоученія, которыми, даже и по словамъ Рецензента, нѣсколько обременены его монологи: онъ совѣтуетъ ей, какъ вести себя на тронѣ. — Боже мой! — какой тронъ! До него еще далеко; ничего нерѣшено, — и даже шагу не сдѣлано! Ильмена восклицаетъ къ солнцу:

Представь предъ Трувора дѣвицу саму красну,
И дай ему забыть любовницу нещастну! —

Отцу отвѣчаетъ, что она не въ силахъ исполнить его совѣтовъ.

Къ чему потребна я? — Кто сѣтуетъ всегда,
Тотъ дѣйствовать умомъ не можетъ никогда. —
А онъ свое твердитъ: *Живи*,
Рождай властителей народу своему;
Подай безсмертіе ты роду моему. —

Потомъ, взявъ Трувора за руку и прощаясь съ нимъ:

Не злобствуй на меня: ты мучишься судьбою,
И разстаюся днесь я въ дружествѣ съ тобою; и. е.

Прощай! — мы навсегда останемся друзьями... Хорошо утѣшеніе! такимъ образомъ, по замѣчанію Французскаго Рецензента, какъ *учтивой и милостивой отецъ*, оставляетъ еще разъ Ильмену съ Труворомъ, чтобы они впослѣдніе простились!!! — И такъ изъ учтивости и милости Гостомысловой мы опять должны слушать старое. — Для чего онъ къ намъ не учтивъ также? — за чѣмъ еще Труворъ? — „Разговоръ ихъ при прощаніи толь жалостной" продолжаетъ Рецензентъ „что хотя въ немъ и повторяются тѣ же слова, но безъ пролитія слезъ читать ихъ не можно." — Странно! Но вотъ зовутъ къ олтарю. — „Жестокая разлука," говоритъ нашъ критикъ „двухъ взаимно любящихъ себя сердецъ отчаяніе, *свирѣпствованіе* Трувора бѣжать за Ильменою, искать брата своего предъ олтаремъ и вонзить въ него мечь, но остановленнаго гласомъ природы и честности со-

ставляютъ четвертое дѣйствіе. — Конецъ онаго очень важенъ и приготовленъ зрителей къ заключенію печальнаго сего зрѣлища." — Не находимъ сей важности. — Если бы дѣйствительно Труворъ, сражаясь между любовію къ брату и мщеніемъ, побѣжденъ былъ послѣднимъ и побѣжалъ съ рѣшимостію во храмъ; тогда бы зритель трепеталъ за него и за Синава; но онъ пошелъ спокойно въ ссылку, къ чему мы приготовлены давно отъ него же самаго. — Вообще онъ также освободилъ себя отъ всякаго усилія души пылкой и великой. — Намѣреніе на словахъ только увезти свою любовницу было безразсудное и пустое. — „Впрочемъ должно признаться" говоритъ Рецензентъ „четвертое дѣйствіе не такъ сильно, какъ прочія." Будемъ чистосердечнѣе и искреннѣе Француза, и скажемъ: оно очень, очень слабо!

Дѣйствіе пятое. Рецензентъ говоритъ; „Гостомыслъ, вышедъ изъ храма, въ которомъ бракъ дочери его совершился, размышляетъ самъ съ собою о жертвѣ, принесенной имъ отечеству и добродѣтели." — Или у меня не то изданіе Сумарокова, или это неправда. — Онъ говоритъ о суетѣ мірской, о бренности вещей, о томъ, что нѣтъ счастія на землѣ, и что оно на небесахъ. — Весь монологъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ положенію Гостомысла. Чтобы удостовѣриться въ етомъ, прошу любопытныхъ по-

смотрѣть въ III мъ Томѣ Сочин. Сумар. стр. 173. — Ето явленіе совсѣмъ безнужное, особливо въ пятомъ актѣ, гдѣ, кажется, все должно быть въ величайшемъ движеніи. И такъ напрасно хвалитъ Рецензентъ здѣсь уроки Гостомысла. — Ильмена приходитъ и обьявляетъ:

Сраженная твоимъ родительскимъ *уставомъ*
Въ супружество уже вступила я съ Синавомъ:
Исполнила ли я чѣмъ дочь отцу должна? —
Разставшись съ Труворомъ, *Синаву я жена.* —

Ето въ самомъ дѣлѣ что-то неожиданное для слушателя. — Въ началѣ пятаго акта совершился бракъ; Ильмена является уже супругою Синава. — Подобный примѣръ видимъ въ славной Трагедіи Вольтеровой *Альзирѣ*, и притомъ въ третьемъ актѣ. — По увѣренію Лагарпа, такая нечаянность возбудила общій ропотъ между зрителями, и сія минута была самая критическая для друзей автора, которые отчаялись уже поддержать его. Никто не могъ понять, какимъ образомъ окончитъ онъ трагедію свою, такъ сказать, перерѣзанную въ третьемъ актѣ. — Бракъ Альзиры съ Гусманомъ, котораго она ненавидѣла, въ срединѣ піесы была вещь неслыханная, и удивленіе публики дѣйствительно казалось весьма справедливымъ: — никто не предполагалъ, чтобы авторъ могъ извлечь для двухъ послѣднихъ актовъ новые источники изъ существа одного

и того же дѣйствія. — Но Фернейскій другъ Мельпомены нашелъ ихъ въ характерѣ самой Альзиры, какъ дщери Природы, въ отношеніяхъ между Гусманомъ и Заморомъ; и наконецъ оправдалъ онъ предъ симъ послѣднимъ, какъ любовникомъ, самую Альзиру съ точностію чудесною. И сей актъ принятъ былъ съ восторгомъ всеобщимъ какъ въ первой разъ, такъ всегда и послѣ почитаемъ былъ самымъ превосходнѣйшимъ въ трагедіи. — Таково искусство генія! — Сумароковъ не только въ семъ, но, кажется, и въ самомъ характерѣ Ильмены хотѣлъ подражать Вольтеру; онъ представилъ бракъ въ началѣ пятаго уже акта, слѣд. недалеко отъ развязки; но за то неупотребилъ никакого средства поддержать его, или поддержать дѣйствіе. — Еще одинъ разсказъ о смерти Трувора, и оно умерло: — прочее все излишнее. Характеръ Альзиры дикой, въ нравахъ простой Природы воспитанной, мужественной и пламенной; Заморъ и Гусманъ, два характера столько противуположные доставили матеріалъ Вольтеру. Нашъ Сумароковъ, ничего не могъ сдѣлать изъ своихъ характеровъ. Альзиру обвиняли Французы за философствованіе; и Ильмену можно обвинить тѣмъ же. Но Альзира несравненно пламеннѣе и дѣятельнѣе, нежели Ильмена, хотя обѣ равно пожертвовали своею любовію отечеству и долгу. — Необыкновенная сила и быстрота чувствованій даетъ жизнь самымъ ха-

лоднымъ нравоученіямъ, особенно тѣмъ, которыя извлечены изъ общаго, всѣмъ драгоцѣннаго источника, — изъ Природы.

Тотчасъ послѣ объявленія о бракѣ приходитъ вѣстникъ, возвѣщающій кончину Трувора. — Рецензентъ, незнаю по чему, называетъ его подражаніемъ Тераменова монолога. Я невижу ничего похожаго ни въ достоинствѣ, ни въ подробностяхъ.

Ильмена и въ ужасномъ своемъ состояніи, какъ Стоикъ Катонъ, размышляетъ о смерти. — И Рецензентъ оправдываетъ сіе разсужденіе: „Безъ сомнѣнія Авторъ могъ по справедливости сіи разсужденія говорить ее заставить, какъ воспитанную въ языческомъ законѣ и колеблющуюся неизвѣстностями, разумомъ человѣческимъ непостижимыми для того, что она небыла просвѣщена свѣтомъ вѣры хрістіанской.“

Вотъ ея слова:

Нельстися больше тѣмъ, чтобъ долго я жила;
Преходитъ время то, *въ которо я была.*
Отверста вѣчность мнѣ: иду . . . куда? . . незнаю. . .
На что мнѣ знать? Богамъ я душу поручаю.
Пускай разрушится мое днесь существо:
Мя въ нову изведетъ природу Божество.
Пусть преселюся изъ мѣстъ, которыхъ ненавижу,

Туда, гдѣ, можетъ быть, и Трувора увижу.
Мнѣ боги подадутъ иное бытіе,
И человѣчество возобновятъ мое.
Они всесильны; имъ, что восхотятъ, возможно,
И упованіе Ильменино неложно. —
Но чѣмъ увѣрюся, что буду зрѣть того,
Кто здѣсь съ родителемъ милѣе мнѣ всего!
Иль въ смерти смертные другъ друга не забудутъ,
И страсти волновать, какъ здѣсь, и тамо будутъ!
Того не можетъ быть, какъ тотъ настанетъ вѣкъ,
Чтобъ былъ съ собой во всемъ тамъ сходенъ человѣкъ. —

Тамъ воля разуму престанетъ быть преслушна;
Сердца тамъ твердыя, и мысль великодушна.
А естьли болѣе не будетъ тамъ страстей,
Тамъ я не буду, Князь, любовницей твоей.
О тайна, скрытая отъ разума богами!
Ты въ непостижности оставлена судьбами! —

Пусть бы она могла, подобно Альзирѣ, говорить пофилософски, но въ такую ли минуту и съ такою ли холодностію? — Также холодно она и умираетъ. — Синавъ приходитъ къ Гостомыслу освѣдомиться о братѣ, что довольно также странно, и видитъ предъ собою жертву несчастную. Раскаяніе, скорбь

тоска терзають его: изступленному мечтаются тѣни Трувора и Ильмены.

Вотъ послѣдніи слова его:

О день, нещастной день! Я мучусь нестерпимо!
О солнце! для чего еще ты мною зримо? —
Разлей свои валы, о Волховъ, на брега;
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда моя затмилась слава!
О домъ, гдѣ пролила свою Ильмена кровь!
Пади на мя; отмсти злодѣйску мнѣ любовь!
Карай мя, Небо; я погибель въ даръ пріемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!

Вотъ конецъ трагедіи. — Французской Рецензентъ такъ заключаетъ свою критику: „Таковъ конецъ. — Объявленіе смерти Труворовой казалось намъ весьма жалостно; но кончина Ильменина въ представленіи должна еще больше возмутить чувства. Мы не сомнѣваемся, что сіе толь сильное явленіе на нашемъ театрѣ исторгнуло бы непремѣнно слезы изъ очей всѣхъ зрителей.“

Сдѣлаемъ свое заключеніе:

Мы видѣли, что первой и второй актъ этой трагедіи ведены съ удивительною економіею и точностію: дѣйствіе слѣдовало натурально и просто; связь между каждымъ явленіемъ очевидная и необходимая; ни одно лице неприходитъ и невыходитъ безъ надле-

жащей причины. — Такое искусство безъ сомнѣнія удивительно въ первомъ нашемъ Трагикѣ, особливо послѣ предшествовавшихъ піесъ; изложеніе въ дѣйствіи, безъ малѣйшаго принужденія; всѣ лица опредѣлены въ первоначальныхъ явленіяхъ. — Извѣстно рѣшительное намѣреніе Гостомысла, извѣстна страсть Синава, извѣстна тайная любовь Трувора и Ильмены, рѣшающейся пожертвовать своими чувствованіями отечеству и волѣ родителя. — До сихъ поръ течетъ дѣйствіе какъ должно. Также почти хорошъ и третій актъ. — Но четвертой актъ совершенно безъ дѣйствія; пятой — давно уже извѣстная зрителю развязка. — Спрашивается, гдѣ скрывается настоящая причина сего недостатка?

Она должна непремѣнно заключаться въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ.

Первой характеръ Гостомысла не даетъ ни малой пищи дѣйствію. — Узнавъ о любви своей дочери и Трувора, онъ богатъ одними совѣтами, и притомъ двузнаменательными; онъ несдѣлалъ ни малѣйшаго опыта въ сердцѣ Синава, которой его уважалъ, какъ старѣйшину народа, недавно имъ приобрѣтеннаго, какъ призвавшаго его на престолъ Россійской; онъ только ласкалъ ему самымъ неприличнымъ образомъ; онъ обнадеживалъ его, что дочь, сдѣлавшись супругою, позабудетъ Трувора, и покорится своему долгу. — Ето заставляетъ

думать, что самъ онъ пылалъ единственно честолюбіемъ видѣть кровь свою на престолѣ Княжескомъ, и сему честолюбію пожертвовалъ дочерью единородною и любезнымъ молодымъ Княземъ. — Пусть такъ; но для чего предъ зрителями необъяснилъ онъ сей тайной побудительной причины чудесной своей бездѣйственности? — Для чего не примѣшили мы въ немъ боренія между тщеславіемъ и любовію родительскою? — Это бы дало достаточной матеріалъ и разнообразіе цѣлой піесѣ. — Алварецъ въ Вольтеровой Альзирѣ дѣйствуетъ; онъ упрекаетъ своего сына Гусмана; онъ защищаетъ отъ его жестокости Замора и Альзиру. — Шуйской въ Димитріѣ Самозванцѣ, заставляя, како и здѣсь, притворяться Георгія и Ксенію, между тѣмъ употребляетъ всѣ тайныя пружины къ низверженію тирана. — Гостомыслъ вздыхаетъ вмѣстѣ съ любовниками, обнадеживаетъ страннымъ образомъ Синава, Ильмену и Трувора, и болѣе ничего.

Ильмены характеръ, смѣсь героическаго и романическаго, также бездѣйственный. — Въ первомъ актѣ, еще не видя своего Трувора и сомнѣваясь въ любви его, она уже рѣшилась умереть. — Она даже не убѣждала своего родителя; ибо требованіе отсрочки не значило еще явнаго ея отвращенія. Она не убѣждала самаго Синава; но въ первомъ словѣ объявила ему, что готова за него выдти, и

послѣ умереть. — Сія непостижимость для обоихъ Князей-соперниковъ составляла всю завязку втораго, третьяго и четвертаго актовъ; Ильмена обоихъ мучила однимъ етимъ объясненіемъ. — Отсюда-то проистекли скучная однообразность въ ходѣ, и безпрерывныя повторенія. — Если видѣла она, что немогла быть супругою Трувору, если знала, что не можетъ жить съ Синавомъ; для чего рѣшилась идти въ храмъ? — Альзира вышла за того, кого ненавидѣла; ибо ето было единственнымъ средствомъ спасенія Замора и ея соотечественниковъ. — Ильмена не имѣла никакой причины такъ рано отчаяваться и, какъ признавалась, ненавидѣть Синава; она не была увѣрена даже въ любви Трувора. — Самъ Синавъ не предпринималъ никакихъ строгихъ мѣръ, не видно даже угрозъ ни Гостомыслу, ни его отечеству, ни Трувору, котораго самое заточеніе, какъ онъ послѣ признавался, была только осторожность временная, дабы отдалить его отъ зрѣнія мучительныхъ обрядовъ брачнаго торжества, и дать успокоиться Ильменѣ: — что же значитъ теперь ея преждевременная рѣшимость умереть? — Скажутъ: она хотѣла пожертвовать своею жизнію счастію всѣхъ, Гостомысла, Синава и Трувора! — Чтобы очевидно было такое произвольное пожертвованіе, надобно непремѣнно показать его какъ необходимую побудительную причину. — Ничего

такого нѣтъ въ трагедіи. — Судя по силѣ собственной своей страсти, она могла быть увѣрена, что Труворъ не переживетъ ее; самъ Синавъ хотѣлъ было заколоться, но удержанъ воинами. — Онъ раскаевается въ убійствѣ брата и любовницы; но въ чемъ ему раскаеваться? — Съ первой минуты онъ слышалъ и видѣлъ, что Ильмена сама себѣ назначила смерть по недовѣдомой причинѣ, и совсѣмъ не отъ его жестокости.

Другая главнѣйшая причина недостатка въ дѣйствіи и единообразіи онаго заключается еще въ томъ, что Сумароковъ недалъ ни малѣйшагѣ оттѣнка характерамъ Синава и Трувора, двухъ братьевъ. — Пускай равно они оба будутъ добры. — Можно бы, напр., одному дать болѣе честолюбія, гордости, подозрительной недовѣрчивости, и другихъ подобныхъ страстей, которыя, не портя главной доброй основы, присвоивали бы особенное каждому направленіе, склонности, особый образъ дѣйствованія, быстроту или медленность, опрометчивость или осторожность, вспыльчивость или кротость, мстительность рѣшительную или великодушіе, себя побѣждающее; — чрезъ ето самое открылись бы новые источники, для сценъ изобильные, могущіе доставить имъ разнообразныя движенія. — Синавъ страннымъ образомъ влюбчивъ и великодушенъ. — Узнавъ, что братъ

его соперникъ и что Ильмена его нелюбитъ, онъ ни мало не перемѣняется въ своемъ поведеніи. Онъ уже спокоенъ, когда комической отецъ-старикъ сказалъ ему: нужды нѣтъ! какъ скоро выйдетъ замужъ, она перемѣнится и позабудетъ любовника: простодушной Князь доволенъ, и снова начинаетъ свои увѣренія въ страсти. — Еще чуднѣе, что сама Ильмена говоритъ тоже. — Такая страсть не есть ни героическая, ни трагическая. — Когда Ильмена твердитъ ему, что не можетъ его любить, онъ думаетъ только о бракѣ не со злымъ мстительнымъ намѣреніемъ, дабы чрезъ то унизить, или отравить горестію жизнь своего соперника, или самой Ильмены, но дѣйствительно съ тою надеждою, что она со временемъ перемѣнится. — Какъ могъ онъ желать въ супруги себѣ ту, которая увѣряетъ его, что жизнь ея съ нимъ будетъ вѣчное мученіе, что она не переживетъ брака? По его мнѣнію, етаго быть не могло. — Что ему за выгода сочетаться бракомъ съ Ильменою, преданною другому? Онъ на ето несмотритъ. — Для чего губить ему напрасно Трувора? Онъ отъ доброй души вѣритъ, что и Труворъ, поплакавъ, погрустивъ, перемѣнится, выберетъ другую невѣсту и будетъ, какъ говорится, жить, да поживать. — И такъ етотъ бракъ похожъ на свадьбы наши старинныя, въ которыхъ женихъ невѣсту, а невѣста жениха и знать не знали, и

отцы неспрашивали о взаимномъ ихъ расположеніи; а если и знали его, то непочитали долгомъ исполнять ихъ прихоти и перемѣнять для пустыхъ сердечныхъ связей великое дѣдовское свое слово. — Само по себѣ разумѣется, что изъ такого происшествія или басни ничего извлечь неможно для пяти актовъ, особенно при такой чрезвычайной слабости всѣхъ характеровъ. — Это любовь мѣщанская; въ ней нѣтъ ничего высокаго, ничего героическаго: ибо обѣ кончины Ильмены и Трувора, не будучи приведены надлежащимъ образомъ въ непреоборимую необходимость, не предваренныя усиліями великими и важными, причинами неизбѣжными, суть болѣе плоды слабости, причудливости, а не героическая жертва. — Судя по характеру Синава, можно бы подумать, что онъ при большей дѣятельности, при большемъ пламени Трувора столь же бы легко согласился отдать ему Ильмену, сколь легко онъ теперь женился на ней. — Его не льзя назвать ни тираномъ, каковъ Гусманъ въ Альзирѣ, ни великодушнымъ. — Труворъ въ отчаяніи собрался было исторгнуть Ильмену изъ рукъ Синава предъ самыми олтарями; — но это были только неумѣстныя восклицанія и восторги! Любовница и онъ задумали одно — смерть, и не хотѣли разстаться съ сею любезною мыслію. — Труворъ въ то время, когда еще Синавъ не зналъ объ его страсти,

убѣждалъ брата своего къ умѣренности, къ благоразумію, — чтобы неутѣснялъ онъ того, которой могъ быть предметомъ любви Ильменииой: это не что иное было, какъ средство продолжить скрытность свою, или просто обратить мысли Синава въ другую сторону. — Весьма невѣроятно, что Синавъ, свѣдавъ о страсти двухъ любовниковъ, тотчасъ не послѣдовалъ пламенному чувству, имъ обладающему, и непринялъ мѣръ для удаленія брата. — Нѣтъ! — Труворъ всегда на сценѣ съ Ильменою, ему даны были всѣ средства всегда съ нею быть вмѣстѣ до послѣдняго акта. — Такимъ образомъ вмѣсто положеній занимательныхъ, разительныхъ, разнообразныхъ, составляющихъ душу сцены, по необходимости встрѣчаются однѣ вялыя нравоученія. — Недостатокъ въ количествѣ лицъ не менѣе вредитъ сей драмѣ. — Безнужное множество дѣйствующихъ запутываетъ ее; недостаточное отнимаетъ у нее связи, разнообразіе, необходимую быстроту и вѣроятность. — Сего послѣдняго одного довольно, чтобы драма потеряла всю свою занимательность. — Вѣроятно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы при Дворѣ Князя Русскаго не было рыцаря, ему приближеннаго, не было свиты, показывающей его величіе и санъ? — чтобы у перваго старѣйшины народа, Гостомысла, не было друга совѣтника? — Сцена совсѣмъ обнажена; кажется, все дѣйствіе происходило тайкомъ,

въ заперти, между восьми глазъ. — Приличнѣе ли Государю Русскому послать для приглашенія невѣсты во храмъ, — кого же? мальчишку — пажа! — Уже ли у него не нашлось лучше людей? — Монологи скучные и однообразные занимали мѣсто наперсниковъ; нравоученія — мѣсто дѣйствія: — чтожъ въ етомъ выгоды?

Объ слогѣ говорить нечего; онъ нехорошъ, старинной: но чувства и мысли часто встрѣчаются прекрасныя. Самая основа басни прелестна, и въ искуснѣйшихъ рукахъ можетъ быть облечена въ превосходную трагедію: — ето одно уже приноситъ великую честь Автору. — Мнѣ кажется, не потерялъ бы труда тотъ, кто сію Русскую трагедію перевелъ бы на нынѣшній Русской языкъ. — Прибавленій потребуется немного; порядокъ весь почти можно оставить. — Заключимъ: Сумароковъ зналъ только наружныя формы, но не зналъ еще глубины и таинственныхъ средствъ своего искусства. . .

Мерзляковъ.

(До слѣд. книжки.)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Характеръ и жизнь Али-Паши.

(*Окончаніе.*)

Али пользуется весьма значительными доходами; но опредѣлить съ точностію количество оныхъ чрезвычайно трудно; ибо въ наложеніи и сборѣ податей онъ не слѣдуетъ постоянному правилу. Изъ сихъ доходовъ платитъ онъ съ надлежащей исправностію Турецкому правительству слѣдующую ему ежегодную подать, а все остальное, составляющее иногда болѣе половины всей собранной суммы денегъ, беретъ въ свою казну. Сверхъ того получаетъ онъ доходы съ полей и съ овецъ своихъ, коихъ число простирается до 50,000; сюда надлежитъ причислить также конфискованныя имѣнія, и деньги взимаемыя посредствомъ самопроизвольныхъ налоговъ и штрафовъ, что все вообще составитъ сумму около пятнадцати милліоновъ Французскихъ франковъ ежегоднаго доходу. Наконецъ обладаетъ онъ еще множествомъ такихъ тайныхъ сокровищъ, о которыхъ никто

неимѣетъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, кромѣ только, что онѣ состоятъ изъ Венеціанскихъ червонцевъ.

Али-Паша обратилъ въ свою собственность всѣ драгоцѣнные камни, которые находимы были въ его владѣніяхъ. Онъ имѣетъ рѣдкое собраніе карманныхъ и столовыхъ часовъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ съ необъятнымъ запасомъ товаровъ всякаго рода; и все сто подъ своимъ собственнымъ надзоромъ хранитъ онъ въ каменныхъ со многими сводами подвалахъ, куда никто другой не ходитъ. Должность казначея въ 1807 году отправлялъ его племянникъ; но сто въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ должность простаго расходчика, которому повѣряется ящикъ съ деньгами, съ тѣмъ чтобъ онъ, издержавши сумму, явился съ подробнымъ отчетомъ. Одинъ Жидъ управляетъ всѣмъ домомъ Паши, и притомъ сбираетъ доходы съ земель, ему принадлежащихъ.

Паша неимѣетъ никакихъ записныхъ книгъ; ведетъ всему счетъ на память, рѣдко ошибается, и притомъ всегда въ свою пользу. Такой способъ счисленія доставляетъ ему новую отрасль доходовъ, которую называетъ онъ *вознагражденіями*. Однажды сынъ его Мукштаръ имѣлъ нужду во 100,000 франковъ и требовалъ сту сумму въ займы отъ упомянутаго домоправителя. Жидъ от-

межалъ въ просьбѣ и симъ столько раздражилъ Мухтара, что оттотъ принесъ на него жалобу отцу своему. Али немедленно призвалъ къ себѣ домоправителя и сказалъ ему: „Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ ты у меня служишь; если повѣрнѣе счесть сумму доходовъ, которые поступали въ казну мою чрезъ все ето время, то, я думаю, окажется, что ты ежегодно кралъ у меня по 5000 франковъ; и такъ сей часъ же возврати мнѣ 100,000 похищенныхъ тобою въ продолженіе двадцати-лѣтней твоей службы.“ — Слова сіи произнесъ онъ съ грознымъ видомъ, всегда требующимъ безотвѣтнаго повиновенія.

Военная сила Паши состоитъ изъ разнородныхъ частей, и потому не можетъ быть подчинена законамъ обыкновенной, правильной дисциплины. Число самыхъ надежныхъ солдатъ, которыхъ собираетъ онъ посредствомъ конскрипціи изъ своихъ собственныхъ владѣній, простирается до шести тысячь; но васаллы и зависящіе отъ него губернаторы провинцій обязаны выставлять по первому требованію такое количество войска, какое Паша назначитъ. Уѣзды губерніи, непосредственно самымъ Аліемъ управляемой, должны также во время войны посылать ему извѣстное число солдатъ, хотя на вѣрность сихъ послѣднихъ не всегда можетъ онъ полагаться; ибо знаетъ, что въ уѣздахъ всѣ его нена-

видятъ. Сверхъ того умножаетъ онъ войско посредствомъ принятія въ службу свою горныхъ Беевъ, пристающихъ обыкновенно къ сторонѣ того Паши, которой платитъ имъ болѣе жалованья: ето Арнауты, служащіе по всѣмъ странамъ Турецкой Имперіи. Въ мирное время содержитъ онъ войска въ наличности только отъ 12 до 15,000 человѣкъ; но въ случаѣ нужды можетъ увеличить сіе число въ трое и болѣе, и можетъ притомъ содержать оное всегда на своемъ иждивеніи, нетребуя никакого вспомоществованія со стороны Порты. Въ 1807 году имѣлъ онъ подъ ружьемъ 40,000 воиновъ, изъ коихъ 10,000 находилось въ Мореѣ подъ начальствомъ сына его Велія, 8000 въ Лепанто подъ предводительствомъ другаго сына его Муктара, десятью тысячами командовалъ братъ его Юсуфъ-Бей, прочіе разсѣяны были въ разныхъ провинціяхъ.

Солдатамъ производится жалованье, соразмѣрное заслугамъ каждаго и времени службы. Многіе изъ Албанцевъ получаютъ въ мѣсяцъ по 15 піастровъ, между тѣмъ какъ товарищи ихъ только по 8. Солдатъ обязанъ имѣть свое собственное оружіе и платье, а Паша даетъ ему только военные и съѣстные припасы.

Артиллерія Али-Паши состоитъ изъ двухъ сотъ орудій, разставленныхъ по раз-

личнымъ мѣстамъ въ Албаніи и Епирѣ. Она впрочемъ находится въ худомъ состояніи.

Трудно, или лучше сказать, почти совсѣмъ невозможно опредѣлить число народа въ подвластныхъ Али-Пашѣ земляхъ; ибо тамъ несуществуетъ никакого рода счисленій, которыя можно было бы принять за основаніе. Пукевилль полагаетъ до 1,500,000 человѣкъ.

Изъ всего нами сказаннаго о характерѣ Алія и поступкахъ его, обнаруживающихъ сильное честолюбіе, легко можно заключить, что взоры Паши сего устремлены на острова Іонійскіе. Съ давняго времени кроется въ душѣ его намѣреніе сдѣлаться независящимъ отъ Порты Оттоманской и даже совершенно отъ нее отдѣлиться; для сей-то именно причины онъ всегда искалъ связей съ другими Европейскими государствами и прилѣжно наблюдалъ за всѣми сношеніями Турціи съ разными Державами. Дабы обезпечить владѣнія свои на твердой землѣ, поработить совершенно игу своему нѣкоторыя племена, утвердить могущество свое на прочномъ основаніи и небыть отъ другихъ въ зависимости, — для всего етаго Али видитъ необходимую нужду въ присвоеніи себѣ власти надъ Іонійскими островами, и острова сіи всегда составляли и составляютъ еще нынѣ предметъ тайныхъ, непреоборимыхъ его желаній. Въ 1800 году представился ему случай открыть

себѣ путь въ Адріатическое море, куда прежде почти вовсе не имѣлъ онъ доступа. Али воспользовался имъ, и овладѣлъ Іонійскими на твердой землѣ городами. Присутствіе Россійской и Турецкой армій остановило дальнѣйшіе его успѣхи, а трактатъ, заключенный между обѣими Державами въ томъ же 1800, воспрепятствовалъ Пашѣ оставить въ упомянутыхъ городахъ свои гарнизоны. За то всѣ знатнѣйшіе граждане, которые сколько нибудь могли противиться намѣреніямъ жестокаго властолюбца, сдѣлались жертвою его безчеловѣчной политики. Въ Превезѣ въ одинъ день отрублены головы сто тридцати жителямъ, и городъ сей оставался въ его повелѣніяхъ; а въ 1805 году нашелъ онъ случай ввести въ него и гарнизонъ свой. Отступленіе Россійскихъ войскъ, по видимому, было предзнаменованіемъ владычества Паши сего надъ островами Іонійскими, и еслибъ онъ въ это время имѣлъ флотъ, или еслибъ отважился сдѣлать открытое нападеніе на Корфу и Санта-Мавру, то успѣхъ его конечно не былъ бы подверженъ сомнѣнію. Чрезвычайное вліяніе его при Дворѣ Константинопольскомъ, подкрѣпляемое непреоборимою силою золота, успѣло уже было исторгнуть изъ рукъ Султана повелѣніе Али-Пашѣ дѣйствовать противъ острововъ Іонійскихъ, какъ вдругъ явились Руские и разрушили всѣ его планы. Досада, которую въ то время Али-

Паша почувствовалъ, была единственною причиною непріязненнаго расположенія его къ Россіянамъ, и онъ тогда же присталъ къ сторонѣ Франціи въ той надеждѣ, что она будетъ благопріятствовать его намѣреніямъ.

Въ 1807 году особенно льстилъ онъ себя счастіемъ видѣть исполненіе главнѣйшихъ своихъ желаній. Подкрѣпленія, дѣланныя ему со стороны Франціи, уваженіе, оказываемое всѣми его особѣ и равнявшее его, по видимому, съ коронованными главами, столько его ослѣпили, что онъ почиталъ уже себя на высокой степени могущества, и потому думалъ, что можетъ имѣть нѣкоторой вѣсъ въ общихъ дѣлахъ Европы. Зная весьма хорошо, что присутствіе войска его въ Корфу обратитъ вниманіе Русскихъ Генераловъ на сей островъ и будетъ весьма полезнымъ для Французской арміи въ Далмаціи, онъ произвелъ въ дѣйство планъ свой и старался придать ему благовидную причину дружества. Но поелику всякая услуга, какъ думалъ Паша, должна непремѣнно сопровождаться наградою, то онъ вообразилъ себѣ, что Французское правительство, послѣ такого великодушнаго поступка его, никакъ не станетъ отказывать ему въ правѣ на обладаніе Іонійскими островами. Али нескрылъ видовъ своихъ отъ Французскихъ агентовъ и представлялъ имъ все дѣло законнымъ и справедливымъ; онъ увѣрялъ да-

же, будто бы выгоды самой Франціи требуютъ, чтобъ она симъ способомъ приобрѣла сильнаго себѣ союзника на Средиземномъ морѣ.—

Ласковый приемъ, сдѣланный посланнику Алія, Мехмеду Еффенди, въ Варшавѣ — приемъ, которой, можетъ быть, описали ему слишкомъ уже яркими красками — утвердилъ его въ тѣхъ мысляхъ, что Наполеонъ намѣренъ способствовать его возвышенію и поддержать его могущество. Али-Паша немогъ болѣе таить ни плановъ, ни восхитительныхъ надеждъ своихъ отъ придворныхъ и всѣхъ близкихъ къ себѣ людей, такъ что сіи последніе говорили о немъ не иначе, какъ о будущемъ Королѣ Грековъ. Онъ приказалъ объявлять о побѣдахъ Французской арміи и даже съ прибавленіями; по его мановенію пріѣзжали изъ Константинополя курьеры съ ложными извѣстіями о взятіи Французами Риги, Ревеля и Нарвы, о скоромъ заключеніи мира и о томъ, будто Руcкіе хотятъ оставить острова; въ добавокъ тайно распускаемы были слухи, что Грецiя возведена будетъ на степень независимаго Королевства и что корона возложится на главу Алія. Но когда Паша узналъ о мирныхъ переговорахъ, начатыхъ въ Тильзитѣ, то немогъ долго скрывать мучительнаго безпокойства, напалъ на Французскихъ агентовъ съ коварными вопросами, велѣлъ нѣкоторымъ изъ вѣрныхъ служителей

своихъ окружить ихъ, и проникнуть въ смыслъ данныхъ имъ инструкцій касательно островов Іонійскихъ.

Когда получилъ онъ извѣстіе о заключеніи мирнаго трактата и о прибытіи съ войскомъ Французскаго губернатора на островъ Корфу, то ему стоило великаго труда удержать гнѣвъ свой и недопустить себя до явныхъ непріятельскихъ дѣйствій. Али и нѣкоторые изъ приверженцовъ его упрекали Французовъ неблагодарностію, и обвиняли въ нарушеніи вѣрности ихъ правительство. Сообщеніе съ островомъ Корфу сдѣлалось столь же затруднительнымъ, какъ бы и во время войны, и Паша сей употреблялъ всѣ возможныя средства къ тому, чтобы воспрепятствовать островитянамъ и Французскому гарнизону привозить съ твердой земли дрова и другія необходимыя потребности, въ которыхъ на островахъ терпѣли совершенной недостатокъ. Появленіе Британскаго флота на морѣ Іонійскомъ, осада Корфу и завладѣніе нѣкоторыми другими островами снова пробудили въ душѣ Алія надежду, что Англія прибѣгнетъ къ его содѣйствію для успѣшнаго окончанія своихъ завоеваній. Надежда измѣнила ему въ другой разъ, и благодатный миръ, утвердивъ на прочномъ основаніи бытіе островов Іонійскихъ, заставилъ Пашу отказаться отъ всѣхъ суетныхъ своихъ предпріятій.

При всегдашнемъ намѣреніи распространить кругъ своихъ владѣній Али-Паша еще безпокоится о судьбѣ ихъ послѣ своей смерти. Онъ опасается, чтобы Греки непричиняли затрудненій его преемникамъ, и еще болѣе страшится пагубныхъ слѣдствій вражды между дѣтьми своими. Муктаръ, старшій сынъ его, храбръ, правдивъ, великодушенъ, любитъ науки и искусства. Обхожденіе съ Евфросиной сдѣлало нравъ его кроткимъ и любезнымъ; не смотря на то, страсть къ войнѣ до того обладаетъ имъ, что въ мирное время, когда нѣтъ для него занятій на полѣ ратномъ, звѣроловство составляетъ самое любимое его времяпровожденіе. Онъ простъ въ одеждѣ, умѣренъ и неприхотливъ въ наслажденіяхъ, любитъ отважно переходить хребты высокихъ горъ, довольствуется въ случаѣ нужды однимъ хлѣбомъ и водою, небоится отдыхать на черствомъ ложѣ, ведетъ въ лагерѣ солдатскую жизнь и спитъ на сырой землѣ, завернувшись въ толстой Албанской плащь свой; онъ вѣренъ въ исполненіи обѣщаній, и уже приобрѣлъ себѣ любовь подданныхъ отца своего, изъ которыхъ каждый охотно готовъ исполнить всѣ его желанія. Никогда незабываетъ онъ въ надлежащее время возвращать то, что ему дано было на срокъ; онъ часто присоединяетъ къ тому награжденіе и весьма лестную благодарность. Честность характера и строгость правилъ

давлюшъ. Мукшара нѣсколько холоднымъ въ обращеніи съ отцемъ своимъ, хотя впрочемъ онъ всегда показываетъ ему видъ глубочайшаго сыновняго почтенія. Къ брату своему, котораго признаетъ за несправедливаго и всѣмъ низкимъ страстямъ преданнаго человѣка, питаетъ онъ, кажется, совершенное презрѣніе. Али съ своей стороны также не любитъ Мукшара и даже страшится его. Греки напротивъ душевно его уважаютъ; Албанцы же боготворятъ его и чувствуютъ къ нему глубокое благоговѣніе.

Вели, вторый сынъ Али-Паши, имѣетъ многія черты характера, общія съ отцемъ своимъ: онъ также скупъ, честолюбивъ, притворенъ и недовѣрчивъ. Сребролюбіе есть господствующая въ немъ страсть, которая заставляетъ его недержать слова въ денежныхъ своихъ обязательствахъ. Онъ часто имѣетъ нужду въ деньгахъ; но ему даютъ въ займы нешакъ охотно, какъ его брату. Вели привязанъ чрезвычайно къ роскоши и великолѣпію; платье, мебели и убранство составляютъ важнѣйшія его занятія. Онъ платитъ большое жалованье такимъ людямъ, которые служатъ ему очень мало, или совсѣмъ для него безполезны, и эта расточительность завела его въ долги весьма обременительные. Пристрастіе его къ обычаямъ Европейцевъ и непринужденному ихъ обращенію чрезвычайно велико. Онъ много желаетъ путешествовать по Европѣ,

съ тѣмъ чтобы при разныхъ Дворахъ явиться въ качествѣ богатаго и знатнаго Принца, и чтобы короче познакомиться съ обычаями Европейцевъ. Однажды сдѣлалъ онъ объ етомъ предложеніе отцу своему, прикрывая подлинное свое намѣреніе нѣкоторыми политическими видами; но Али., зная сильную страсть сына своего къ мотовству и предъусматривая, что путешествіе будетъ стоить ему нѣсколькихъ милліоновъ піастровъ, объявилъ прямо на то свое несоизволеніе. Впрочемъ Вели отъ природы храбръ, и въ послѣднюю войну противъ Россіи дѣйствовалъ съ похвалою. Онъ завидуетъ брату своему, вовсе, кажется, нерасположенъ признавать правъ его первородства, и по видимому не намѣренъ добровольно уступить ему обладаніе Янниною по смерти родителя. Паша любитъ его болѣе, нежели Мукптара; но при всемъ томъ столько же недовѣрчивъ къ нему, какъ и къ старшему его брату.

Судьба Велія въ теченіе послѣднихъ годовъ подвержена была великимъ перемѣнамъ. Подъ конецъ послѣдней войны противъ Русскихъ лишился онъ Визирства Мореи, которое Султанъ Магмудъ отдалъ одному Турецкому чиновнику по имени Ахмеду - Пашѣ, подъ тѣмъ предлогомъ будто жители полуострова принесли Портѣ на правленіе Велія многія жалобы. Али неизъявилъ при семъ случаѣ и

малѣйшаго негодованія, и судя потому, что сіе происшествіе отнюдь неуменьшило силы его при Дворѣ Константинопольскомъ, и что Ахмедъ - Паша есть одинъ изъ его тварей и агентовъ при Диванѣ, можно со всей вѣроятностію перемѣну сію почитать дѣломъ самаго Алія, который изъ недовѣрчивости къ сыну своему рѣшился на такой несправедливой поступокъ. Вели былъ силенъ въ Мореѣ и любимъ жителями; это, безъ сомнѣнія, подало Алію причину опасаться, чтобы сынъ его не принялъ намѣренія сдѣлаться независимымъ. Онъ знаетъ, что необразованнымъ и суевѣрнымъ человѣкомъ, каковъ Ахмедъ-Паша, можно управлять гораздо легче, и — необманулся въ своемъ расчетѣ. Морея дѣйствительно зависитъ теперь во всемъ отъ одного Алія.

Салли Бей, третій сынъ Али-Паши, есть дитя, еще недавно вышедшее изъ Гарема; весьма пріятная наружность и тихой характеръ отличаютъ его отъ прочихъ братьевъ. До сихъ поръ примѣтно, что Али любитъ его больше всѣхъ сыновей своихъ, потому что Салли покуда еще для него вовсе не опасенъ.

(*Съ Нѣмецк.* — *У.*)

IV. СМѢСЬ.

Отрывокъ изъ походныхъ записокъ Русскаго офицера.

Зеленая корчма подъ Вильною, Декабря 1812. Сладкія мечты воображенія! куда переносите вы меня изъ дремучихъ лѣсовъ Литвы, изъ мрачной корчмы Польской? . . . Ахъ! вы переселяете меня на мѣста, сердцу драгоцѣнныя, — на милую родину!

Сижу теперь въ семейномъ кругу почтеннаго Русскаго дворянина. Шумитъ буря; мятель засыпаетъ окна мирной обители и возноситъ около нее снѣжные валы. Но завывающая буря и крутящійся въ снѣгахъ вихорь насъ не ужасаютъ; мы сидимъ у разложеннаго въ каминѣ огня и любуемся розовымъ пламенемъ, порхающимъ по угольямъ. Дрожащій старецъ, глава семейства, разсказываетъ намъ, какъ Задунайскій унизилъ Чалму, какъ Рымникскій сломилъ рога буйной Прагѣ и каралъ на горахъ Альпійскихъ учителей въ искусствѣ военномъ. Другой, ближайшій родственникъ дому, повѣствуетъ о мудрыхъ дѣяніяхъ Екатерины, о великихъ мужахъ Ея вѣка и золо-

щомъ Ея царствованія. Двѣ замужнія женщины, цвѣтущія душевною и тѣлесною красотою, и племянницы ихъ, числомъ и прелестями Граціи, слушаютъ со вниманіемъ разсказы почтенныхъ лѣтами и опытностію родственниковъ. Вся душа ихъ, кажется, во взорахъ и на устахъ красноречивыхъ повѣствователей. Старики вдругъ умолкаютъ. Розовое пламя умираетъ мало по малу; Ангелъ тишины и унынія пролетаетъ надъ нашимъ кругомъ. Долго царствуетъ глубокое спокойствіе; наконецъ оно прерывается общими жалобами на разлуку. Тѣ сѣтуютъ о супругахъ, другія о любезныхъ братьяхъ, третьи о сыновьяхъ, препорученныхъ битвамъ и славѣ отечественной войны. Одна изъ прелестныхъ не смѣетъ и роптать вслухъ на горестную свою участь; тихой вздохъ вылетаетъ изъ груди ея — и этотъ вздохъ принадлежитъ милому ея жениху. „Гдѣ-то теперь любезные сердцу нашему? укрыты ли отъ бурь и непогоды? живы ли, здоровы ли, они? думаютъ ли объ насъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ?" говорятъ онѣ — все снова умолкаетъ, снова та же мертвая тишина царствуетъ. Вдругъ слышны слабые звуки колокольчика — слышны, и теряются въ отдаленіи. Но звуки ближе, ближе, уже на дворѣ, уже у крыльца. . . . Прелестныя летятъ изъ комнаты, и скоро возвращаются — съ военными вѣдомостями въ рукахъ.

Всѣ садятся по мѣстамъ. Отецъ семейства трепещущею рукою берется за газеты, надѣваетъ очки, возводитъ взоры къ небесамъ и — читаетъ: „Въ незабвенный день К... битвы Ротмистръ А...,“ Это внукъ мой! — говоритъ старецъ дрожащимъ голосомъ. — Это нашъ братецъ! Ради Бога, продолжайте, дѣдушка! — восклицаютъ прекрасныя. — Это *онъ!* — съ сердечною боязнію шепчетъ милая невѣста. Старецъ, повинуясь прелестнымъ родственницамъ, повинуется сердцу своему. „Ротмистръ А..., видя, что Французская батарея, наведенная на лѣвое наше крыло, вырывала сотни жертвъ изъ твердыхъ рядовъ нашихъ и приводила въ опасность жизнь многихъ Генераловъ, вызвался летѣть со ввѣреннымъ ему ескадрономъ на батарею сію, и поклялся честію своею уничтожить адское ея дѣйствіе. Честь Русскаго офицера священна — и предложеніе его принято съ удовольствіемъ. Громы батареи ужасно грянули — еще разъ грянули... и вдругъ умолкли! Ротмистръ былъ уже на ней, привелъ въ замѣшательство ея защитниковъ, захватилъ большую часть ея орудій, и покрытый ранами и славою возвратился къ своему мѣсту. Самъ Фельдмаршалъ встрѣтилъ его съ поздравленіемъ и собственною рукою надѣлъ на него Георгіевской крестъ.“ — — — —

— Ей! корчмарь! Еврей! — водки!... —

Я хотѣлъ было продолжить пребываніе мое въ кругу милаго семейства, хотѣлъ представить радость дѣда и милыхъ внучекъ; думалъ описать черту мужества и великодушія другихъ родственниковъ; но принужденъ теперь — возвратиться скорѣе въ дремучіе лѣса Литвы, въ бѣдную Польскую корчму, и сказать воображенію: остановись!

Сей часъ пришли сюда два Русскіе офицера, которые самымъ *страннымъ* голосомъ требуютъ водки. Одинъ изъ нихъ бьетъ по столу грозною нагайкой; другой, называя себя какимъ-то Княземъ (конечно Татарскимъ), тормошитъ немилосердо корчмаря Жида и жену его, потомъ дѣлаетъ съ нимъ мировую за стаканомъ водки, ссорится за другимъ и бьетъ его за третьимъ. Одинъ подходитъ ко мнѣ съ вопросами: что я за человѣкъ? не Французской ли шпіонъ?... Я смотрю на него съ удивленіемъ, потомъ съ сожалѣніемъ усмѣхаюсь и продолжаю писать.

Пускай въ семействѣ Русскаго дворянина скажутъ, прочтя нѣкогда мои записки: „дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ сихъ офицеровъ не былъ моимъ сыномъ! дай Богъ, чтобъ никто изъ нихъ не былъ моимъ братомъ и даже дальнимъ родственникомъ!" Объ невѣстѣ и говорить не нужно: какая дѣвушка — хотя бы она не имѣла ничего, кромѣ своей души, хо-

ній бы она была дочь простаго ремесленника — какая дѣвушка согласится дать руку подобному господину? . . .

Воспитаніе есть лучшее украшеніе воина. Званіе его, давая ему особенныя преимущества, не присвоиваетъ ему права быть грубымъ, необходительнымъ и жестокимъ; напротивъ того добродушіе, любезность и чувствительность должны быть вплетены въ вѣнокъ его вмѣстѣ съ мужествомъ, твердостію духа и пренебреженіемъ всѣхъ опасностей. Грозный какъ левъ, среди волненій шумящей битвы, кроткій, любезный и сострадательный въ мирной хижинѣ, — вотъ отличительныя черты истиннаго воина!

Вильна, Декабря 1812. Исполнился *обѣтъ* Государя, противъ неожиданныхъ бурь судьбы ополчившагося твердостію духа и увѣренностію въ любви къ Нему сыновъ Его; услышаны Небесами молитвы вѣрнаго Ему народа, среди мірскихъ превратностей сохранившаго свои коренныя добродѣтели и нравы; увѣнчались успѣхами мужество и труды войска Его, великаго на бранныхъ снѣгахъ и на пепелищахъ родныхъ хижинъ: — *не осталось уже ни одного врага на лицѣ любезнаго Отечества!* Красуйся, цвѣти, величайся снова, Россія! но въ красотѣ, богатствѣ и славѣ твоей не забудь начертать на скрижалахъ вѣчности имя Монарха, ви-

тронъ твоего блаженства; не оставь врёмянъ въ нихъ клятву Его: *перенести лучше столицу на берега Иртыша и носить смурый кафтанъ* (*), чѣмъ соглашиться на стыдъ твоего уничиженія. Пускай сыны наши, величаясь именемъ Рускаго, въ благородной гордости повѣствуютъ сынамъ, внукамъ и правнукамъ своимъ о Томъ, Кому обязаны они благополучіемъ ходить по вселенной съ возвышенною головою и смѣлыми очами! Пускай дѣянія Его будутъ первымъ лепетаніемъ младенца, начальными предметами воспитанія юноши, любимымъ разговоромъ мужа и послѣднимъ у гроба воспоминаніемъ старца! Пусть память АЛЕКСАНДРА Іго со слезами благодарности въ роды родовъ благословляется, и любовь къ Нему на сердцахъ народныхъ взнесется къ престолу Бога!

Бѣдные остатки неприятельской арміи бѣгутъ уже за Нѣменомъ. Мы начинаемъ дышать воздухомъ счастія; отдыхая здѣсь, мы веселимся — веселимся тѣмъ болѣе, что отголоски нашихъ торжествъ и радостей отдадутся скоро въ сердцѣ любезнаго Отечества. Къ дополненію счастія сего, съ нами Князь Смоленскій, утомленный побѣдами, отдыхающій здѣсь на лаврахъ, собранныхъ

(*) Собственныя слова ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ то самое время, когда Наполеонъ вступалъ въ Москву. *Соч.*

съ полумилліона враговъ. „Иди спасать Россію!“ — сказалъ ему Монархъ въ Петровомъ градѣ, и повторили то сердца народа. „Ты спаситель Россіи!“ — говоритъ ему нынѣ Государь въ Вильнѣ, и благодарное Отечество поздравляетъ его симъ именемъ, и вселенная имъ уже Кутузова привѣтствуетъ! Что долженъ ощущать Свѣтлѣйшій, видя къ нему явныя милости Небесъ, благоволеніе Государя и любовь ввѣренныхъ ему войскъ; внимая благодарности Россіи, привѣтствіямъ міра и тайному отзыву собственнаго сердца, говорящаго ему, что ниодинъ побѣдитель не всходилъ на подобную высоту славы?.. Онъ восхищается въ душѣ своей, и восхищеніе дѣлитъ съ сотрудниками-Героями. Къ довершенію нашего блаженства Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Вильну. Минутныя бѣдствія Отечества, труды и опасности военныя, собственныя потери, болѣзни и несчастія, — все забыто въ рядахъ храбрыхъ, восхищенныхъ пріѣздомъ любимаго Монарха. Одинъ взоръ Его освѣтилъ мрачное прошедшее; одинъ *мигъ* покрылъ *годы*!

Вильна торжествуетъ прибытіе Государя. Душамъ обыкновеннымъ сродно мщеніе; но великодушный АЛЕКСАНДРЪ мститъ Вильнѣ одною милостію и благодаритъ ее за радостныя привѣтствія. Весь городъ блистаетъ разноцвѣтными огнями;

ведь свѣтло снаружи — каково-то внутри?.. На ратушѣ отличается отъ многихъ другихъ прекрасныхъ картинъ изображенiе Генiя Россiи, карающаго толпу Галловъ, и надъ нимъ парящаго съ лавровымъ вѣнкомъ двуглаваго орла. Говорятъ, что подобное изображенiе, съ лестными для Наполеона перемѣнами, украшало то же зданiе, когда честолюбецъ, приковавъ Поляковъ къ колесницѣ своей, огнемъ войны освѣщалъ путь свой въ Россiю. Послѣдуя великому примѣру, мы не хотимъ етаго слышать, забываемъ прошедшее и радуемся отъ души настоящему.

На дняхъ Государь Императоръ удостоилъ Своимъ присутствiемъ балъ, данный Свѣтлѣйшимъ для Русскихъ офицеровъ и Польскаго дворянства. Встрѣча достойна была Высокаго Гостя и хозяина-Героя. Государь, входя въ залу, невольно наступилъ ногою на Французскiя знамена, изъ которыхъ (такъ я слышалъ) одно держалъ самъ Фельдмаршалъ и при входѣ Великаго Посѣтителя невидимо преклонилъ изъ за дверей (*). Знамена сiи на дняхъ отбиты у непрiятеля. Говорятъ, что ИМПЕРАТОРЪ былъ восхищенъ сею встрѣчею и обнималъ Фельдмаршала, подарившаго Его такимъ неожиданнымъ торжествомъ. Польскiя дамы разсказываютъ также съ восторгомъ, что Князь въ сей вечеръ былъ съ ними

(*) Прекрасный предметъ для картины! *Соч.*

[illegible] „Но однихъ [illegible] [illegible] Кутузовъ;“ говорили [illegible] [illegible] изъ лучш[illegible] [illegible] въ цвѣтника[illegible] [illegible], кто, побѣждая гр[illegible] [illegible] искусствомъ зама[illegible] [illegible] и сердца женскія!“

— — [illegible] вѣстномъ чи[illegible] [illegible] Русск[illegible] [illegible] Кутузовскаго. Почин[illegible] [illegible] Вѣр[illegible] [illegible] Тирте[illegible] [illegible] Какая [illegible] [illegible] увлекать з[illegible] [illegible] даже спро[illegible] [illegible] почерпнул[illegible] [illegible], куда он[illegible] [illegible] по вол[illegible] [illegible]? . . . Захо[illegible] [illegible], подъ по[illegible] [illegible] бивуака, [illegible] о сла[illegible] [illegible], настроивъ [illegible] о нихъ вос[illegible] [illegible] ее, говоря, что [illegible] подражанія до[illegible] [illegible] — и я переношу сердце [illegible]

[illegible]

Поля, холмы родные,
Роднаго неба милой свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки:
Что вашу прелесть замѣнитъ? —
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

*

Тамъ все, и проч.

Трогательное, сладчайшее воспоминаніе объ Отечествѣ! Какое сердце, въ самомъ дѣлѣ, не дрожитъ, читая сіи стихи? Надобно точно быть въ удаленіи отъ милой родины, подъ непостояннымъ небомъ чуждыхъ земель, среди ужасовъ войны и подъ всегдашнимъ надзоромъ смерти, чтобы живо чувствовать всю прелесть етихъ стиховъ. Кто лучше насъ, бездомныхъ странниковъ, ощущаетъ всю красоту и силу ихъ? Они невольно извлекаютъ слезы и велятъ сердцу вырываться на кровавый пиръ противу враговъ Отечества и друзей незабвенныхъ!

Всѣ добродѣтели военныя прелестно изображены Поетомъ; какою неизъяснимою силою влечетъ онъ подражать имъ! какимъ клеймомъ униженія означенъ у него малодушный! — Онъ не принадлежитъ къ собратству храб-

любовен до безконечности. „Не одних лавров достоин Кутузов;" говорили они: „мы готовы поднесть ему венки из лучших роз и мирт, сорванных в цветниках Польских. Слава тому, кто, побеждая грозных врагов, владеет искусством заманивать в свои оковы и сердца женския!"

— — Часто в обществе военном читаем и разбираем *Певца во стане Руских*, новейшее произведение Жуковскаго. Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть. Верю и чувствую теперь, каким образом Тиртей водил к победе строи Греков. Какая Поэзия! какой неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов! Желал бы даже спросить *Певца*, в какой магии почерпнул он власть переносить душу сию, куда он хочет, и велеть ей чувствовать по воле непостоянных прихотей его? . . . Захочет — и я в стане военном, под покровом яснаго вечера, среди огней бивуака, беседую с друзьями за круговою чашею о славе наших предков! Певец, настроив душу мою к какому-то унылому о них воспоминанию, вскоре ободряет ее, говоря, что память великих не слез, но подражания достойна! — Велит — и я переношу сердце на милую родину,

Страну, где мы впервые
Вкусили сладость бытия.

Поля, холмы родные,
Роднаго неба милой свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки:
Что вашу прелесть замѣнитъ? —
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

*

Тамъ все, и проч.

Трогательное, сладчайшее воспоминаніе объ Отечествѣ! Какое сердце, въ самомъ дѣлѣ, не дрожитъ, читая сіи стихи? Надобно точно быть въ удаленіи отъ милой родины, подъ непостояннымъ небомъ чуждыхъ земель, среди ужасовъ войны и подъ всегдашнимъ надзоромъ смерти, чтобы живо чувствовать всю прелесть етихъ стиховъ. Кто лучше насъ, бездомныхъ странниковъ, ощущаетъ всю красоту и силу ихъ? Они невольно извлекаютъ слезы и велятъ сердцу вырываться на грозный пиръ противу враговъ Отечества и друзей незабвенныхъ!

Всѣ добродѣтели военныя прелестно изображены Поэтомъ; какою неизъяснимою силою влечетъ онъ подражать имъ! какимъ клеймомъ униженія означенъ у него малодушный! — Онъ не принадлежитъ къ собратству храб-

рыхъ; онъ чуждый всякому Рускому. Хотите ли видѣть изображеніе истиннаго героя? — Вотъ оно:

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ
На гибель супостата;
Кто слабость падшаго щадитъ
И грозно мститъ за брата!
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;
Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ среду шумящей брани!
Ему веселье — битвы гласъ!
Спокоенъ подъ громами;
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами!

Читая изображеніе лучшихъ полководцевъ нынѣшней войны, думаешь, что *Пѣвецъ* въ самомъ дѣлѣ родился въ шумномъ станѣ военномъ, возросъ и воспитывался среди копій и мечей, сопровождалъ храбрыхъ въ грозныя, кипущія битвы, замѣчалъ отличительныя черты ихъ мужества, и нынѣ ихъ воспѣваетъ. — Какой воинъ, особенно родившійся подъ сѣнію Кремлевскихъ стѣнъ, какой воинъ не воскипитъ огнемъ мщенія, внимая восторженному симъ чувствомъ Пѣвцу? — Неувядаемы цвѣты, которые бросаетъ онъ на славныя могилы Кульнева, Кутайцева и Багратіона, и стонущіе надъ ними звуки его лиры столько же безсмертны, какъ и дѣла ихъ! — Посту зна-

комы конечно всѣ прелести дружбы: для того-то онъ такъ хорошо описываетъ ее! Но любовь — краса, богатство и награда воина — любовь еще прелестнѣе въ устахъ Поэта.

Любовь одно со славой!

Пускай судьба сблизитъ два существа непостижимою тайною взаимности; пускай свяжетъ сердца ихъ узломъ чистыхъ, вѣчныхъ наслажденій, познакомитъ ихъ съ блаженствомъ земнаго и небеснаго рая — и тогда пусть отдѣлитъ одно существо отъ другаго, чтобы препоручить его опасностямъ брани на защиту милой!

Онъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ!
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды! . . .
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды? . . .

*

Отвѣдай врагъ исторгнуть щитъ
Рукою данный милой! . . .
Святой обѣтъ на немъ горитъ:
Твоя и за могилой!

И умереть пріятно за ту, съ которою намъ такъ сладостна была жизнь!

Когдажъ предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть, —
Погибнемъ съ наслажденьемъ!

*

Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и *тамъ* разлуки!

Изъ строфы: *Довѣренность къ Творцу*, и слѣдующей за нею, можно составить прекрасной военной катихизисъ. Строфа: *Но свѣтлыхъ облаковъ гряда* самая картинная! Не льзя изобразить живѣе восходъ зари, часъ передъ битвою, звукъ вѣстоваго перуна, тревогу въ станѣ; не возможно лучше приготовить сердца къ томной безвѣстности будущаго жребія нашего — жребія, который развяжетъ на кровавомъ полѣ узелъ нашей жизни и счастливѣйшихъ ея мечтаній! — Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь, что піитическое выраженіе: *чу!* принадлежитъ единственно г-ну Жуковскому; ни одно слово не заставляетъ васъ такъ скоро дожидаться какого нибудь звука и прислушиваться къ нему.

Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ разобрать всѣ красоты *Пѣвца*; онѣ безчисленны! Трудъ сей принадлежитъ постоянному обитателю мирнаго кабинета. Довольно сказать, что *Пѣвецъ во станѣ Рускихъ* сдѣлалъ епоху въ Русской словесности и — въ сердцахъ воиновъ!

В. А. Жуковскій прибылъ теперь въ Вильну съ главною квартирою; дѣливъ съ защитниками Отечества всѣ опасности нынѣшней войны, онъ дѣлитъ съ ними здѣсь и славу. Любезный Смрнв. сказывалъ мнѣ, что онъ былъ опасно болѣнъ, но что, молитвами Музъ и попеченіями любителей ихъ,

лучшій цвѣтокъ Парнасса оживаетъ. — Чего не делаетъ слава? Цѣлая страна, цѣлой народъ плачутъ у болѣзненнаго одра великаго человѣка, между тѣмъ какъ холодный долгъ роетъ каждой день въ тишинѣ могилы людей безвѣстныхъ, и путникъ со страхомъ мимо ихъ проходитъ!

И. Лажечниковъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Провинція *Пернамбуко* или *Фернамбуко*, гнѣздилище мятежниковъ. составляетъ восточную часть Бразиліи; рѣка Св. Франциска отдѣляетъ ее отъ Багіи. Въ оной находится до 4 ,000 жителей, въ числѣ которыхъ пятая часть бѣлыхъ. Климатъ въ ней не столько влаженъ какъ въ Гвіанѣ; ибо послѣ дождей, отъ Марта до Августа продолжающихся, наступаетъ весьма жаркое время. Красильныя деревья, ваниль, какао, сахаръ, а особливо хлопчатая бумага, суть главнѣйшія произведенія сей провинціи. Тамошняя хлопчатая бумага прежде почиталась въ Европѣ за наилучшую. Главной городъ раздѣляется на разныя части и имѣетъ пристань; подолъ называется особо *Ресифъ* или *Пернамбуко*, отъ котораго въ полумилѣ на холмѣ лежитъ городъ *Олинда* (то есть прекрасный): симъ именемъ называется онъ потому, что когда Португальцы въ первый разъ туда приближились, то начальникъ ихъ, увидѣвши холмъ, воскликнулъ: какое еще

прекрасное (олинда) мѣсто для заложенія города! Въ немъ находится до 60,000 жителей и въ числѣ ихъ самые богатѣйшіе купцы Бразиліи. Въ 17мъ вѣкѣ провинція Пернамбуко принадлежала Голландцамъ.

— Въ минувшемъ, кажется, году читатели публичныхъ листковъ удивлялись, нашедши въ нихъ извѣстіе объ одномъ Профессорѣ Мадритской Академіи, объявившемъ студентамъ своимъ, что какъ высшія части Математики *ведутъ человѣка къ матеріализму, безбожію и мятежничеству*, то онъ будетъ преподавать только Ариѳметику и Геометрію. Думаемъ, что наши читатели еще болѣе станутъ удивляться, когда узнаютъ о содержаніи книги, года за три передъ симъ напечатанной въ *столицѣ наукъ*, въ Парижѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Reflexions sur l'interêt general de l'Europe par M. *Bonald*. Авторъ довольно извѣстный, и даже многими отлично уважаемый, между прочимъ доказываетъ, что Франція неимѣетъ никакой надобности въ успѣхахъ торговли и слѣдственно не должна стараться о приведеніи оной въ цвѣтущее состояніе; ибо *торговля несовмѣстна съ благонравіемъ*. По сей-то именно причинѣ, продолжаетъ г. Бональдъ, торговля и непроцвѣтаетъ въ странахъ истинно католическихъ, какъ на примѣръ въ Испаніи и Португалліи, которымъ и Франція, по мнѣнію г-на Бональда, должна бы подражать въ семъ отношеніи; дѣло другое въ еретическихъ государствахъ, каковы на примѣръ Англія, Голландія и проч. — Въ *Журналѣ преній* 1815 года помѣщено было извлеченіе изъ сей книги, и — къ удивленію, — просто безъ всякихъ примѣчаній!!

— Одинъ молодой Грекъ изъ Смирны, по имени Скуффо, окончившій науки въ Гер-

маніи, недавно напечаталъ въ Вѣнѣ первую Часть своего на ново-Греческій языкъ переложенія Шеллевой *Исторіи Греческой Литтературы*. Предисловіе переводчика можетъ служить доказательствомъ, что національный духъ Аѳинянъ и Лакедемонянъ оживаетъ въ ихъ потомствѣ, что сей достопамятный народъ когда нибудь снова блистать будетъ на позорищѣ міра. Скуффо изъясняется о соотчичахъ своихъ слѣдующимъ образомъ: „Всеобщій, донынѣ въ Исторіи народовъ неизвѣстный ентузіазмъ, объялъ Грековъ; они горятъ желаніемъ подражать знаменитымъ своимъ предкамъ. Пробужденные отъ оцепенѣлости невѣжества, они теперь единственно помышляютъ о благѣ своей отчизны и о распространеніи въ оной свѣта познаній. О вы, юные соотчичи! еще нѣсколько усилій — и отечество впишетъ имена ваши въ книгу безсмертія! еще нѣсколько времени — и изумленный міръ узритъ новыхъ Платоновъ и Димосѳеновъ, возникающихъ изъ развалинъ Греціи. Такъ! мы теперь послѣдняя и самая крѣпкая надежда отечества. Потерпимъ ли, чтобы чуждые намъ люди пользовались плодами полей нашихъ? Нѣтъ, мы столько горды, что не уступимъ другимъ чести оживить древнюю Грецію!“

Книжныя извѣстія.

Въ Университетской книжной лавкѣ, состоящей между Дмитровкою и Петровкою, на валу, по коммиссіи продаются слѣдующія вновь вышедшія книги:

1. *Библіотека повѣстей и анекдотовъ*, изданная *Михаиломъ Каченовскимъ*. М. 1817 г. въ Унив. Тип., въ *пяти частяхъ*, въ которыхъ помѣщены сочиненія извѣстнѣйшихъ въ Европѣ романистовъ, и преимущественно нравоучительныя. Цѣна въ бумажной оберткѣ 20 руб., въ кож. пер. 25 р.

Особамъ, подписавшимся на сію книгу, раздается *пятая Часть*. Содержаніе оной слѣдующее: *Пещера на островѣ Антипаросѣ* — Енгеля; *Бездѣлки* — Коцебу; *Ипполитъ и Лора* — Графини Жанлисъ; *Мщеніе* — А. Лафонтена; *Сумазбродная по наружности* — Графини Жанлисъ; *Разговоръ съ Шамфоромъ въ началѣ революціи* — Мармонтеля; *Принцесса Урсини* — Графини Жанлисъ.

2. *Переводы въ прозѣ Василія Жуковскаго*, съ его портретомъ. М. 1816 — 1817 г. въ Унив. Тип., въ *пяти Частяхъ*, заключающихъ въ себѣ повѣсти и другія занимательныя піесы. Цѣна въ бумажной оберткѣ 20 руб., въ кож. пер. 25 руб.

Какъ здѣшнія, такъ и иногородныя Особы въ разсужденіи упомянутыхъ книгъ могутъ съ требованіями своими относиться и къ Редактору Вѣстника Европы Ординарному Профессору *Михаилу Трафимовичу Каченовскому*, живущему Сущевской Части, близь Новой Слободы, въ приходѣ Пимена, что въ Новыхъ Ворошникахъ, въ собственномъ домѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14.

ІЮЛЬ 1817.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

О войнѣ, ея слѣдствіяхъ, справедливости ея и несправедливости.

Высокіе Поэты, друзья человѣчества, въ твореніяхъ своихъ прославляютъ вѣкъ золотой, — вѣкъ, когда люди слѣдовали неиспорченному разуму, когда творили добро по естественному побужденію сердца, когда не дѣлали другъ другу никакихъ насилій, когда они не толпились ни предъ судьями, ни предъ судилищами, когда одна совѣсть имъ служила и ихъ трибуналамъ и ихъ мздовоздаятелямъ. Можетъ быть, сходилъ съ высоты неба на дольнюю землю блаженный вѣкъ Сатурновъ; но безпокойные люди, подобно мятежнымъ Титанамъ, прогнали его отъ себя, и между ими должно было возгорѣться пламя брани.

Я вижу мысленно самую мрачную, самую оскорбительную картину для человѣчества,

когда міръ младенчествовалъ. На земли существуетъ одно только семейство; кажется, и чувство родства, и чувство тяжелаго скукою одиночества должны были связывать его неразрывными узами дружества: но братъ умерщвляетъ единокровнаго брата. Еще міръ въ колыбели младенчества, но Ювалъ, Вулканъ первобытныхъ временъ, племя перваго человѣкоубійцы, раскаляя въ горнилѣ желѣзо, разбивая его тяжелымъ млатомъ, остритъ лезвіе меча на пораженіе себѣ подобныхъ. Великій потопъ смываетъ пятна человѣческой крови, невинно пролитой; его волны, покрывшіе собою высочайшія горы, поглощаютъ развращенныхъ съ ихъ развращеніемъ. Но геній войны носится верху́ воды, и снова воскрешаетъ въ обитателяхъ міра убійственное искусство коварнаго изобрѣтателя.

Если искры вражды, сокрывшіяся въ сердцѣ человѣка противу подобнаго себѣ, не погашены великимъ потопомъ, покрывшимъ волнами все лице земли; то нѣтъ удивленія, когда съ начала вѣковъ возстаютъ общества противу обществъ, когда съ начала вѣковъ ополчаются Царства на Царства; нѣтъ удивленія, когда сіи искры превращаются между народами въ пламя, которое причиняетъ ужаснѣйшіе пожары.

Слѣды войны — разоренія, бѣдствія невозвратныя потери. Огнедышущія горы

наводненія, землетрясенія, причиняютъ страшныя опустошенія; но войны приносятъ съ собою большія бѣдствія, нежели грозныя явленія Природы. Отъ наводненія, случившагося въ царствованіе Валентіана и Валенція, Александрія въ одно время вдругъ лишилась пятидесяти тысячь гражданъ. Дикія племена, Готвы, Гунны, Вандалы, Герулы, истребили огнемъ и мечемъ цѣлую пространнѣйшую въ свѣтѣ Монархію, — и нынѣ Римляне, народъ нѣкогда и славный и великій, народъ нѣкогда и неустрашимый въ битвахъ и великодушный въ побѣдахъ, извѣстны только по одному имени. Съ нашествіемъ Ордынцевъ въ сію благословенную страну погасился свѣтъ наукъ, и горизонтъ Европы обложился глубокою ночью варварства, невѣжества, суевѣрія; съ ихъ нашествіемъ погибли всѣ искусства — лучшее украшеніе жизни человѣческой.

Ужасъ объемлетъ чувства, когда воображаешь рѣки пролитой крови человѣческой, поля усѣянныя костьми защитниковъ отечества, остатки людей спасшихся отъ побѣдителей, но побѣжденныхъ собственнымъ страхомъ, укрывающихся въ развалинахъ церквей, въ семъ утѣшительномъ прибѣжищѣ несчастныхъ, или въ отчаяніи оставляющихъ родные домы и ищущихъ покрова въ дремучихъ лѣсахъ и въ разсѣлинахъ горъ, —

Ж 2

когда мысленно видишь ихъ томимыхъ голодомъ, несноснѣйшимъ самой смерти, и преслѣдуемыхъ безжалостнымъ злодѣемъ! Когда воображаешь мертвую пустоту города, покинутаго жителями и пощаженнаго непріятелемъ; тогда самое воображеніе бѣжитъ его какъ страшнаго привидѣнія, и даже дерзновеннѣйшій не отваживается вступить въ него безъ ужаса, отталкивающаго его отъ прежняго жилища!

Но мало сихъ бѣдствій, которыя война приноситъ съ собою. Многія столѣтія погружаются въ океанъ вѣчности, пока общества дѣлаются Царствами; но Царства, плодъ многихъ вѣковъ, война уничтожаетъ навѣки однимъ махомъ своего убійственнаго меча. Донынѣ не возстаетъ Греція, свѣтило наукъ и жилище изящныхъ искусствъ, на которую сперва наложили тяжелую руку Римляне, потомъ Мусульмане, поклонники Магомета; и донынѣ не воскресаетъ Римъ изъ мрачнаго своего гроба.

Довольно видѣть одну сію картину, чтобъ вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ, симъ великодушнѣйшимъ Монархомъ, называть войну бичемъ рода человѣческаго; но когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, о пользѣ общей, о счастіи, о спокойствіи гражданъ, — тогда она не бичь, но благо народное. И са-

мый тотъ, кто назвалъ ее столь укоризнительнымъ именемъ, въ подобномъ случаѣ бралъ оружіе, предводительствовалъ воинствомъ, и какъ герой, поборникъ славы Имперіи своей, безтрепетно подвергался всѣмъ опасностямъ. Маркъ Аврелій съ самымъ слабымъ здоровьемъ, въ продолженіи суровыхъ осьми зимъ, вооружась мечемъ, стоялъ на стражѣ на берегахъ Дуная, окованныхъ льдомъ, для пораженія неприятеля, дерзавшаго нарушать спокойствіе его государства.

И всякое государство должно отражать силу силою, когда или похищаютъ у него собственность, или грозятъ его безопасности, или дѣлаютъ ему насилія. Въ семъ случаѣ война оправдываетъ сама себя, хотя бы еще далеко стояла туча политической бури, которая можетъ пронестись отъ чуждыхъ странъ, хотя бы она еще таилась въ высокихъ облакахъ съ разрушительными своими громами. Если въ сердцѣ государства благодѣтельныя власти по праву защищаютъ гражданъ отъ утѣсненій; то внѣ государства Цари, несравненно по праву, отражаютъ бѣдствія, наносимыя ему чуждыми племенами.

Но войны, которыя ведутъ изъ властолюбія, недостойны предъ человѣчествомъ извиненія. Какой человѣческой власти, какому могуществу Природа даетъ право нарушать

права чуждыхъ обществъ, которыя не дѣлаютъ никому ни вреда,. ни обиды! Цезарь, восторжествовавши надъ всею Галліею, отъ сей опустошенной его оружіемъ страны обращаетъ взоръ свой на Британнію. Не богатства, не драгоцѣнности природы — Британнія тогда изобиловала однимъ оловомъ — суетная слава повела сего Героя и его воинство въ сей новый, совсѣмъ тогда неизвѣстный міръ, и изъ суетности одного человѣка цѣлой край земли потерпѣлъ бѣдствія ничѣмъ ненаградимыя, потерявъ многія тысячи людей на полѣ кровавой сѣчи. Чудное, достойное жалости дѣйствіе Природы человѣческой! Непобѣдимая склонность къ славѣ военной — болѣзнь людей великихъ!

Никто не сомнѣвается, что такая война несправедлива; но тѣ войны, которыя ведутъ изъ корысти, изъ славы преобладанія, не только несправедливы, — онѣ дики, безчеловѣчны, потому что ихъ слѣдствія самыя ужасныя: варварство, невѣжество, суевѣріе, рабство, состояніе и самое постыдное, и самое унизительное, которое равняетъ родъ человѣческій съ безсловесными. Такого роду войны вели Аттилы, Тамерланы, Чингисъ-Ханы, и Исторія проклинаетъ сихъ варварскихъ разрушителей.

Древность оплакивала смерть Александра Великаго Македонскаго. Сей великодушный Ге-

рой поставилъ свои трофеи на берегахъ Гидаспа, и имя его отъ Греціи до предѣловъ Индіи славно его благодѣяніями. Онъ, шествуя воинствомъ своимъ въ чуждыя далекія страны, повсюду на пути своемъ освобождалъ народы отъ тягостныхъ цѣпей порабощенія.

Но сколь несравненно, славно Имя новаго Александра Великаго — АЛЕКСАНДРА Сѣвернаго! ОНЪ спасъ отъ ига неволи и Свое Отечество и тѣ двадесять два племени народовъ, которые съ тираномъ свѣта шли ковать намъ цѣпи нашего порабощенія! . . . .

Что я мысленно вижу? Идутъ, движутся какъ огромные столпы страшныя орды неистоваго Французскаго Омара, идутъ на насъ исполинскими шагами полки воиновъ съ духомъ всей злобы, предводящей ими: съ грабительствомъ, съ варварствомъ, со свирѣпствомъ, со всѣми адскими ухищреніями, со всякою смертію; идутъ и нарушаютъ уже съ давнихъ времянъ ненарушаемыя права народныя, и въ упоеніи гордости, и въ ослѣпленіи своемъ, не объявляя войны, какъ варвары, дѣлающіе хищническіе набѣги, смѣло вторгаются въ предѣлы Россіи; идутъ, и на пути своемъ къ сердцу ея опустошаютъ грады и веси, и какъ страшная сила наводненія, расторгаютъ оплоты наши, твердыни наши; идутъ, и огнь и мечь ненасытимаго властолюбія ыымъ преобла-

даніемъ сопостата поядаютъ Москву съ храмами; воздвигнутыми вѣчному Міроздателю, со всѣми богатствами ея, многими вѣками отъ Россіянъ собираемыми, — поядаютъ древнюю Столицу нашу, матерь, украшеніе и вѣнецъ градовъ Россійскихъ!

Столь дерзкое вторженіе врага въ первопрестольный нашъ градъ, столь неслыханное злодѣйское опустошеніе онаго, распространило ужасъ и безмолвное уныніе во всѣхъ областяхъ Россіи. Тогда, казалось, остановилось біеніе пульса нашего Отечества, и тогда, казалось, Смерть съ косою своею на крыльяхъ носилась надъ главами всѣхъ насъ.

Какой народъ въ столь горестномъ состояніи не приметъ оружія и не пойдетъ со всѣми силами, со всею быстротою, какъ въ воздухѣ несется туча противъ тучи, на утѣснителя своего? Священный долгъ любви къ Отечеству повелѣваетъ защищать его отъ опасностей, грозящихъ ему опустошеніями, и по сему долгу всякое государство, и великое и малое, обладая правомъ независимой самостоятельности, должно ополчаться всѣмъ оружіемъ противъ нарушителей своего спокойствія, и по сему долгу подобная война почитается и нужною, и законною, и справедливою. Никто не укоряетъ владѣльца дома несправедливостію, когда онъ гонитъ изъ него

или хищника, или разстроителя семейственнаго счастія. Россіяне ополчились, возстали, двинулись противъ врага, — и Богъ, сильный и крѣпкій въ бранѣхъ, всегда поборающій правдѣ, совершилъ неисповѣдимыя чудеса въ немощахъ неустрашимаго нашего воинства.

И гдѣ священная хоругвь Церкви, сіе знаменіе праведной и спасительной Вѣры, всегда развѣваетъ на сторонѣ законныхъ державныхъ властей; гдѣ Дворянство, сія твердая опора Царствъ земныхъ, издревле прославившее себя знаменитыми военными подвигами и на сушѣ и на морѣ, вооружается мечемъ, по единому мановенію Монарха, съ дружиною, собираемою имъ отъ достоянія своего; гдѣ Купечество, сіе почтенное сословіе, охотно несетъ на олтарь Отечества въ жертву часть стяжанія своего; гдѣ вѣрноподданные, незнакомые ни съ чувствами, ни съ мнѣніями всемірныхъ гражданъ, движутся всею ревностію, кипящею въ ихъ груди противъ нарушителя общаго покоя; и гдѣ Монархъ, предводимый Богомъ, Его молніями и громами, ревнуетъ о благѣ народа своего: тамъ кто, и что постоитъ? Россіяне возстали, двинулись, и спасли Отечество свое отъ гибели, и спасли отъ нея многія Царства. Какимъ великимъ, какимъ необыкновеннымъ, какимъ несравненнымъ человѣколюбіемъ ознаменовали себя Россіяне, на-

ши соотечественники, нашъ добрый Царь и сподвижники Его славы — Вожди грознаго нашего воинства!

По мнѣнію Цицерона, въ свѣтѣ два рода несправедливостей: первая бываетъ тогда, когда люди наносятъ другимъ обиду; вторая въ то время, когда они, имѣя силу и средства защищать, не защищаютъ себѣ подобныхъ. По его мнѣнію, кто нападаетъ на кого нибудь, тотъ какъ бы налагаетъ убійственныя руки на гражданина; а кто не защищаетъ его, какъ бы покидалъ своихъ родителей, или друзей, или отечество.

Россіяне! въ вашей войнѣ противъ Галловъ не только не падаетъ на васъ ниже тѣнь сихъ двухъ несправедливостей, но вы въ семъ дѣлѣ увѣнчались всѣми неувядаемыми похвалами! Вы, защищая себя, защитили сосѣдственныя Державы по правиламъ Святой хрістіанской Религіи: вы не друзей, не ближнихъ, — вы враговъ вашихъ, приходившихъ къ вамъ на погибель вашу, избавили отъ бѣдственнаго порабощенія.

Великій ГОСУДАРЬ! дѣла Твои, — и вы воины, и вы славные Вожди Россійскіе, — дѣла ваши нынѣ проповѣдуетъ вся Европа однимъ общимъ языкомъ! Вы совершили войну законную, справедливую. Отечество и вся Европа именуетъ васъ своими спасителями.

ГОСУДАРЬ! вся Европа есть храмъ Твоея безсмертныя славы, и храмъ славы вашея, неустрашимые ратаи! вся Европа есть вашъ памятникъ, который дотолѣ пребудетъ, доколѣ время всепогубляющее не сокрушитъ рукою своею лѣтописей міра!

Ярославль.

Г. Покровскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХИ

на день тезоименитства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Отверзлись храмы — часъ моленья! —
Какъ воды съ горъ въ поля стремительно летятъ,
Такъ всѣ спѣшатъ воздать Творцу благодаренья!
Монархиня! когдабъ Твой взоръ возмогъ объять
Народъ весь, благостью Твоею оживленный;
О! сколько счастливыхъ, Тобою награжденныхъ
Открылось бы во всѣхъ странахъ!

Здѣсь старецъ въ сѣдинахъ,
Согбенный лѣтами, взоръ къ небу устремляя,
Болѣзни исцѣлясь щедротою Твоей,
Льетъ слезы радости въ кругу родныхъ, дѣтей,
Тебя благословляя!
Тамъ дѣва къ матери въ объятія летитъ!
Тамъ брату отданъ братъ, супругъ — своей супругѣ!
Находитъ сына мать! другъ ожилъ снова въ другѣ!
Всѣ здравы! всѣ живутъ! всѣхъ Твой надзоръ хранитъ!

*

Но что за тѣнь вдали унылая блуждаетъ,
Распущенны власы, отчаянье въ глазахъ
И къ сердцу слабаго младенца прижимаетъ?
Трепещетъ грудь ея, смущенна — вся въ слезахъ!
Любовь свершила преступленье!
Не знаетъ стыдъ гдѣ свой сокрыть.
Монархиня! одно Твое благотворенье
Двумъ жертвамъ можетъ жизнь и счастье сохранитъ!
Отверженну людьми, уже ли Ты отвергнешь?...
Но Ты склонила взоръ, моленью скорби внемлешь —
И мать несчастная, залогъ любви своей
Въ послѣдній разъ благословляя,
Тебѣ какъ Матери вручая,
Приемлетъ нову жизнь отъ благости Твоей!

*

Какое зрѣлище! Птенцы, соединенны
Подъ благодатною Твоей рукой,
Растутъ, блаженствуютъ, Тобою охраненны!
Ты Мать ихъ! ихъ покровъ! ихъ счастье! ихъ покой!
Безъ родныхъ — всѣ въ Тебѣ родителей имѣютъ!
Различные въ лѣтахъ,
Къ Тебѣ всѣ равною любовью пламенѣютъ!
Здѣсь юный сирота, лежащій въ пеленахъ,
Твое ужь имя произноситъ!
Другой предъ олтаремъ,
Едва умѣющій сложить персты крестомъ,
Уже о здравіи Твоемъ у Бога проситъ! . . .
Наука и надзоръ надежною стезей
Ведутъ ихъ по пути и жизнь ихъ охраняютъ. —
Одни Тебѣ себя на службу посвящаютъ;
Другіе разлились по всѣмъ градамъ толпой:
Искусства, ремесла цвѣтутъ подъ ихъ рукой!
Тотъ сдѣлался врачемъ болѣзни исцѣлять,
Тотъ умъ стремится свой учась обогащать, —
И всѣ блаженствуютъ любимые Тобою! —

*

Здѣсь юныхъ дѣвъ прелестный видъ!
Стыдливость, красота, невинность и смиренье
Во взорахъ ихъ блеститъ.
Монархиня! Ты имъ примѣръ и наученье:
Ты благостью Своей ихъ добрыми творишь!
Твой тихій, кроткій нравъ ихъ нравы умягчаетъ!

Заботливость Твоя прилѣжность въ нихъ влi-
ваешь!
Любя ихъ всѣхъ — Ты всѣмъ любишь Себя ве-
лишь!
И вдовы скорбныя, всѣхъ благъ своихъ лишенны,
Отъ щедрости Твоей всѣ блага вновь найдутъ:
Онѣ остатокъ дней спокойно проведутъ,
Твоей десницей осѣненны! —
Герой, иль гражданинъ, оставивъ бренный свѣтъ,
Простясь съ женой, съ дѣтьми — спокойно
умираетъ:
Онъ Богу и Тебѣ сиротъ своихъ вручаетъ,
И скрывшися отъ нихъ — въ Тебѣ для нихъ
живетъ!
Прости, Царица! дерзновенье!
Я, слабый, я дерзнулъ Тебѣ хвалу писать;
Но кто возможетъ чувствъ сдержать своихъ
стремленье?
Кто можетъ благостыи Твои не прославлять?

С. Саларевъ.

Мальвина.

На гробѣ Едвина,
Въ полуночной мглѣ,
Въ часъ бури — Мальвина
Ввѣряла скалѣ

Безвремянны муки
Похищенныхъ благъ,
И бѣлыя руки
Ломала въ слезахъ.

„Ужели, о милый!
Ужели на вѣкъ
Для тѣсной могилы
Себя ты обрекъ?

Ужель за страданья
Знакомой души
Не будетъ свиданья
Изъ гробной тиши? . . .

Встань, спутникъ Мальвины,
На голосъ любви,
И ропотъ кручины
На время прерви! . . .

Но бури гласъ дышетъ
Въ утесахъ крутыхъ,
И — Едвинъ не слышитъ
Моленій моихъ! . . .

Тамъ тучи сѣдыя
Сводъ звѣздный мрачатъ!
Тамъ бури глухія
Дубровой шумятъ!

Тамъ вѣтеръ волнами
Играетъ въ брегахъ,

Какъ вихорь листами
Въ пустынныхъ лѣсахъ! . . .

Ахъ! стихнетъ дуброва
Какъ буря минетъ,
Съ звѣзднаго крова
Мракъ тучи сойдетъ. . .

И странникъ, въ тернистыхъ
Блуждавшій путяхъ,
Вожатыхъ огнистыхъ
Найдетъ въ небесахъ. . .

Но — грустной Мальвинѣ
Міръ Божій постылъ! . . .
Онъ дѣвѣ въ Едвинѣ
Прелестенъ лишь былъ! . . .

Что сердце плѣняло,
Что было *душой* —
Увяло, увяло
За гробной доской! . . .

Едвинъ! съединенье! . . .
О немъ я молюсь!
Едвина въ селенье
Душею несусь! . . .
Ты долженъ къ покою
Вожатымъ мнѣ быть!
Ахъ! сладко съ тобою
Могилу дѣлить! . . .“

Мечта любезная, мечта мной всюду зрима!
Ты — сладость бытія, ты — чувствъ моихъ
восторгъ!
Подруга милая, подруга мной любима
Съ тѣхъ поръ, какъ чувствовать и мыслить
я лишь могъ! —

Безвѣстная! тебя не знавъ, давно я знаю
По чувству моему, по цѣли бытія,
Не видя, вижу я, люблю и обожаю,
Непостигая самъ, къ кому привержен я.

Сямпатіей души, гармоніей сердечной
Къ тебѣ влекуся я, съ тобой соединенъ, —
Съ тобою слитъ въ одно для жизни сей и вѣчной
Неразлучаемо, безъ всякихъ перемѣнъ. —

О! сладко вображать тебя, о образъ милый!
Тебя, безцѣнная! со всею красотой,
Со всею прелестью ума, душевной силой
И добродѣтелью всесильной, всесвятой!

Какъ солнце Майскихъ дней — твой взоръ при-
ятенъ, кротокъ;
Невинность милая видна въ твоихъ дѣлахъ;
Нѣтъ деспота въ тебѣ, нѣтъ хитрости увер-
токъ:
Что въ сердцѣ у тебя, то все и на устахъ.

Румянитъ небо день – съ румянцемъ на ланитахъ
Ты всюду видима въ семейственныхъ дѣлахъ;
Трудясь, заботишься, и пылію покрыта,
Прелестнѣй кажешься, милѣй въ моихъ очахъ! —

Я восхищаюся . . . твои мнѣ попеченья
Готовятъ радости — я славлю жребій свой, —
Пью счастіе любви, – и въ сладкомъ восхищеньи
Благодарю судьбу за сей союзъ съ тобой.

О! такъ, мы счастіемъ здѣсь можемъ наслаждаться
Лишь въ совокупности и дружбы и любви! —
Мечта любезная! когда могу дождаться,
Что всѣ исполнятся мечтанія мои? . . .

Григорій Волковъ.

Ноября 1816 го.
Пенза.

Романсъ.

Станъ Рускихъ, осребренъ луной,
Вкушалъ свой отдыхъ драгоцѣнный;
Вблизи пѣлъ воинъ молодой,
Къ булатному копью склоненный:
„Лети къ родимой сторонѣ,
„Лети, о вѣтеръ легкокрылой!
„Скажи скорѣе обо мнѣ,
„Что живъ для славы и для милой!

*

И — стихнули волны! . . .
И — вѣтеръ затихъ . . .
И мѣсяцъ вдругъ полный
Съ зыбей голубыхъ

Блеснулъ надъ могилой! . . .
Какъ юной весны
Зефиръ легкокрылой —
Какъ шопотъ волны,

Подъ дерномъ разлился,
Трепещущій гласъ:
„Судъ Неба свершился. . .
Твой Едвинъ — угасъ!

Не сѣтуй, Мальвина!
Святъ мертвыхъ покой!
Благъ милыхъ кончина
Есть жребій земной! . . .

Что взято могилой,
Возврата ужь нѣтъ!
Не сѣтуй, другъ милой,
На вышній завѣтъ!

Увы! отлетаютъ
Утраты часы,
И — черви снѣдаютъ
Богатство красы!

Но — вѣренъ душою
Во гробъ кто вступилъ,

Тотъ смертью земною
Жизнь въ небѣ купилъ!

За гробнымъ предѣломъ,
Міръ радости зримъ!
Въ подлунной — удѣломъ
Онъ не былъ твоимъ!

За гробомъ — свиданье
Знакомыхъ сердецъ!
Въ негѣ упованье —
И благъ твой конецъ!" —

„О ангелъ - хранитель!"
Мальвина рекла:
„О гробъ — утѣшитель!"
И гробъ обняла!

Въ мечтаніи слезы
Стираетъ съ ланитъ. . .
И горнія розы
Съ Едвиномъ дѣлитъ!

Съ Нѣмецкаго М.

Къ моей будущей невѣстѣ.

О ты, которую въ моемъ воображеньи
Осуществляю я, творю изъ ничего,
Причина радости, предметъ моихъ стремленій,
Надежда сладостна блаженства моего —

Безмолвенъ ходитъ часовой,
Враговъ огнями освѣщенный;
Но воинъ въ долготѣ ночной
Поетъ, на копіе склоненный:
„Лети къ родимой сторонѣ,
„Лети, о вѣтеръ легкокрылой!
„Скажи скорѣе обо мнѣ,
„Что живъ для славы и для милой!“

*

Съ восходомъ солнечнымъ пойду
Въ кровавый бой за край священный;
Но если въ полѣ мертвъ паду,
Къ булатному копью склоненный:
„Лети къ родимой сторонѣ,
„Лети, о вѣтеръ легкокрылой!
„Скажи скорѣе обо мнѣ,
„Что жилъ для славы и для милой!“

Д. Глѣбовъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Сумароковъ.

(Окончаніе.)

Продолжимъ разсмотрѣніе наше важнѣйшихъ твореній г-на Сумарокова.

Артистона, трагедія, которая въ первой разъ явилась въ 1750 году на театрѣ въ Императорскихъ комнатахъ зимняго Дворца, въ С. Петербургѣ. Стихотворецъ имѣлъ уже счастіе приобрѣсть Высочайшее благоволеніе Государыни и уваженіе всего Двора Ея. — Вотъ содержаніе: честолюбивый Отанъ, знатнѣйшій вельможа Персидскій, способствовавшій Дарію взойти на престолъ Кировъ, домогался, чтобы дочь его Федима сочеталась бракомъ съ Даріемъ, въ котораго она влюблена, и которой также оказывалъ ей нѣкоторые знаки любви своей; — но онъ узналъ Артистону, дочь Кирову; скромныя добродѣтели, таланты необыкновенные, красота молодой Принцессы, и, можетъ быть, политическіе виды, дабы наиболѣе утвердить себя на престолѣ, заста-

вляютъ его перемѣнить прежнее свое намѣреніе: онъ оставляетъ Федиму и любитъ Артистону. — Весь домъ Отана вооружается ненавистію и мщеніемъ противъ добродѣтельной Артистоны, а особливо Федима. Одинъ благородно чувствующій и мыслящій Оркантъ, сынъ Отана, влюбленный въ Артистону и любимый ею, непринимаетъ участія въ фамильномъ заговорѣ: онъ страждетъ, но никакъ неможетъ мстить своей возлюбленной, хотя Федима преклоняетъ его къ тому безпрестанно. — Сама Артистона, нѣжно его любящая, объявила ему отказъ, не по невѣрности, но для того единственно, чтобы спасти его отъ гнѣва Даріева. — Она заставила гордаго властителя удалить Орканта изъ столицы, какъ человѣка, котораго она любила, и котораго присутствіе можетъ быть для нее въ настоящихъ обстоятельствахъ тягостно: это было нечто иное, какъ средство привести его въ безопасность. — Въ самомъ дѣлѣ Оркантъ съ отцомъ своимъ выходятъ за городъ и собираютъ войска; Дарій противу нихъ вооружается. — Между тѣмъ злобная Федима уговариваетъ другаго вельможу, преданнаго своему дому, но честнаго Гиркана, дабы онъ убилъ Артистону. — Сей притворно соглашается на ея предложеніе, и вскорѣ распускаетъ слухъ, что нѣтъ Принцессы на свѣтѣ. — Дарій побѣждаетъ, но будучи тронутъ благородными чувствованіями Орканта, прощаетъ какъ его,

такъ и Отана. — Еще болѣе: онъ жертвуетъ своею страстію и соглашается на бракъ е съ великодушнымъ Оркантомъ. Въ ужасномъ из ступленіи, злобная, презрѣнная Федима принимаетъ ядъ, и утѣшается тѣмъ по крайней мѣрѣ, что Артистоны нѣтъ уже на свѣтѣ: — ибо она, по ея мнѣнію, была умерщвлена дѣйствительно. Напротивъ — Гирканъ ее спасъ. — Всѣ радуются и торжествуютъ. Вѣроятно для того, чтобы кончить трагедію, дочь Отана объявляетъ, что она приняла ядъ и что онъ начинаетъ дѣйствовать.— Вотъ слова ея:

О боги, Царь, народъ, родитель мой, мой братъ!
Приходитъ мой конецъ, сталъ дѣйствовати ядъ!
Оставьте мнѣ вину! . . . разверсшъ мракъ вѣчной ночи,
Мразъ въ кровь мою вступилъ, теряютъ свѣтлость очи!
Забудь, Царевна, грѣхъ мой тяжкій предъ тобой!
Туманъ покрылъ меня, и гибнетъ разумъ мой;
Я вижу всѣхъ во мглѣ и странны мнѣ чертоги,
Препроводите мя, доколь мя держатъ ноги,
Не дайте предъ собой въ безчиніи упасть. . .

Здѣсь столько же непостижимостей, сколько дѣйствующихъ лицъ, столько связи и складу, сколько дурныхъ стиховъ: но за то дѣйствія

и ходу весьма много: весь грузъ везется въ зимнюю, бурную погоду на розломанныхъ саняхъ.

Объ Ярополкѣ и Димизѣ, представленной въ 1758 году (слѣдовательно гораздо позже), мы скажемъ только три слова. — Владисану, Князю Россійскому, неизвѣстно почему, не хотѣлось, чтобъ Ярополкъ имѣлъ супругою своею дочь перваго Боярина Силотѣла Димизу, которую Княжій сынъ любилъ страстно. Молодые Княжичи очень бывали упрямы, и не всегда слушались своихъ батюшекъ, особливо, когда дѣло касалось любви. Вотъ начали его уговаривать, потомъ грозить ему, потомъ засадили въ темницу, наконецъ уготовляется и смертная казнь — Димизѣ. — Добрыя, чувствительныя сердца! скажите, за что такія ужасныя гоненія! Въ чемъ виноваты Ярополкъ и Димиза? — Но не бойтесь! — за нихъ возстали вышнія силы, и всѣ старанія притѣснителей тщетны! — Ярополкъ вырвался изъ темницы, чтобы спасти любезную, находящуюся также въ опасности, и затѣялъ страшной бунтъ противъ отца. — Димиза его удержала отъ сего намѣренія въ ту минуту, когда сама готовилась умереть на эшафотѣ. Совсѣмъ нечаянно пришло въ голову Владисану простить любовниковъ; онъ не только простилъ, но и соединилъ ихъ бракомъ. По крайней мѣрѣ, изъ этой трагедіи можно вывесть утѣшительное правило для молодыхъ

сыновей: отцы ваши снисходительны; по сердятся, да и простятъ: гдѣ гнѣвъ тамъ и милость. — Да трагедія гдѣ? — Что объ етомъ спрашивать! . . . .

Вышеславъ Трагедія относится уже къ 1768 году. Не смотря на то, она непоказываетъ еще, чтобы Стихотворецъ приобрѣлъ новые успѣхи въ своемъ искусствѣ. — Расинъ съ каждою послѣдующею піесою являлся совершеннѣйшимъ; между твореніями Сумарокова нѣтъ сей драгоцѣнной постепенности въ возрастающей прогрессіи. — Причина очевидна: онъ не имѣлъ критики; публика не въ состояніи была еще судить его! — Расинъ имѣлъ весьма много пособій: онъ богатъ былъ и матеріалами, и правилами, судіями прозорливыми и согражданами признательными; онъ подкрѣпляемъ былъ вкусомъ общимъ въ высочайшей степени образованности. Нашего Трагика сопровождали, или слѣпое суевѣрное удивленіе — убійца талантовъ, или холодность невѣжественная, которая, по его собственнымъ словамъ, во время представленія съ безпечною наглостію грызла орѣхи въ партерахъ и ложахъ.— Сей послѣдній убійца еще ужаснѣе перваго! Избави насъ Боже отъ такой напасти! — Вотъ содержаніе трагедіи: — Вышеславъ, покоривъ Искоростъ, взялъ въ плѣнъ Княжну, прелестную Зениду, и назначилъ ее въ супруги Князю Искоретскому Любочесту, которой оказалъ ему великіе успѣхи при вая-

нія сего города. — Вѣ первой разѣ онѣ не разсмотрѣлѣ ее, а вѣ послѣдствіи времени, узнавѣ болѣе красавицу, влюбился страстно, — и она также полюбила его. — Пусть бы мущина могѣ быть столько близорукимѣ; но вотѣ чудо, какѣ нѣжная Зенида не разсмотрѣла прежде любезнаго Вышеслава! . . . Такѣ случилось. Теперь, какимѣ образомѣ нарушить данное слово? Во второмѣ актѣ добрые сіи любовники открываются весьма просто и чистосердечно при самомѣ Любочестѣ. — Зенида и Вышеславѣ страдаютѣ, тотѣ и другая твердятѣ о честности и важности даннаго слова, и все ихѣ утѣшеніе заключается вѣ ругательствахѣ надѣ Любочестомѣ. Не знаю, вѣ чемѣ виноватѣ етотѣ бѣднякѣ; онѣ и самѣ не радѣ такой любовницѣ, и находится, правду сказать, вѣ самомѣ бѣдственномѣ и странномѣ состояніи: онѣ боится отказаться отѣ нее, и боится любить ее! Ето непостижимость; но и она случилась вѣ трагедіи. — Наконецѣ приступлено кѣ другимѣ средствамѣ: — сперва кѣ угрозамѣ, потомѣ темницѣ, ешафоту, наконецѣ и бунты возшумѣли, какѣ обыкновенно водится. Любочестѣ упрямѣ, и неможетѣ отказаться отѣ Зениды, хотя и знаетѣ, что она его не любитѣ. — Но вотѣ другая непостижимая нечаянность! Послѣ всѣхѣ тщетныхѣ усилій Вышеславѣ рѣшится пожертвовать своею страстію, и самѣ устрояетѣ брачное

торжество; — самъ готовится препроводить Зениду во храмъ. Уже идутъ... но изобрѣтательный умъ Вышеслава и въ сіе роковое мгновеніе находитъ еще средство: — онъ проситъ, чтобы процессія на минуту остановилась; тогда въ присутствіи всѣхъ обнажаетъ онъ мечь свой и устремляетъ его на свою грудь. — Это вдругъ подѣйствовало чудесно. — Любочестъ отдаетъ ему Зениду; всѣ довольны и піеса кончается. Вышеславъ заключаетъ драму слѣдующимъ образомъ:

Пойдемъ благодарить всещедру Божеству,
Во храмѣ приступивъ ко брачну торжеству:
И тамо присягнемъ любити въ вѣкъ другъ друга;
Я буду твой супругъ, будь вѣрная супруга!

Что можно найти въ такой трагедіи трагическаго? — . . .

Дмитрій Самозванецъ въ 1771 году въ первой разъ представленъ на Императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Сія трагедія, кажется, была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему безъ сомнѣнія весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго; — потомъ не мало помогло самое искусство актеровъ, уже достигшихъ до весьма важной степени совершенства. Въ это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой былъ но-

менной Дмитревскій, окруженный знамениттыми сотрудниками Волковымъ и Крутицкимъ. Не почитаю нужнымъ разсказывать здѣсь содержанія трагедіи Самозванца; оно всѣмъ извѣстно: ибо ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія не имѣла столько представленій, сколько Дмитрій самозванецъ. — Должно признаться, правда, что и стихотворство въ сей трагедіи болѣе обработано, нежели въ другихъ піесахъ возстановителя нашего театра. Есть монологи, которые по крайней мѣрѣ въ представленіи производили и будутъ еще производить весьма сильное дѣйствіе; даже набатной колоколъ въ етой піесѣ, какъ нѣчто напоминающее, можетъ быть, о вечевомъ, играетъ довольно важную роль; мѣсто дѣйствія, Кремль, Москва, потомъ Бояра Русскіе и время, въ Исторіи нашей столько важное, какъ переходъ отъ несчастнаго положенія Россіи къ самому счастливѣйшему, низверженіе злобнаго тирана, котораго память проклинается и Церковію и обществомъ: все ето вмѣстѣ весьма много способствовало тому, чтобы піеса была одною изъ занимательнѣйшихъ для публики Россійской. — Мы теперь пробѣжимъ ее слегка и замѣтимъ важнѣйшія красоты и погрѣшности. — Вся трагедія заключаетъ въ себѣ послѣдній день низверженія тирана, изъ ничтожнаго состоянія вышедшаго, жестоко-лютаго, ненавистнаго, въ опи-

тяянном положеніи находящагося. — Вот съ какой точки зрѣнія должны мы судить о піесѣ. — Чего требуетъ такое положеніе? Дѣятельности чрезвычайной во всѣхъ лицахъ враждебныхъ, дружественныхъ и особенно въ самомъ главномъ характерѣ. — Кажется, это неоспоримо. — Назовемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ трагедіи: Дмитрій самозванецъ, Парменъ, наперсникъ его, Князь Шуйской, Георгій, Ксенія, военачальникъ и стража.

Я сказалъ уже, что сія трагедія, въ продолженіи многихъ лѣтъ была, такъ сказать, царствующая на нашемъ театрѣ; ее всѣ учили наизусть. Однако я смѣю сказать прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же Автора. Вычислите всѣ необходимыя качества драмы: — онѣ всѣ нарушены, или пренебрежены. — Вотъ непонятная странность въ уклоненіяхъ всеобщаго вкуса! Драма не можетъ быть безъ дѣйствія, которое составляетъ ея душу. — Какое дѣйствіе въ Дмитріѣ самозванцѣ? Во всѣхъ пяти актахъ нѣтъ никакого. — Дмитрій грозитъ муками, смертію; себя обрекаетъ вѣчно жертвою геенне; ни онъ не дѣйствуетъ, ни противъ него недѣйствуютъ: ибо изъ разсказа начальника стражи, три раза на сцену приходящаго, только знаемъ, что чернь бунтуетъ, приближается къ Красному крыльцу,

ходить въ Государевы комнаты; — но ни-
що не отражалъ ее. Кажется, будто хотѣлъ
Димитрій между прочимъ жениться на Ксеніи,
отравить свою супругу; но не видимъ, чтобъ
е намѣреніе произведено было въ дѣйство
какимъ-либо образомъ: — онъ погибаетъ не
отъ другихъ, но самъ собою. — И такъ со-
держаніе сей трагедіи слѣдующее: *тиранъ
сердился, бранился и съ досады нако-
нецъ убилъ себя.* — Ето могъ бы онъ сдѣ-
лать и въ первомъ дѣйствіи и даже въ пер-
вомъ явленіи, — все бы было равно. Драма
должна имѣть единство дѣйствія; какого
требовать единства, гдѣ нѣтъ ничего! —
Далѣе, должны быть сохранены еще единства
времени и мѣста? — Вразсужденіи вре-
мени, кажется, дѣйствіе началось по утру и
оканчивается въ полночь, когда самозванецъ
въ самыхъ ужасахъ бунта заснулъ и пробу-
жденъ былъ мечтами грозными, а особливо
набатнымъ колоколомъ, возвѣстившимъ по-
слѣдній часъ его. — Судя по сему, можно бы
сказать, что единство времени соблюдено,
если бы только что нибудь дѣйствовало; —
но говоря о сей трагедіи, надобно сказать,
что оно *потрачено* и, соотвѣтственно
правилу Аристотелеву, точно *потрачено
не болѣе одного дня*: въ етомъ правъ Су-
мароковъ болѣе, нежели вразсужденіи *мѣ-
ста*. Въ цѣлой піесѣ одна декорація, одна
зала. Авторъ конечно такимъ образомъ весьма

много услуживаетъ содержателямъ театра, избавляя ихъ отъ издержекъ, но нѣсколько обижаетъ наше честолюбіе: онъ думалъ, что мы столько незамѣчательны, столь легковѣрны и просты, что можемъ повѣрить тому, чего никакъ быть не могло; на прим. будто мы повѣримъ, чтобы разговоръ Самозванца съ Парменомъ, приемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинетъ, гдѣ совѣщаетъ онъ о тайныхъ дѣлахъ государственныхъ, и комната, гдѣ Ксенія видится съ своимъ Георгіемъ, съ Димитріемъ и Шуйскимъ, однимъ словомъ, гдѣ она живетъ и отправляетъ свой туалетъ, гдѣ начинается противъ Самозванца заговоръ и гдѣ сидитъ она подъ стражею, — чтобы все это происходило въ продолженіи столь критическаго времени не только въ одномъ дворцѣ, но и въ одной и той же залѣ. — Прибавьте къ тому неизвѣстность мучительную, откуда и какъ кто являлся, и почему выходилъ на сцену, или уходилъ съ нее. — Особенно очень странно видѣть Ксенію одну, даже безъ наперсницы, въ чертогахъ столь развратнаго и свирѣпаго тирана, видѣть ее вмѣстѣ съ Георгіемъ изъясняющихся весьма нѣжно въ своей страсти, и Шуйскаго, опаснѣйшаго врага Самозванцу, въ его комнатѣ, въ его, такъ сказать, глазахъ разглагольствующаго о существующемъ заговорѣ, дающаго совѣты Ксеніи и Георгію, объявляющаго ско-

рую гибель тирану. — Всѣ лица похожи на Китайскія тѣни, переходящія, переносимыя, совершенно безвинно изъ одной кулисы за другую, по мановенію деспотическаго пружика Стихотворца, которой освободилъ себя отъ всякой, даже малѣйшей отвѣтственности Природѣ и строгому разсудку.

Дѣйствіе трагедіи должно быть *героическое*: цѣль важная, усилія необыкновенныя, страсти высокія, способности душевныя блистательныя, добродѣтели, или пороки въ значительной степени великости. Какая цѣль у героевъ сей трагедіи? — Не знаю! Шуйской нигдѣ не говоритъ о намѣреніи своемъ, пріобрѣсть тронъ; Димитрій не боится попрать его, и нимало неудерживаясь отъ злодѣйствъ, кажется, для забавы бесѣдуетъ объ адѣ и гееннѣ. — Никто ничего не дѣлаетъ и не знаетъ, для чего не дѣлаетъ; — страстей также нѣтъ: ибо если бы точно любилъ Димитрій или юную Ксенію, или самаго себя, то бы видно было, что онъ стремится къ цѣли, то есть или къ обладанію Княжной, или къ сохраненію трона. Какой характеръ Самозванца? — Золъ ли онъ? — Правда, что онъ такъ о себѣ сказываетъ; но по моему, онъ весьма добръ, ибо переноситъ равнодушно всѣ грубыя личныя оскорбленія Георгія и Ксеніи, никому не мститъ, а только грозитъ. Такой человѣкъ весьма неопасенъ; онъ глупъ

просто. — И такъ нѣтъ дѣйствія героическаго; а изъ того слѣдуетъ, что нѣтъ и характеровъ героическихъ. — Еще вопросъ: есть ли по крайней мѣрѣ *какіе нибудь* характеры? — Когда подъ характеромъ разумѣть должно особенныя отличительныя черты одного человѣка, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно показать различія между лицами сей трагедіи: Димитрій не похожъ на Георгія, на Шуйскаго, на Пармена, и каждое лицо также. — Но когда подъ характеромъ разумѣть то, что всего важнѣе: — постоянной образъ дѣйствованія, мыслей, поступковъ, однимъ словомъ поведеніе героя трагическаго; то сія піеса неимѣетъ почти ни одного характера.

Что такое Парменъ? — Не знаю. Надобно думать, что онъ весьма приближенной человѣкъ къ Самозванцу; ибо говоритъ ему всегда открыто и смѣло, и тотъ слушаетъ терпѣливо его укоры. — Между тѣмъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ показалъ ему свое настоящее усердіе и вѣрность; равномѣрно нѣтъ также ни одного признака и измѣны его, или приверженности къ противной сторонѣ. — Онъ уговариваетъ Димитрія часто, ободряетъ надеждою на милосердіе Божіе, совѣтуетъ, философствуетъ, но безъ всякаго дѣйствія противъ него, или за него. — Кажется, въ тайнѣ онъ самъ желалъ и низверженія тирана. — Онъ говоритъ Ксеніи:

Въ неумолимыхъ сихъ пребуди ты слезахъ!

. . . .

Содѣлай, Боже, то, чего хочу и чаю! —

Или въ другомъ мѣстѣ:

Потщусь отъ варварства супругу обрегать! —

Онъ началъ драму и онъ оканчиваетъ. — Вбѣжавъ съ обнаженнымъ мечемъ къ Димитрію, и исторгнувъ изъ рукъ его Ксенію, грозно вѣщаетъ тирану:

Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавленъ нашъ народъ смертей, гоненій, ранъ:
Нестрашенъ ни кому въ безсиліи тиранъ!

Кажется, сіи слова непоказываютъ въ немъ и врага общественнаго; а между тѣмъ со всею жестокостію исполнялъ онъ повелѣнія тирана. — Даже неизвѣстно, какъ онъ самъ почиталъ Димитрія, самозванцемъ, или законнымъ наслѣдникомъ престола. — Вотъ его слова:

Когда тебя судьба на тронъ твой возвела,
Не родъ, но царскія потребны намъ дѣла;
Когдабъ нецарствовалъ въ Россіи ты злонравно,
Димитрій ты, иль нѣтъ, сіе народу равно!

Онъ не выставленъ нигдѣ и патріотомъ Русскимъ. Шуйской ему недовѣряетъ, и онъ не имѣлъ участія въ заговорѣ. — Пойдемъ далѣе. — Шуйской скрытной непріятель Димитрія. — Онъ притворяется предъ нимъ

каждую минуту, и къ тому же принуждаетъ Ксенію и Георгія. Въ однѣхъ и тѣхъ же царскихъ палатахъ онъ и ругаетъ Самозванца и льститъ ему; но впрочемъ не видно ни одного предпріятія, ни одного движенія, ни одной мысли къ низверженію тирана; даже намъ ничего неизвѣстно до самаго третьяго акта, гдѣ по отшествіи Пармена говоритъ самъ съ собою Шуйской:

Лукавствуй ты, иль нѣтъ, Димитрій мной *увянетъ*,
Низвержется, падетъ, падетъ и невостанетъ. —
Когда умрети рокъ велитъ, умреть хощу;
Но на Димитрія весь городъ возмущу —
Спасу престольный градъ, отечество избавлю;
Умру; но имени безсмертіе оставлю. —
Почтенъ герой, врага который побѣдитъ;
Но кто отечество отъ ига свободитъ,
И побѣдителя почтеннѣй многократно;
За общество умреть и хвально и пріятно.

До сего времени онъ былъ истинно загадкою. — Теперь мы его знаемъ; но все невидимъ никакого дѣйствія. Льстивость и угодливость его предъ тираномъ даже до излишества простерта: онъ такъ явно и дерзко обманываетъ Лжедимитрія, что хитрость его перестаетъ быть хитростію, или политическимъ средствомъ; онъ такъ уни-

жается, что нарушаетъ всѣ приличія сана своего. — Вотъ слова его:

Ты нашъ Монархъ и сынъ Монарха Іоанна,
Въ соборной церкви намъ глава твоя вѣнчанна. —
Тираномъ былъ у насъ злонравный Годуновъ;
Ты грозенъ, праведенъ, отецъ твой былъ таковъ, и пр.

И вотъ его же родительской совѣтъ дочери:

Обманывай его, *притворствуй*, сколько *льзя*,
Надежду подавай, въ немъ сердце распаляя,
И *варварство его любовью утоляя*,
Во *воздыханіе* преобращая гнѣвъ. —
Любви покорствуетъ змѣя, и тигръ, и левъ,
И звѣри дикіе свирѣпство оставляютъ,
Какъ нѣжной *роскоши привѣтствія являютъ*. —

Милыя дѣти не столько осторожны и преступили его правила; онѣ разсердили Лжедимитрія, хотя это и не имѣло послѣдствій; ибо разсердить его ни чѣмъ неможно. — Отецъ дѣлаетъ за это имъ выговоръ, и совѣтуетъ впередъ быть благоразумнѣе: — такой совѣтъ подѣйствовалъ, и они дали ему слово остерегаться. — Вообще: — нѣтъ благородства въ средствахъ и характерахъ. Шуйской притворно сердится на дѣтей:

Шуйской. За дерзости свои достойны вы *сраженья*.

Димитрій. Превсходятъ дерзости всѣ силы вображенья:

Во удивленіе придетъ, то внемля свѣтъ. —

Шуйской (Ксеніи). Мой такъ отеческій пріемлешь ты совѣтъ!

Ксенія. Въ отчаяніи мнѣ. . . .

Шуйской. *Въ толико нагломъ дѣлѣ*

Бѣги отъ глазъ моихъ, исчезни ты отселѣ. —

И послѣ, обращаясь къ Димитрію:

Доколѣ не взойдетъ на горизонтъ луна,
Тебѣ престанетъ быть ирослушницей она;
Смягчися, извини дѣвическую младость. —

Зрители знаютъ, что онъ притворяется, а по тому могутъ ли терпѣливо слушать столь простую, наглую ложь? Дѣйствіе и лица дѣйствующія тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ новѣе средства, даже и къ обману служащія, и чѣмъ болѣе предполагается въ нихъ замысла, остроумія и трудностей. — Шуйской идетъ наконецъ въ темницу; но это на словахъ только: ибо тотчасъ опять является въ чертогахъ царскихъ.

Дѣятельность каждаго лица имѣетъ два средства показать себя: слова и поступки. — Шуйской не сказываетъ и необъясняетъ поступковъ ни своихъ собственныхъ, ни своихъ соучастниковъ; что же можетъ быть въ развязкѣ занимательнаго для зрителя? — Не знаю и его характера; ибо не вижу, какъ онъ дѣйствуетъ, невижу ума, ловкости, силы, вла-

янія его на общее мнѣніе: — вообще нѣтъ ничего особеннаго, важнаго, чѣмъ отличалось бы сіе главное дѣйствующее лице; тѣмъ болѣе жаль ешаго, что, кажется, Димитрій его боялся. — Въ немъ видѣнъ только человѣкъ, которой ожидалъ, что другіе сдѣлаютъ въ его пользу, а самъ пребывалъ въ покоѣ. Въ одномъ етомъ характерѣ онъ выдержанъ *точно* отъ начала до конца: — вездѣ ровенъ, то есть вездѣ незанимателенъ.

Ксенія и Георгій — дѣти, водимыя на помочахъ. — По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. — Тотъ и другая, по вольности, позволенной дѣтямъ, говорятъ ужасныя грубости и ругательства тирану *милосердому;* иногда философствуютъ, иногда сердятся, ласкаютъ другъ друга, но всегда остаются при своемъ: — вся отъ нихъ польза не для зрителей, но для Автора та, что они милымъ пастушескимъ, или ребяческимъ своимъ болтаньемъ наполняютъ пять актовъ. — Должно впрочемъ замѣтить и то, что епизодъ любви Ксеніи и Георгія, занимающій почти всю трагедію отъ начала до конца, вставленный, кажется, съ намѣреніемъ для произведенія завязки и развязки, совсѣмъ неимѣетъ вліянія на главное дѣйствіе. — Надобно было показать, что прежняя супруга дѣйствительно отослана отъ Двора, или умерщвлена тираномъ; что первый вельможа и Князь Шуйской

оскорбленъ былъ требованіемъ дочери своей въ супруги Лжедимитрію; или что, не въ силахъ будучи противиться тирану, онъ выжидалъ случая. — Впрочемъ и еши способы не трагическіе, а комическіе. — Что теперь трагедія Димитрій самозванецъ? — Анюта и Степанъ, дочери богатаго крестьянина, любятъ другъ друга. — Бурмистръ сластолюбивой, сильной и глупой, полюбилъ дѣвушку; онъ требуетъ руки ея у отца и угрожаетъ солдатствомъ и пытками любовнику, отцу и дѣвушкѣ. Но кстати случилось; крестьяне озлобленные, безъ всякаго со стороны обиженныхъ внушенія, ожесточились и довели его до того, что онъ самъ себя зарѣзалъ, не дождавшись законами положенной казни! — Сколько оперъ Русскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, изъ которыхъ, кажется, взялъ свое содержаніе Сумароковъ для Димитрія самозванца! — Инаго источника не нашелъ онъ. — Я говорю: *точно* взялъ; ибо Исторія непредставляетъ намъ Ксеніи, дочери Шуйскаго; но Ксенія была, по свидѣтельству историковъ, дочь Годунова, прелестная, одаренная всѣми достоинствами тѣлесными и душевными. — Не знаю, для чего Сумароковъ выдумалъ сію Ксенію? — Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредствомъ брака приобрѣсть способъ приближиться къ трону, чему видимъ мы весьма многіе примѣры въ честолюбивыхъ вельможахъ. — Здѣсь совсѣмъ противное. —

Шуйской не хотѣлъ выдать своей дочери за Димитрія, и не употреблялъ въ етомъ переворотѣ дочь свою орудіемъ къ достиженію своей цѣли, ибо все дѣлалось за кулисами и не зависѣло нимало отъ сей любви; — и кончился сей заговоръ съ успѣхомъ совершенно по другимъ причинамъ, для насъ сокрытымъ. — Вы читаете довольно странной стихъ Ксенія: *избавь Россію мной, о Небо правосудно!* М. Г., видѣвшіе и читавшіе сію піесу, скажите: какимъ образомъ спасла Россію Ксенія, и какъ любовь ея способствовала спасенію Царства въ лицѣ отца, любовника и въ ней самой? — Послѣ того еще спрашивается: для чего же любовь сія? — Но отнимите ее, что̀ останется въ трагедіи? Въ отвѣтъ можно представить здѣсь только два стиха человѣка сумасшедшаго:

Поди душа во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна! —

Не привожу стиховъ изъ ролей Ксеніи и Георгія. — Есть хорошіе и довольно много; но они не у мѣста, или неприличны, или не имѣютъ относительной степени благородства, или наконецъ не опредѣляютъ лица дѣйствующаго. — Ксенія говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

Почтеннѣй на торгу съ Георгіемъ умреть,
Какъ со Димитріемъ себя на тронѣ зрѣть. —

Георгій иногда вспыхиваетъ въ своемъ характерѣ, но всегда безъ намѣренія постояннаго и послѣдствій.

Сколько сіи роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Димитрія, котораго, признаюсь, описать я силы не имѣю. — Незнаю, что хотѣлъ представить въ немъ Авторъ; недоумѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. — Въ немъ все склеено несообразное и противоположное въ Природѣ. — Явная ненависть и удивительно снисходительное терпѣніе, подозрительность и безпечность, могущество и безсиліе, раскаяніе и стремленіе къ новымъ злодѣяніямъ, алчба къ пролитію крови и нерѣшимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей и готовность злодѣйствовать вновь; сластолюбіе и холодность самая бездѣйственная, пылкость и спокойствіе удивительное, ярость и равнодушіе, гордость и терпѣніе ругательствѣ и озлобленій чувствительнѣйшихъ: все это одѣто въ глупость, тупоуміе, фанфаронство, въ безсиліе, въ характеръ послѣдняго слѣпотствующаго человѣка: вотъ летаргической, нескладной составъ Димитрія душевно и тѣлесно. — Онъ любитъ Поляковъ, какъ своихъ защитниковъ и друзей, и между тѣмъ нѣтъ при немъ ни одного Поляка въ самой крайности его положенія. Онъ сердился

и грозилъ только, пока наконецъ самъ собою отправился на тотъ свѣтъ. — Въ немъ есть что-то хаосное, безъ намѣренія, безъ движенія, безъ силъ, безъ жизни. — Желалъ бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составленіи сего чудовища; но догадки мои останутся тщетными. — Иногда, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать его презрительнымъ; но этаго мало для трагедіи: презрительное лице не есть трагическое; иногда усиливался возбудить къ нему ненависть; но ненависть возбуждается не словами, а поступками; а въ цѣлой трагедіи онъ не сдѣлалъ ни шагу ни тайно, ни явно; иногда кажется, хотѣлъ показать оттѣнки его прежняго званія и привычекъ, немогущихъ сокрыться и подъ Царственною, похищенною имъ порфирою: — онъ безпрестанно говоритъ о небѣ, геенѣ, мукахъ, о гнѣвѣ Божіемъ, о томъ, что онъ лишенъ всякаго помилованія въ семъ и будущемъ вѣкѣ; но что значатъ сіи слова сами по себѣ? — Безсовѣстной ростовщикъ, крестясь и молясь, меня грабитъ; — но такъ и быть: по крайней мѣрѣ уже грабитъ! Димитрій ничего не дѣлаетъ. — Онъ хочетъ подъ окнами своими вѣшать Шуйскаго и Георгія, а въ его чертогахъ уже бунтъ! Онъ въ изступленіи кричитъ стражѣ:

Бѣги; *куда бѣжать?*

Онъ самъ себѣ говоритъ:

Люблю себя — за что, того не вижу, —

И сіе изступленіе угасло вмѣстѣ съ словами! Въ первомъ еще актѣ догадывался онъ, что *мятежъ отъ Шуйскаго*, а не принялъ никакихъ мѣръ: онъ спалъ въ самой тотъ часъ, когда уже весь Кремль былъ въ движеніи и въ комнаты его вторгался народъ, справедливо негодующій. — Онъ любилъ Ксенію, и только бранился съ соперникомъ своимъ Георгіемъ, довольствуясь одними ругательствами:

Внемли и ты, и ты Георгій то внемли!
Вы *ползающа тварь и черви на земли.* —

Онъ утѣшается въ своей печали; но чѣмъ утѣшается? И етаго сказать не льзя. — Когда Ксенія разбранила его ужаснымъ образомъ, онъ говоритъ отцу:

Смягчаетъ мя любви желаемая сладость.
Какъ я ее люблю, хоть я о ней стональ,
Я то до сихъ минутъ еще непрямо зналъ. —
. . . .
Должна ли нѣжности порфира быть причастна!
О гордая душа! и ты любви подвластна.
Скажи ты дочери, *чтобъ пала предо мной,* —
. . . .

Ето ни ужасно, ни грозно, но смѣшно и забавно до крайности. Я представлю здѣсь для образчика нѣсколько прекрасныхъ выраженій Лжедимитрія, которыя могутъ по-

служить прибавленіемЪ кЪ тому, что я говорю обЪ его характерѣ. — Извѣстно, что онЪ началЪ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ,
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ. —

ВотЪ человѣкЪ раскаевающійся! . . .

Коль въ небѣ хочешь быть, небуди философъ,
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна. —

ВотЪ ханжа! . . . .

Нѣтъ силъ и немогу себя превозмогать!
Затмится Росска честь и дѣйствія геройски:
Почтутъ отцомъ отцевъ мои всѣ Папу войски;
Оружіемъ ему я церковь покорю;
Коль хочетъ Царь того, удобно то Царю. —

ВотЪ безбожникЪ и злодѣй! — Когда ПарменЪ говоритЪ, услышавЪ о намѣреніи отравить супругу:

О дѣйствіи такомъ помыслити ужасно. —

ОнЪ отвѣчаетЪ:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ. —

ВотЪ безстыдство наглое и безЪ всякаго вида обнаруженное! . . .

. . . .

Передъ Царемъ должна быть истина безсловна;
Не истина Царь — я. . .

И прочіе стихи показываютъ съумасшедшаго тирана. — Ему говорятъ: супругу ты имѣешь ? . . . отвѣтъ его :

Закономъ та Римлянка ;
Благочестивая потребна Россіянка ! —

Вотъ лжецъ подлой ! — Онъ старается распространить Римское исповѣданіе, и чрезъ минуту говоритъ противное ! . . .

Димитрій. Страшишься ль смерти ты, мученій, казней ?
Ксенія . . . . . Нѣтъ.
Димитрій. Такъ ты готовься къ нимъ *въ отважности безъ страха ;*
Небудетъ твоего на свѣтѣ семъ и праха. —
О небо ! *истиной* ко мщенію бѣгу ;
Тужа , что жизнь отнявъ, терзати не могу :
Подвигнулъ бы теперь адъ, море, я, и сушу ;
И вѣчно бы терзалъ я Ксеніину душу. —

И въ пяти актахъ его бѣсятъ ; онъ все таковъ же и повторяетъ то же ! —

Превсходятъ дерзости всѣ силы воображенья ;
Во удивленіе придетъ , то видя свѣтъ !

Вотъ фанфаронъ ничтожной ! —

Онъ говоритъ Шуйскому , отъ котораго мятежъ возгорѣлся :

Зіяетъ тигръ , а я зіяющаго глажу.

Пойди, уйми народъ! — Вотъ глупецъ! Кому поручаетъ унимать народъ, кто, по его же мнѣнію, возбуждаетъ его къ мятежу. — Вотъ еще прелестныя мысли:

А мучить весь народъ единый можетъ Царь,
Благополучія се въ мірѣ совершенство. —

И далѣе:

Блаженство завсегда весьма народу вредно:
Богатъ *быть долженъ Царь, а государство*
бѣдно. —
Ликуй Монархъ, и все *подъ нимъ подданство*
стонь!
Всегда способнѣе къ труду *не жирный конь,*
Смиряемый бичемъ и частою ѣздою,
И управляемый крѣпчайшею уздою. —
Достойны *мщенья всѣ, колико смертныхъ*
есть. —

Къ чему сіи отвратительныя мысли? — Вотъ его мужество героическое:

Не можетъ быть ничто жесточе сей судьбины.
Пойдемъ . . . повержемъ . . . стой . . . ступай —
будь здѣсь . . . бѣги,
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрія избавить! . . .
Куда бѣжите вы? — — — хотите мя оста-
вить?
Неотступайте прочь и защищайте дверь! —
Убѣгнемъ; — тщетно все и поздно все теперь;
Введите Ксенію. —

Ради Бога, обьясните мнѣ, какой имѣетъ характеръ Димитрій? — или иначе увѣрьте меня, что его можно было выставить на сцену! Надобно думать, Сумароковъ чувствовалъ и самъ, что сіе лице или совсѣмъ непредставительное, или такое, которое показывается съ особымъ намѣреніемъ: непосредственно и прямо для возбужденія отвращенія. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ представлять злодѣя отринутаго, проклинаемаго церковію и народомъ, — представлять на сценѣ, удовольствію сладостному посвященной? Такія лица не принадлежатъ драмѣ. Представивъ Лжедимитрія въ лучшемъ видѣ, Авторъ погрѣшилъ бы противъ общаго мнѣнія; представивъ такимъ, каковъ онъ теперь, непростительно погрѣшилъ Трагикъ противъ правилъ Поэзіи. — Въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе сіе не способно для трагедіи. Но довольно, я утомляю васъ сими несчастными выписками. — Присоединимъ въ добавокъ, что въ цѣлой піесѣ, какъ и должно быть послѣ всего нами обьясненнаго, нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, ни ходу: — етаго теперь уже и доказывать не нужно. — И такъ осталось въ трагедіи, можетъ быть, одно только стихотворство, болѣе обработанное нежели въ прочихъ драмахъ. Легко можетъ статься, что я ошибаюсь; но скажу откровенно, что другихъ достоинствъ въ сей трагедіи не вижу. — Еще повторю: нельзя надивиться, чему обязана сія піеса

:лекательными и продолжительными своими успѣхами!

Семира. Сія трагедія представлена въ первой разъ въ Санктпетербургѣ на Императорскомъ театрѣ въ исходѣ 1751 года. — Она принята была очень хорошо, и отъ любителей театра почитается донынѣ лучшею изъ твореній покойнаго Сумарокова. Вотъ ея содержаніе: *Семира*, сестра Оскольда и Дира, извѣстныхъ въ Исторіи двухъ братьевъ, влюблена въ Ростислава, сына Олегова, которой самъ ее также любитъ. — Но сія страстная и тайная любовь непрепятствуетъ гордой Княжнѣ мечтать единственно о низверженіи ига Олегова, у коего находилась она въ плѣну вмѣстѣ съ братомъ Оскольдомъ. Живучи въ домѣ Правителя Россійскаго Престола, замышляетъ она, какъ то весьма непостижимо, овладѣть городомъ Кіевомъ. — Дѣйствительно Оскольдъ собираетъ другихъ плѣнниковъ; составляется заговоръ; войско скрывается въ ближнемъ лѣсѣ. — Семира, отпуская брата своего Оскольда, проситъ только пощадить милаго ей Ростислава, которой былъ и его другомъ. — Оскольдъ обѣщается скорѣе умереть самъ, нежели погубить ея любезнаго. — Между тѣмъ Ростиславъ упрашиваетъ Оскольда, чтобы онъ ходатайствовалъ за него у Семиры, которая съ недавняго

времени является ему весьма холодною. На-
конецъ въ присутствіи Олега сказала она ре-
шительно Ростиславу, что супругой
быть неможетъ, что Олега ненавидитъ и
что готова умертвить даже и своего лю-
бовника, если это потребуется для искупле-
свободы. Возвѣдъ, Оскольдовъ Воевода, доно-
ситъ Олегу о скрывающемся народѣ въ лѣсахъ;
сей повелѣваетъ казнить доносщика, как
невѣрнаго своему государю и слѣд. немогущ
никому быть вѣрнымъ. — Оскольдъ при-
знается откровенно въ своемъ заговорѣ и
отрекается продолжать своихъ намѣреній;
великодушной Олегъ колеблется. — Самой Ро-
стиславъ не въ силахъ преклонить Оскольда
къ примиренію; онъ избираетъ одно: смерть
или царство. Его заключаютъ въ темницу, не
смотря на прозьбы Ростислава. — Олегъ, не-
кстати великодушный, раздираетъ повелѣніе
свое казнить его. Между тѣмъ Оскольдъ еще
удерживается въ темницѣ. Къ нему прихо-
дитъ тайно Семира, и укрѣпляетъ отчаяннаго
мечтателя о свободѣ: не смерть, но безчест-
ная казнь ихъ устрашала. — Этато мало: она
проситъ Ростислава, чтобы онъ выпустилъ
Оскольда за городъ изъ плѣна; любовникъ, хо-
тя съ трудомъ, соглашается на сіе. Олегъ,
услышавъ о убѣгшемъ Оскольдѣ, подозрѣваетъ
Семиру, разспрашиваетъ, кого она подкупила;
сія не отвѣтствуетъ; и ее заключаютъ

темницу; Ростиславъ, не будучи въ силахъ ви-
дѣть въ такомъ несчастіи свою любовницу, открываетъ, что онъ предатель. Слѣдуетъ споръ между любовниками: Семира и Ростиславъ, оба хотятъ рѣшительно умереть другъ за друга. — Олегъ непреклоненъ; и Ростиславъ въ темницѣ. Семира умоляетъ Олега за своего возлюбленнаго; она въ отчаяніи: — между тѣмъ Оскольдъ уже во градѣ съ войскомъ. Вѣстникъ приходитъ къ Ростиславу, которой не хотѣлъ пережить своего безчестія, и увѣдаваетъ его спасти отца и воинство. — Витозаръ доноситъ Семирѣ; что Оскольдъ смертельно раненъ; онъ поразилъ самъ себя. Въ послѣднія минуты своей жизни Оскольдъ примиряется со всѣми; и вручаетъ наконецъ Семиру Ростиславу. — Такимъ образомъ вся сія *трагическая буря* и кончится. Ростиславъ заключаетъ ее сими стихами:

Симъ *жалкимъ* зрѣлищемъ смущенъ смертельно я:
О Небо! утоли тоску и скорбь ея;
Скончай печальны дни, въ которы мы терпѣли;
И сдѣлай, чтобъ сердца *въ любви безъ слезъ кипѣли!*

Есть сцены довольно хорошія, есть счастливые стихи, особенно въ монологахъ Оскольда и Семиры, которые оба дышутъ какою-то

возвышенною свободою и благородствомъ, неизмѣняемымъ въ самыхъ величайшихъ несчастіяхъ. — Впрочемъ, какъ видѣть можно изъ самаго изложенія, трагедія въ ходѣ своемъ и расположеніи также имѣетъ значительные недостатки,

Послѣдняя трагедія Сумарокова была *Мстиславъ*. Она представлена въ первой разъ на Императорскомъ Театрѣ въ Санктпетербургѣ 1774 года. — Кажется, что ею кончилъ поприще свое знаменитый Писатель на сценѣ величественной Мельпомены. — По увѣренію современниковъ, сія піеса долго держалась и притомъ постоянно на театрѣ, особенно для монологовъ Мстислава, которые дѣйствительно написаны хорошо и сильны. — Я знаю еще многихъ любителей драмы изъ вѣка Екатерины, которые читаютъ ихъ наизусть въ обществѣ, какъ образцовые: — сіе можетъ служить по крайней мѣрѣ доказательствомъ, что они въ свое время производили и оставили навсегда глубокія впечатлѣнія въ слушателяхъ. — Впрочемъ ходъ трагедіи также довольно страненъ. Вотъ содержаніе: Неизвѣстно, какимъ образомъ, Ольга, Княжна Псковская, очутилась въ Тмутаракани, въ столицѣ, которой мѣсто, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ Историковъ, теперь еще точно неопредѣлено. Она является плѣнни-

цию Князя Мстислава, который ее любить; и она же невѣста Ярослава, Князя Кіевскаго, который, будучи въ какой-то неизвѣстной ссорѣ съ роднымъ своимъ братомъ Мстиславомъ, неизвѣстно гдѣ воевалъ, побѣжденъ, скрылся и почитается убитымъ въ сраженіи. — Предъ трагедіею написано: *дѣйствіе въ Тмутаракани*; а въ самомъ дѣлѣ оно или совсѣмъ не тутъ происходило, или неизвѣстно гдѣ. — Соедините въ воображеніи своемъ безъ всякихъ предварительныхъ объясненій Княжну Псковскую, Князя Тмутараканскаго и Князя Кіевскаго. — Какъ они сошлись въ одно мѣсто? — Авторъ ничего вамъ не сказываетъ. — Само по себѣ разумѣется, что на такой дурной основѣ ничего хорошаго сдѣлать не можно. — Чтожъ дѣлать и критику? . . . Откуда взялись сіи лица? — Какія взаимныя между ими отношенія? — какія связи, или намѣренія? дружественныя, или враждебныя? — Зритель ничего не знаетъ. — Представленъ на сценѣ одинъ актеръ подъ вывѣскою А., другой подъ именемъ Б, третья актриса подъ заглавіемъ С; всѣ они сошлись въ мѣстѣ D, и начали трагедію для неизвѣстнаго X: — вотъ все! — Престранное происшествіе! — Княжна Псковская, . плѣнница Князя Тмутараканскаго, воюющаго съ роднымъ своимъ братомъ Княземъ Кіевскимъ; сей послѣдній осаждаетъ городъ Тмутаракань, беретъ его, и вся непостижимо текущая трагедія кончена!..

Подумаешь, что Псковъ, Тмутараканъ и К
евъ — отдѣльныя части одного и того же д
ма, или части одного и того же города! -
Етаго мало: одно лице говоритъ какъ въ К
евѣ, другое какъ въ Тмутаракани; — вот
новое доказательство мнѣнія прежде мно
сказаннаго: Сумароковъ потому не могъ се
бя усовершенствовать въ искусствѣ Трагеді
что не имѣлъ критики, не имѣлъ еще в
свое время судей, которые могли бы замѣ
тить таковыя несообразности и нелѣпости
для судей его все было равно, что Италья
ская опера-буфо, и что трагедія; ни-
кто не заботился, кто и гдѣ говоритъ
только бы говорили! — Не дай Богъ намъ
видѣть таковаго несчастія! . . . Но обратим-
ся къ содержанію. — Ольга любитъ Яросла-
ва, Ольгу Мстиславъ. Бурновей, Вельможа
Мстиславовъ, также ищетъ руки ея, для
того чтобы овладѣть престоломъ Кіев-
скимъ. — Мстиславъ и Ольга почитаютъ
Ярослава умершимъ въ послѣднемъ сраженіи;
Бурновей знаетъ, что онъ живъ, но утвер-
ждаетъ то же для своей выгоды. — Сей низ-
кой и наглой клеветникъ всѣ свои злыя пред-
пріятія противъ Мстислава приписываетъ
замысламъ Ольги невинной, — и притомъ
при ней самой! — Мстиславъ столько не-
проницателенъ, Ольга такъ добра, что все
ему съ рукъ сходитъ. — Но въ третьемъ
актѣ воскресаетъ Ярославъ; онъ приступаетъ

городу (къ какому, и почему, не извѣстно!!!), пробирается до чертоговъ Ольги, хочетъ ее увлечь съ собою. Но сраженіе приняло другой оборотъ: онъ плѣнникъ, и войско его, изъ плѣнниковъ (какихъ-то!) составленное, побѣждено. — Ему приносятся на выборъ скиптръ и цѣпь. Бурновей употребляетъ еще свои хитрости; Мстиславъ и Ярославъ, оба пугаютъ другъ друга тѣмъ, что хотятъ заколоться, лишаясь возлюбленной. — Наконецъ, какъ обыкновенно случается у Сумарокова, объявляютъ о бунтѣ, произведенномъ, яко бы Ярославомъ. Невиннаго влекутъ въ темницу; Ольга молитъ объ его жизни; Мстиславъ, въ мученіяхъ совѣсти, самъ поднимаетъ на себя кинжалъ: но, слава Богу! дѣло все перемѣняетъ ходъ свой. — Открылось, что бунтъ отъ Бурновея, который подъ именемъ Ярослава произвелъ его въ Тмутаракани, или въ Кіевѣ, неизвѣстно, и что самъ онъ сдѣлался жертвою народной мести. — Что послѣ этаго? — Разумѣется: — свадьба! Ярославу возвращается скиптръ и корона (какого Княжества, неизвѣстно!..), и онъ получаетъ руку возлюбленной своей Ольги! — Мстиславъ заключаетъ;

Хотя состроятся тиранамъ олтари,
Они презрѣнные и гнусные Цари!
А праведный Монархъ, сѣдящій на престолѣ,
Всего любезнѣе, всего на свѣтѣ болѣ! —

Непочитаю нужнымъ дѣлать болѣе вып сокъ изъ сей трагедіи: слогъ Сумарокова весь непримѣтно или весьма мало возвышался в совершенствованіи своемъ отъ первой до п слѣдней трагедіи! — Конечно, и здѣсь ест очень много хорошихъ стиховъ, но прил чій и языка страсти недостаетъ, . . Отн семъ погрѣшности сего знаменитаго Писате ля къ его вѣку, почтемъ благоговѣйно его па занны стихотворные, возблагодаримъ его за ревностныя, высокія усилія вообще въ сло весности и особенно въ драматической Поэ зіи, какъ отца нашего театра, будемъ уди вляться многоразличнымъ его занятіямъ, изъ призна тельности станемъ отыскивать кра соты его генія для представленія потомству и рѣшимся подражать ему — въ постоянной любви къ Музамъ и почтенномъ трудолюбіи!!

Мерзляковъ.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

О господствѣ Англичанъ въ Восточной Индіи (*).

Почти за сто предъ симъ лѣтъ Могольская Имперія, при Ауренгъ-Зебѣ достигшая до высочайшей своей степени, занимала весь полуостровъ Индійскій между рѣками Индусомъ и Гангомъ, именно почти самое то пространство земли, которое нынѣ принадлежитъ Англичанамъ. Правительство ея тогда получало ежегоднаго дохода по 32 милліона фунтовъ стерлинговъ и имѣло въ распоряженіи своемъ 1,200,000 ополченныхъ воиновъ. Сія Татарская династія, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти Ауренгъ-Зеба, порабощена была сотнею тысячь Персовъ, послѣ которыхъ уже Маратты сдѣлались обладателями полуострова. Въ древнія времена Александръ Македонскій съ 30,000 Грековъ равнымъ образомъ безъ большихъ усилій покорилъ сію землю; ибо она достается всякому, кто только имѣетъ желаніе овладѣть ею. Отрядъ

(*) Изъ Voyages d'un François en Angleterre 1816.

Французскаго войска, составлявшій менѣе н желели десятую часть Грековъ, произвелъ р волюцію въ Деканѣ. Въ 1756 году Лорд Кливе захотѣлъ отмстить за своихъ соотечественниковъ, удушенныхъ въ Калькутско темницѣ (въ оной ужасной Черной пещерѣ) и низвергнулъ тронъ Бенгальскаго тирана Англичане позже всѣхъ прочихъ Европейцовъ начали заводить въ Индіи свои колоніи; не смотря на то, въ 1792 году уже обладали они пространствомъ земли при устьи Ганга на 100 миль квадратныхъ, и Калькутта, главной городъ въ сихъ колоніяхъ, получила подъ ихъ управленіемъ пол-милліона жителей. Отсюда начиная до Мадраса Англичане имѣли только узкую полосу берега, притомъ еще въ двухъ мѣстахъ перерванную. Но съ 1792 года до нынѣшняго времени владѣнія ихъ впятеро увеличились, такъ что Англичане обладаютъ теперь *шестьюдесятью милліонами* народа. Вообще начиналось тѣмъ, что Индійскому Князю, находившемуся въ дружескихъ связяхъ съ Англичанами, давали за ежегодную плату извѣстное число вспомогательнаго войска; такимъ образомъ покровительствуемый Князь отдаляемъ былъ отъ всѣхъ друзей своихъ и лишаемъ всѣхъ способовъ къ оборонѣ. Потомъ принимались покорять непріятелей сего дружественнаго Князя, а на конецъ и его самаго за какую нибудь неблагодарность. Вотъ какимъ способомъ въ продолженіе

в лѣтѣ всѣ сіи Князья были уничтожены! Лордъ Лаудердаль сравнивалъ етотъ способъ съ Французскими ругательными противъ Европейскихъ государей сочиненіями, которыя выходили именно въ то же самое время. Мудрено рѣшить, кто былъ изобрѣтателемъ сей политической хитрости. Вѣроятно, она давно уже существуетъ на свѣтѣ, и даже старѣе извѣстной басни о *Волкѣ и ягненкѣ.*

Исторія непредставляетъ другаго подобнаго примѣра, непредставляетъ государства, обладающаго въ другой части свѣта плодороднѣйшими областями, коихъ многолюдство вчетверо превышаетъ его собственное. При томъ же еще и не государству принадлежатъ сіи области, а только обществу купцовъ, которое владѣетъ ими противъ своей воли и вопреки даннымъ ему повелѣніямъ. Въ 1784 году Англійскимъ Парламентомъ учрежденъ былъ надъ Индійскою компаніей блюстительный Совѣтъ (Board of controul); при семъ случаѣ было обънявлено, что самая честь націи недозволяетъ обществу распространять области своей посредствомъ завоеваній, и въ слѣдствіе того предписано было ему строго наблюдать правила умѣренности и справедливости вразсужденіи Индійскихъ владѣльцевъ. Всему свѣту извѣстно, что сама Компанія всегда невыгодно отзывалась о завоеваніяхъ, между тѣмъ какъ завоеванія сіи, невѣдомо какимъ образомъ, сами собою дѣлались посредствомъ

губернаторовъ Общества и его генераловъ, а сіи всегда были утверждаемы Совѣтомъ, учрежденнымъ отъ правительства для надзора за поступками Компаніи. Покорена одна область; что тутъ дѣлать иное, какъ не удержать ее навсегда за собою? Притомъ же въ многосложномъ составѣ управленія трудно найти виноватаго.

Завоеванія всегда стоятъ много денегъ. Въ 1803мъ году въ Индіи надлежало содержать 125,000 войска, а именно: 25,000 Европейцовъ, 90,000 Индѣйскихъ солдатъ, 10,000 инвалидовъ, легкаго войска и ласкаровъ. Теперь войско простирается до 150,000 человѣкъ; оттуда возросъ долгъ до 35 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Индіи; ибо 15 милліоновъ ежегоднаго дохода не достаточно для содержанія гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ служителей, слѣдственно долгъ годъ отъ году увеличивается.

Если разсмотрѣть, великое ли получила Англія приращеніе въ физическихъ силахъ своихъ отъ завоеванія Индіи, то окажется совсѣмъ противное. Шестьдесятъ милліоновъ жителей сей послѣдней земли не только не участвуютъ въ собственно Англійской службѣ; но даже надобно каждой годъ въ Индію посылать по 30,000 Европейцовъ, неизбѣжно истребляе-

ныхъ тамъ климатомъ. Впрочемъ нѣтъ спора, что Индія обогащаетъ нѣкоторыхъ людей, то есть каждаго особенно, — людей возвращающихся въ Англію съ сокровищами; приносящими можетъ быть ту пользу, что онѣ облегчаютъ здѣсь способы брать въ займы капиталы; сверхъ того Индійская Компанія въ одномъ Лондонѣ даетъ работу 50,000 человѣкъ, а слѣдственно и пищу.

Неприятели Англіи завидуютъ ея *неисчерпаемому источнику* и, кажется, хотѣли бы его отнять у нее, во что бы то ни стало. Еслибъ ето удалось имъ, то они скоро бы увидѣли, что мало сдѣлали для Англіи, и для самихъ себя мало же. Уничтоженіе господства Англичанъ въ Индіи было бы не великимъ несчастіемъ для ихъ отечества. Чего не предсказывали въ то время, когда Англія лишилась колоній своихъ въ Америкѣ? А напротивъ вышло, что торговля ея возвысилась, какъ скоро колоніи сдѣлались независимы. Потерявши 40,000 Американскихъ матросовъ, Англія удвоила морскую свою силу, и съ тѣхъ поръ, какъ перестала обременять податьми Америку, собственные доходы ея сдѣлались вчетверо больше.

(*Извлеч. изъ Нѣм. Журн.*)

IV. СМѢСЬ.

Отрывки изъ походныхъ записокъ Русскаго офицера.

Берлинъ, 19 *Марта* 1813. Нынѣ, пріѣхавъ съ Принцемъ къ Генералу Репнину, имѣлъ я удовольствіе найти у него Генерала Алексѣева. Будучи еще ребенкомъ, я знавалъ его, какъ Московскаго Полиційм[е]йстера и хорошаго отцу моему знакомца. Время и болѣзни, послѣдствіе тяжелыхъ ранъ, перемѣнили нѣсколько его наружность; но душа его все также прекрасна, какъ была въ цвѣтущіе годы его жизни. И нынѣ та же обворожительная любезность, та же веселость нрава его не покидаютъ. Увидѣвъ его, я мечталъ, что свидѣлся съ Москвою, съ милыми друзьями, съ веселостями безпечной юности — мечталъ, и былъ нѣсколько минутъ счастливъ!

Я имѣлъ также счастливый случай быть у Графа Витгенштейна. Минутное пребываніе у него утвердило меня еще болѣе въ томъ мнѣніи, что истинно великій человѣкъ всегда снисходительнѣе и милостивѣе того, который высокъ одною породою, или богатствомъ.

Славныя дѣла говорятъ за перваго; и нужно ли ему, послѣ всемірнаго свидѣтельства, напоминать всякому о своемъ величіи? . . . Напротивъ другой, не имѣя *за себя* ничего, кромѣ золота, или прадѣдовскаго пергамента, думаетъ вывѣскою гордости обратить на себя общее вниманіе — думаетъ, и ужасно ошибается! *Спаситель Петрова града* примѣръ перваго. Я не видалъ человѣка ласковѣе, любезнѣе, милостивѣе въ обращеніи. Вошедъ къ нему въ жилище съ Шефомъ моимъ, я остановился въ приемной. Но Графу угодно было спросить у Принца, съ кѣмъ онъ пріѣхалъ; и на отвѣтъ, что Адъютантъ его остался въ другой комнатѣ, онъ приказалъ ввести меня въ кабинетъ свой; и разговаривалъ со мною очень милостиво. Величественная, благородная наружность его обольщаетъ васъ съ перкаго взгляда; слова его съ каждою новою минутою пріобрѣтаютъ новую властъ надъ сердцемъ вашимъ. Не удивляюсь, что окружающіе Графа столько ему преданы.

Графъ Витгенштейнъ отдыхаетъ въ Берлинѣ на трофеяхъ. Чуждый народъ торжествуетъ его здѣсь пребываніе, пока еще война не дозволила Рускимъ привѣтствовать его сердечною благодарностію. Онъ не можетъ выѣхать со двора безъ того, чтобы толпы Прусаковъ не окружили его и не изъявили ему своей преданности громкимъ *ура!* — Оставя

тактикамъ судить объ его военныхъ дарованіяхъ, скажу, какъ гражданинъ Россіи: „что Пожарской сдѣлалъ для Москвы и цѣлой земли Руской, то Витгенштейнъ сдѣлалъ для Петрова града. Довольно имени спасителя новой Столицы нашихъ Государей, чтобы идти въ храмъ вѣчности на ряду съ величайшими мужами!" Графъ, отдыхая здѣсь на трофеяхъ, трудится надъ приобрѣтеніемъ новыхъ: онъ занимается воззваніемъ Германскихъ народовъ ко всеобщему вооруженію противу врага ихъ свободы и спокойствія. Увѣренъ, что народы сіи, внимая Герою, не замедлятъ отдѣлиться отъ честолюбца, и пожелавъ колесницѣ его счастливаго пути, пристать въ братскому союзу, поднимающему оружіе на защиту правъ народныхъ. Достойно хвалы потомства и замѣчанія справедливаго историка единодушное рвеніе Прусаковъ и Королевскихъ къ возстановленію прежняго ихъ величія! Всѣ званія и состоянія проснулись, всѣ сливаютъ имя гражданина съ именемъ воина. Отцы разстаются съ малолѣтными дѣтьми, мужья покидаютъ нѣжныхъ супруговъ, сыны разлучаются съ престарѣлыми родителями; кто только можетъ поднять оружіе, требуетъ его; а старцы, жены, дѣвы и дѣти, безсильныя нести и бросать на враговъ громы, сопровождаютъ благословеніями идущихъ на брань отечественную. Не нужны намъ имущества, когда мы не возвратили еще лучшаго

го сокровища нашего имени!“ говорятъ богатые, и жертвуютъ имѣніемъ своимъ. „Что намъ и въ жизни, когда чуждая властъ оковываетъ наши руки и души?“ кричатъ бѣдные, и несутъ въ дань отечеству здоровье и жизнь свою. „Свобода! свобода! возвращеніе славы потомку Великаго Фридерика и подданнымъ его!“ восклицаетъ цѣлая Пруссія, и ополчаетъ сыновъ своихъ. Нынѣшнее всеобщее вооруженіе Прусаковъ можно назвать революціей, — такъ стремительно и единодушно сіе вооруженіе!

Обратившись мыслями на отечественную войну Рускихъ, остановившись на нынѣшнемъ ополченіи Пруссіи, увѣримся, что любовь къ отечеству не есть призракъ, и что привязанность къ имени своему не мечта! Увѣримся, что Творецъ, бросивъ въ насъ первую искру жизни, присоединилъ къ ней искру любви къ отечеству. Привычка младенца къ колыбели, привязанность его къ кормилицѣ, — ребенка къ комнатѣ, въ которой онъ воспитывался, и къ лугамъ, на которыхъ онъ игрывалъ, — юноши къ мѣсту родины, не есть ли приготовленіе къ сей любви? Родители, друзья, любовница, супруга, воспоминанія, страсти, несчастія и минуты блаженства укрѣпляютъ ее болѣе и болѣе, и доводятъ до силы, которой мы въ совершенныхъ годахъ уже противиться не можемъ. Ахъ! если бы

любовь къ отечеству была призракомъ, ито и жизнь наша не что иное была бы, какъ мрачное, печальное привидѣніе!

Отъ Графа ѣздилъ я съ Принцемъ къ Принцессѣ Бранденбургской Елисаветѣ. Ея Свѣтлость очень ласкова, — ето я очень помню; однакожъ не забылъ, что и ноги мои чувствуютъ еще боль отъ послѣдствій грознаго етикета, принудившаго меня стоять на нихъ нѣсколько времени. Увы! такая же участь ожидаетъ меня впередъ. . . То ли дѣло, друзья! за чашей круговой, на пышномъ соломенномъ ложѣ бесѣдовать съ дружбою о любви, или теряться сердцемъ и мечтами въ роѣ милыхъ? . . .

Перлебергъ, 21 *Марта* 1813. Сѣверъ Германіи (въ той сторонѣ, которую проѣзжаемъ) совершенно бѣденъ живописными видами. Хорошо обдѣланныя поля, большія деревни съ садами, обширныя равнины, скучные пески съ мрачными сосновыми лѣсами, болоты пересѣченныя ивовыми аллеями, — вездѣ печальное единообразіе, вездѣ повтореніе однихъ и тѣхъ же предметовъ! Напрасно мертвая кисть хотѣла бы здѣсь оживотвориться; если бы она и заплатила дань здѣшней Природѣ, то не представила бы ничего кромѣ порядочно устроенной хижины пахаря подъ тѣнію гостепріимныхъ тополей, кромѣ тучнаго вола и величественнаго могучаго ко-

я, — красоту и славу здѣшнихъ мѣстъ. На югѣ Германіи царствуетъ Природа со всѣми ужасами и пріятностями своими! — говорятъ художнику, — и артистъ, съ пламенною любовію къ изящному, спѣшитъ на берега Неккера и Майна.

Трудности, претерпѣнныя въ Польшѣ, представляются намъ какъ во снѣ. Мы совершенно забыли, что война не потушила еще огней, и каждую минуту готова позвать насъ къ дыму своихъ бивуаковъ. Среди солдатскаго похода мы совершаемъ самое пріятное путешествіе, и бѣдные какъ Иры, наслаждаемся подобно Крезамъ. Пользуйся настоящимъ! говорятъ любезные учители счастія — и мы въ строгой точности повинуемся ихъ ученію. Катимся со станціи на другую въ покойной коляскѣ на четырехъ быстрыхъ коняхъ, покоясь на хорошихъ постеляхъ, сидя за блюдомъ форелей или фазана, любуясь ключемъ Шампанскаго, біющаго со дна прадѣдовскаго покала, или слушая, какъ сокъ Гренадскихъ апельсиновъ съ пескомъ Американскаго тростника бунтуетъ въ портерѣ, обогащаясь каждый часъ новыми дарами природы и искусства — спрашиваемъ, улыбаясь, другъ у друга (съ товарищемъ моимъ Колеимъ): не окаетъ ли какая нибудь тысяча душъ отъ роскошнаго нашего путешествія? не имѣемъ ли нужды

послать приказъ къ бурмистрамъ и старостамъ нашимъ о накладкѣ на крестьянъ ка[...]шихъ оброка? . . . Слава Богу! удовольстві[я] наши не покупаются цѣною кроваваго пот[а] подобныхъ намъ. Безъ всякихъ побуждені[й] случай платитъ намъ богатую подать. До[л]го ли будетъ баловать насъ такимъ образомъ? Не знаю; но, благодаря судьбу за ея милости, пользуемся ими.

Перлебергъ небольшой, но порядочной городокъ. Мы находимся еще въ Пруссіи; черезъ нѣсколько минутъ будемъ въ Мекленбургѣ.

М. Лудвигслустъ, 25 *Марта* 1813 *года.* Куда бури жизни не занесутъ утлаго челна, пущеннаго на произволъ судьбы по необозримому пространству океана! . . . Думалъ ли я, безпечной питомецъ любви и природы, вѣрной другъ полей и рощей, постоянной житель родной хижины — думалъ ли я сторожитъ въ шумномъ станѣ военномъ, сыпать подъ тѣнію грозныхъ орудій смерти и въ кругу сѣверныхъ героевъ бесѣдовать о безсмертіи падшихъ на поляхъ славы? мечталъ ли я опять на пути нынѣшней войны, внимая громамъ ея, недосыпая ночей на соломенномъ ложѣ и подъ покровомъ пасмурнаго неба, встрѣчая морозы и непогоды — воображалъ ли, что жребій войны броситъ меня на пышные пуховики Фортуны, въ жилище благо-

[лю]безной Феи, въ цвѣтникъ Грацій и заста[ви]ть сердце мое кружиться въ вихрѣ разно[о]бразныхъ удовольствій? . . . Но что всего [др]агоцѣннѣе, всего сладостнѣе, — осиротѣвшій [в]ъ мірѣ, въ удаленіи отъ полей отечествен[н]ыхъ, отъ родныхъ и друзей незабвенныхъ, [я] могъ и мыслить найти новое родство, новыхъ друзей и благодѣтелей на берегахъ Балтійскаго моря! Мы усладимъ для тебя разлуку съ Отечествомъ и милыми сердцу твоему! говорятъ они, и оправдываютъ то опытомъ. — Сколько счастливыхъ и печальныхъ перемѣнъ въ жизни человѣческой! какъ разноцвѣтна чудесная ткань ея! Кто можетъ предвидѣть, какими шелками изотчется и моя собственная? . . .

И такъ я въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, въ гостяхъ у любезнаго Повелителя его, въ мѣстахъ, гдѣ жила и скончалась Сестра ИМПЕРАТОРА нашего. Принцъ Карлъ близь десяти лѣтъ не былъ въ своемъ семействѣ, и потому можно вообразить, съ какими чувствами радости встрѣтили его родственники. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены свиданія; видѣлъ слезы, текущія по лицамъ ихъ; видѣлъ, какъ сынъ и дочь Великой Княгини Елены Павловны, живые портреты прекраснѣйшей душею и тѣломъ Матери, бросились съ искренними знаками радости на шею своего дяди. И могъ ли я, смо-

тря на ету семейственную картину, и принести потаенною слезою дани Природѣ которая пишетъ законы и вѣнчаннымъ Главамъ? . . Въ етой сценѣ насъ, Рускихъ, не забыли. Приязнь, ласки, упрежденіе нашихъ желаній, попеченіе о нашемъ покоѣ и удовольствіяхъ, заботы о нашемъ здоровьѣ — все ето возбуждало въ сердцахъ нашихъ чувства живѣйшей благодарности. — Прелестная весна улыбается намъ и сулитъ тысячу пріятностей.

И. Лажечниковъ.

Политическія происшествія.

Португаллія.

Въ слѣдствіе дѣятельныхъ мѣръ правительства спокойствіе въ Лиссабонѣ совершенно возстановлено, и мятежники подвергнуты уже законному сужденію. Доселѣ взято подъ стражу около 50 человѣкъ. Пока еще степень преступленія каждаго изъ нихъ не открыта, частныя письма изъ Лиссабона говорятъ только, что намѣреніе ихъ было свергнуть съ Престола Браганцскій домъ, лишить жизни Маршала Бересфорда, потомъ удалить всѣхъ Англійскихъ офицеровъ, побудить армію принять участіе въ возмущеніи, и наконецъ ввести республиканское правленіе по образцу Кортесовъ. Впрочемъ и объ етомъ слухи несходны между собою.

Германскій Союзъ.

Одну изъ главныхъ достопамятностей нашего времени безъ сомнѣнія составляетъ непонятная дерзость морскихъ разбойниковъ, разъѣзжающихъ даже на сѣверныхъ моряхъ и дѣйствующихъ непріятельски даже противъ Англіи. Разбойники сіи, Варварійцы, или кто бы они ни были, угрожаютъ Германской торговлѣ, промышленности и мореплаванію ужасными послѣдствіями. Почему отъ посланника Ганзеатическихъ городовъ, Гамбурга, Любека и Бремена, сдѣлано было Сейму весьма сильное представленіе о необходимости принять противъ сихъ морскихъ разбойниковъ самыя надежныя средства. По разсмотрѣніи онаго особою Коммиссіею оказалось, что одно только излишнее снисхожденіе нѣкоторыхъ Европейскихъ Державъ побудило Варварійцовъ къ неслыханной смѣлости проникнуть въ Каналъ и въ Сѣверное море. Въ слѣдствіе чего Коммиссія признаетъ за нужное, чтобы Австрія и Пруссія, какъ Европейскія Державы и главнѣйшіе Члены Германскаго Союза, снеслись съ Англіею о мѣрахъ обузданія наглости. Россію, Францію, Гишпанію, Португаллію, Данію и Короля Нидерландскаго предполагается также просить о подкрѣпленіи сего требованія и о содѣйствіи къ прекращенію сего зла отправленіемъ фрегатовъ, куда признано будетъ нужнымъ.

Виртембергское Королевство.

Уже многіе города изъявили желаніе принять Конституцію. По возвращеніи Двора, находящагося теперь въ Баденѣ, что близъ Раштадта, приступлено будетъ къ образованію разныхъ сословій.

Англія.

Безпокойства въ разныхъ графствахъ не совсѣмъ еще прекратились, почему и положено въ Верхнемъ Парламентѣ остановить актъ Habeas corpus еще до нѣкотораго времени, чтобы удобнѣе управляться съ возмутителями общаго спокойствія. — Гг. *Смитъ* и *Вильберфорсъ* объявили въ Парламентѣ, что Испанцы и Португальцы производятъ нынѣ торгъ Неграми гораздо въ большемъ количествѣ, нежели прежде; въ слѣдствіе чего опредѣлено въ Нижней Палатѣ отправить къ Принцу Регенту адрессъ съ прозьбою, чтобы Его Высочество употребилъ свое ходатайство у Державъ иностранныхъ о совершенномъ прекращеніи торговли невольниками.

Франція.

Нынѣ достовѣрно извѣстно, что безпокойства, недавно прекращенныя въ окрестностяхъ *Ліона*, произошли не отъ одной дороговизны, но и отъ злодѣйскихъ умысловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выставлены были *трехцвѣтные* флаги, и многими носимы были *трехцвѣтныя* кокарды. — Исполненіе приговора надъ осужденнымъ къ смертной казни начальникомъ мятежа въ Ліонѣ *Валенкотомъ* было отложено въ томъ предположеніи, что онъ назоветъ своихъ сообщниковъ; но какъ онъ немогъ, или не хотѣлъ наименовать оныхъ, то приговоръ надъ нимъ исполненъ.

Южная Америка.

Изъ Багіи, Бразильской провинціи, отправлены понынѣ три експедиціи противъ Пер-

намбуко, и войска перешли уже предѣлы сей провинціи; сверхъ того предположено отправить еще нѣсколько судовъ и изъ Ріо-Янейро. Все сіе заставляетъ ожидать въ скоромъ времени извѣстія о возстановленіи спокойствія въ Пернамбуко. Безпокойства въ Южной Америкѣ и Бразиліи обратили особенное вниманіе союзныхъ Державъ. Есть надежда, что разные Дворы сдѣлаютъ положеніе между собою не только не доставлять никакого подкрѣпленія безпокойнымъ народамъ, но и совершенно прекратить всѣ сношенія съ ними. О принятіи сей обязанности предложено будетъ и Сѣверо-Американскимъ Областямъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Въ Берлинской газетѣ помѣщено слѣдующее предсказаніе на 1917 и 1918 годы, взятое изъ одной старинной Скандинавской рукописи: „Старики перестанутъ быть властолюбцами и скрягами; дѣвушки не будутъ любопытны; молодые люди сдѣлаются скромны, будутъ говорить мало, безъ крику и въ пору; женихи и невѣсты будутъ бережливѣе въ свадебныхъ издержкахъ; супруги обоего пола будутъ снисходительнѣе другъ ко другу; барышни станутъ менѣе слѣдовать модѣ, а болѣе сообразоваться съ тѣмъ, что прилично ихъ возрасту; кумушки небудутъ злословить своихъ сосѣдокъ;

кокетки, которыя любятъ нравиться всѣмъ мущинамъ, въ число сихъ послѣднихъ включатъ и своихъ супруговъ; ученые нескажутъ ничего пустаго; стряпчіе перестанутъ затемнять истину; судьи будутъ спать только ночью купцы будутъ довольны умѣреннымъ прибыткомъ; вино будетъ приготовляться только осенью и смѣшиваться съ водою только за столомъ; богачи будутъ человѣколюбивы, а бѣдняки станутъ трудиться; каждый будетъ доволенъ своимъ состояніемъ, и люди одного ремесла будутъ взаимно любить другъ друга.“ — Это прямо волотые два года! Жаль, что до нихъ еще такъ долго дожидаться!

— Графиня Жанлисъ, которой давно бы уже пора положить перо свое на жертвенникѣ Меркурія, или Аполлона, написала еще одинъ романъ *медицинскаго* содержанія, подъ титуломъ: „Зюма, или открытіе корки хины.“ Думаютъ, что многочисленныя подражательницы ея не замедлятъ что нибудь сочинить въ такомъ же родѣ, и выберутъ содержаніемъ для романовъ своихъ ревень, александрійской листъ, или желчной камень. — Напротивъ того Парижская драматургія принялась за *хирургію*. Въ новой драмѣ, называемой *Фальдони*, завязку и развязку составляетъ опухоль пульсовой жилы, отъ которой и умираетъ герой піесы. Въ другой драмѣ: *Елоиза и Абелардъ*, надъ послѣднимъ ле-

цемъ совершается извѣстная операція — къ счастію однакожъ не на сценѣ; только слышны изъ-за кулисъ вопль и стоны.

— Изъ дому супруги Маршала С. въ Парижѣ улетѣлъ любимой попугай. Свѣтлѣйшая хозяйка красноръчиваго пернатаго думала, что оно попало къ актрисѣ Б., и потребовала у нее маленькою записочкой, на которой подписалась: *Елисавета Далматская.* Дѣвица Б. отвѣчала слѣдующимъ образомъ: „я не только не поймала попугая, но даже невидала его. *Ифигенія Таврическая.*"

— Во время революціи домъ Французскаго актера Тальмы служилъ убѣжищемъ для гонимыхъ, какогобы впрочемъ ни держались они мнѣнія. Въ одно время скрывались у него Якобинецъ и Роялистъ; одинъ жилъ въ погребѣ, другой на верху въ чуланѣ. Не зная другъ друга, они обѣдали вмѣстѣ съ гостепріимнымъ своимъ хозяиномъ, которой, надобно знать, обоимъ запретилъ говорить о дѣлахъ политическихъ. Однажды ввечеру Тальма, сидя за столомъ, вздремалъ; гости завели рѣчь о политикѣ, тотчасъ узнали другъ друга, начали шумѣть и дѣло уже доходило до драки. Тальма просыпается, дѣлаетъ обоимъ выговоръ за ихъ нетерпимость и стыдитъ ихъ, объявивъ, что они оба равно пользуются его гостепріимствомъ.

— 23 го Числа минувшаго Іюня славный Англійскій актеръ Кембель (Kemble) въ Лондонѣ съигралъ, въ послѣдній разъ передъ увольненіемъ своимъ отъ театра, въ трагедіи *Коріоланѣ* роль Кая-Марка. Послѣ піесы, при безпрестанныхъ плескахъ и кликахъ, онъ вышелъ на сцену, и едва имѣлъ время произнести дрожащимъ голосомъ: „милостивыя государыни, милостивые государи! я теперь въ послѣдній разъ явился предъ вами!“ къ нему бросили лавровой вѣнокъ изъ партера. Въ 27 день того же мѣсяца многолюдное общество любителей словесности и драматическаго искусства собралось въ гостинницѣ Свободныхъ каменьщиковъ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ въ честь г-на Кембеля. Кромѣ Лорда Голланда, какъ президента, находились тамъ Дюкъ Бедфордъ, Лордъ Ерскинъ, Лордъ Мюльгравъ, Маркизъ Ландсдовъ, Французской актеръ Тальма (который теперь, равно какъ и актриса Жоржъ, находится въ Лондонѣ, гдѣ оба вмѣстѣ играютъ сцены изъ Французскихъ трагедій), и г. Бестъ, предсѣдатель Королевской Академіи живописи. По окончаніи обѣда президентъ произнесъ къ обществу рѣчь; потомъ поднесена была г-ну Кембелю дорогая серебряная ваза съ приличною надписью, въ которой упоминается о трудахъ сего великаго актера, подъятыхъ имъ на пользу *законной драмы* (legitimate drama) и

въ особенности для утвержденія славы Шекспира. Рѣчь Лорда Голланда часто прерываема была громкими рукоплесканіями. Послѣ того предложилъ онъ пить за здоровье Кембеля и многихъ другихъ; потомъ питъ былъ тоастъ о здоровьѣ Тальмы и объ успѣхахъ Французскаго театра. Тальма, поблагодаривъ на Англійскомъ языкѣ, съ покаломъ въ рукѣ воскликнулъ тоастъ о благоденствіи Англійской націи и ея театра.

— Трое Августинскихъ монаховъ и одинъ Екзъ-Іезуитъ пытались было въ Вирцбургѣ завести новую секту пустосвятовъ. Одинъ изъ первыхъ (вѣроятно сумасшедшій) имѣлъ безстыдство утверждать о себѣ, будто бы отъ самаго Бога-Отца получилъ посвященіе на Папское достоинство. Благоразумное и просвѣщенное правительство Баваріи призвало ихъ къ отвѣтственности и поступаетъ съ ними, какъ съ шалунами, заслуживающими только полицейское наказаніе.

— Сообщаемъ замѣчаніе, важное для испытателей природы. Извѣстно, что въ Австраліи открыто четвероногое животное, имѣющее утиной носъ и пѣтушьи на ногахъ шпорки. Недавно примѣчено въ немъ еще одно необыкновенное свойство. Одинъ человѣкъ, котораго животное укололо своею шпоркой, почувствовалъ всѣ тѣ слѣдствія, какія бываютъ отъ

уязвленія ехидны, и анатомическое изслѣдованіе показало, что упомянутая шпорка имѣетъ устроеніе, совершенно похожее на ядовитые зубы ехидны.

— Въ новоучрежденномъ Варшавскомъ Университетѣ Уставомъ положена катедра и для преподованія *Славянскихъ нарѣчій.* Дѣйствительно, чтобъ имѣть философическое знаніе какого-нибудь одного изъ Славянскихъ нарѣчій (положимъ, Польскаго языка), нужно имѣть достаточное понятіе и о прочихъ. Безъ того нельзя показать ни происхожденія многихъ словъ, ниже правильнаго ихъ употребленія.

— Пишутъ изъ Варшавы, что по силѣ новаго Высочайшаго Указа дворянское достоинство въ Польскомъ Царствѣ получаютъ: *во первыхъ*, учители публичныхъ школъ, въ продолженіе десяти лѣтъ безпрерывно и съ успѣхомъ трудившіеся на поприщѣ народнаго просвѣщенія; *во вторыхъ*, каждый чиновникъ, также десять лѣтъ безпрерывно и съ отличною ревностію служившій отечеству; *въ третьихъ*, каждый воинъ, дослужившійся до Капитанскаго ранга; *въ четвертыхъ*, каждый офицеръ, получившій Польскій орденъ военной заслуги; *въ пятыхъ*, каждой гражданинъ, трудами своими, талантомъ или полезнымъ изобрѣтеніемъ содѣйствовавшій успѣхамъ просвѣщенія, промышленности, земледѣлія и всего того, что

служить къ общему благу. (Сіе извѣстіе совершенно подтверждено полученною нами Варшавскою Газетой No 56.)

Отъ Редактора.

Слѣдующіе два No Вѣстника Европы, а именно 15й и 16й, выдутъ вмѣстѣ къ концу Августа мѣсяца. Сему причиною отъѣздъ мой изъ Москвы на двѣ или три недѣли, по дѣламъ службы. К.

Книжныя извѣстія.

1. *Бытіе сердца моего, или Полное собраніе стихотвореній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго*, въ которомъ помѣщена большая часть стиховъ нигдѣ не напечатанныхъ и публикѣ неизвѣстныхъ; 4 Ч., въ коихъ содержаться будетъ до 60 печатныхъ листовъ, или до 1000 страницъ, въ 8 ю долю, новымъ шрифтомъ чисто отпечатанныя. М. 1817 г. въ Унив. Тип. Подписная цѣна за 4 Части на лучшей бумагѣ 25 р., на простой 20 р. Для охотниковъ имѣется небольшое число екземпляровъ на лучшей веленевой бумагѣ; цѣна 50 р.. При подпискѣ *первая Часть съ портретомъ Автора, гравированнымъ заглавнымъ листомъ и виньетомъ, выдается*; вторая Часть печатается, и остальныя выдутъ въ непродолжительномъ

времени. Гг. иногородные могутъ получить сію книгу за туже цѣну, безъ платы за почтовую пересылку.

Подписка принимается *въ Москвѣ, у книгопродавца А. С. Ширяева* въ Университетской книжной лавкѣ, состоящей между Дмитровкою и Петровкою, на валу; *въ С. Петербургѣ у книгопродавца В. А. Плавильщикова* въ Библіотекѣ для чтенія, у Синяго мосша.

2. *Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Н. Батюшкова*, изданіе въ 2 Часш. съ двумя искусно гравированными виньетами, на Люб. бумагѣ. — Гг. Подписчики получаютъ 1 ю Часть, а на 2 ю, которая въ печати и выдетъ немедленно — билетъ. Цѣна за обѣ Части 15 рублей.

Подписка принимается на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ, принадлежащемъ Императорской публичной Библіотекѣ, *у Надворн. Совѣт. Никол. Иван. Гнѣдича*; также въ большой Морской на углу Кирпичнаго переулка, въ домѣ купца Антонова подъ No 125; *въ типографіи Греча у фактора Грефа*; въ книжной лавкѣ Матвѣя Глазунова, въ домѣ Балабина, и у другихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики, относясь прямо на имя Н. И. Гнѣдича, получаютъ немедленно безъ платежа за пересылку. — Цѣна по окончаніи подписки возвысится.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 15 и 16.
АВГУСТЪ. 1817.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей (*).

Я желалъ бы самъ превратиться въ ето письмо и летѣть къ тебѣ, милая и безцѣнная супруга: мое присутствіе и тебя и меня осчастливило бы совершенно. Довольствуйся однимъ желаніемъ, которое къ горести моей не могу исполнить. Будь увѣрена, что на крыльяхъ любви чистой и постоянной я часто посылаю къ тебѣ мои сокровеннѣйшія

(*) Писанное отцемъ знаменитаго Тасса. „Любопытно видѣть, какъ родители Торквата пеклись объ его воспитаніи. Бернардо, какъ извѣстно, былъ и самъ славный стихотворецъ и писатель достойный уваженія; а изъ етаго письма видно, что онъ былъ и добрый человѣкъ.“ Ето слова почтеннѣйшаго Б...а, приславшаго ко мнѣ переводъ свой. Рдръ.

времени. Гг. иногородные могутъ получи[illegible] сію книгу за ту же цѣну, безъ платы за по[illegible]товую пересылку.

Подписка принимается *въ Москвѣ*, *у книго*[illegible]*продавца А. О. Ширяева* въ Университетской книжной лавкѣ, состоящей между Дмитровкою и Петровкою, на валу; *въ С. Петербургѣ у книгопродавца В. А. Плавильщикова* въ Библіотекѣ для чтенія, у Синяго мосту.

2. *Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Н. Батюшкова*, изданіе въ 2 Част. съ двумя искусно гравированными виньетами, на Люб. бумагѣ. — Гг. Подписчики получаютъ 1 ю Часть, а на 2 ю, которая въ печати и выдетъ немед[illegible]но — билетъ. Цѣна за обѣ Части 15 руб[illegible]

Подписка принимается на Невскомъ [illegible]спектѣ, въ домѣ, принадлежащемъ Импе[illegible]ской публичной Библіотекѣ, *у Надворн*[illegible] *Никол. Иван. Гнѣдича*; также въ [illegible] Морской на углу Кирпичнаго переулка [illegible] купца Антонова подъ No 125; *въ* [illegible] *Греча у фактора Грефа*; въ книжн[illegible] Матвѣя Глазунова, въ домѣ Б[illegible] гихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики, относяс[illegible] на имя Н. И. Гнѣдича, получаютъ [illegible] безъ платежа за пересылку. — Ц[illegible] чаніи подписки возвысится.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 15 и 16.
АВГУСТЪ. 1817.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо Бернарда Тасса къ Порціи о воспитаніи дѣтей (*).

Я желалъ бы самъ превратиться въ его... сьмо и летѣть къ тебѣ, милая и безцѣ... супруга: мое присутствіе и тебя и мен... счастливило бы совершенно. Довольствуюсь ...мъ желаніемъ, которое къ горести мо... могу исполнить. Будь увѣрена, что ... тьяхъ любви чистой и постоянной ... посылаю къ тебѣ мои сопрово... ...ердою. По... ...амый дикій и ... дѣлается нѣж... гибкій и нѣжный ... и все небесное ...ащается въ натуру. ...е приучать къ ученію. ...гибко, заранѣе наклоняй ... благотворной сторонѣ до-

(*) Писанное отцемъ знаменитаго Т... ...ытно видѣть, какъ родители ... ...лись объ его воспитаніи. Бер... ...звѣстно, былъ и самъ слав... ...рецъ и писа... ...вого пись... ...ловѣк... ...рисл...

мысли: онѣ живутъ при тебѣ неразлучно. Я надѣюсь, я почти увѣренъ, что моя Порція то же дѣлаетъ: и такъ мысли наши встрѣчаются на дорогѣ. Знаю, сколь тягостна тебѣ разлука наша; чувствую въ моемъ сердцѣ печаль твою, тѣмъ болѣе что мнѣ извѣстно, съ какою живостію ты предаешься ей, не отъ малодушія, нѣтъ! отъ излишества любви къ несчастному изгнаннику. Но, если лучшая награда за любовь есть любовь равномѣрная, то можешь быть покойна: я люблю тебя какъ только можетъ любить смертный: всѣмъ сердцемъ, всей душою. Надѣюсь, что наше свиданіе будетъ скорѣе нежели ты полагаешь; но медленнѣе твоихъ желаній. Не хочу и не могу писать когда именно, ибо это зависитъ отъ воли чуждой; но оно тѣмъ болѣе будетъ радостно, чѣмъ менѣе ожиданно тобою. Въ случаѣ, если Богъ продлитъ разлуку нашу (положимся на волю Его безъ ропота!) я долженъ тебѣ объяснить мои мысли о воспитаніи милыхъ малютокъ нашихъ.

Такъ! мы должны показать свѣту, сколько они драгоцѣнны намъ, пользою, которую принесутъ имъ наши попеченія. Къ несчастію, по молодости твоей, ты не имѣешь еще сей опытности, необходимой для воспитанія дѣтей. Спѣшу подать нѣкоторые совѣты, частію изъ древнихъ, частію изъ новыхъ философовъ почерпнутые. Управляясь

бными, ты можешь, съ помощію Бога, успокоишь нѣкогда почтенную старость твою въ объятіяхъ ихъ добродѣтельной юности. Образованіе или *воспитаніе* (какъ говорится на языкѣ материнскомъ) раздѣляется на двѣ части: *на нравы* и *ученіе*. Нравственность подлежитъ попеченію отца и матери; ученіе болѣе отцу. И такъ я стану говорить о первой, предоставляя себѣ — если будетъ угодно Небесамъ продлить жизнь мою — попеченіе о наукахъ нашего Торквата. Молодость его не позволяетъ еще склонить его подъ тяжкое ярмо ученія. Если любовь родительская меня не ослѣпляетъ, и сколько судить можно по такому нѣжному возрасту, я полагаю, что онъ одаренъ прелестнымъ тѣломъ и душою прекрасною. Но етаго мало для желаемаго нами совершенства: ето все требуетъ образованія! Нѣтъ земли столь дикой и безплодной, которая бы отъ стараній не удобрилась, несдѣлалась мягкою, плодотворною; нѣтъ земли плодоносной, которая бы при запущеніи не сдѣлалась дикою, твердою. Подобно сему умъ, отъ природы самый дикій и своенравный, отъ воспитанія дѣлается нѣжнымъ и гибкимъ; а самый гибкій и нѣжный безъ образованія портится — и все небесное теряетъ. Навыкъ превращается въ натуру. И такъ нужно заранѣе приучать къ ученію. Пока деревцо нѣжно и гибко, заранѣе наклоняй вѣтви *мыслей* къ благотворной сторонѣ до-

бра и чести. Литтеры, вырѣзанныя на мягкой корѣ юнаго дерева, съ нимъ мало по малу выраспаютъ и живутъ до смерти его: такъ сіи примѣры добра, сіе безпрестанное поученіе добродѣтели, сильно врѣзываются въ молодую память и выраспаютъ съ душою. Затвердѣлаго въ порокахъ и лѣности не лзя обратить къ добру и ученію, подобно какъ ободъ колеса распрямить и привести въ первое состояніе.

Наша Корнелія уже выходитъ изъ отроческихъ лѣтъ. Душа и тѣло ея растутъ ежедневно; умъ становится живѣе и быстрѣе. Пора, милый другъ, посѣять въ немъ нѣкоторыя сѣмяна, достойныя насъ. Нѣтъ семянъ, которыя бы приносили лучшіе плоды, нѣтъ сѣмянъ, которыя бы сильнѣе истребляли жажду свѣтскихъ, суетныхъ радостей, какъ сѣмяна страха и любви къ Богу. И такъ нужно тебѣ стараться всѣми силами запечатлѣть въ сей невинной душѣ любовь и мысли о Богѣ, о вѣчномъ Творцѣ, который даровалъ ей и жизнь, и все что есть прекраснаго въ жизни настоящей и будущей. Старайся внушить ей страхъ Божій, не низкій, не рабской — величію Творца такой не угоденъ! — но страхъ благородный, чистый, спокойный, который бы такъ тѣсно былъ связанъ съ любовію, что ничто, ни какая сила ихъ разлучить не могла: такъ чтобы отъ тѣс-

наго союза страха и любви родилась Религія. Какъ тѣнь, позволяетъ иногда въ области своей зарождаться вреднымъ травамъ, но недаетъ имъ выростать и приносить горькихъ плодовъ: такъ и Религія не допускаетъ порокамъ гнѣздиться въ душѣ, расплодиться, и приносить плоды ужасныхъ преступленій. Теперь надобно обьяснить, что значитъ слово *нравы*: сохранять во всемъ что говоришь и дѣлаешь скромность и приличіе. Навыкъ къ етому отъ юности даетъ нѣкоторый порядокъ и прочный блескъ всѣмъ поступкамъ; онъ даетъ имъ прелесть неизъяснимую, и которая имѣетъ силу нравиться людямъ образованнымъ и самыхъ простолюдиновъ плѣняетъ. Нравы раздѣляются на тѣ, которымъ насъ наставляетъ ученіе и время. Первые отъ наставниковъ запечатлѣваются въ юной душѣ, вторые суть плоды собственной опытности и разсудка. И такъ спѣши научить тому, что отъ тебя зависитъ, милая супруга! Два способа ученія: одинъ разсужденіемъ и доводами, другой примѣромъ. Чувство зрѣнія быстрѣе слуха. Надлежитъ являть себя дѣтямъ, какими ихъ желаешь видѣть: безмолвное наставленіе, наставленіе примѣромъ, всего сильнѣе. Желать наставить дѣтей, чему самъ неслѣдуешь, не то ли же, что показавъ ближайшую дорогу пріятелю, самому идти по другой? И отецъ и мать должны быть нрава кроткаго, сто-

шенбаго и безпереспанно заботиться о бла
дѣтей; они должны облечь добродѣтелію д
тей своихъ, напитать ею ихъ зрѣніе, и слух
и умъ и сердце. Едва юный умъ начинает
поверхностно разсуждать и отчасти сообр
жать вещи — то немедленно обращает
проницательные взоры на поступки родите
лей; съ великимъ вниманіемъ ловитъ и замѣ
чаетъ все что они дѣлаютъ, все что он
говорятъ. Постоянное созерцаніе родитель
скихъ добродѣтелей не есть ли лучшее по
ощреніе идти по слѣдамъ ихъ?

Болѣе всего пекись о благонравіи дома
шнихъ. Старайся, чтобы ни одно слово не
благопристойное, грубое, или безбожное не ос
корбило дѣтскаго слуха; ни одинъ поступокъ
безстыдный или безчестный не представился
бы взорамъ ихъ. Это дѣло твое; ибо они бу
дутъ неразлучны съ тобою. У тебя научат
ся говорить и дѣйствовать, на лицѣ твоемъ
привыкнутъ читать долгъ свой. Не вводи
ихъ въ такіе домы, гдѣ благонравіе и при
стойность часто нарушаются. Въ странахъ
здоровыхъ и воздухъ благопріятенъ; въ жи
лищѣ добродѣтели и благихъ нравовъ все пи
таетъ ихъ, все добру научаетъ. Хотя благо
нравіе, чуждыми примѣрами запечатлѣнное въ
головѣ дѣтской, не есть еще добродѣтель ис
тинная, но нѣчто ей подобное, близкое;
однако, въ теченіи времени (столь велика си-

ла навыка!) они одушевляются сими примѣрами, какъ хладный мраморъ Пигмаліоновъ одушевился богомъ. Страшись впасть въ заблужденіе матерей, которыя по излишней привязанности къ дѣтямъ уступаютъ ихъ волѣ, часто безразсудной, и не только не останавливаютъ ихъ, но даже не терпятъ, чтобы посторонніе люди имъ противорѣчили. Такимъ образомъ пріучая къ наслажденіямъ, сами отдаютъ ихъ во власть порокамъ. И не смѣю думать, чтобы ты желала управлять ими посредствомъ страха и наказаній. Тѣ, которые во гнѣвѣ наказываютъ дѣтей, похожи на неистовыхъ, поднимающихъ руку на образа Божескіе! Добродѣтель не должна внушаться отроку ни лозою, ни страхомъ; ибо страхъ есть слабый и ничтожный блюститель оной. Но сохранить во всемъ золотую середину должно; ибо если опасно строгостію уничтожить любовь къ родителямъ, то равномѣрно опасно излишнимъ снисхожденіемъ ослабить уваженіе и почтеніе къ священному ихъ сану. Если дѣти впадаютъ иногда въ малыя погрѣшности, то лучше не замѣчай ихъ; если онѣ значительны, то увѣщевай ихъ, но кротко и ласково; большіе проступки наказывай суровымъ взглядомъ, холодностію, укоризнами. Если случится, что подобный проступокъ учинитъ слуга домашній, то наказывай его при виновномъ ребенкѣ, и дай почувствовать ему въ душѣ вину и наказаніе. Я могъ бы

предложить еще нѣсколько правилъ; но опрошусь излишествомъ разсѣять твое вниманіе. Кажется, говорилъ о всѣхъ важныхъ пунктахъ, а частные случаи ты можешь сама согласовать съ ними. Ученіе Торквата предоставляю себѣ, когда онъ придетъ въ надлежащій возрастъ. Тебѣ, какъ матери, поручаю Корнелію; кто лучше тебя наставитъ ее въ добродѣтели? — Будь счастлива, милая Порція! Пускай присутствіе дѣтей нашихъ, которыя тебѣ столь живо напоминаютъ меня, усладитъ отчасти томную печаль разлуки!

Съ Италіянск. Б.

Предчувствіе, или Графъ Загоровскій и Яшка Кривошея, справедливая повѣсть (*).

Письмо I.

Отъ Графа Загоровскаго изъ С. Петербурга къ Полковнику Щеропольскому въ Варшаву.

Любезный товарищъ ратныхъ подвиговъ, или лучше, достойный наставникъ моей юно-

(*) Переводъ съ Польскаго. Происшествіе, подобное здѣсь описанному, дѣйствительно

сти! вотъ я уже на мѣстѣ своего предназначенія. Монархъ пожаловалъ меня Высочайшею своею милостію, возведши на степень значительную. Упражненія мои по должности суть такого рода, что я, будучи всегда ими занятъ, не имѣю досужнаго времени погружаться въ обыкновенныя свои размышленія, за которыя ты столь часто журилъ меня, и которыя называлъ неприличными моему возрасту. — Въ самомъ дѣлѣ, бывши всю дорогу одинъ безъ товарища и не могши по причинѣ зимней поры забавляться чтеніемъ, я имѣлъ возможность внимательнѣе замѣчать за собою и началъ себя разсматривать; чтожъ вышло? Еще и теперь не умѣю отгадать причины того расположенія къ сильной чувствительности и вмѣстѣ той холодности къ семейственному счастію, которыя отчасу болѣе въ себѣ замѣчаю. Непонятное дѣло! Будучи молодъ, здоровъ, богатъ, свободенъ отъ тѣхъ страстей, которыя обыкновенно ослабляютъ власть разума, принадлежа къ фамиліи, къ которой желали бы принадлежать многіе, — въ нѣдрѣ етой же самой фамиліи я вовсе не нахожу для себя того невиннаго, сладостнаго удовольствія, того райскаго блаженства, которыя съ восторгомъ усматриваю въ моихъ сверстни-

случилось въ Германіи очень недавно. Авторъ за благо разсудилъ перенести сцену въ свое Отечество. *Рдръ.*

кахъ. Безпрестанно упрекаю себя холоднымъ расположеніемъ своимъ къ батюшкѣ, принужденными, всегдашнимъ безпокойствомъ сопровождаемыми поступками съ сестрою, — и при всемъ томъ никакъ не могу преодолѣть себя, не могу ни чувствовать, ни поступать иначе. — Открываясь передъ тобою въ смутныхъ мечтахъ своихъ и мысляхъ, признаюсь, что хотя давно уже онѣ лежатъ у меня на сердцѣ, но никогда такъ не тяготили его какъ при послѣднемъ прощаньи моемъ передъ отъѣздомъ изъ дому. Доброй родитель мой, вопреки обыкновенно суровой своей наружности, нѣжнѣе чѣмъ когда-либо прижималъ меня къ своему сердцу; опечаленная сестра украдкой отирала текущія слезы; домашніе плакали: только одинъ я, при спокойной холодности къ отцу, при какой-то непонятной досадѣ на плачущую сестру, ощущалъ сильное, но странное, совсѣмъ ненатуральное, въ себѣ движеніе; старался расточать учтивости, чтобы не показать себя неблагодарнымъ человѣкомъ; вскочилъ наконецъ въ коляску, и какъ безчувственный, съ какимъ-то тріумфомъ, боюсь сказать съ удовольствіемъ, удалялся отъ родительскаго дому. Въ ту минуту я радъ бы былъ уже отъѣхать за сто миль, лишь бы только не думать, что есть созданіе, слезящими взорами сопровождающее мою коляску; но еслибъ етаго небыло, то я, кажется, мучился бы

жестокою скорбію. Такая противоположность движеній, столь странныя чувства, я увѣренъ, никакъ не принадлежатъ къ моему характеру; ибо за день прежде, прощаяся съ *Гоноратою*, которая только ходила за мною въ дѣтствѣ, я такъ былъ растроганъ, что нѣсколько разъ возвращался къ почтенной старушкѣ, когда испрашивала она небеснаго мнѣ благословенія, и снова обнявши ее, едва имѣлъ силы ее оставить. — Ты самъ, любезный Вацлавъ, можешь засвидѣтельствовать о чувствительности моего сердца, и еслибъ не долгъ службы, который не дозволилъ тебѣ дождаться моего отъѣзда, то тебѣ, тебѣ именно былъ бы посвященъ послѣдній взоръ мой. Прости, другъ несравненный! будь здоровъ, и храни въ сердцѣ ввѣренную мною тайну. Чужіе люди стали бы толковать ее по своему; но для дружбы она — залогъ священный.

Письмо II.

Отъ тогожъ къ тому же.

Другое уже письмо пишу къ тебѣ, сердечный другъ мой! Это есть сладостная потребность моего сердца, привыкшаго всѣ чувства свои дѣлить съ тобою. — Будь спокоенъ, любезный Вацлавъ, и не опасайся, чтобы здѣсь могъ найтись какой-нибудь тебѣ совмѣстникъ въ нѣжной дружбѣ нашей. Здѣсь,

какъ и вездѣ, придворные мало способны питать въ сердцѣ своемъ чувство дружеской привязанности; а я по должности своей только съ ними и обращаюсь.

До сихъ еще поръ ничего не получаю отъ васъ изъ Варшавы. Неблагодарно было бы забыть того, которой живетъ только вами, въ однихъ только васъ полагаетъ все свое счастіе. — Сестра моя, любезная моя сестрица!... О, какъ себя укоряю, что такъ холодно разстался съ нею!.. Но какая-то неизвѣстность, опасеніе переступить за черту братской привязанности, наконецъ присутствіе стороннихъ... Ибо еслибъ ты одинъ только былъ свидѣтелемъ... Но что я говорю? не уже ли грѣшно, или преступно для ближайшаго родственника въ присутствіи домашнихъ, даже предъ лицемъ всего свѣта приносить дань хвалы и удивленія сему образу божества, совершеннѣйшему его творенію? Отвѣчай, вѣрный другъ мой, отвѣчай мнѣ искренно, съ извѣстною характера своего рѣшимостію; ибо тутъ есть нѣчто такое, что не дозволяетъ мнѣ быть спокойнымъ.

Въ сію минуту принесли ко мнѣ связку писемъ. Вотъ почеркъ моего батюшки; вотъ рука почтенной Гонораты: а отъ тебя ничего невижу, и крайне беспокоюсь. Но спѣшу кончить, чтобы не опоздать на почту. Прости и будь счастливъ.

Письмо III.

Отъ Гонораты изъ Служева къ Графу Загоровскому въ С. Петербургъ.

Сіятельный Графъ! или лучше, мой любезный Карлъ! Имѣю право писать къ вамъ съ такою смѣлостію, имѣю болѣе права, нежели вы думаете. — Вы непомните, сколько стоили мнѣ слезъ; непомните, отъ какихъ опасностей я васъ избавила; вы непомните етаго . . . потому что незнаете. Но что́ было, того уже нѣтъ; станемъ говорить о томъ, что́ теперь дѣлается.

Во первыхъ доношу вамъ, что по отъѣздѣ вашемъ мы всѣ были словно какъ безъумные; но мало по малу все опять пришло въ порядокъ. Его милость, господинъ Старо́ста, всегда занятый какими-то важными дѣлами, или пишетъ къ большимъ господамъ письма, или разговариваетъ съ ними. Онъ доволенъ, что вы теперь отправляете такую знатную должность, и ето, кажется, утѣшаетъ его въ вашемъ отсутствіи. Барышня Тереза, етотъ Ангелъ, а не дѣвица, всѣми въ домѣ любимая, по цѣлымъ днямъ сидитъ запершися съ гувернанткою, и только по вечерамъ выходитъ въ гостинную, гдѣ обыкновенно сбираются сосѣди. Тутъ, не

примѣръ, часто бываетъ и госпожа Каштелянша съ своею племянницей, которая въ тѣсной дружбѣ съ Терезою. Я замѣчаю однако же, что барышня Тереза съ нѣкотораго времени все грустить и тоскуетъ. Третьяго дня она съ мадамой ѣздила въ Виллановъ; оттуда обѣ пришли ко мнѣ пѣшкомъ; я приняла ихъ какъ только можно лучше, но скоро увидѣла, что барышнѣ Терезѣ все немило на свѣтѣ; она даже не отвѣдала и сливокъ, до которыхъ бывала большая охотница; все задумывалась подъ деревомъ, гдѣ вы когда-то вмѣстѣ сиживали, и ласкала собачку, которую вы ей подарили. Пошла на ближній лугъ; нашедши тамъ цвѣтокъ *братъ съ сестрою* (*), вынула изъ земли цѣлой кустъ и посадила его на краю нашего цвѣтника, убѣдительно прося меня, чтобы я поливала его. Она хочетъ приходить къ своему кустику, чтобы освѣдомляться о постоянной привязанности къ себѣ братца, или узнать, не перемѣнился ли онъ въ душѣ своей. Я, не любя ворожбы, хотѣла было пожурить барышню за такія затѣи, да пожалѣла мою милочку, и вмѣсто угрозы, схвативши руку ея, облила своими слезами. О, когда бы угодно было судьбамъ Божіимъ! . . . Но, нѣтъ, нѣтъ . . . не возможное дѣло! — Батюшка

(*) Тотъ же что *Иванъ да Марья*. Рдръ.

мой, баринъ! ради Господа, несбивайся никогда съ прямой дороги! Одна ошибка ведетъ за собою другую, другая третью, а тамъ человѣкъ такъ запутается, что уже и освободиться будетъ не можно.

Письмо IV.

Отъ Старосты Пышневскаго къ сыну его, Графу Загоровскому.

Спѣшу писать къ тебѣ, сынъ мой, и спѣшу именно для того, чтобы при первомъ твоемъ въ свѣтъ вступленіи, или лучше сказать, при первомъ вступленіи на поприще политическое, возобновить въ памяти твоей наставленія, преподанныя мною тебѣ передъ отъѣздомъ. — Не рѣдко отъ перваго шага зависитъ жребій цѣлой жизни. Если не осторожными поступками, дурнымъ выборомъ сообщества, довѣренностію къ недостойнымъ людямъ, лѣностію или мотовствомъ на важномъ поприщѣ нынѣшней службы уничтожишь выгодное о себѣ мнѣніе; то послѣ уже тщетно будешь стараться загладить свои ошибки: на долгое время останется сила перваго впечатлѣнія, которое завистники и недоброхоты не упустятъ подкрѣплять своими навѣтами. И для того, сынъ мой, собери всѣ твои силы, напрягай всѣ способности, всячески старайся приобрѣсти себѣ репутацію неутомимаго, искуснаго, оборотливаго полити-

ка. Можешь дать себѣ отдыхъ уже тогда, какъ значительность твоя утверждена будетъ на прочномъ, непоколебимомъ основаніи. Ты не имѣешь недостатка ни въ наружныхъ качествахъ, ни въ дарованіяхъ; преимуществами породы и богатства никому не уступаешь; при томъ же съ достоинствомъ и похвалою совершилъ ты военное поприще, черезъ которое въ наше время лежитъ путь ко всѣмъ почестямъ: слѣдственно ты имѣешь все, чего только желать можно, а счастливый случай отправленія должности отсутствующаго Министра поставилъ тебя на такой степени, гдѣ ты можешь блеснуть своими способностями. Здѣсь кстати я долженъ тебѣ сказать, что мнѣ очень ненравится ета твоя склонность довольствоваться малымъ, ета умѣренность въ желаніяхъ, ето стремленіе къ покою, которыя всѣ вмѣстѣ много помѣшать могутъ врожденному честолюбію всей нашей фамиліи. Сынъ мой! ты приближишь меня ко гробу, если, слѣдуя мѣлочнымъ своимъ правиламъ, не воспользуешься нынѣшнимъ благопріятнымъ временемъ, и не постараешься возвысить нашего дома. Ты у меня одинъ; въ тебѣ вся моя надежда. Политическія обстоятельства, какъ по всему видно, обѣщаютъ продолжительную тишину Европѣ. При такомъ состояніи дѣлъ нѣтъ способа къ *возвышенію*; а если онъ и есть, такъ ето длинный, утомительный путь труда и за-

слуги. Но тебѣ теперь пока еще можно выскочить и поддержать кредитъ нашей фамиліи. И такъ поспѣши, будь расторопенъ, ибо время коротко и скоро минетъ. Посылаю тебѣ списокъ друзей нашихъ; надобно непремѣнно помѣстить ихъ. Всѣ они природою Польскіе шляхтичи; слѣдственно, ежели не сами собою, то въ фамиліи своей оказали услуги отечеству, и потому безъ всякаго сомнѣнія можешь ихъ произвести и опредѣлить при первомъ удобномъ случаѣ. Я уже обнадежилъ всѣхъ, что это сбудется, и тебѣ стыдно было бы сдѣлать отца своего лжецомъ. Желаю тебѣ всѣхъ благъ, любезный сынъ мой! старайся оправдать надежду, которую въ тебѣ полагаетъ вся фамилія.

Письмо V.

От Полковника Щеропольскаго изъ Ловича къ Графу Загоровскому въ С. Петербургъ.

Знаю и увѣренъ, какъ ты, любезный Графъ, теперь безпокоишься, не получая отъ меня уже болѣе мѣсяца никакого извѣстія. Но самъ разсуди, могло ли быть иначе. Послѣ верховой нашей прогулки въ Служево пріѣхавши домой уже ввечеру часу въ десятомъ, нашелъ я ордеръ Главнокомандующаго, предписывающій мнѣ сдѣлать инспекторскій смотръ второй бригадѣ, по причинѣ законнаго отсутствія начальствующаго надъ нею Генера-

ла. Въ ордерѣ сказано было, чтобы я отправился черезъ 24 часа, а тогда уже цѣлая половина ихъ улетѣла. Надобно было и собираться въ дорогу, и сдавать комманду, и хлопотать объ инструкціи; на силу успѣлъ управиться и проститься съ тобою коротенькою, какъ самъ вѣдаешь, записочкой. Выѣзжавши, я самъ незналъ, долго ли промедлю въ дорогѣ; надѣялся воротиться скорѣе; но новыя препорученія вовлекали меня въ новыя хлопоты. — Не буду скучать тебѣ подробностями, о которыхъ и безъ того ты довольно наслушался во время своей службы; но въ твое время были совсѣмъ другія обстоятельства, и потому съ удовольствіемъ могу передъ тобою похвалиться, что во многихъ мѣстахъ, соглашая духъ военный съ гражданскимъ, я успѣлъ обѣимъ сторонамъ оказать полезныя услуги. Надобно тебѣ знать, что у военныхъ нашихъ товарищей, возвратившихся изъ за границы, нѣсколько закружилась голова; завѣрдивъ себѣ, что храбрость возвратила ихъ на родину, они часто забываютъ о томъ, что находятся въ своемъ отечествѣ. Съ другой стороны и гражданскіе наши братья, выведенные изъ терпѣнія продолжительными бѣдствіями, иногда бываютъ слишкомъ раздражительны и упрямы: оттуда ненадлежащія, безвременныя требованія однихъ, другихъ отказы и отрицанія. Обѣимъ сторонамъ я говорилъ правду, старался

ять доказывать, что они суть братья, дѣти одного отечества, и мнѣ удавалось мирить ихъ!

Прости, другъ любезный! Изъ квартиры пишу къ тебѣ, какъ солдатъ; изъ Варшавскихъ будуаровъ, можетъ быть, получишь отъ меня что нибудь покраснѣе и замысловатѣе.

Письмо VI.

Отъ Графа Загоровскаго изъ С. Петербурга къ Полковнику Щеропольскому въ Варшаву.

Еслибъ я неполучилъ письма твоего изъ Ловича, то не зналъ бы, что и думать; уже было рѣшился отправить нарочнаго, цѣлые два мѣсяца неимѣя извѣстія о томъ, кого привыкъ всегда видѣть передъ собою. Военное письмо твое напомнило мнѣ счастливыя минуты, проведенныя съ тобою вмѣстѣ. Отечество, слава, красавицы. — тройственный лозунгъ, укрѣплявшій союзъ нашъ, скрывавшій отъ насъ всѣ опасности — украшалъ всю Природу въ глазахъ нашихъ. Теперь, ахъ! теперь все представляется въ другомъ видѣ. Уступчивость . . . отношенія . . . существенность; печальная существенность послѣ столь прелестныхъ, очаровательныхъ мечтаній!

Я получилъ два письма, одно отъ батюшки, другое отъ почтенной Гонораты; оба

родили во мнѣ тысячу мыслей, которыя чувствую нужду раздѣлить съ тобою. Касательно батюшки, меня крайне безпокоятъ непомѣрныя его требованія, большей части которыхъ нетолько не могу я исполнить, но даже не могу желать, чтобъ онѣ были исполнены. Совѣты его и наставленія прекрасны, пока они общи, пока ни къ чему неклонятся; но какъ скоро коснутся личности, то уже я и не умѣю согласить ихъ съ образомъ своихъ мыслей. И какъ часто его и мои мысли бываютъ несходны! Достойная благодарности и уваженія попечительница моего младенчества опечаливаетъ меня какимъ-то опасеніемъ совсѣмъ другаго рода; кажется, будто у нее есть тайна, которая тяготитъ ея душу, и которою она себя жестоко упрекаетъ. Ахъ, любезный другъ! есть и у меня своя тайна, до которой почтенная Гонората въ концѣ письма своего коснулась, и которою, можетъ быть, и цѣлое письмо наполнено. Сіе прикосновеніе, подобно искрѣ електрической, проникло весь составъ мой, и извлекло изъ моего сердца то, что скрывалъ я самъ отъ себя, и что намѣренъ твердо былъ понести съ собою въ могилу. О другъ мой! какая судьбина! . . . Нѣтъ, нѣтъ на земли счастья для человѣка! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, оно представляется неиначе какъ подлѣ ужаснаго чудовища, на которое отъ одного взгляда кровь стынетъ

въ жилахъ, и чело обливается холоднымъ нóтомъ.

Письмо VII.

Отъ Полковника Шеропольскаго изъ Варшавы къ Графу Загоровскому.

Съ нетерпѣніемъ въѣзжалъ я въ Варшаву, точно какъ бывало назадъ тому лѣтъ за двадцать; или нѣтъ, надобно говорить правду, не точно такъ; есть нѣкоторое несходство: тогда сильной трепетъ сердца, очаровательныя мечты напоминали о приближеніи къ мѣсту, гдѣ живетъ любезная; атмосфера удовольствій и восторговъ распаляла воображеніе, въ которомъ заблаговременно рисовались нѣжнѣйшія объятія — иногда и мнимыя, ибо на самомъ дѣлѣ нерѣдко выходило совсѣмъ тому противное: теперь истинная дружба не столь живыя, но болѣе прочныя готовила мнѣ наслажденія. Я надѣялся найти письмо отъ своего друга, надѣялся прочитать въ немъ, что другъ меня любитъ, что онъ самъ здоровъ и счастливъ. — Такъ и случилось; письмо я нашелъ: но, любезный мой Графъ! что съ тобою дѣлается? чѣмъ отзывается письмо твое? какая вѣдьма околдовала тебя? въ чемъ ты себя упрекаешь? Признаюсь, долго я думалъ, думалъ, и растерялся въ своихъ догадкахъ. — Мнѣ кажется, не предаваясь ни излишней чувствительности, ни моднымъ затѣямъ, можно быть очень до-

брымъ сыномъ, каковъ ты и въ самомъ дѣлѣ, а особливо вразсужденіи отца, которой всегда держалъ тебя въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи! А сестры такой милой, столь достойной любви, почему бы сердечно не любить брату? Вотъ я уже старъ, а признаюсь, что для нее и теперь готовъ бы кинуться съ Бекешевой горы, которую намъ подъ Вильной во время похода показывали, какъ памятникъ подобнаго происшествія. — Не понимаю, чего еще тебѣ надобно. Часто слышу теперь о болѣзняхъ, которыхъ прежде вовсе невѣдали, о болѣзняхъ *въ здоровыхъ* людяхъ, о раздражаемости *нервовъ*, о *спазмахъ* и проч. Ужь не етимъ ли и ты недомогаешь? Но тебѣ не льзя же незнать, что на такія болѣзни есть заграничныя воды, и при нихъ балы, карточныя игры, уединенныя, а иногда и въ двоемъ, прогулки по горамъ и утесамъ. Еслижъ, сверхъ чаянія, болѣзнь твоя нетерпитъ отсрочки, такъ на ето есть *Августинекъ* (*); поѣзжай къ нему, дорогой Графъ, поѣзжай себѣ съ Богомъ; или лучше всего.... оставь ето женщинамъ, а самъ будь мущиной и займись работою, которая есть надежнѣйшее лѣкарство. — Извини, другъ любезный, что я,

(*) Извѣстный шарлатанъ, въ Сѣрадскомъ Воеводствѣ живущій, къ которому толпами пріѣзжаютъ лѣчиться здоровыя и больныя особы обоего пола. Рдръ.

ю своему обыкновенію говорю тебѣ правду безъ всякихъ околичностей; а чтобы ты не вздумалъ называть меня нечувствительнымъ и жестокосердымъ, то я намѣренъ теперь же представить тебѣ противныя тому доказательства. — Третьяго дня, любезной мой Графъ, я былъ въ Служевѣ. Повѣришь ли, что я насилу узналъ добрую старушку, такъ она перемѣнилась! Печальна, задумчива, внутренно терзаема какимъ-то скрытымъ чувствомъ, будто бы угрызеніемъ, которое сушитъ ее и приближаетъ къ могилѣ. Что бы етому за причина? думалъ я, возвращаясь въ городъ. Пріѣхавши сюда, я посѣтилъ твоего батюшку. Тереза съ ангельскою своей улыбкой встрѣтила меня какъ друга такому брату, которому она душевно предана. Мнѣ показалось, будто на прекрасномъ лицѣ ея примѣтна какая-то меланхолія, но меланхолія нѣжной чувствительности, неотравляемая горечью угрызеній, не отчуждающая, но трогающая душу — однимъ словомъ, такая меланхолія, которая бы меня съ ума свела, еслибъ я родился тридцатью годами позже. Спрашивала, давно ли я получалъ отъ тебя письма, и говорила, что по тебѣ тоскуетъ. И не удивительно: ибо, еслибъ не етотъ несносной *сплинъ*, которымъ ты вздумалъ теперь занемочь, то я радъ бы божиться, что характеры ваши какъ двѣ капли воды сходны, и что тебѣ и ей, какъ цвѣтку *братъ съ*

сестрою, должно бы на одномъ стебелькѣ прожить цѣлой вѣкъ свой. — Скоро потомъ и батюшка твой вышелъ изъ кабинета съ какимъ-то, казалось мнѣ, недоваренным проектомъ, котораго и самъ онъ еще не совсѣмъ ясно понимаетъ; поздоровался со мною при очевидномъ развлеченіи мыслей, и сказалъ только, что крайне удивляется, почему до сихъ поръ ничего отъ тебя не получаетъ. Прости, любезный другъ мой! бѣгу къ Французу Шово поѣсть жареной говядины, или какъ нынѣ говорятъ по модѣ, *бифштексу*, — бѣгу не обѣдать, ибо у Нѣмца Розегартена столъ и дешевле и вкуснѣе, но чтобы поймать кого нибудь изъ военныхъ своихъ товарищей, и проч.

Письмо VIII.

Отъ Терезы къ Павлинѣ (*).

Что это, милая Павлина! обѣ вы съ тетушкой насъ забыли, и въ такое время, когда присутствіе ваше было бы для меня очень, очень нужно. Вотъ уже тому почти недѣля, какъ вы у насъ были; во все это время я грустила, и теперь еще сама незнаю, что дѣлается со мною. Мадамъ Севиль безпрестанно спрашиваетъ, о чемъ я задумалась; безпрестанно напоминаетъ мнѣ, что я забы-

(*) Племянницѣ упомянутой выше Кашнелявили.

ваюсь; въ самомъ дѣлѣ я сама въ себѣ замѣчаю то и другое. Ты вѣрно скажешь, что отъѣздъ братца етому причиною, и — неошибешься. Ты знаешь, что онъ былъ душею забавъ нашихъ; знаешь, какъ онъ ихъ выдумывалъ, какъ предупреждалъ наши желанія. И такъ очень натурально тосковать по немъ Однакожъ странно. . . . Милая подруга! привыкши ничего нескрывать отъ тебя, я теперь обьявлю тебѣ то, о чемъ и госпожѣ Сенваль сказать еще не смѣла, и въ чемъ даже и тебѣ самой съ трудомъ открываюсь — етаго еще ни разу въ жизни со мною не бывало! — Чтобы я ни дѣлала, о чемъ бы ни разсуждала, образъ его всегда мечтается въ душѣ моей; ищу уединенія, думаю сама незная о чемъ, иногда чувствую слезы, катящіяся изъ глазъ противъ моей воли Павлина! любезная Павлина! какъ могъ онъ нарушить мое счастіе, тотъ, которой, мнѣ кажется, отдалъ бы жизнь свою, чтобы только видѣть меня счастливою? Но онъ точно его нарушилъ, и — если хочешь, чтобъ я призналась — еще передъ своимъ отъѣздомъ. Помнишь ли, когда, играя въ фанты, по приказанію короля онъ долженъ былъ назвать свою приятельницу? Значительно взглянувши на меня два раза, онъ назвалъ тебя, и ето мнѣ было такъ больно, такъ больно, что я принуждена была подъ пустымъ предлогомъ убѣжать, чтобы придти

въ себя и оправиться. Въ другой разъ, мы пробовали Французскую кадриль передъ баломъ; вмѣсто своей дамы, онъ схватилъ меня за руку, которую подавала я другому; я закраснѣлась и такъ потерялась, что смѣшала фигуру, и танецъ надлежало начать снова. Все ето ребяческія мѣлочи, правда; но какая тому причина, что онѣ безпрестанно у меня въ мысляхъ? Припомню еще одинъ случай, которому ты конечно удивишься, и котораго я никогда не могла постигнуть. Пріѣхавши однажды съ балу, началъ онъ хвалить благородной тонъ, пріятную вѣжливость и хорошее воспитаніе многихъ дѣвицъ, тамъ находившихся. Твоя тетушка примолвила, что онъ забылъ упомянуть еще объ одной особѣ, весьма достойной его вниманія; ето была дѣвица Богатская, дочь Подкомораго и племянница Воеводы, отлично воспитанная, при завидныхъ талантахъ имѣющая за собою приданаго до двухъ милліоновъ злотыхъ; всего же лучше, что дѣло кончилось бы безъ шуму и затрудненій. . . . И тотчасъ начала тихонько говорить съ моимъ батюшкой; а я какъ будто кипяткомъ облитая, вмѣсто того чтобы пожелать брату такой хорошей партіи, а себѣ столь умной и богатой невѣстки, вздрогнула, какъ будто услышала что нибудь для него пагубное, болѣе же всего то меня поразило, что онъ (такъ мнѣ казалось) замѣтилъ мое смущеніе, неслушалъ словъ твоей

тетушки, точно какъ будто бы не о немъ говорено было, и во все время не сводилъ съ меня глазъ своихъ. — Вотъ я все собрала въ одно мѣсто, чтобы состояніе души моей лучше было тебѣ извѣстно. Ты меня опытнѣе, также имѣешь брата и также отсутствующаго; признайся мнѣ искренно, то же ли съ тобою дѣлается. — Не говорю, чтобы это мое состояніе было несносно; напротивъ того оно имѣетъ свои пріятности; скажу болѣе: мнѣ бы даже досадно было, еслибъ оно перемѣнилось; и то однакожъ правда, оно наполняетъ всѣ мои мысли, и дѣлаетъ меня совершенно ни къ чему неспособною. — Пріѣзжай, милая подруга! кажется, что написавши письмо сіе, я почувствовала нѣкоторое облегченіе; чтожъ будетъ, когда заключу тебя въ свои объятія!

Письмо IX.

Отъ Павлины къ Терезѣ.

Тетушка моя съ нѣкотораго времени нездорова; каждой день казалось намъ, что ей будетъ можно выѣхать, и по этому именно мы къ вамъ неписали объ ея болѣзни, опасаясь встревожить васъ по пустому. Письмо твое прочитала я нѣсколько разъ, и знаешь ли что нашла въ немъ? Вотъ что; ты въ жару, моя милая! въ головѣ твоей пылаетъ

огонь; онъ требуетъ себѣ пищи, и хватаетъ все, что ему ни попадается. Въ такомъ случаѣ гораздо безопаснѣе мечтать о бракѣ, нежели о комъ нибудь другомъ. Мои двадцать четыре года немного уже охладили во мнѣ пылъ воображенія и, ахъ! бываетъ время, что я жалѣю о прошедшемъ, хотя мой спокойной характеръ и недозволялъ головѣ слишкомъ разгорячаться. Очень бы хотѣлось мнѣ поскорѣе увидѣться съ тобою. Въ первый же изъ вечеровъ, которые обыкновенно провожу у тебя съ такимъ удовольствіемъ, между тѣмъ какъ тетушка и госпожа Сенваль вмѣстѣ съ *Прадтомъ* будутъ хлопотать о Вѣнскомъ Конгрессѣ, мы съ тобою начнемъ вязать свои сѣтки, и почитая ихъ за *Перувіатскіе узелки*, станемъ повторять себѣ съ растроганнымъ сердцемъ: Aza, cara mia Aza, le gride della tua tenera Zilia и проч. — До свиданія, моя милая!

Письмо X.

Отъ Старосты Пышневскаго къ сыну.

И донынѣ, дорогой мой Карлъ, ты ничего еще ко мнѣ не пишешь! Однакожъ меня увѣдомляютъ изъ Почтамта, что ты временно отправляешь теперь важную должность, что ѣздишь съ докладами, и что дѣла нашего отечества идутъ черезъ твои руки. — Я уже предложилъ тебѣ мои

совѣтъ и фамильныя желанія; то и другое должно быть для тебя священнымъ, ибо то и другое предложено тебѣ отъ отца, отъ имени предковъ и потомковъ твоей фамиліи. Нѣтъ нужды повторять здѣсь того, о чемъ я признался тебѣ по довѣренности, а именно что кредитъ нашего дома нѣсколько увянулъ со времени Конституціоннаго Сейма. — Чужестранныя обезьянства, ето равенство предъ лицемъ закона, ета во всемъ отвѣтственность у насъ ни къ чему негодятся. — То ли дѣло времена нашихъ Августовъ! Не даромъ ихъ и въ *Римской Исторіи* выхваляютъ. Ето замѣчаніе пришло мнѣ въ голову въ приходскомъ нашемъ училищѣ, гдѣ я, по прозьбѣ ксендзовъ Бернардиновъ, яко благотворитель ихъ ордена, раздавалъ награды учащимся. — То-то было время! Покойный мой дѣдъ и твой прадѣдъ только за прекращеніе Сейма получилъ цѣлое село въ вѣчное и потомственное владѣніе; покойный мой батюшка, а твой дѣдушка, бывшій въ Люблинскомъ Трибуналѣ судьею, за самое пустое дѣло отъ одной стороны взялъ шестерку славныхъ иноходцевъ, а отъ другой нитку прекраснѣйшей бирюзы восточной; а я, къ несчастію, послѣ ихъ родившійся, при Станиславѣ Августѣ едва могъ схватить староство, и то еще долженъ былъ сряду нѣсколько лѣтъ доходомъ своимъ дѣлиться съ фаворитами. — Судьба и неудобства на-

шего времени отказали тебѣ въ подобныхъ удачахъ; за утрату здоровья, за странствія по цѣлой Европѣ ты получилъ контузію въ руку, да прекрасную славу, которая отъ начала свѣта донынѣ еще ни одного человѣка досыта ненакормила. По крайней мѣрѣ способности твои и дарованія поставили тебя на степень; помни же, сынъ мой, и неплошай: помни говорю, что ты временно только отправляешь ету должность. Слышно, что теперь дѣло идетъ объ установленіи податей и пошлинъ; у меня есть на примѣтѣ люди преловкіе и преспособные, — такіе люди, которые, недолго бывши въ малыхъ деревнишкахъ прикащиками, теперь уже села держатъ на арендѣ: вотъ ихъ бы можно сдѣлать директорами въ таможняхъ или главными сборщиками; а низшихъ чиновниковъ они сами себѣ подберутъ, и, замѣть, за все ето будутъ намъ благодарны. — Судейскія мѣста, правду сказать, теперь незавидны. Кодексы ординаціи, предписанія о процессахъ такъ все стѣснили, что судьѣ остается быть простою только машиною; а ето убійственно для человѣка съ головою, для человѣка, которой самъ судить умѣетъ. На мѣстахъ по части исполнительной можно бы таки поживляться; но говорятъ, что старыя будутъ отмѣнены, а отъ новыхъ нечего ждать добраго. Пускай себѣ ищетъ должности, кто

хочетъ; а я никому бы несовѣтовалъ искать ихъ безъ очевиднаго прибытку.

И такъ, сынъ мой, видишь, что для себя лично ничего не требую и нежелаю, ибо намѣренъ жить въ сельской тиши спокойно; для етаго-то именно спокойствія не забудь, сынъ мой, выхлопотать мнѣ исклютительную свободу отъ податей и отъ военнаго постоя, болѣе же всего постарайся сдѣлать, чтобы правительство немѣшалось въ дѣла крестьянъ моихъ. Я терпѣть не могу постороннихъ надзирателей и шпіоновъ. — Но я пишу къ тебѣ такъ подробно, какъ будто бы недовѣрялъ твоему ко мнѣ усердію. Нѣтъ, я во всемъ на тебя полагаюсь; сомнительна только мнѣ ета твоя нерѣшительность; кинь ее, любезной сынъ, и покажи на дѣлѣ, что ты мой сынъ, истинной сынъ мой.

Письмо XI.

Отъ Графа Загоровскаго къ отцу.

Я получилъ отъ васъ два письма, милостивый государь батюшка! Всепокорнѣйше благодарю за наставленія, преподанныя въ первомъ; чувствую, что никогда они небыли для меня столь нужны. Опасности въ бояхъ угрожали только моей жизни; несравненно важнѣе предметы, которые теперь меня окружаютъ: они касаются блага всего

нашего отечества и блага грядущихъ поколѣній. Къ неописанному счастію, мы имѣемъ у себя такого Монарха, Коего благодѣтельныя намѣренія облегчатъ всякую трудность, и мы останемся виноватыми передъ собою и потомствомъ, если небудемъ умѣть ими воспользоваться. — Касательно препорученій вашихъ, батюшка, я исполняю, что могу, желая содѣйствовать вашимъ желаніямъ. И во первыхъ, въ продолженіе пути разсмотрѣвши хорошо родственника нашего Пустяковскаго, котораго вы приказали мнѣ опредѣлить правителемъ Департамента, я оставилъ его въ Виленской гимназіи, чтобы по крайней мѣрѣ поучился писать; а тамъ можно будетъ причислить его къ какой нибудь канцелляріи. — Поручику Рекрутовичу, котораго вы желали видѣть начальникомъ стоящаго въ нашемъ округѣ ескадрона, я исходатайствовалъ капитанской патентъ, успокоивши напередъ имѣющихъ большее на чинъ сей право, дабы ихъ не обидѣть, а ему не нажить неприятелей. — Что касается до тяжбы Колотницкаго, то она весьма въ худомъ состояніи и я ничѣмъ немогъ пособить ей; удалось мнѣ однакожъ расположить противную сторону къ примиренію, которымъ если онъ захочетъ воспользоваться, то предотвратитъ отъ себя весьма печальныя слѣдствія. — Частныя привилегіи, или освобожденія отъ повинностей теперь

вовсе неимѣютъ мѣста и справедливо почитаются обидою для всего общества. — Касательно опредѣленія къ должностямъ, воля есть Монаршая, что кромѣ присвоенныхъ Высочайшей власти, всѣ назначенія предоставлены мѣстнымъ начальствамъ, которыя, по силѣ конституціи, имѣютъ право опредѣлять на мѣста изъ кандидатовъ, выбранныхъ на частныхъ сеймахъ. Въ сію минуту ѣду во дворецъ съ докладами.

(*Оконч. въ слѣд. книжкѣ.*)

Слава и блаженство Италіи, изъ г-жи Сталь.

Италія, Царство солнца, Италія, владычица міра, Италія, колыбель искусствъ и писменъ! о, сколько разъ человѣческій родъ тебѣ покорялся! сколько разъ былъ данникомъ твоимъ искусствамъ, твоему оружію и твоему сладостному небу!

Нѣкій богъ покинулъ Олимпъ и въ поляхъ Авзоніи поселился; въ нихъ все питаетъ мечту о добродѣтеляхъ вѣка золотаго: счастливый смертный или не зналъ, или забылъ здѣсь о паденіи праотцевъ.

Геній Рима покорилъ вселенную; онъ властвовалъ свободою. Характеръ Римскій напе-

чатлѣлся на лицѣ міра. Варвары разрушили Италію — и вселенная погрузилась во мракъ.

Но Италія воспрянула съ небесными дарами, принесенными въ нѣдра ея изгнанниками изъ Ахаіи; небо открыло ей законы свои; великодушная дерзость сыновъ ея открыла новый свѣтъ: такъ, Италія царствовала надъ областію мыслей; и что же? Оливовый скипетръ ея учинилъ неблагодарныхъ.

Но сила воображенія возвратила ей утраченный міръ: кисть и лира создали ей землю, Олимпъ, адъ и небо. И какой богъ похититъ пламенникъ генія изъ рукъ Италіи, сего новаго Прометея?

Капитолій! за чѣмъ Корина въ стѣнахъ твоихъ? за чѣмъ смиренное чело женщины украшено вѣнкомъ Петрарка, вѣнкомъ неистлѣвшимъ на могильномъ кипарисѣ злополучнаго Тасса? За тѣмъ что вы любите славу, о сограждане мои! и награждаете служеніе оной наравнѣ съ успѣхами таланта.

Вы любите сію славу, которая часто приноситъ въ жертву вѣнчанныхъ ею, если вы обожаете славу, — то помыслите съ гордостію о вѣкахъ, возродившихъ искусства! Данте, Омиръ новыхъ временъ, священный органъ таинствъ религіи, герой мысли, Данте погрузилъ геній свой въ воды Стикса, чтобы безвредно сойти на берега тартара. И глубина

души его неизмѣрима, какъ оныя бездны, имъ столь живо описанныя.

Италія воскресла вся въ Дантѣ, какъ во дни силы своей. Поетъ и воинъ Данте, одушевленный свободою, вдыхаетъ жизнь въ хладную область могилы, — и тѣни встаютъ и движутся и дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ мы обреченные смерти.

Ихъ преслѣдуютъ воспоминанія жизни; страсти безъ цѣли и направленія бушуютъ въ нихъ сердцахъ; все протекшее воскресаетъ, и оно для нихъ непреложнѣе будущаго.

Намъ кажется, что Данте, изгнанный изъ земли своей, перенесъ въ область воображенія всю горесть и тоску, грызущія собственное его сердце. Тѣни его навѣдываются безпрестанно о живыхъ, какъ поетъ вопрошалъ объ отечествѣ. Онъ изобразилъ адъ въ видѣ ужасной обители изгнанія.

Все въ очахъ его облекается въ одежду Флоренціи; тѣни древнихъ являются ему Тосканцами. Не границы ума его стѣсняютъ міръ; нѣтъ! сила души его влечетъ вселенную въ область его мыслей.

По тайному Дедалу круговъ и сферъ онъ шествуетъ изъ ада въ чистилище, изъ чистилища въ рай небесный. Вѣрный повѣствователь чудеснаго видѣнія своего, онъ оза-

ряетъ яркими лучами мрачнѣйшія области тартара — и міръ созданный имъ въ троиэсотведной поэмѣ его, есть міръ цѣлый, исполненный жизни, сіяющій какъ новая планета въ лазури небесной.

Онъ поетъ — и все на земли въ поэзію обращается. Предметы, идеи, законы, феномены составили по гласу его новый Олимпъ, богами населенный. Но вся миѳологія воображенія его изчезаетъ предъ сіяніемъ Рая, сего океана свѣта, горящаго звѣздами, исполненнаго любви, мира и добра.

Волшебный языкъ нашего Данте есть призмъ вселенной. Всѣ чудеса ея въономъ отражаются, раздѣляются и снова сочетаются. Звуки подражаютъ краскамъ, краски сливаются въ общую гармонію; рифма звонкая или странная, быстрая или медленная, есть слѣдствіе піитическаго восторга, сего восторга, коего прозорливое око умѣетъ открывать въ природѣ всѣ сношенія ея съ сердцемъ человѣческимъ.

Данте надѣялся, что поема его положитъ конецъ изгнанію; онъ надѣялся, что слава будетъ посредницею между имъ и отчизною: но смерть лишила его желанной пальмы изъ рукъ признательной Флоренціи. Часто жизнь человѣческая истощевается въ бѣдствіяхъ; если слава и одержитъ побѣду, если мы и приста-

немъ у счастливѣйшаго берега, что могила разверзается въ пристанищѣ и судьба многовидная часто въ возвратѣ счастія таитъ конецъ жизни.

Подобная участь постигла Тасса. Злополучный отъ первыхъ дней юности, прекрасный, чувствительной, рыцарь душою, исполненный мечтаній о славѣ, разлученный любовію, которую воспѣвалъ столь сладостно, Торквато приближался къ стѣнамъ Рима съ благоговѣніемъ и благодарностію, какъ древніе рыцари его приближались къ стѣнамъ Іерусалима; но смерть на канунѣ тріумфа потребовала жертву свою. Конечно небеса съ завистію взираютъ на землю: они неожиданно вызываютъ своихъ любимцевъ съ обманчивыхъ береговъ времени.

Въ лучшемъ, въ свободнѣйшемъ вѣкѣ, Петрарка былъ также пѣвцомъ вольности, независимости Италіянской. Одна любовь его славна въ земляхъ чуждыхъ; но здѣсь важныя воспоминанія окружаютъ его гробницу. Отечество лучше самой Лауры служило ему вдохновеніемъ.

Онъ воскресилъ древность трудами. Воображеніе не было ему преградою въ глубокой учености. Воображеніе, сія зиждительная сила, подчиняла ему времена будущія, и открыла таинство вѣковъ протекшихъ. Онъ испыталъ, что знаніе есть ключь къ изобрѣ-

шенію. Геній его былъ оригиналенъ, ибо, подобно Вѣчному, геній его былъ соприсущественъ всѣмъ временамъ, всѣмъ народамъ.

Голубое небо, легкій воздухъ, веселый климатъ нашей Италіи были вдохновеніями Аріоста. Онъ явился подобно радугѣ въ слѣдъ за бурями военными. Сіяющій, разнообразный, во всемъ подобный небесной вѣстницѣ, пророчицѣ ясныхъ дней, Аріостъ, кажется намъ, играетъ съ жизнію: веселость его легкая и кроткая; его улыбка Природы, а не улыбка смертнаго, сына печали и раскаянія.

Микель-Анжело, Рафаель, Перголезъ, Галилей, и вы неустрашимые странствователи, вы жадные созерцатели новыхъ земель, (хотя природа вамъ ни одной лучше Италіи не открыла)! слейте вашу славу со славою поэтовъ! Художники, ученые и философы! вы всѣ, подобно поэтамъ, сыны того же солнца, которое то пробуждаетъ воображеніе, сосредоточиваетъ мысли, вдыхаетъ смѣлость и терпѣніе, то усыпляетъ въ счастіи, ослѣпляетъ надеждою, или погружаетъ въ тихое забвеніе.

Знаете ли ту землю, гдѣ благоухаютъ лимоны, которую небо съ любовію надѣляетъ плодами? Слыхали ли томное бряцаніе Мандолины въ сладкой тишинѣ ясной и безвѣтреной ночи? Упивались ли благовоніемъ цвѣ-

ловъ, разлитымъ въ воздухѣ сладостномъ и прозрачномъ? Отвѣчайте, отвѣчайте мнѣ, иноземцы! природа въ земляхъ вашихъ столь-о ли прекрасна и благодѣтельна?

Ахъ! въ странахъ вашихъ, когда несчастіе начинаетъ терзать народы, смертные въ ужасѣ полагаютъ, что ихъ покинуло Божество. Но здѣсь мы всегда чувствуемъ благое покровительство Небесъ; здѣсь Небеса не перестаютъ лелѣять человѣка, лучшее, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ.

Не одними класами и богрянымъ гроздіемъ вѣнчается наша природа; она изобильною рукою расточаетъ подъ стопами человѣка, какъ на празднествѣ древнихъ побѣдителей, тысячи яркихъ цвѣтовъ и растѣній — не на службу, на радость очамъ его!

И дары ее не напрасно разсыпаются. Мы умѣемъ наслаждаться ими; мы довольствуемся простою пищею: не упиваемся у источника вина, изобиліемъ источеннаго. Мы любимъ наше солнце, искусства, памятники; мы любимъ нашу землю, усѣянную обломками и прахомъ древности и цвѣтами весенними. Ни утонченныя удовольствія общества, ни грубое веселіе народовъ сѣверныхъ намъ не извѣстны.

Здѣсь всѣ чувства сливаются съ идеям[и] жизнь почерпается у одного общаго исто[ч]ника, и душа подобно воздуху носится по[д] небомъ яснымъ, надъ веселою землею. Здѣс[ь] геній шествуетъ свободно; ибо мечтаніе ег[о] сладостно: и пускай не находитъ цѣли — за то находитъ тысячу мечтаній! и пуска[й] люди его терзаютъ и преслѣдуютъ — н[о] Природа принимаетъ его въ свои объятія!..

N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Возобновленіе Минервина храма,

ХОРЪ,

пѣтый въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 6го числа истекшаго Іюля (*).

Хвала, въ высокихъ кликахъ
Несись ко облакамъ!
Греми во всѣхъ языкахъ,
Вѣщай: Богъ съ нами Самъ! —

Хвала! — О Россъ!
Благослови
Отца Любви: —

(*) Музыка Гна. *Кашина.*

Чело вознесъ
Твой Градъ священный! —
Изъ пепла вдругъ
Сей Неба другъ
Всталъ обновленный! —
Всталъ исполинъ
Красой и силой, —
Отчизны милой
Старѣйшій сынъ!...
Душъ добрыхъ сладость,
О Музы! — радость!
О благо вамъ! —
Се воскресаетъ,
Се возникаетъ
Минервинъ Храмъ!
Царица-Мать, возстань,
Возстани Дщерь Петрова!
Благослови ЦАРЯ благова
Животворящу длань!

*

Едва духъ брани злой
Бѣжалъ отъ вѣрныхъ стада, —
Москва! твои всѣ чада
Стеклись на пепелъ твой.

*

Ихъ крѣпкая любовь
Твой дымный гробъ разкрыла,
Тебя воздвигла, воскресила —
Какъ сердцу возвращенна кровь! —

Какъ къ улью старому пчела,
Какъ птица ко гнѣзду родному,
И Муза, послѣ бури, грому,
Къ развалинамъ гнѣзда шекла (*)!

*

И въ нихъ огнь Весты не погасъ!
Лишь только минулъ часъ плѣненья,
Вспылалъ священнаго огнь раченья, —
И раздался Піеридъ гласъ!

*

И Знанія цвѣтутъ,
Для всѣхъ готова пища. . . .
Средь матерня жилища
Ихъ новы лавры ждутъ!

Ликуй, ликуй, *Елисавета* (**)
Въ чертогахъ радужныхъ небесъ!
Что могъ тиранъ и ужасъ свѣта? . . .
Священный Храмъ Твой не изчезъ!

*

Онъ живъ, онъ паки возрастаетъ!
Воззри, кто *Вертоградарь* Твой! —

(*) Послѣ изгнанія непріятеля, ни мало не медля, Университетское Начальство тотчасъ начало стараться объ открытіи ученія, которое дѣйствительно весьма скоро и воспослѣдовало.

(**) Высокая Покровительница Наукъ въ Россіи положила основаніе Московскому Университету 1754 года Января 12го дня.

Съ Нимъ Богъ и Вѣра воспитаетъ
Здѣсь насажденное Тобой! . . .

*

Отъ моря и до моря тѣни
Сей Вертоградъ Твой разпрострётъ;
Въ благословенны, тихи сѣни
Всѣхъ чадъ Россіи соберетъ.

*

Гдѣ солнце — АЛЕКСАНДРЪ, гдѣ вѣетъ
Надъ Нимъ духъ мира и щедротъ —
Тамъ доблесть, правота созрѣетъ,
И мудрость принесетъ свой плодъ.

*

Науки знаменія новы
Покажутъ на сыновъ сынахъ;
Лѣсъ пальмъ обстанетъ лѣсъ лавровый
Во АЛЕКСАНДРОВЫХЪ лучахъ!

М . . . въ.

Филлида.

(*Подражаніе ЖанЪ-Полю.*)

Съ той самой минуты, когда я впервыя, Филлида,
Увидѣлъ тебя, съ той самой минуты изчезъ мой покой!
(Во храмѣ Діаны тогда ты, Филлида, молилась.)

Прелестный румянецъ игралъ на стыдливыхъ ланитахъ; власы
Душистые черны по бѣлымъ плечамъ разсыпались;
Во взорахъ, сквозь длинны ресницы, задумчивый пламень блисталъ;

Грудь, темныхъ желаній полна, волновалася тихо. . . .
Филлида! ты самую жрицу Діаны своей красотой
Тогда помрачала. Ахъ! что я сказалъ? Ты не смертной,
Богиней казалась; колѣна невольно клонились мои.
Съ той самой минуты, когда я впервыя, Филлида,
Увидѣлъ тебя, съ той самой минуты изчезъ мой покой.

Но солнце скатилось за гору, и лебедь ужь брызги
Послѣдни съ себя отрясаетъ, на берегѣ стоя пруда;
И голубь съ своею подругой укрылся въ кустарникъ;
И стадо давно подъ соломеннымъ кровомъ покоится все;

Въ объятіяхъ милой безпечной пастухъ засыпаетъ
Сномъ сладкимъ, а я? О несчастный! брожу здѣсь съ тоскою одинъ. . .
Ахъ! скороль другихъ перестану завидовать счастью?
Ахъ! скороль, Филлида? . . . .

Казань.

Д. Самсоновъ.

Къ Лидѣ.

(Подражаніе Горацію. Epod. ode XV.)

Ночь была, и мѣсяцъ
Съ сонмомъ мѣлкихъ звѣздъ
Слабый свѣтъ свой лили,
Ты когда клялась —
Страстною рукою
Крѣпче нежель плющъ
Обнимаетъ ясень,
Выю мнѣ обнявъ, —
Что скорѣй къ истокамъ
Рѣки потекутъ,
И скорѣй забудетъ
Убирать чело
Юное цвѣтами
Кроткая весна,
Чѣмъ твоя минется,

Лидія! любовь.
Ты клялась, и гдѣ же
Исполненье клятвъ?
Это ли награда
За мою любовь?
Но къ чему упреки? . . .
Будь счастлива вѣкъ,
Если только злато
И алмазовъ блескъ
Страсти обоюдной
Сладость замѣнятъ.
Но что вижу? Небо!
(Мщенья часъ насталъ!) —
По ланитамъ блѣднымъ
Слезъ ручьи текутъ,
Тяжки вздохи нѣжну
Грудь ея тѣснятъ,
И одно лишь эхо
Состенаетъ ей.

Д. Самсоновъ.

Прохожій и мальчикъ.

(Мысль взята изъ епиграммы Каллимаховой.)

Прохожій.

Скажи мнѣ, мальчикъ! чью вѣнчаешь ты гроб-
ницу?

Не мать ли нѣжную, или милую сестрицу
Похоронилъ ты? . . .

Мальчикъ.

Нѣтъ;
Недавно мачиха оставила сей свѣтъ.

Прохожій.

Такъ видно, что она весьма тебя любила.

Мальчикъ.

По смерти, думаю, свой нравъ перемѣнила.

Д. Самсоновъ.

Къ берегамъ Прѣсненскихъ прудовъ.

Безбурныхъ, тихихъ водъ прелестные брега!
Гордитеся — не тѣмъ, что служите красою
И удовольствіемъ славнѣйшей подъ луною
Столицы, — нѣтъ! но тѣмъ, что стройная нога —
Изящный образецъ для самаго Кановы (*) —
Касается подчасъ,
Брега счастливы! васъ, —

(*) Знаменитый нашего времени ваятель въ Римѣ. *Соч.*

И прелести даришь вамъ новы!
Но шѣмъ, что въ зеркалѣ кристалла своего
Вы зрите иногда Природы украшенье;
Которому еще Природа ничего
Не создала въ сравненье;
Съ которымъ встрѣтившись Псишея, мать Любви,
И сами Граціи, конечнобъ ощутили
Отраву зависти въ крови,
И смертными себя простымибъ находили!
Но тѣмъ гордитесь, наконецъ;
Что скромная владычица сердецъ —
Алина милая гуляетъ
По вашимъ Англійскимъ дорожкамъ золотымъ! . . .
И лучшую хвалу, и блескъ и славу имъ
Алина составляетъ
Присутствіемъ своимъ!

К. Ш — въ.

Птицы.

Басня.

Когда Клеантовъ гимнъ гремѣлъ среди природы;
Тогда пернатые народы,
Казалось мудрецу, сливая общій хоръ,

Несли его хвалу на холмъ, въ долины, боръ,
И пѣнію его съ восторгомъ соплескали.
Конечно онъ не зналъ, что птицы пѣснь его
Тогда насмѣшливо пересужали.
„Коль свиста недано Клеанту моего,
За чѣмъ же онъ поетъ, за чѣмъ же онъ срамится?“
Былъ голосъ звонкой Соловья.
По мнѣнію же Воробья,
Клеанту надлежитъ учиться
Чирикать такъ какъ онъ; по мнѣнію же Куръ
Кудахтать какъ онѣ... — Пошла такая ломка
У стаи умныхъ птицъ и дуръ,
Что какъ ни пѣлъ Клеантъ, и хорошо и громко,
Но скоро тише — и замолкъ.
Таковъ-то птичій толкъ!

* *
*

Неизбѣжалъ и ты воздушныхъ щебетаній,
Паденія Римлянъ вину открывшій намъ!
Великій человѣкъ! среди заботъ, стараній,
Ты несъ сокровища въ наслѣдіе вѣкамъ.
Страницы мудрыя о разумѣ законовъ,
Сіи свѣтила хижинъ, троновъ,
О критика! моглибъ и геній охранить,
И острія твоихъ *булавокъ* притупить (*)!

(*) Les gens qui veulent tout enseigner, empêchent beaucoup d'apprendre; il, yn'a point de genie qu'on ne rétrécisse, lorsqu'on l'envelopera d'un million de scrupules vains; avez-vous

. . . .

Кто пишетъ для большаго свѣта,
Тотъ пишетъ и для стаи птицъ,
И участь автора - Поэта
Терпѣть разборъ людей - Синицъ. . .
А я, пустынникъ незамѣтный,
Не свѣту нравиться рожденъ;
Жду друга похвалы привѣтной,
И ею прямо награжденъ.

Ник. Иванчинъ - Писаревъ.

---

les meilleures intentions du monde? on vous forcera vous-même d'en douler. Vous ne pouvez plus être occupé à bien dire, quand vous êtes effrayé par la crainte de dire mal, qu'au lieu de suivre votre pensée, vous ne vous occupez que des termes qui peuvent échapper à la subtilité des critiques. On vient nous mettre un béguin sur la tête, pour nous dire à chaque mot: prenez garde de tomber: vous voulez parler comme vous. je veux, que vous parliez comme moi. Va-t-on prendre l'essor? ils vous arrêtent par la manche. A-t-on de la force et de la vie? on vous l'ôte à coups d'épingles. Vous élévez vous un peu? voilà des gens qui prennent leur pied ou leur toise, levent la tête et vous crient de descendre pour vous mesurer. . . . Jl n'y a ni science, ni litterature, qui puisse résister à ce pédantisme. . . .

Montesquieu.

Молярѣ.

Притча.

Вотъ какъ-то оплошалъ Рафаель чудный,
Въ саду картину позабылъ;
Пришелъ маляръ, талантомъ скудный,
На птичекъ взоры устремилъ,
И думалъ, что живыя.
„Вотъ прелесть! красота!" въ восторгѣ онъ сказалъ.
Узнавъ, что то плоды искусства дорогія,
„О! сажей ихъ!" — и замаралъ.

Ник. Иванчинъ-Писаревъ.

Епиграммы.

1.

Здѣсь вздумали на вѣкъ Оргона прахъ сокрыть:
За сорокъ девять одъ надеждой онъ ласкался,
Что будетъ и до смерти жить —, —
И заживо скончался!

2.

Смотрите, вотъ румянъ двухъ разныхъ перемѣнъ,
Помада и духи, сурмила и нарядъ,
Бѣлила, спиртъ, парикъ, зубовъ поддѣльныхъ рядъ! — —
Чтожъ все это? — Климена.

3.

Разсерженный Дамонъ сталъ оду намъ читать
Прекрасный вымыселъ заставитъ всѣхъ зѣвать

4.

„Вотъ мой тебѣ портретъ" одна жена сказала
Супругу своему: „какой прекрасной видъ!
Такого сходнаго нигдѣ я невидала;
Онъ только что не говоритъ!"
— Какъ счастливъ бы я былъ судьбою, —
Ей мужъ сказалъ въ отвѣтъ:
— Когдабъ во всемъ на сей портретъ
Былъ подлинникъ похожъ собою! —

Саларевъ.

Епитафія.

Прохожій стой! взгляни на хладный камень сей!
Хотя онъ и простой, но омоченъ слезами
Несчастной матери, родныхъ, друзей.
Безцѣнны мраморы! сравнится ли онъ съ вами?..

Н. Дрнъ.

Ярославль.
10 Іюля 1817.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Краткое разсужденіе о Русскомъ стихосложеніи.

1. *О стихосложеніи вообще, и особенно Русскомъ.*

Музыка была вездѣ первою руководительницей стихотворства. Стройная соразмѣрность, ей свойственная, научила людей и самыя слова располагать въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ благозвучному паденію тоновъ. Вѣроятно, начальные опыты въ семъ случаѣ, равно какъ и во всѣхъ другихъ, были вездѣ грубы; но съ теченіемъ времени опыты сіи, болѣе и болѣе совершенствуясь, начали, и безъ помощи музыки, производить пріятное впечатлѣніе въ слухѣ.

Благозвучіе есть необходимое условіе стиховъ; но оно у разныхъ народовъ различно. Такъ на примѣръ у Грековъ, стихъ состоялъ изъ извѣстнаго сочетанія долгихъ и короткихъ слоговъ; у насъ располагается онъ по удареніямъ; а у Французовъ и у нѣкоторыхъ другихъ Европейцевъ измѣряется числомъ сло-

говъ, и скрашивается *рифмою* — подобозвучнымъ окончаніемъ двухъ стиховъ.

Причинъ сего различія надлежитъ искать въ самыхъ языкахъ.

Греки, произнося слова свои, выговаривали нѣкоторые слоги протяжнѣе, другіе скорѣе, и изъ сихъ-то слоговъ, въ извѣстномъ порядкѣ расположенныхъ, составляли стихи свои. Римляне, и въ новѣйшія времена Нѣмцы, съ успѣхомъ подражали онымъ. Но мы идти имъ въ слѣдъ не можемъ; ибо у насъ въ произношеніи замѣтно одно повышеніе голоса или *удареніе*.

Слоги, которые произносятся слышнѣе другихъ, называются *высокими*, прочіе *низкими* (*).

Каждое слово, состоящее изъ нѣсколькихъ слоговъ, имѣетъ *одинъ* слогъ высокой, на пр. *законъ*, *почтеніе*, *знаменитый*; кромѣ немногихъ составныхъ, въ коихъ слышно два, на пр. *жертвоприношенье*, *колѣнопреклоненье*. Но сіе случается рѣдко; а подобныхъ словъ съ тремя удареніями, какъ на пр. *благосѣннолиственной* не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, у писателей, сообразующихся съ употребленіемъ, никогда не встрѣтишь.

(*) Авторъ имѣетъ очень справедливую причину раздѣлять слоги на *высокіе* и *низкіе*; ибо *долгіе* и *короткіе* несоставляютъ сущности нашего стихотворства. *Рдръ*.

Слова односложныя суть или низкія, или высокія, т. е. такія, кои могутъ быть то высокими, то низкими, смотря по обстоятельствамъ.

Всегда низкими бываютъ союзы и предлоги, выключая тѣ случаи, когда на нѣкоторые изъ послѣднихъ переходятъ ударенія съ близъстоящихъ словъ; на примѣръ: *за́ моремъ, по́ суху.*

Примѣчаніе. Предлоги и тогда остаются низкими, когда изъ односложныхъ становятся для благозвучія двусложными, или даже тресложными, на пр. *надо мнóю, предо мнóю.*

Общими бываютъ всѣ прочія односложныя. Такъ въ семъ стихѣ Державина:

Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,

слова: *громъ* и *гулъ*, по ходу стиха, въ первомъ случаѣ низкія, во второмъ высокія.

Должно однакожъ въ семъ случаѣ быть разборчиву. Односложныя, на кои особенное обращается въ рѣчи вниманіе, или кои весьма звучны, т. е. состоятъ изъ многихъ согласныхъ, поставляются почти всегда, по крайней мѣрѣ у хорошихъ стихотворцевъ, высокими.

Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ,

говоритъ Державинъ въ извѣстной воемъ одѣ. Слова: *Царь, рабъ, червь, Богъ* поста-

влены высокими, и не безъ причины. Во первыхъ ими особенно выражается мысль, во вторыхъ онѣ и звучнѣе нежели: я. Въ стихѣ:

Богъ рекъ: да будетъ свѣтъ. . . .

сила заключается въ словѣ: *рекъ*.

Удареніе въ нашихъ многосложныхъ словахъ бываетъ или на послѣднемъ слогѣ, или на предпослѣднемъ, или на третьемъ отъ конца и далѣе. Сіе разнообразіе въ удареніяхъ, свойство односложныхъ быть и высокими и низкими, и наконецъ удобность располагать слова въ различномъ порядкѣ, произвели принятой нами родъ стихосложенія, въ коемъ высокіе съ низкими перемѣшиваются въ опредѣленномъ порядкѣ.

Въ словахъ Французскихъ долгихъ слоговъ мало, удареніе всегда на послѣднемъ слогѣ (если не принимать въ разсужденіе *e* нѣмаго). Недостатокъ въ долгихъ, единообразіе удареній, и слишкомъ опредѣленное размѣщеніе словъ принудило Французовъ измѣрять стихи свои числомъ складовъ. Всякой себѣ легко представить можетъ, что подобные стихи должны весьма близко подходить къ прозѣ. Чтобъ отвратить сіе невыгодное сходство, прибѣгнули къ рифмѣ. Поляки, у которыхъ удареніе всегда на предпослѣднемъ слогѣ, приняли такое же стихосложеніе. И у насъ, до Ломоносова, въ по-

ваніе Полякамъ, употреблялось оное уче-
ія (*). Такъ написаны Сатиры Кантими-
ы, которыя, безъ сомнѣнія, по своему
треннему достоинству, болѣе имѣли бы
ателей, ежели бы не были выражены та-
о рода стихами. Поелику мы небудемъ
ть другаго случая говорить о семъ стихо-
женіи, то приведемъ здѣсь что нибудь
примѣра.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ на своемъ построенный полѣ
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Вѣдь отъ шума отдаленъ, прочее все время

(*) Стихи по слогамъ введены были Митрополитомъ Кіевскимъ, Петромъ Могилою, жившимъ въ исходѣ XVII го столѣтія. Соч. Но Митрополитъ Могила писалъ не на Великороссійскомъ нашемъ нарѣчіи. Рдръ.

Провождать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образцемъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно,
иль любезно (*).

Кантемиръ

Нужно ли доказывать, что сіи стихи не очень льстятъ нашему слуху?

Изъ исчисленныхъ нами родовъ стихосложенія самое прекраснѣйшее, безъ сомнѣнія, есть Греческое, ибо оно своими долгими и короткими слогами ближе всѣхъ подходитъ къ музыкѣ; самое бѣднѣйшее — Французское и ему подобныя, ибо въ двухъ слогами равныхъ строкахъ никогда почти нельзя встрѣтить соотвѣтственной благозвучности; наконецъ принятое нами стихосложеніе хотя не такъ роскошно какъ Греческое, но весьма превосходитъ Французское: ибо въ немъ наблюдается *правильное* послѣдованіе

(*) Сіи стихи 13ти-сложные. Писались подобные въ 11 и 9 слоговъ. На предпослѣднемъ слогѣ стиха необходимо (разумѣется изъ слѣпаго подражанія Полякамъ) долженствовало быть ударенію. Сверхъ того 13ти и 11ти-сложные стихи раздѣлялись на двѣ части. Въ приведенномъ примѣрѣ первое полустишіе состоитъ изъ 7 слоговъ; въ 11ти же-сложныхъ состояло оно изъ пяти.

Соч.

высокихъ и низкихъ слоговъ (а не долгихъ и короткихъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ).

Здѣсь предложимъ замѣчанія о Русскомъ стихосложеніи. Оно двоякое: *старинное* и *новое*. Начнемъ послѣднимъ, какъ употребительнѣйшимъ. Въ немъ всѣ многосложныя слова сохраняютъ свои ударенія, между тѣмъ какъ въ старинномъ двусложныя и даже иногда тресложныя слова поставляются съ удареніями и безъ удареній, какъ общія односложныя. Мысль писать новымъ стихосложеніемъ пришла прежде всѣхъ Тредьяковскому; но ввести оное въ общее употребленіе, предоставлено было генію Ломоносова.

2. *О новомъ стихосложеніи вообще.*

Приступая къ разсмотрѣнію различнаго рода стиховъ, опредѣлимъ сперва, что такое стопа; ибо слово сіе будетъ часто встрѣчаться въ нашемъ разсужденіи. Названіе сіе дается у насъ соединенію нѣсколькихъ низкихъ слоговъ съ высокимъ.

Употребительныхъ стопъ въ новомъ стихосложеніи пять. Названія ихъ суть Греческія.

Ямбъ и *хорей* состоятъ каждый изъ двухъ слоговъ, *дактиль*, *амфибрахій* и *анапестъ* изъ трехъ. Въ ямбѣ высокой

слогъ послѣдній, на пр. *любовь*; въ хореѣ первый: *вѣтеръ*. Въ дактилѣ высокой слогъ первый: *бѣдствія*; въ амфибрахіи второй; *владыка*; въ анапестѣ послѣдній: *высота*.

Наши стихи составляются или все изъ одной стопы и бываютъ *ямбическіе*, *хореическіе* и пр., или изъ двухъ, черезъ стопу мѣшающихся, какъ на пр. *дактило-хореическіе*, *анапесто-ямбическіе* и пр. Стопы, изъ коихъ одна оканчивается высокимъ слогомъ, а другая онымъ начинается, сочетаваться не могутъ. Доказательствомъ сему служитъ то, что никому на мысль не приходило соединять на пр. ямбъ съ хореемъ, анапестъ съ дактилемъ. Отсюда слѣдуетъ, что вообще стихи Русскіе стеченія высокихъ не терпятъ; если же иногда и встрѣчаются въ нихъ два высокіе слога сряду, то между ними непремѣнно бываетъ остановка въ произношеніи, какъ то можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

Тьма отъ чела, съ посвиста пыль.

Держ.

Стопъ въ одинъ стихъ входитъ обыкновенно не болѣе шести, часто менѣе. Не говоря уже о томъ, что съ послѣднею стопою слово должно оканчивать, заключать стихъ союзомъ, междометіемъ, или, что еще хуже, предлогомъ, не позволяютъ себѣ даже дѣти, начинающіе обучаться стихотворству. Не-

хорошо также, говоря вообще, заключать стихъ (особенно когда онъ кончится не полною стопою) существительнымъ, за которымъ бы непосредственно во второмъ стихѣ слѣдовало зависящее отъ него прилагательное, ни прилагательнымъ, непосредственно предшествующихъ своему существительному.

Въ стихъ могутъ входить слова различныхъ стопъ; нужно только, чтобъ онѣ вообще въ стихѣ разсматриваемыя, составляли опредѣленное послѣдованіе высокихъ и низкихъ. Возмемъ для примѣра ямбическій стихъ Ломоносова:

Открылась бездна звѣздъ полна.

Здѣсь только послѣднее слово: *полна*, ямбъ. Посмотримъ теперь на ходъ цѣлаго стиха. Онъ начинается амфибрахіемъ: *открылась*, котораго первые два слога составляютъ ямбъ; оставшійся низкій съ высокимъ слѣдующаго хорея: *бéздна*, составляетъ также ямбъ; равно какъ и низкой хорея съ односложнымъ *звѣздъ*, высокимъ по ходу стопы. Если теперь отдѣлимъ въ семъ стихѣ каждые два слога, то увидимъ, что онъ состоитъ все изъ ямбовъ:

Откры́|лась бéзд|на звѣ́здъ | полна́.

Рѣдко однакожъ встрѣчаются стихи, состоящіе изъ чистыхъ ямбовъ или хореевъ, на пр. въ слѣдующихъ:

Какой | прiят|ный шумъ! | кака|я пе|строта!

Д. нит.

и

Не же|л ю | быть Про|теемъ.

Держ.

Замѣченный слогъ: *ле*, равно какъ и частица: *не*, должны, по ходу стопъ, быть высокими; но поелику въ многосложныхъ нашихъ словахъ находится только одно удареніе, а союзы и предлоги оныхъ не имѣютъ; то и позволяется въ хореяхъ и ямбахъ, за исключеніемъ послѣдней стопы, ставить низкіе вмѣсто высокихъ. Въ стихахъ же, состоящихъ изъ стопъ тресложныхъ и стопъ смѣшанныхъ, сею вольностію пользоваться не можно; ибо большое стеченіе низкихъ производитъ непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ семъ случаѣ слышно бываетъ удареніе на слогѣ низкомъ, какъ на пр. здѣсь на первомъ слогѣ втораго стиха:

Племя Петрово,
Екатерины.

Держ.

Слога высокаго напротивъ вмѣсто низкаго въ хореяхъ и ямбахъ ставить не позволяется. Въ стихахъ:

Моя слава, мой народъ,

и

Веселой, миленькой и живчикъ однимъ словомъ

Дм.

на слогахъ: *я* и *нимъ*, должно быть ударенію; но ето противно теченію стопъ. Чтожъ принужденъ сдѣлать читатель? Или испортить стройность стиха, или — чего вѣроятно не хотѣлъ сочинитель — перенести удареніе на другой слогъ; но ето нестерпимо (*)!

Въ стихахъ же, состоящихъ изъ стопъ трехсложныхъ и стопъ смѣшанныхъ, двусложное слово можетъ иногда потерять свое удареніе, когда высокой слогъ онаго встрѣтится съ другимъ, болѣе звучнымъ, какъ на пр.:

Тамъ хо́лмъ синій, лѣсъ отдаленный.

Держ.

хотя ето и дѣлаетъ стихъ нѣсколько шероховатымъ.

Стихи бываютъ гораздо плавнѣе и потому пріятнѣе, когда слова не оканчиваются въ нихъ со стопами. Такъ на пр. стихи:

Законъ? какой законъ? Рукой одной Природы
Созданъ и ты и я и всей земли народы.

Гнѣдичъ.

(*) Изъ сего правила исключается, если не ошибаюсь, только слово: *суда́рь*, въ звательномъ; потому что оно, будучи поставлено послѣ слога высокаго, теряетъ свое удареніе.

Не знать его, сударь, мнѣ не былобъ урона.

Княжнинъ.

уступаютъ въ пріятности слѣдующимъ:

Погибни же сей міръ, въ которомъ непрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно!

Гнѣдичь.

Рифма, какъ мы видѣли, есть собственно принадлежность стиховъ по слогамъ; однакожъ она у насъ и при нынѣшнемъ стихосложеніи весьма употребительна. Рифмы обыкновенно бываютъ двухъ родовъ: однѣ имѣютъ послѣдній слогъ высокой, другія предпослѣдній; первыя называются *мужескими*, вторыя *женскими*. Такъ на пр. слова: *стремится* и *струится* составляютъ рифму женскую; *облаковъ* и *вѣтровъ* мужескую. Сіи рифмы въ различныхъ сочиненіяхъ могутъ различно между собою перемѣшиваться; только наблюдается почти всегда, чтобы сряду не стояло болѣе двухъ мужескихъ, или двухъ женскихъ.

Самые стихи, смотря по тому, на высокой, или низкой слогъ оканчиваются, называются мужескими, или женскими.

Но какимъ образомъ въ стихахъ хореическихъ гдѣ стопа всегда оканчивается низкимъ слогомъ, и въ стихахъ ямбическихъ гдѣ она всегда оканчивается высокимъ, рифмы можно перемѣшивать? Къ ямбическому мужескому придается слогъ низкой, а отъ хореическаго женскаго оный отбрасывается. Такъ на пр.:

[К]то Богу и Царю и родинѣ служилъ,
[С]тыдливости печать кто дщерямъ положилъ
На дѣвственномъ челѣ, сынамъ къ добру влилъ пла|менъ:
Надъ тѣмъ постанови не столько грубый камень.

Воейковъ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Дм.

Стихи анапестическіе послѣдуютъ примѣру ямбическихъ, а амфибрахическіе хореическихъ; въ стихахъ же дактилическихъ женскихъ отбрасывается одинъ низкой слогъ, а въ мужескихъ оба.

Мы столь привыкли къ сочетанію рифмъ мужескихъ съ женскими, что какъ бы ни прекрасны были стихи сами по себѣ, они не нравятся нашему слуху, когда въ нихъ не соблюдено сего сочетанія. Доказательствомъ сему можетъ послужить слѣдующая ода Ломоносова:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь;

П а

Открылась бездна звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна. и пр.

Впрочемъ это замѣчаніе не безъ исключенія. Стихи неравные числомъ стопъ, правильно мѣшаясь другъ съ другомъ, не произведутъ, по крайней мѣрѣ въ мѣлкихъ сочиненіяхъ, непріятнаго впечатлѣнія, хотя и будутъ оканчиваться одинаковою рифмою; ибо въ семъ случаѣ неравное количество стопъ дѣлаетъ ихъ довольно разнообразными.

Печальная страна
Вокругъ молчитъ,
Изъ облаковъ луна
Чуть-чуть глядитъ,
Чуть дышутъ вѣтерки,
Чуть слышанъ стонъ
Царевниной тоски
Сквозь тяжкой сонъ.

Держ.

Въ стихахъ ямбическихъ и хореическихъ и тогда, когда они пишутся безъ рифмъ, мужескіе съ женскими перемѣшивать должно, всего лучше черезъ стихъ. Въ состоящихъ же изъ стопъ трехсложныхъ и стопъ смѣшанныхъ сочетаніе не почитается необходимымъ. Стихи, оканчивающіеся на два низкіе слога, по большей части одинъ отбрасываютъ.

Поелику рифмы изобрѣтены для слуха, а не для глазъ, то и смѣшно было бы не ставить въ рифму словъ, которыя одинаково произносятся, но не одинаково пишутся, какъ на пр. *трудъ* и *тутъ;* и напротивъ слова, которыя сходно пишутся, но не одинаково выговариваются, рифмы составлять не должны. Въ семъ отношеніи можно нѣсколько похулить сіи прекрасные стихи Дмитріева:

Розы ль дышутъ надъ могилой,
Иль полынь надъ ней роcтетъ,
Все равно, о другъ мой милой!
Въ прахѣ чувствія ужь нѣтъ.

Въ слогѣ простомъ (къ которому отнести надобно и сіи стихи) мы говоримъ: *растіотъ,* что со словомъ *нѣтъ* рифмы не составляетъ. Погрѣшность сія въ нашихъ стихотворцахъ встрѣчается не рѣдко.

Касательно рифмъ нужно еще замѣтить, что отъ нихъ требуется разнообразія. Противъ сего условія, вообще хорошими стихотворцами принятаго, погрѣшаетъ очень часто Хемницеръ; въ его басняхъ рифмы состоятъ по большей части изъ глаголовъ.

Въ заключеніе изслѣдуемъ вопросъ: нужна ли намъ рифма? Слѣдующій случай, котораго я былъ свидѣтелемъ, можетъ, кажется,

служить на оный отвѣтомъ. Разговаривали о Русскихъ стихахъ и нечувствительно дошло дѣло до рифмы. Одинъ говорилъ, что она необходима, другой утверждалъ противное. Послѣднiй въ подкрѣпленiе своего мнѣнiя сослался на оду Дмитрiева *по случаю грома.* „Какъ! развѣ она безъ рифмъ?" прервалъ съ удивленiемъ первой; начинаетъ читать ее наизусть, и только въ первой разъ замѣчаетъ, что она дѣйствительно такова. Столь рифмы необходимы! Замѣтимъ еще, что сiя ода писана размѣромъ, въ которомъ мы наиболѣе къ нимъ приучены.

Но не уже ли намъ отъ нихъ совершенно должно отказаться? — Нѣтъ. Смѣшно было бы епиграмму, которая, по словамъ Боало,

N'eſt souvent qu'un bon mot de deux rimes orné,

лишить ея украшенiя. Басни, сатиры, посланiя и другiя мѣлкiя стихотворенiя, въ которыхъ воображенiе и страсти колеблются тихо, могутъ быть рифмѣ обязаны частiю своей прiятности; но къ чему она тамъ, гдѣ бурныя страсти раздираютъ сердце ваше, гдѣ пламенное воображенiе не видитъ ничего, кромѣ предмета на него дѣйствующаго? Къ чему рифма тамъ, гдѣ представляются въ разговорахъ нравы людей? Не утомляетъ ли она въ длинныхъ сочиненiяхъ, и всегда ли нужна въ мѣлкихъ?

До сихъ поръ мы говорили о стихахъ вообще; теперь разсмотримъ различные роды оныхъ отдѣльно одни отъ другихъ.

3. *О стихахъ ямбическихъ.*

Употребительнѣйшіе изъ стиховъ Русскихъ суть ямбическіе. Они бываютъ отъ одной до шести стопъ. Примѣры всѣхъ оныхъ можно видѣть въ басняхъ и другихъ сочиненіяхъ, писанныхъ *вольными* стихами, т. е. состоящими изъ разнаго числа стопъ. Для сочиненій повѣствовательныхъ, въ коихъ описываются предметы неважные, кажется, нельзя найти лучшаго рода; стихотворецъ на такой стопѣ оканчиваетъ свой стихъ, на какой кажется ему приличнѣе, или на какой прерывается его мысль.

Подобно какъ отъ шалаша не требуется соразмѣрности, но она становится необходимою для огромныхъ палатъ; такъ и въ стихахъ: сочиненія мѣлкія, неважнаго содержанія, можно писать съ большею пріятностію стихами вольными; но длинныя, возвышеннаго рода сочиненія требуютъ почти всегда равностопныхъ, и именно стиховъ въ шесть стопъ. Вотъ примѣръ оныхъ:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро;
Восточный, Западный, сѣдые Океаны,

Трясоя челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь,
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала. . .

Держ.

Въ шестистопныхъ обыкновенно послѣ трехъ стопъ дѣлаютъ *пресѣченіе*, т. е. раздѣляютъ стихъ на двѣ половины. Правила касательно окончанія цѣлаго стиха наблюдаются довольно строго и въ первомъ полустишіи.

Пресѣченіе, говорятъ, изобрѣтено для того, что трудно вдругъ выговорить большой стихъ. Принявъ сію причину за справедливую, мы въ правѣ спросить: Для чегожъ оно всегда бываетъ на одномъ мѣстѣ, и не утомляетъ ли сіе вѣчно одинакое пресѣченіе? Можетъ быть кто нибудь сошлется на Французовъ; но ихъ примѣръ въ семъ случаѣ ничего не доказываетъ. Тамъ, гдѣ Вольтѣръ и другіе знаменитые преемники писателей, образовавшихъ языкъ, стеная подъ бременемъ наложенныхъ на нихъ цѣпей, не могли разорвать оныхъ, тамъ конечно не чего было дѣлать; но намъ, которыхъ ни языкъ, ни стихосложеніе не достигли своего совершенства, намъ еще многое остается испытывать. И если мы хотимъ во всемъ руководствоваться примѣрами другихъ; то Англи-

чане и Италіянцы могутъ намъ въ семъ случаѣ показать путь. Для большихъ повѣствовательныхъ сочиненій и особенно для драматическихъ, которыя обыкновенно пишутся ямбами, сіе нововведеніе, думаю, было бы весьма выгодно.

Гдѣ же должно дѣлать пресѣченія? Кажется, можно послѣ каждой стопы, а иногда оставлять стихъ безъ всякаго пресѣченія. Говорю: *послѣ стопы*, иначе стихъ разстроится. Доказательствомъ сему можетъ послужить слѣдующее:

Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля, чтобъ народъ мой *ликовалъ въ покоѣ*.

Дм.

При чтеніи втораго стиха необходимо останавливаешься на словѣ: *торговля* (что также можно назвать пресѣченіемъ); остановившись же, разстроишь ходъ стиха: вмѣсто ямбовъ будутъ слѣдовать хореи.

„Но если (не говоря уже о цѣльномъ стихѣ) сдѣлать пресѣченіе послѣ первой стопы, или предъ послѣднею, въ такомъ случаѣ стихъ не легко будетъ произнести.“ — Въ стихѣ четверостопномъ женскомъ, состоящемъ изъ девяти слоговъ, пресѣченія нѣтъ, и никто не жалуется на то, что онъ длиненъ; слогъ лишній не можетъ быть затруднителенъ и для слабой груди. А хотя

бы и въ самомъ дѣлѣ трудно было выговорить вдругъ 10 слоговъ, въ такомъ случаѣ, не допуская пресѣченій послѣ первой и пятой стопы, мы все еще можемъ имѣть онымъ три вмѣсто одного нынѣшняго.

Какимъ же образомъ перемѣшивать стихи съ различными разсѣченіями? Въ этомъ слухъ долженъ насъ руководствовать. Замѣтимъ только, что каждое пресѣченіе даетъ стиху особенное свойство: одно дѣлаетъ его быстрѣе, другое медленнѣе, одно игривѣе, другое важнѣе, и потому стихотворецъ разсѣкать стиховъ какъ ни попало не долженъ.

Одними пятистопными ямбами у насъ почти никогда не пишутъ, а перемѣшиваютъ ихъ обыкновенно съ другими. Въ нихъ пресѣченіе дѣлаютъ почти всегда послѣ двухъ первыхъ стопъ, какъ на пр.:

И гласъ ея | быть слышанъ пересталъ,
Померкши очи закатились,
Послѣдній вздохъ | въ груди затрепеталъ,
Уста, охолодѣвъ, закрылись.

Жуковскій.

Дмитріевъ въ началѣ своей сказки: *Воздушныя башни*, говоритъ:

. . . . Во дни иль самаго Могола,
Или наслѣдника | его престола.

При разсѣченіи послѣдняго стиха онъ не слѣдуетъ почти всѣми принятому обыкновенію.

Жуковскій въ одной изъ своихъ балладъ, изъ которой мы заимствовали примѣръ выше, разсѣкаетъ стихъ послѣ первой стопы:

И казнь | лукавый обольститель мой
Ужь мнѣ готовитъ въ адской злобѣ.

Какъ стихъ Дмитріева, такъ и Жуковскаго ни мало не противны слуху. Если бы мы допустили и здѣсь болѣе пресѣченій, то обогатили бы свое стихосложеніе пятистопными ямбами, которые нынѣ, по причинѣ своего уродливаго единообразія, употребляются, какъ мы сказали, только въ смѣшеніи съ другими.

Стихи менѣе пяти стопъ пресѣченія не имѣютъ. Четверостопные ямбическіе суть любимѣйшіе стихи нашихъ лириковъ, хотя, можетъ быть, и не самые для нихъ приличные. Трестопными написано много пѣсенъ. Двустопные и одностопные употребительны изрѣдка въ смѣшеніи съ другими. Цѣлое сочиненіе оными написанное рѣдко можетъ имѣть другое достоинство, кромѣ побѣжденной трудности.

4. *О стихахъ хорейческихъ.*

Когда мы представляемъ въ воображеніи человѣка великаго, то даетъ ему и ростъ необыкновенный; когда описываемъ предметы важные, то употребляемъ стихи длинные.

Стихи хореическіе, по своей живости, наиболѣе приличны сочиненіямъ Анакреонтическимъ, и потому употребляются нынѣ только четверостопные и трестопные. Вотъ примѣръ первыхъ:

Не желаю быть Протеемъ,
Чтобы оборотнемъ стать,
Невидимкой, или змѣемъ
Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
Но желалъ бы я тихонько,
Безъ огласки отъ людей,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у любушки моей.

Держ.

5. *Общія замѣчанія о ямбическихъ и хореическихъ стихахъ.*

Стихи ямбическіе и хореическіе тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ менѣе встрѣчается въ нихъ низкихъ вмѣсто высокихъ. Впрочемъ стихи, въ которыхъ много низкихъ, могутъ имѣть свое достоинство, когда описывается что-нибудь томное, или медленное.

Не должно во зло употреблять свободы ставить низкіе слоги вмѣсто высокихъ. Стихъ, говоря вообще, бываетъ непріятенъ, когда въ немъ встрѣчается сряду болѣе трехъ низкихъ, какъ на пр. въ слѣдующемъ, гдѣ ихъ пять:

Послѣдователи Зеноноза ученья.

Подобный стихъ однакожъ еще можетъ быть терпимъ; но такой, въ которомъ бы находилось 7 низкихъ сряду, какъ на пр.:

Противорѣчіе *не противоположность*.

не льзя даже назвать стихомъ.

Древніе поставляли правиломъ, чтобъ въ ихъ гекзаметрахъ никогда не встрѣчалось двухъ сряду стиховъ одинаковыхъ по своему ходу. Кажется, не худо было бы и у насъ, въ ямбахъ и хореяхъ, не ставить сряду, если можно, двухъ такихъ, въ которыхъ недостаетъ удареній на однихъ и тѣхъ же стопахъ. Если бы на пр. въ *Чужомъ толкѣ* встрѣчались часто подобные стихи:

Нѣтъ, нѣтъ | не хо|рошó, | я лу́ч|ше по|брожу́
И вóз|*духомъ* | себя́ | откры́|тымъ *о*|свѣжу́.
Пошéлъ | и на|пуши́ | такъ въ мы|сляхъ *раз*|суж-
да́|етъ:
Нача́|ло *ни*|когда́ | пѣвца́ | не *у́*|страша́|етъ.

то едва ли бы сіе насъ не утомило. Но прочтите всю сатиру, и вы рѣдко встрѣтите два стиха сряду единообразные.

6. *О стихахъ, состоящихъ изъ стопъ трехсложныхъ и стопъ смѣшанныхъ.*

Если бы нужно было означить общимъ именемъ стихи, состоящіе изъ стопъ трехсложныхъ и стопъ смѣшанныхъ, то я бы назвалъ ихъ *лирическими*, потому что они со-

вершенно правильны въ своемъ ходѣ. Сія правильность, утомительная въ сочиненіяхъ длинныхъ, весьма нравится въ мѣлкихъ, получившихъ свое названіе отъ музыкальнаго инструмента, въ древности ихъ сопровождавшаго. Вообще стихи сіи рѣдко бываютъ болѣе, нежели въ четыре стопы.

Ходъ дактилей величественъ:

Бардъ безъимянный! тебяль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ (*).

Дм.

Стихи дактило-хореическіе гораздо стремительнѣе:

Тыль, Геркулесъ нашъ новый полнощный,
Бурѣ подобный, быстрый и мощный,
Твой ли, Суворовъ, (се) образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ.

Держ.

(*) Здѣсь послѣдній стихъ амфибрахической; но если мы его примемъ за продолженіе третьяго, то будемъ имѣть шестистопный дактилической. Впрочемъ замѣтимъ, что сочиненія, строфами писанныя, могутъ иногда пріятно заключаться другаго рода стихомъ, сходнымъ однакожъ нѣсколько по своему ходу съ первыми. Иногда цѣлое небольшое сочиненіе можетъ состоять изъ разнородныхъ

Поставьте напередъ хорей, и ходъ стиха сдѣлается медлителенъ и труденъ. Не привожу примѣровъ, потому что не нахожу ихъ въ нашихъ стихотворцахъ; но всякой легко можетъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго своимъ опытомъ.

Ходъ амфибрахіевъ нѣсколько медленнѣе нежели дактилей:

Владыко Моревены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,

стиховъ, въ порядкѣ перемѣшивающихся; разумѣется, что и въ семъ случаѣ то же условіе необходимо. Такъ на пр.:

Мало по малу холмы яснѣютъ,
Мраки уносятся въ боръ;
Пѣтелъ гласящій дремлющи села
Къ утреннимъ кличетъ трудамъ.

*

Думы, заботы, горесть и радость
Въ оныхъ проснулись теперь:
Скрыпнули створы; слышанъ ужь частой
Бой молотящихъ цѣповъ.

Востоковъ.

Здѣсь дактило-хореическіе мѣшаются съ дактилическими.

И еглася кудрявый
Кустарникъ на злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Жуков.

Поелику амфибрахій и начинается и оканчивается низкимъ слогомъ, то его и можно соединять со всѣми прочими стопами. Поставляя его впереди и послѣ оныхъ, произойдетъ семь (*) родовъ стиховъ, нашими стихотворцами неиспытанныхъ, и недостойныхъ, кажется, быть испытанными; ибо они неприятны для слуха. Если соединимъ амфибрахіи съ ямбами или хореями, то высокіе будутъ находиться одни отъ другихъ въ несоразмѣрномъ разстояніи; если же съ дактилями или анапестами, то получимъ стихи, имѣющіе ямбической или хорейческой ходъ, съ тою разностію отъ чистыхъ ямбовъ и хореевъ, что въ нихъ нѣкоторыя стопы будутъ постоянно низкими.

Не знаю, похожъ ли анапестъ на *лѣстъ*, какъ о томъ сказано въ одной учебной книжкѣ; но надобно согласиться, что стихи анапестическіе имѣютъ ходъ трудный, и потому, вѣроятно, мало употребительны. — Вотъ примѣръ, изъ Державина взятый, въ которомъ описывается хаосъ:

(*) Собственно 8, но хорео-амфибрахіи одинаковы съ дактило-хореями. Соч.

Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они ощущали въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались.

Анапестъ, кромѣ амфибрахія, можетъ соединяться еще съ ямбомъ. — Анапесто-ямбическіе стихи попадаются нерѣдко въ старинныхъ сказкахъ, какъ на примѣръ:

А и конь подъ нимъ какъ бы лютой звѣрь.

или:

Приказалъ сослать со очей долой.

Ямбо-анапестическіе почти одинаковы съ амфибрахическими. Вотъ начало пѣсни, ими писанной:

Ахъ! скоро ли будетъ другъ мой ко мнѣ?
Ахъ! скороль увижусь бѣдная съ нимъ?
Съ печали изныло сердце мое. . .

6. *О гекзаметрахъ.*

Нѣкоторые почитаютъ гекзаметръ, по его разнообразію, совершеннѣйшимъ произведеніемъ стихосложенія древнихъ. Говоритъ ли Виргилій о быстротѣ времени, и

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,

стихъ летитъ. Описываетъ ли тяжкія работы Циклоповъ,

Illi inter sese magna vi brachia tollunt,

какая медленность! — Въ первомъ стихѣ 17 слоговъ, во второмъ 13; но это ни мало не разрушаетъ соразмѣрности гекзаметра: ибо каждый стихъ раздѣляется на 6 тактовъ, изъ коихъ всякой (изключая иногда последній) произносятся въ два долгіе слога. Первая половина такта состоитъ всегда изъ долгаго, за которымъ въ пятомъ тактѣ всегда почти слѣдуютъ два краткіе, равные одному долгому временемъ произношенія: *longam* (syllabam) *esse duorum temporum*, *brevem unius*, *etiam pueri sciunt*, говоритъ Квинтиліанъ (*); въ каждомъ же изъ первыхъ четырехъ тактовъ вторая половина можетъ состоять или изъ долгаго, или изъ двухъ краткихъ, по волѣ стихотворца; последній полутактъ бываетъ или слогъ долгой, или одинъ краткой. Окончаніе на одинъ краткой должно по видимому нѣсколько разстроивать гекзаметръ; но если мы обратимъ вниманіе на остановку голоса при концѣ стиха, то увидимъ, что она можетъ дополнять недостающій краткой слогъ.

Я почелъ сіе изложеніе правилъ гекзаметра необходимымъ, потому что нѣкоторые изъ нашихъ стихотворцевъ старались и ста-

---

(*) Inst. orat. L. IX, c. 4, §. 47, ed. Gesneri.

раются ввести оной въ наше стихосложеніе. Можетъ быть я ошибаюсь; только мнѣ кажется, что едва ли имъ удастся привести въ исполненіе свое предпріятіе; по крайней мѣрѣ наши гекзаметры никогда не будутъ имѣть достоинства служившихъ имъ образцемъ.

Тщетно утверждаютъ нѣкоторые, что мы имѣемъ долгіе и краткіе слоги; они ихъ смѣшиваютъ съ высокими и низкими. Если бы наши высокіе слоги были вмѣстѣ долгіе, то какъ бы можно было въ стихахъ ямбическихъ и хореическихъ ставить низкіе вмѣсто высокихъ? Не разрушало ли бы сіе ихъ соразмѣрности? Шестистопный, на примѣръ, ямбической, въ которомъ находятся два низкіе вмѣсто высокихъ, никакъ бы не могъ соотвѣтствовать другому шестистопному, состоящему изъ чистыхъ ямбовъ; ибо послѣдній былъ бы длиннѣе временемъ произношенія, чего мы однакожъ не замѣчаемъ.

Тщетно хотятъ другіе замѣнить долгіе высокими; два высокіе слога въ стихахъ никогда не могутъ встрѣчаться, развѣ между ними будетъ остановка въ произношеніи. Слова односложныя, которыя они почти всегда принимаютъ за высокія, бываютъ таковыми по своему положенію, но не сами по себѣ; при неприятномъ стеченіи оныхъ нѣко-

торыя изъ нихъ необходимо должны быть низкими (*).

Третьи наконецъ хотятъ ввести въ наше стихосложеніе такой гекзаметръ: употребляя въ первыхъ четырехъ стопахъ безъ разбора хорей или дактиль, они ставятъ на пятомъ мѣстѣ дактиль, и заключаютъ стихъ хореемъ; но похожъ ли етотъ гекзаметръ на Греческой, или Латинской? — Но какое намъ дѣло до сходства? скажетъ кто-нибудь: мы пишемъ не для Грековъ и не для Римлянъ; былъ бы онъ пріятенъ для насъ, и довольно. — Справедливо, мы пишемъ для себя; но къ счастію есть Рускіе, которыхъ ухо ни какъ не можетъ примириться съ нашимъ гекзаметромъ. Они говорятъ: „наши стихи тѣмъ намъ и нравятся, что въ нихъ въ опредѣленномъ порядкѣ мѣшаются высокіе съ низкими; а какъ хотѣть сего порядка отъ стиховъ, въ коихъ дается на волю ставить дактиль, или хорей?" Правда, пятая и шестая стопа остаются безъ перемѣны; но въ состояніи ли онѣ загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное четырьмя первыми?

(*) По сей-то причинѣ, что мы не имѣемъ долгихъ слоговъ, и что высокіе не могутъ встрѣчаться, Греческимъ лирическимъ размѣрамъ мы подражать не можемъ; ибо во всѣхъ оныхъ бываетъ сряду два долгіе и болѣе. *Соч.*

Похожѣ ли стихъ изъ хореевъ (ибо мы ими, за исключеніемъ пятой стопы, можемъ весь гекзаметръ наполнить) на стихъ дактилической? похожѣ ли дактилической на дактило-хореической, а сей на хорео-дактилической, не говоря уже о тѣхъ, для коихъ не можемъ пріискать и названія? Каждой изъ сихъ стиховъ имѣетъ свой особенной ходъ; что же за родъ стиховъ, гдѣ все сіе можетъ быть смѣшано? Если намъ непремѣнно хочется стиховъ столь же длинныхъ какъ Греческіе, то для чего не писать одними дактилями, или амфибрахіями? Можно иногда въ первые вмѣшать хорей, а во вторые ямбъ; но въ такомъ случаѣ необходима послѣ того и другаго остановка въ произношеніи, которая бы вознаграждала недостающій низкій слогъ. Нѣкоторые скажутъ намъ: если писать одними дактилями, или амфибрахіями, то стихи будутъ крайне единообразны. — Справедливо. — Чтожъ въ отвращеніе сего должно дѣлать? — Писать ямбами. — Но какъ можно переводить ямбами древнихъ писателей! Шестистопный ямбической стихъ рѣдко можетъ быть такъ длиненъ какъ гекзаметръ. — Какое до того дѣло! Попъ перевелъ Гомера стихами десятисложными, и его переводъ почитается образцовымъ . . . . Оставляю на судъ читателей, заслуживаютъ ли сіи слова какое-либо вниманіе.

7. *О старинномъ стихосложеніи.*

У старинныхъ стихотворцевъ, какъ мы сказали, двусложныя и даже иногда тресложныя слова могли быть съ удареніями и безъ удареній, какъ у насъ общія односложныя. Изъ сего не слѣдуетъ, чтобы двусложныя и тресложныя слова теряли у нихъ совершенно свои ударенія; онѣ слышны, только весьма слабо. Въ старинныхъ стихахъ можно отличать три степени звуковъ: высокіе, на коихъ дѣлаются главныя ударенія, низкіе и близко къ нимъ подходящіе высокіе, на коихъ нѣтъ главныхъ удареній.

Если бы мы истинно старинныя стихотворенія вздумали измѣрять отъ начала до конца по стопамъ, то часто были бы въ крайнемъ недоумѣніи, къ какому роду стиховъ ихъ должно причислить; ибо нѣтъ ни одной старинной пѣсни, тѣмъ менѣе сказки, въ которой бы всѣ стихи состояли изъ равнаго числа слоговъ, и имѣли на опредѣленныхъ мѣстахъ ударенія. Какимъ же образомъ въ семъ хаосѣ искать правилъ? Воспользуемся нѣкоторыми удачными отрывками, и воздвигнемъ, если можно, на сихъ развалинахъ зданіе правилъ древняго нашего стихосложенія.

Въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчаются двѣ стопы, о коихъ мы еще не говорили,

именно: одна, которую я назову *сугубым амфибрахіемъ*, потому что она имѣетъ по два низкихъ слога съ обѣихъ сторонъ высокаго; и другая: *пеонъ первый* (удерживая Греческое названіе), въ коей за высокимъ слогомъ слѣдуютъ три низкіе.

Послѣдняя попадается рѣдко, и никогда не смѣшивается съ прочими стопами. Примѣръ:

Во́ полѣ бе|ре́занька сто|я́ла,
Во́ полѣ ку|дря́вая сто|я́ла;
Не́кому бе|ре́зу зало|ма́ти.

Сугубый амфибрахій бываетъ или одинъ, или соединяется съ простымъ амфибрахіемъ, и поставляется прежде и послѣ онаго, какъ на примѣръ:

Ужъ какъ па̀лъ туманъ | на сине́ море,
А злодѣй тоска | въ ретиво́ сердце;
Не сходи́тъ тума|ну съ синя́ моря,
Ужъ не вы́дти кру|чинѣ изъ се́рдца вонъ.

*

Ахъ талáнъ ли мой | талáнъ та|кой,
Или́ у́часть мо|я го́рька|я!
На роду́ ли мнѣ | написа|но,
Чтобы вѣкъ несчасть|е ви́дѣ|ти.

*

Тума́нно | красно со́лнышко | тума̀нно;
Печа́льна | красна дѣвица | печа́льна.
Никто́ е|я кручи́нушки | не зна́етъ,

Ни ба́тю|шка, ни ма́тушка|родные,
Ни бѣла|я голу́бушка|сестри́ца.

Стопъ въ пѣсенный стихъ никогда не входитъ болѣе трехъ, сугубыхъ же амфибрахіевъ болѣе двухъ.

Попадаются въ старинныхъ пѣсняхъ изрѣдка стихи, состоящіе изъ прочихъ стопъ. Здѣсь почитаю за излишнее повторять о нихъ оказанное.

Кромѣ пѣсенныхъ стиховъ употреблялись въ старину еще *сказочные*. Кто бы вздумалъ искать правилъ для нихъ, тотъ *потерялъ* бы понапрасну время. Въ нихъ только наблюдали, и то не всегда, равночисленность ударенiй и одинаковость окончанія. Приведемъ что-нибудь для примѣра:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую.

Нѣкоторые сожалѣли (о чемъ иногда люди не сожалѣютъ?), что и сіи стихи вышли изъ употребленія.

Вразсужденіи окончанія надобно замѣтить, что старинные стихи писались безъ рифмъ, и сочетанія въ нихъ не наблюдалось.

Въ нихъ встрѣчается вольность, которую новѣйшіе стихотворцы позволяютъ себѣ только, подражая стариннымъ, именно: переносятъ въ нѣкоторыхъ словахъ ударенія съ одного слога на другой, какъ на пр. *возго́ворить, мо́лодецъ, дѣви́ца.*

Можно ли писать старинными пѣсенными стихами (не говорю уже о сказочныхъ) большія сочиненія? Сомнѣваюсь: они очень единообразны; къ томужъ они не столь приличны какъ введенные Ломоносовымъ для описанія всякаго рода предметовъ, но болѣе способны для выраженія чувствъ горестныхъ.

Разсматривая различные роды нашихъ стиховъ, кто не подивится ихъ разнообразію и вмѣстѣ, можетъ быть, не пожалѣетъ, что наши стихотворцы такъ мало пользуются богатствомъ своего языка въ семъ отношеніи.

Дор. Самсоновъ.

Казань.

Описаніе Ижевскаго желѣзодѣлательнаго и оружейнаго завода.

Прошедшимъ лѣтомъ (*) имѣвъ случай быть на Ижевскомъ желѣзодѣлательномъ и

(*) Сіе относится къ 1816 году.

оружейномъ заводѣ и достаточно узнать оный, я кратко описалъ его, чтобы обратить вниманіе публики на сіе заведеніе; ибо оно по истинѣ его заслуживаетъ.

1. *Описаніе внѣшняго вида.*

Ижевской заводъ находится Вятской губерніи въ Сарапульскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Ижѣ, въ приятной долинѣ, окруженной небольшими пригорками. Обширное озеро, болѣе шестидесяти верстъ въ окружности, составляемое рѣчкою Ижемъ, придаетъ мѣстоположенію величественный видъ, а заведеніе снабжаетъ нужною водою. Заводъ, построенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка вытекаетъ изъ озера, окруженъ домами чиновниковъ, рабочихъ людей и прочихъ жителей, и походитъ на городъ. Число живущихъ здѣсь, исключая времянную и инвалидную команды, простирается до 8324 душъ; домовъ же, кромѣ фабричныхъ зданій, считается до 1710. Въ срединѣ оныхъ величественно возвышаются восемь каменныхъ, четвероугольныхъ, со вкусомъ и удобно расположенныхъ зданій, въ дополненіе къ которымъ предположено выстроить со временемъ еще четыре. Главный, еще неоконченный четырехъ етажный корпусъ, составляющій центръ всей фасады, имѣетъ въ длину 53, а въ вышину, вмѣстѣ съ куполомъ и высокою на немъ башнею, простирается до 32 сажень. По бокамъ его

ходятся два невысокіе, каждый въ 22 сажени длиною, флигеля, изъ коихъ къ лежащему на правой сторонѣ примыкаетъ трехъэтажное, въ 33 сажени длиною, недавно оконченное строеніе. Точно такой же величины зданіе выстроится и по лѣвую сторону, тѣмъ и заключается цѣлая фасада, которая слѣдовательно будетъ имѣть въ длину 165 сажени.

Всѣ сіи зданія назначены для вмѣщенія мастерствъ оружейнаго завода. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ производится уже и нынѣ работа; ибо въ нихъ помѣщены сверильная, точильная и полировальная машины, винторѣзные и шустовые станки, ложевое, приборное и приладное мастерства.

Позади сего зданія находятся кузницы, литейная и магазины. Между первыми замѣчательна весьма хорошая, выстроенная изъ несгараемыхъ матеріаловъ, по манеру Англійскому, кузница, для отковки всѣхъ ружейныхъ частей, о 96 горнахъ, въ коей производится уже работа (планъ LL). Не меньшаго вниманія заслуживаетъ, также изъ несгараемыхъ веществъ выстроенный, угольный сарай (планъ xx), вмѣщающій въ себѣ до 19000 коробовъ угля (каждый въ 20 пудъ). Уголь ввозится съ плотины въ верхнюю часть сего сарая, возвышенную отъ полу на 5 сажень и состоящую изъ висячаго

съ перилами моста, проведеннаго кругомъ въ сараѣ. Съ сего моста сыплютъ уголь въ низъ, и наполняютъ онымъ всю внутренность сарая, нерѣдко и выше самаго моста на 3 сажени, такъ что угля можно навалить въ оный до 8 сажень въ вышину. Съ большею удобностію вывозится сей послѣдній, для употребленія, чрезъ сдѣланные въ нижней части сарая вороты. Такой же сарай предположено выстроить и по другую сторону.

Предъ вышеписаннымъ зданіемъ идетъ длинная прямая плотина, составляющая берегъ озера. По ней проложена улица на немалое пространство. Плотина имѣетъ въ 4 мѣстахъ прорѣвы, чрезъ которые пропускается вода до фабрикъ, дѣйствующихъ водою (см. планъ, 4, 5). Такимъ образомъ, при помощи многихъ ларей (см. планъ, 3, 3, 3) всѣ части завода снабжаются водою, которая для желаемаго дѣйствія машинъ выпускается по произволенію въ большомъ или маломъ количествѣ.

Изъ краткаго сего описанія явствуетъ, что всѣ вышеупомянутыя зданія устроены на тотъ конецъ, чтобъ, соединивъ всѣ работы желѣзодѣлательнаго и оружейнаго завода, составить со временемъ одно крайне удобное и прочное цѣлое. Но какъ сей планъ не совсѣмъ еще выполненъ, то нѣкоторыя рабо-

ины и производятся доселѣ въ прежнихъ деревянныхъ строеніяхъ. Онѣ находятся неподалеку и заключаютъ:

1. Большой корпусъ, въ которомъ замочно-отдѣльная и ствольно-отдѣльная мастерскія.

2. Небольшое зданіе, въ которомъ отачиваются стволы и штыки, и помѣщена машина для полированія бѣлаго оружія.

3. Зданіе, въ которомъ находятся 24 сверильныхъ станка и 1 проволочной.

4. Зданіе, въ которомъ помѣщается шустальная машина о 16 станкахъ и ножновое мастерство.

5. Кузница съ горнами о 16 огняхъ. (Въ ней производятся различныя работы для отдѣлочныхъ фабрикъ.)

6. Столярная.

7. Мѣховая.

8. Кузница для отковки инструментовъ.

9. Литейная для латунной мѣди о 3хъ печкахъ; къ ней же принадлежитъ фабрика для отдѣлки сей мѣди.

10. Литейная, въ коей производится въ двухъ печкахъ отливка мѣдныхъ, къ ружьямъ и бѣлому оружію принадлежащихъ приборовъ.

11. Литейная для отливки чугунныхъ вещей.

12. Сушильная для сушки ложъ.

13. Заводская кузница, въ которой производится всякая отковка, потребная для завода.

14. Кузница, въ которой устроены д[…] хвостовыхъ молота для заварки стволовъ.

15. Кричная фабрика, въ коей произво[…]дится ковка кричнаго желѣза, выдѣлка укла[…]да и стали, желѣзныхъ тяжелыхъ вещей для заводскихъ машинъ, ствольныхъ пласти[…]нокъ и лапунной мѣди.

16. Одинъ сарай для пробы 300 ружей[…]ныхъ стволовъ.

17. Металлическій магазинъ, въ коемъ хранятся не токмо различной доброты же[…]лѣзо и сталь, но и всѣ изъ оныхъ выдѣлы[…]ваемые инструменты и обракованныя вещи. Онъ довольно обширенъ, имѣетъ 3 етажа со многими отдѣленіями, въ которыхъ все распо[…]ложено приличнымъ образомъ. Къ сему соб[…]ственно называемому заводу принадлежитъ еще рядъ казенныхъ строеній, идущихъ по правой и нагорной сторонѣ озера. Они суть: Ижевская оружейная Контора, Казначейство, гаубтвахта, и Управа Благочинія. При сей послѣдней есть сарай съ шестью хорошими насосами и другими пожарными инструмен[…]тами. Зимою обыкновенно его протапливa[…]ютъ, и тѣмъ предохраняютъ воду отъ за[…]мерзанія; тутъ содержится всегдашній ка[…]раулъ. Далѣе идутъ домы чиновниковъ и на[…]конецъ тюремный острогъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ сихъ зданій построенъ арсе[…]налъ, въ коемъ хранятся, надлежащимъ обра[…]зомъ смазываются и прилично укладываю[…]

ся въ стелажи оружія. Арсеналъ сей можетъ вмѣщать до 10,000 ружей. Потомъ слѣдуетъ провіантскій, четвероугольникомъ выстроенный магазинъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій, назначенныхъ для храненія муки. Каждое изъ сихъ отдѣленій помѣщаетъ въ себѣ не болѣе 240 кулей; они кладутся по обѣимъ сторонамъ, такъ что ихъ тотчасъ можно сосчитать. Въ сихъ отдѣленіяхъ можетъ помѣститься муки до 400,000 пудовъ. Подъ однимъ изъ сихъ двухъ отдѣленій находится выходъ для храненія конопляннаго масла и другихъ вещей. Въ третьемъ отдѣленіи, кромѣ хлѣба, нѣкоторая часть онаго занята другими нужными, какъ для дѣйствія заводскаго, такъ и для снабженія служащихъ чиновниковъ и иностранныхъ мастеровъ припасами, какъ то: холстомъ, сукномъ, кожами, бумагою разнаго сорта, зерновымъ хлѣбомъ и тому подобнымъ. По срединѣ двора четвероугольникомъ выстроенъ домъ для смотрителя, а неподалеку отъ онаго поставлены важни съ вѣсами для развѣски отпускаемаго провіанта.

На низменной части занимаемаго заводомъ мѣста находится гофшпиталь, состоящая изъ трехъ отдѣленій. Въ срединѣ помѣщена аптека, кухня и все, что относится къ хозяйству. По всей длинѣ зданія сего идетъ теплый корридоръ, на наружной сторонѣ коего

расположено по девяти комнатѣ, могущихѣ вмѣстить до 300 больныхѣ.

Вѣ двухѣ верстахѣ отѣ завода находится кладбище. Здѣсь, на иждивеніи жителей заводскихѣ, г. Архитекторомѣ Дудинымѣ выстроена небольшая каменная церковь. Мысль и отдѣлка небольшаго храма сего показываютѣ, что зодчій образовался вѣ Италіи. Поелику же при самомѣ заводѣ божественная служба совершается вѣ казенномѣ каменномѣ жиломѣ, обращенномѣ на время вѣ церковь домѣ, то симѣ же Архитекторомѣ сдѣланѣ планѣ для большой каменной церкви. Г. Дудинѣ выстроилѣ еще каменное строеніе для училища, вѣ которомѣ обучаются разнымѣ, цѣли завода приличнымѣ предметамѣ, 139 мальчиковѣ, подѣ руководствомѣ тамошнихѣ трехѣ достойныхѣ духовныхѣ особѣ.

Теперь бросимѣ взглядѣ на низменную часть мѣста, занимаемаго заводомѣ, и замѣтимѣ все, что заслуживаетѣ здѣсь вниманіе. Хотя мѣсто сіе на болотѣ и доселѣ было покрыто лѣсомѣ и кустарниками, но необходимость и вмѣстѣ польза принудили его застроить частію сѣ давнихѣ временѣ и частію нынѣ; а для отвращенія здоровью угрожавшаго вреда, весь лѣсѣ около сего мѣста вырубленѣ и болота высушены спусканіемѣ воды вѣ многочисленные каналы. Кѣ сему заводу принадлежитѣ достаточное количество

лѣсу, большею частію сосноваго; его считается до 135,000 десятинъ. Для домашняго употребленія и на уголья ежегодно заготовляется изъ онаго до 16,900 куб. сажень. Угольевъ на заводъ требуется каждый годъ до 18,000 коробовъ, каждый въ 20 пудъ. А какъ изъ одной кубической сажени дровъ выходитъ угольевъ 4 короба, то для 18,000 коробовъ сожигается дровъ до 4,500 куб. саженей. Въ водѣ жители недостатка не терпятъ; поелику, кромѣ 8 казенныхъ колодцевъ съ прекраснымъ бассейномъ, находится оныхъ еще 228 при самыхъ домахъ. Не смотря на сіе, предположено провести воду вдоль улицъ трубами по низменной части завода изъ ключа, вытекающаго близь въѣзда въ заводъ, и имѣющаго весьма хорошую воду.

II. Описаніе внутренняго устройства.

Служащихъ при заводѣ считается Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 42, духовныхъ особъ 6, Унтер-Шихтмейстеровъ 68, Маркшейдерскихъ учениковъ 14, приказнослужителей 3, лѣкарскихъ учениковъ 2, магазинъ-вахтеровъ 5, присяжныхъ 2, иностранныхъ мастеровъ 18 и рабочихъ 2847; сюда невключаются однакожъ 2 роты подвижной инвалидной команды съ 6 Оберъ-Офицерами. Рабочіе опредѣлены частію къ желѣзодѣлательному, частію желѣзооружейному заводу, и раздѣляются на цехи, а

сіи на мастерства, смотря по различію работъ. Къ желѣзодѣлательному заводу принадлежатъ 412 рабочихъ людей, кои раздѣлены на три цеха, а именно:

1) на кричный	- - - - -	151
2) кузнечный	- - - - -	99
3) поторжный	- - - - -	162

Всѣ они получаютъ провіантъ и умѣренное жалованье.

Въ оружейномъ заводѣ находится, кромѣ 41 подмастерья, 2396 рабочихъ людей. Они раздѣляются на семь цеховъ, а именно:

На 1й	ствольный	- - -	341
— 2	замочный	- - -	734
— 3	приборный	- - -	407
— 4	ложевый	- - -	206
— 5	бѣлаго оружія	- -	206
— 6	инструментальный	-	176
— 7	поторжный	- - -	326

Сіи рабочіе состоятъ частію изъ мастеровыхъ, получающихъ плату поштучно, т. е. задѣльщиковъ, и таковыхъ считается до 1000 человѣкъ, частію же изъ помощниковъ и учениковъ, получающихъ жалованье помѣсячно; сверьхъ того каждое мастерство состоитъ подъ надзоромъ одного, по большей части Нѣмецкаго, главнаго мастера, называемаго Директоромъ того мастерства.

На желѣзодѣлательномъ заводѣ изъ привозимаго съ Гороблагодатскихъ заводовъ чугуна вырабатываются желѣзо и сталь. Здѣсь изъ нарочно приготовленнаго желѣза выковываются ствольныя пластинки, для коихъ берется по 14¾ фун. мягкаго желѣза надлежащей длины и ширины. При обдѣлкѣ ихъ должно теряться желѣза немного болѣе фунта, такъ чтобы по окончаніи работы пластинка вѣсила по меньшей мѣрѣ 13½ фунтовъ. Потомъ гнутъ сію послѣднюю по различному направленію въ перпендикулярно стоящемъ столбѣ для того, чтобы болѣе увѣриться въ мягкости желѣза, и видѣть, не имѣетъ ли она трещинъ. Годныя въ дѣло отправляются тогда же для сдачи въ магазинъ, изъ котораго потомъ въ оружейныя мастерства.

Съ желѣзодѣлательнымъ заводомъ имѣетъ тѣсную связь литейная для отливки латунной мѣди, гдѣ сія послѣдняя обработывается частію подъ молотомъ, частію же чрезъ плющеніе между двухъ катальныхъ станковъ.

Въ оружейномъ заводѣ *первой* цехъ есть важнѣйшій. Оружейные стволы приготовляются въ немъ слѣдующимъ образомъ. Ствольныя пластинки раскаливши, сгибаютъ въ трубки на нарочно для сего сдѣланныхъ наковальняхъ; потомъ на желѣзныхъ (*) оправкахъ моло-

(*) Такъ называются желѣзные прутья, вокругъ которыхъ загибаются пластинки.

тами завариваютҍ ихҍ. После сего отдаются они вҍ сверильную, где просверливаются 16ю различной величины горизонтально утвержденными, четыреугольными, стальными, одно подле другаго по величине своей расположенными и коноплянымҍ масломҍ смазанными сверлами, коими определяется калибрҍ ствола. Высверленная трубка поступаетҍ отсюда вҍ точильную. Здесь делаются, для уравненія стенҍ ствола, сперва на ствольной трубке вҍ четырехҍ местахҍ по калибру насечки, по которымҍ после и отачивается лишнее. Самое точеніе стволовҍ производится помощію большихҍ водою движимыхҍ точилҍ дотоле, пока они не получатҍ надлежащаго своего вида и меры вҍ толщине. Стволы изҍ точильной отдаются вҍ шустольную. Тутҍ утверждаются они накрепко вҍ горизонтальномҍ положеніи вҍ станокҍ, и мало по малу внутри гладятся медленно движущимися, какҍ около оси, такҍ равно взадҍ и впередҍ шустами, состоящими изҍ прямыхҍ железныхҍ прутьевҍ, имеющихҍ на конце шустҍ сҍ резцами. Шустовальная машина сҍ 16 шустами, расположенными пополамҍ на обе стороны, соответствующими стволамҍ, усовершенствована умершимҍ механикомҍ Г. Собакинымҍ; наконецҍ опилкою ствола снаружи, приделкою казеннаго шурупа, просверливаніемҍ заправки, выглаживаніемҍ по-

средствомъ крововика, обдѣлка ствола въ ствольно-отдѣльной приводится къ окончанію. Прежде нежели стволъ поступитъ въ ствольно-отдѣльную, онъ долженъ выдержать нѣкоторыя пробы, состоящія въ повѣркѣ прямизны его. Это дѣлается всякой разъ, когда онъ переходитъ изъ одной мастерской въ другую; на сей конецъ берутъ натянутую на лучокъ струну, продѣваютъ ее сквозь стволъ, и смотрятъ, не уклонилась ли она гдѣ отъ своего направленія. Во время повертыванія ствола около струны кривизна его усматривается обыкновенно потому, что внутренняя поверхность на покривленномъ мѣстѣ выдается. Для выравненія ствола употребляется нарочно для сего придуманная машина, а именно: кладутъ его между трехъ крючковъ, изъ коихъ среднимъ выдавшаяся часть давится къ верху, а двумя крайними гнется въ низъ, и стволъ необходимо выправляется, будучи крѣпко сжатъ винтомъ. Главная проба надъ стволомъ производится для узнанія его крѣпости. При семъ случаѣ берутъ отъ двухъ до трехъ сотъ стволовъ, не имѣющихъ еще ни казенныхъ шуроповъ, ни заправокъ; заряжаютъ каждый 6 золотниками пороха и 7-золотниковою пулею, ввернувъ напередъ въ казенную часть временные винты съ желобками вмѣсто заправокъ; укрѣпляютъ стволы между двухъ брусьевъ, въ два ряда расположенныхъ въ сараѣ, изъ коихъ каждой имѣетъ полу-

круглые вырѣзки (стеляжи) для вложенія стволовъ, приставляютъ казенную часть стволовъ съ времянными казенниками къ узенькимъ бороздкамъ, усыпаннымъ порохомъ для того, чтобъ можно было ихъ скорѣе зажечь. Когда все такимъ образомъ устроено, пробный сарай запираютъ, и зажигаютъ порохъ снаружи. Лишь только огонь дойдетъ до временныхъ казенниковъ, то стволы съ большимъ трескомъ разряжаются, и вылетающія пули ударяются въ сдѣланную противъ дулъ при стѣнѣ сарая земляную насыпь, въ которой и остаются. Негодные стволы, невыдержавъ силы пороха, разрываются, уцѣлѣвшіе подвергаются вторично таковой же пробѣ; а иногда, если замѣченъ будетъ какой-либо недостатокъ, пробуютъ симъ образомъ и въ третій разъ. По окончаніи пробы, наложивъ клейма на стволы, отдаютъ ихъ опять на заводъ для окончательной отдѣлки. Въ замѣну стволовъ не выдержавшихъ пробы ствольной мастеръ обязанъ представить другіе.

Во второмъ цехѣ дѣлаются замки. Замочныя доски приготовляются прессомъ, подъ коимъ вырѣзываются онѣ въ грубомъ еще видѣ изъ раскаленныхъ желѣзныхъ пластинокъ; а послѣ сего подъ другимъ уже штемпелемъ доски замочныя приводятся въ надлежащій видъ и форму.

Въ замочно-отдѣльной, съ помощію сверильныхъ станковъ, провертываются на до-

скахъ нужныя диры, а самыя доски опиливаются и полируются. Тутъ же придѣлываются къ нимъ винты, пружины, курки, огнива и проч. Послѣднія части, такъ какъ и доски, по устроеніи нужнаго для сего числа штамповъ, дѣлаются равномѣрно подъ штемпелемъ. Послѣ сего замо́къ отдается въ калительное и чистительное мастерство.

Въ *пятомъ* (*) цехѣ приготовляются штыки и бѣлое оружіе. Ихъ принимаютъ отъ кузнецовъ вчернѣ, и отачиваютъ и сверлятъ трубки, подобно стволамъ, на точилахъ и сверильныхъ станкахъ, а потомъ полируютъ на дубовыхъ кругахъ, обтянутыхъ кожею и намазанныхъ наждакомъ. Прорѣзъ на трубкѣ штыка дѣлается напередъ на штамповой машинѣ въ два только приема.

Въ *четвертомъ* цехѣ дѣлаютъ ложи изъ березоваго дерева. Длина и толщина ихъ опредѣляется калиберною доскою. Они обдѣлываются скобелью, рѣзцомъ, пилами и подпилками. Ровность и гладкость придается имъ посредствомъ натиранія толченымъ стекломъ, на бумагу приклеенымъ; цвѣтъ крѣпкою водою, а лоскъ деревяннымъ масломъ. Изъ сего мастерства поступаютъ

(*) Сей безпорядокъ въ описаніи цеховъ сдѣланъ для того, чтобы произведеніе работъ представить въ естественномъ ихъ одна за другою послѣдствіи.

ружья въ прикладную, гдѣ приготовляются уже окончательно для сдачи въ арсеналъ, сообразно установленной на пріемъ ружей инструкціи.

Въ *третьемъ* цехѣ производится отковка и отдѣлка желѣзныхъ и мѣдныхъ приборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мѣдные приготовляются изъ латунной мѣди, а другія отливаются въ формы, и потомъ отдѣлываются, полируются и шлифуются. Вещи изъ латунной мѣди вырѣзываются штампомъ, и отдаются, какъ онѣ, такъ и другія, въ приемную для пересмотра и употребленія по мастерствамъ.

На приготовленные такимъ образомъ для ружей штыки шьются ножны. Въ такомъ видѣ отсылаютъ ихъ въ арсеналъ. По нынѣшнему калибру сдѣланное ружье со всѣмъ приборомъ вѣситъ отъ 11 фунтовъ 70 золот. до 12 фунтовъ; стволъ же особо взятый 5 фун. 48 золотниковъ. Поелику для завода требуется очень много инструментовъ, которые надлежало бы выписывать изъ другихъ мѣстъ дорогою цѣною, то и устроенъ еще *шестой* цехъ, въ коемъ дѣлаются не только сверла, винторѣзныя доски, тиски, тисы, но и всѣ почти нужныя для общежитія вещи, какъ то: замки, ножницы и прочее; онѣ сортируются, хранятся въ особомъ магазинѣ и отпускаются по опредѣленной цѣнѣ.

Наконецъ *седмый* цехъ состоитъ изъ рабочихъ, употребляемыхъ въ постороннія работы, какъ то: при полиціи, для наблюденія чистоты при фабрикахъ, для карауловъ, для чищенія канавъ и при построеніи завода.

На содержаніе цѣлаго заведенія отпускается, по Высочайше конфирмованному штату въ 20 день Февраля 1807 года, 142,460 рублей, а именно: на жалованье чиновникамъ, плату рабочимъ и содержаніе конторы 82,460 руб. На содержаніе фабрикъ, жилыхъ покоевъ и на инструменты 60,000.

И того 142,460.

Кромѣ сей штатной суммы, получаемой изъ Государственнаго Казначейства, выдается особо за всякую сдѣланную вещь изъ Коммиссаріата умѣренная плата по Тульской разцѣнкѣ, т. е. за готовое ружье 12 рублей, 69 копѣекъ.

Железодѣлательной заводъ получаетъ сверхъ того еще 97,148 руб. 50 коп. на ремонтное желѣзо.

Примѣчаніе. Хотя прошлаго 1816 года Ноября 10 дня часть описанныхъ времянныхъ деревянныхъ заводскихъ фабрикъ сгорѣла, однако работы ни мало отъ сего неразстроились; ибо нынѣ всѣ онѣ производятся въ каменномъ зданіи.

III. *Историческое о заводѣ свѣдѣніе.*

Когда войдешь въ заводъ и увидишь по всѣмъ онаго частямъ дѣятельность, устройство и согласный съ цѣлію порядокъ, споспѣшествующій лучшимъ образомъ къ сохраненію всѣхъ силъ и выгодъ; то поразишься удивленіемъ и невольнымъ образомъ скажешь, что сіе стройное цѣлое есть произведеніе ума необыкновеннаго. Узнавши же его исторію, удивишься еще болѣе тѣмъ перемѣнамъ, которыя съ нимъ случились. Краткое обозрѣніе оныхъ послужитъ сему доказательствомъ.

До 1807 года здѣсь находился только желѣзодѣлательный заводъ, который получалъ чугунъ по большей части изъ Кушвы. До 1763 года онъ принадлежалъ фамиліи Шуваловыхъ; потомъ купленъ былъ въ казну; разоренъ во время бывшаго смятенія въ 1774 году; а въ послѣдствіи опять возобновленъ. По прожекту Обер-Берг-Гауптмана Дерябина въ 1807 году заведенъ былъ оружейный заводъ. На первое заведеніе онаго выдано было г-ну Дерябину изъ казны до 700,000 рублей, приписано 7000 рекрутъ для работъ. На содержаніе же онаго и одной роты военной команды опредѣлено было съ вышеписанною штатною суммою 152,388 руб. 55¼ коп. въ годъ.

Заводъ, по построеніи нужнѣйшихъ зданій, получивши нѣкоторое образованіе, пе-

ступилъ въ вѣдомство Артиллерійскаго Департамента. Тогда Генералъ-Маіоръ Булыгинъ утвержденъ былъ Инспекторомъ завода, а Маіоръ Шейдеманъ начальникомъ онаго. Въ сіе время заводъ доставлялъ очень малое количество ружей; а 1810 году, отъ случившагося въ Маѣ мѣсяцѣ пожара, магазины и большая часть жилищъ рабочихъ были истреблены.

Въ такомъ видѣ принятъ въ концѣ 1810 года оный заводъ нынѣшнимъ Инспекторомъ артиллеріи Полковникомъ Греномъ. Въ 1811 году заводъ получилъ новое образованіе и лучшее распоряженіе, а въ послѣдствіи времени изъ 22хъ цеховъ осталось 7, изо 100 офицеровъ 47, изъ 70 иностранныхъ мастеровъ только 18, нужнѣйшіе по своему искуству. Симъ удаленіемъ излишнихъ лицъ и распредѣленіемъ въ лучшее соотношеніе работниковъ возбуждена дѣятельность, дотолѣ неизвѣстная. Слѣдствіемъ сего распоряженія было то, что въ первый 1811 годъ сдѣлано 3000, а въ слѣдующій 1812й годъ 7000 весьма хорошихъ ружей, которыя и отправлены были въ Санктпетербургъ и въ армію. Изъ оставшихся денегъ соблюдена значительная сумма, на которую понынѣ построены вышеописанныя каменныя заводскія зданія. На построеніе же оныхъ потребно было по смѣтамъ болѣе 1,300,000 рублей. Заведеніе сіе дости-

где еще до большей степени совершенства въ 1813 году, когда присланъ былъ въ заводъ Начальникомъ г. Малаевъ. Его неусыпною дѣятельностію, соединенною съ великимъ знаніемъ въ заводскомъ дѣлѣ, работы производятся съ сугубою ревностію, начертываются еще новые планы и заводятся новыя работы и машины. Упомянемъ токмо о тѣхъ главныхъ работахъ, которыя восприяли начало свое въ послѣдніе 4 года при непрестанно продолжающейся стройкѣ. Кузницы, точильныя, сверильныя, шустовыя и штамповая машины исправлены и приведены въ дѣйствіе. Сверхъ сего вновь сдѣлано въ 1811 году 3 прорѣза, 2 шлюза и 1 ларь; вырыто 8 колодцевъ и водяной бассейнъ. По близости находившійся лѣсъ весь вырубленъ и болотистая почва высушена; выстроены вновь магазинъ и сгорѣвшая часть обывательскихъ домовъ. И на всѣ казенныя заведенія употреблено съ небольшимъ 600 тысячь рублей изъ разныхъ суммъ, въ заводѣ состоящихъ, отдѣляя отъ оныхъ по возможной части. Количество оружія ежегодно доставляемаго нынѣ весьма значительно, и возрасло такъ, что въ нынѣшнемъ году заводъ уже въ состояніи поставить до 15,000 ружей, а въ послѣдствіи, по окончаніи всего строенія, будетъ выставляемо ежегодно до 60 тысячь ружей.

Такая неусыпность и ревность, такое примѣрное безкорыстіе, принесшія уже столь много пользы, подають надежду, что начатыя предпріятія скорѣе приведены будутъ къ концу, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ всякой истинный патріотъ. Желательно однакожъ, чтобъ сіе къ совершенству приближающееся заведеніе скорѣе могло достигнуть своей цѣли; бѣднымъ же работникамъ, при настоящей дороговизнѣ въ съѣстныхъ припасахъ и частію тягостной економіи, нужно бы сдѣлать жизнь спокойнѣе, и такимъ образомъ осчастливить нѣсколько тысячь полезныхъ людей. *Е.*

Казань.

III. СМѢСЬ.

Отрывки изъ походныхъ записокъ Русскаго офицера.

На высотахъ Монмартра, 6 часовъ по полудни 18 Марта 1814. Еще влѣво отъ насъ, въ корпусѣ Генерала Раевскаго, громы изрѣдка отдаются; вотъ уже утихаютъ, вотъ — и совсѣмъ замолкли! Вправо и у насъ, въ гренадерскомъ корпусѣ, все

давно молчитъ. Передъ нашимъ строемъ Московскіе Гренадеры, по приказанію Главнокомандующаго, ломаютъ телеграфъ. Солдаты, бывшіе разсыпаны въ стрѣлкахъ, собираются къ полкамъ своимъ, ведя за собою по нѣскольку плѣнныхъ Французовъ. Я сижу у окна въ небольшомъ красивомъ домѣ, стоящемъ на гордой высотѣ, многими подобными домиками, мѣльницами и виноградными садами усыпанной. Впереди подъ нами стелется въ морѣ тумана обширная столица Франціи. Напрягаю зрѣніе, хочу видѣть Парижъ, и вижу одну мрачную кучу зданій, взгроможденныхъ, кажется, другъ на друга и теряющихся вдали сизою, безконечною полосою. Взоры съ удовольствіемъ то носятся надъ туманной бездной города, то гуляютъ влѣво по зеленымъ берегамъ Сены, или возвращаются въ ряды сѣверныхъ Героевъ, и не знаютъ, гдѣ остановиться. Вдругъ наступаетъ глубокая тишина! . . . .

Главнокомандующій Барклай де Толли и Графъ Милорадовичь, Русской Боярдъ (Chevalier sans peur et sans reproche), подъѣзжаютъ къ нашимъ рядамъ и поздравляютъ воиновъ, участниковъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ, со взятіемъ Парижа. Громкое, радостное *ура!* разливается по высотамъ Монмартра. Начальники и подчиненные привѣтствуютъ и обнимаютъ другъ друга; лица всѣхъ блистаютъ

улыбкою. Побѣдители, въ упоенiи своей радости, не видя болѣе въ побѣжденныхъ плѣнниковъ своихъ, ищутъ раздѣлить съ ними настоящее торжество разными ласками и увѣренiемъ въ скорой ихъ свободѣ. Благородныя души любятъ счастiемъ своимъ дѣлиться съ другими; чувство радости содѣлало всѣхъ друзьями и братьями. Еслибъ я могъ имѣть на свѣтѣ врага сильнаго, непримиримаго, человѣка, которой лишилъ бы меня того, чего нѣтъ для меня дороже въ мiрѣ, однимъ словомъ человѣка, которой разлучилъ бы меня навсегда съ другомъ, или съ милой; если бы онъ пришелъ теперь ко мнѣ и просилъ моей руки въ завѣтъ нашего примиренiя: я далъ бы ему руку — какъ быть? — отдалъ бы съ нею и сердце мое! Увѣренъ, что всякой изъ насъ готовъ сдѣлать то же въ минуты нынѣшняго торжества. Посѣщаетъ ли мрачное чувство ненависти душу, наполненную чистымъ восторгомъ? Не обходятъ ли вьюги и непогоды долины Темпейскiя, вѣчною весною цвѣтущiя?

Разсказываютъ намъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, получивъ договоры о сдачѣ Парижа, обнялъ съ восхищенiемъ Прусскаго Короля и сказалъ: *Слава Богу! кровь человѣческая болѣе проливаться не будетъ.* — Священныя слова, которыя каждый Царь долженъ бы вписать въ сердце свое! слова, ко-

торыя включены уже золотыми буквами въ лѣтопись великаго Судіи!

Нынѣшнее дѣло было довольно жаркое. Хвала гренадерамъ, рѣшившимъ судьбу центра твердою грудью и безтрепетною душою! Французы узнали въ нихъ побѣдителей при Нови и Требіо и переходцевъ горъ Альпійскихъ. Слава и Вождямъ сихъ войскъ! Начальникъ 2й гренадерской дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Паскевичь, и Коммандиръ одной изъ ея бригадъ, Генералъ-Маіоръ Писаревъ, были душею нашихъ отрядовъ. Оба извѣстные своею храбростію, оба любимцы славнѣйшихъ Русскихъ полководцевъ нашего времени и вѣрные сопутники ихъ побѣдъ; оба сражавшіеся въ первой разъ одинъ въ глазахъ другаго, искали, кажется, показать одинъ передъ другимъ, что общая молва не договорила еще всѣхъ подвиговъ ихъ. Какое похвальное рвеніе, какое примѣрное мужество ихъ одушевляли! Враги удерживали ли съ упорностію выгодное для нихъ мѣсто, — являлся Генералъ Паскевичь, Герой Вязьмы и Модлина (*), ободрялъ гренадеръ взоромъ и словами, — и враги немедленно уступали

(*) Все, что я въ запискахъ моихъ помѣщалъ въ похвалу нѣкоторыхъ Полководцевъ, было внушено мнѣ истиною, основанною на очевидности, на мнѣніи избранныхъ и на единодушномъ голосѣ цѣлой арміи. *Л.*

твердыни! Засѣдалиль непріятельскіе стрѣлки въ домахъ, за густыми деревьями и за высокими каменными оградами, служившими имъ крѣпостцами, — показывался Генералъ Писаревъ въ цѣпяхъ нашихъ стрѣлковъ, водилъ ихъ самъ къ нападенію, не давалъ быстрымъ распоряженіемъ ихъ движеній одумываться врагу — и сіи же самыя защиты непріятельскія обращались въ собственную нашу оборону и нападеніе. Можно сказать, что онъ рвалъ лавры изъ подъ лезвія смертной косы. Волновалась ли судьба битвы, — одно присутствіе, одно слово героевъ рѣшали ее! Адъютантамъ не нужно было искать ихъ *назади*; посланные къ нимъ съ приказаніями не получали въ отвѣтъ, что имъ *нѣтъ времени* и что имъ нужно ѣхать *далѣе* для переговоровъ съ высшими шефами о полковой економіи. . . Напротивъ того они сами были вездѣ видимы, сами спѣшили туда, гдѣ споръ битвы требовалъ ихъ распоряженія и гдѣ опасности вызывали ихъ мужество на труднѣйшее, славнѣйшее поприще. Офицеры и солдаты, смотря на нихъ, не дивились, что шаги побѣды покупались ими такъ быстро у враговъ, и явясь на высотѣ Монмартра, гдѣ кончались ихъ подвиги, они думали, что начинали только дѣйствовать. Храброй артиллерійской Полковникъ Нилусъ, спокойно разкуривая трубку, бросалъ съ гордой высоты громы на Парижскіе булевары. Думаю, что не одинъ

шифонерки и бонбонерки разлетѣлись въ стороны отъ его грозныхъ посылокъ. Московскіе гренадеры славно мстили за Столицу, подарившую ихъ своимъ именемъ. Маіоръ ихъ Повало-Швейковскій, распоряжая движеніями всѣхъ гренадерскихъ стрѣлковъ, подвелъ ихъ къ Парижскимъ заставамъ. Когда ему замѣтили, что пуля сорвала еполетъ съ праваго плеча его и зацѣпила самое тѣло, онъ сказалъ, улыбаясь: „въ такомъ славномъ дѣлѣ и потеря руки бездѣлица!" — Горбуновъ, подпоручикъ Московскаго полку, надѣвъ на себя патронную суму съ убитаго солдата, схватилъ ружье его, носился самъ впереди стрѣлковъ своихъ. Грознымъ штыкомъ свергнулъ онъ съ лошади Французскаго офицера (баталіоннаго начальника) (*), не хотѣвшаго, съ нѣсколькими солдатами, сдаться ему въ плѣнъ: — видно, что рука и сердце не дрогнули! . . . Кіевцы и Малороссіяне, слѣдуя примѣру своихъ предводителей, дѣйствовали съ большимъ мужествомъ. Я видѣлъ, какъ молодые солдаты стремились опереживать старыхъ гренадеръ, какъ новобранцы, изотрѣляв

(*) Имя сего несчастливца узналъ я изъ разныхъ документовъ и писемъ, доставшихся мнѣ послѣ дѣла, съ записною книжкою его. Нѣкоторые изъ сихъ бумагъ довольно интересны по содержанію своему и подписямъ разныхъ особъ, занимающихъ важныя мѣста во Франціи. *Л.*

(не даромъ!) всѣ патроны свои, прибѣгали къ своимъ начальникамъ съ прозьбою дать имъ новые заряды, и получивъ ихъ, спѣшили на свои мѣста — разить, или умирать! Главнокоммандующій, видя, что гренадеры *слишкомъ скоро* подавались впередъ и тѣмъ опереживали лѣвое наше крыло, присылалъ сказать имъ, чтобы они *медленнѣе* наступали. Побѣда наша тѣмъ болѣе достойна славы, что куплена у храбрыхъ. Ученики Парижской Политехнической школы дрались въ сей день какъ молодые разъяренные львенки, у которыхъ отнимаютъ мать ихъ. Въ первой разъ явились они изъ классовъ своихъ на полѣ брани; ученики сражались съ искусствомъ ветерановъ и умирали героями на пушкахъ, забираемыхъ побѣдителями.

Совершенная сдача Парижа подтверждена новыми извѣстіями. Тѣмъ достопамятнѣе будетъ нынѣшнее число, что Буонапартъ въ прокламаціи своей Французскому народу отъ 18 Марта 1813 года сказалъ: „*хотя бы союзныя войска стояли на высотахъ Монмартра, я не уступлю имъ ни одной деревеньки изъ областей, вошедшихъ въ составъ Имперіи.*“ 18 Марта 1814 года голоса побѣды Союзниковъ разносятся на высотахъ сихъ; завтра вступаемъ въ Парижъ! — Идемъ сей часъ занимать бивуаки въ Бельвилѣ.

Что сказали бы вы, почтенные Капеты, вы, основатели Французскаго Царства, и ты, Генрихъ, отецъ своего народа, и ты, великолѣпный Лудовикъ XIV? Какое чувство изъявили бы вы, Сюллiи, Колберты, Тюрены, Расины и Вольтеры, подпора и слава отечества своего? что рекли бы вы, когда стряхнувъ съ себя сонъ смерти, услышали бы радостное *ура* Славянъ на высотахъ Монмартра? . . . Приникни, Великiй Петръ! и увѣнчай улыбкою Своею достойнаго Твоей славы Правнука!

Бельвиль, 7 часовъ утра 19 Марта. Бельвиль, большею частiю заключающiй въ себѣ увеселительные загородные домà Парижанъ, можно уже назвать предмѣстьемъ города, — такъ тѣсно соединенъ онъ съ нимъ; онъ есть притомъ и предвѣстникъ его великолѣпiя, щегольства и вкуса. Домъ, занимаемый нашимъ Генераломъ, убранъ рукою сихъ трехъ сопутниковъ роскоши. Огромныя зеркала, двадцать разъ отдающiя одинъ предметъ; еластическiя кушеты и кресла, напоминающiя вамъ утонченные нравы вѣка Альцибiадовъ и Аспазiй; пышныя постели, которыя можно скорѣе назвать престолами любви и нѣги; туалетъ, убранный самыми Грацiями, конечно для одной изъ сестрицъ ихъ, окруженный всѣми богатствами царства Флоры; небольшая библiотека, заклю-

чающая въ себѣ всю сущность Французской словесности, подъ самою красивою наружностію; ковры, спорящіе рисунками своими съ Природою; Севрской фарфоръ, богатые кенкеты, щеголеватые фермуары, потайные ящики: однимъ словомъ все, до чего ни дотронешься, на что ни взглянешь, создано для тончайшаго услажденія нашихъ пяти чувствъ, для ума и вкуса!

Хозяева дома оставили его на произволъ побѣдителей. Еще свѣжи слѣды ихъ бѣгства: вотъ разогнутая книга, на столѣ покинутая; вотъ чайный приборъ, который не успѣли еще прибрать къ мѣсту; вотъ другія бездѣлки, которыя не трудно бы взять съ собою, но которыхъ унесть не имѣли времени: все доказываетъ, что Парижане, обманутые (вмѣстѣ со всею Франціею) краснорѣчивыми утѣщеніями Наполеона, оставались покойными въ своихъ жилищахъ до того самаго часа, какъ начали стучаться немилосердо у ихъ дверей грозные вѣстники нашей артиллеріи — вѣстники, очень часто посылаемые докладывать Парижу о прибытіи сѣверныхъ гостей. Гдѣ любезный братецъ Іосифъ, обѣщавшій городу быть Палладинымъ щитомъ его? Гдѣ корпусы избранныхъ, несомнѣнная защита столицы Франціи? Гдѣ городское ополченіе, герои Пантеня и предводители ихъ, столько храбрые сло-

вами? . . . Первый съ сокровищами своими бѣжитъ безъ души во внутренность Королевства; другіе въ смятеніи удаляются къ Фонтенебло; послѣдніе, увы! разошлись по кофейнымъ домамъ — потоплять свое горе въ круговыхъ чашахъ. Какъ бы то ни было, вмѣсто бродящаго, отдѣленнаго отъ главной арміи небольшаго отряда наѣздниковъ (какъ разглашали Буонапартъ и подкупленные имъ журналисты), вмѣсто сего слабаго отряда, цвѣтъ и сила союзныхъ войскъ вступаютъ въ Парижъ. — Хотя Французы называютъ насъ сѣверными варварами, мы однакожъ можемъ похвалиться передъ ними учтивостію: какъ скоро, какъ благородно отплачиваемъ имъ Московское посѣщеніе! . . . Не думаю, чтобы молодые, праздные наши щеголи, точные подражатели Галльскихъ обычаевъ, отплачивали теперь *такъ вѣрно* свои визиты въ Россіи! . . .

Отборное союзное войско вступаетъ парадомъ въ Парижъ (говоря безъ риторической фигуры и съ фигурой — какъ угодно!) съ *лаврами*, сорванными въ садахъ его; *бѣлыя* перевязи еще тверже скрѣплены на рукахъ нашихъ. Только Руская гвардія (пѣшая и кавалерія), наши гренадеры и кирасиры, нѣкоторые (два, три не болѣе) Австрійскіе полки и Пруская гвардія, съ ихъ артиллеріею, пользуются честію сего знаменитаго вступ-

денія. Смотря на сіе войско, не льзя вообразить, чтобъ оно являлось со сцены жаркихъ битвъ и дымныхъ бивуаковъ: такъ чисто и щегольски оно одѣто! такъ свѣжи, бодры и веселы герои послѣ столь трудныхъ, утомительныхъ подвиговъ!

Французы, ободренные нашими ласками и милостями Русскаго МОНАРХА, выходятъ уже во множествѣ изъ городскихъ воротъ. Съ довѣренностію приближаются они къ рядамъ, посреди которыхъ не видно ни торжественной колесницы, ни гордаго вѣстника, ни стада плѣнниковъ, готовящихся громомъ цѣпей возвѣщать о славѣ вступающаго въ городъ побѣдителя, собственнымъ уничиженіемъ возвышать его величіе и именемъ раба покрывать стыдомъ имя братьевъ, женъ и друзей, съ плачемъ ихъ встрѣчающихъ. Скромность и милосердіе Россійскаго Государя, отклонивъ отъ нихъ сіе постыдное для нихъ зрѣлище, готовитъ имъ пріятнѣйшее. Онъ приходитъ разрѣшить ихъ узы рабства, а не отягчать новыми; не слава побѣдъ Его занимаетъ, достойнѣйшая Его слава наполняетъ великую душу Его. „Жребій войны привелъ меня къ вамъ;" сказалъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Префекту Сенскаго Департамента и Парижскимъ Мерамъ, пришедшимъ къ Нему въ главную квартиру Его въ Бонди: — „Императоръ вашъ принесъ въ сердце Россіи тысячи бѣд-

ствій, которыхъ слѣды долго не изгладятся. Справедливая оборона довела меня до сихъ мѣстъ; но Я слишкомъ далекъ отъ мести. Хочу доказать имъ, что Я пришелъ платить добромъ за зло. Одного Наполеона почитаю врагомъ Моимъ. Я обѣщаю особенное покровительство городу Парижу, и беру подъ собственное Мое охраненіе всѣ общественныя ваши заведенія: — одно отборное войско будетъ въ немъ расположено. Сохраню существованіе вашей народной гвардіи. Вамъ остается утвердить счастіе ваше на будущее время. Вамъ нужно правленіе, которое, давъ спокойствіе Франціи, дастъ его и цѣлой Европѣ; вамъ же предоставлено пожелать его и привесть въ дѣйствіе. Вы найдете Меня всегда готовымъ поспѣшествовать вашему доброму рвенію.“ Такъ вѣщаетъ АЛЕКСАНДРЪ Французамъ — и народъ, болѣе побѣжденный Его милостями, нежели силою Его оружія, невольно къ Нему въ плѣнъ влечется. О мирномъ расположеніи нашихъ воиновъ къ Французскому народу и милостивомъ съ нимъ обхожденіи упоминать не нужно; — примѣръ Государя священнѣйшій законъ для его подданныхъ.

Но — вотъ велятъ намъ подвинуться къ городу и у аллеи, примыкающей къ воротамъ, дожидаться приказа о вступленіи. Надобно разстаться съ карандашемъ.

Парижъ, 6 часовъ по полудни. Утомленный разнообразіемъ новыхъ, пріятныхъ предметовъ, не знаю, за описаніе которыхъ изъ нихъ приняться? Начну съ важнѣйшаго, незабвеннаго для каждаго изъ насъ предмета!

Всѣ, отъ предводителя войскъ до рядоваго, ожидали съ какимъ-то сладостнымъ нетерпѣніемъ вступленія въ столицу Франціи; всѣхъ взоры и сердца перелетали уже городскія ворота и носились мысленно надъ мѣстами, цѣлію нашихъ нетерпѣливыхъ желаній, любезнѣйшею мечтою нашею отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ, концемъ всеобщихъ бѣдствій и пристанью нашихъ побѣдъ. Не робкими пустниками, съ посохомъ въ рукахъ, умоляющими дать себѣ гостепріимство, но смѣлыми побѣдителями подошли мы ко храму искусствъ, наукъ, художествъ и вкуса, и требуемъ, чтобы показали намъ всѣ ихъ сокровища. Слава лучшій проводникъ; ему дозволенъ свободной входъ въ палаты Царей и въ мастерскую художника, въ воинской станъ и въ хижину мудраго.

Лицемъ стояли мы къ аллеѣ, ведущей въ столицу Франціи, и правымъ крыломъ нашимъ примыкали почти къ городскимъ воротамъ. Вдругъ вѣстникъ прискакалъ къ нашему строю и объявилъ намъ повелѣніе вступить въ Парижъ. Тысячи взволновались, радостное жужжанье разлилось по рядамъ хра-

брыхъ, раздались командныя слова и веселая музыка загремѣла во всѣхъ полкахъ. Скоро увидѣли мы полки союзниковъ, церемоніальнымъ маршемъ пробирающіеся въ городъ: Австрійцы шли впереди, за ними слѣдовали Прусаки; гренадеры наши тронулись съ мѣста и потянулись въ слѣдъ за ними; Императорская Гвардія, какъ блистательнѣйшее и лучшее войско, довершало шествіе. C'est un coup de maitre, говорили неунывающіе Французы: сначала приготовить сердца зрителей къ удивленію, болѣе и болѣе выигрывать надъ ними власти, и наконецъ изумить, поразить ихъ!... Мы перешагнули черту городскихъ воротъ и, вступивъ въ Парижъ, насладились зрѣлищемъ, которое позднимъ лѣтамъ нашимъ готовитъ сладчайшія воспоминанія. Представьте себѣ отборное войско нѣсколькихъ народовъ, въ красивомъ, блестящемъ одѣяніи, съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и торжественною музыкою вступающее въ побѣжденный городъ; представьте себѣ, что шесть сотъ тысячь гражданъ встрѣчаютъ побѣдителей шумными восклицаніями, въ которыхъ благодарность и вмѣстѣ надежда изливаются; вообразите себѣ огромные домы въ пять, шесть етажей, съ низу до верху унизанные людьми всякаго состоянія, волнующіеся надъ окнами бѣлые платки и знамена, усыпаемыя цвѣтами улицы; прибавьте къ тому прекрасныхъ женщинъ — иныхъ, пла-

чущихъ надъ букетами изъ лилій — другихъ, ласкающихъ воиновъ нашихъ милою улыбкою — старцевъ со слезами радости на глазахъ, искреннія благословенія дѣтей, оглашающіе безпрерывно воздухъ клики: „Да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ, освободитель нашъ! да здравствуетъ Вильгельмъ! да здравствуютъ Бурбоны! конецъ честолюбцу! миръ, давно желанный, благословенный миръ!" соедините все это вмѣстѣ въ умѣ и сердцѣ вашемъ, и признайтесь, что ни одно изъ блистательныхъ торжествъ древней и новой Исторій не представляло зрѣлища величественнѣе и вмѣстѣ трогательнѣе! Какое единомысліе, какое согласіе чувствъ въ такомъ различіи народовъ, въ такомъ смѣшеніи языковъ! . . . Никто въ часы сіи не смѣлъ изъяснить, что онъ ощущалъ, что онъ говорилъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; но всѣ понимали другъ друга, и всѣ казались довольными! Прошедъ безчисленныя улицы предмѣстія и самаго города (надобно замѣтить, что улицы перваго гораздо ширѣ), булевары и *площадь Согласія* (la place de la Concorde), мы повернули въ аллею, раздѣляющую *Елисейскія поля* и ведущую къ выходу изъ Парижа. На правой сторонѣ ея стояли ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ съ Королемъ Прусскимъ (Австрійскаго Императора нѣтъ еще въ Парижѣ), верхомъ на коняхъ съ Начальниками армій, Генералами и Адъютан-

трами.. Французы толпились по обѣимъ сторонамъ аллеи, такъ что войска съ трудомъ могли сквозь ихъ проходить. Иные стояли на стульяхъ и скамьяхъ; другіе, чтобы лучше увидѣть Государей, взлѣзали на деревья; третьи, ободренные ласками офицеровъ союзныхъ войскъ, присаживались къ нимъ на лошадей; нѣкоторые терлись даже у ногъ самаго ИМПЕРАТОРА. Il est beau comme un Ange (онъ красивъ, какъ Ангелъ!), говорили Парижскія дамы о нашемъ ГОСУДАРѢ. Доброта небесная написана на лицѣ Его! — прибавляли другія. Одинъ молодой Французъ (именемъ Тремонтель), стоявшій подлѣ ИМПЕРАТОРА, прочитавъ снисходительность въ глазахъ Его, осмѣлился Ему сказать: *какой прекрасный, торжественный день для васъ, Государь! Но, Ваше Величество, дадите ли намъ миръ?* — „*Миръ, конечно миръ!*" отвѣчалъ великодушный АЛЕКСАНДРЪ: „*въ дружбѣ, въ счастіи Французовъ нахожу я Мое торжество.*" Голосъ Русскаго МОНАРХА былъ столь выразителенъ, столько милостивъ, что молодой Французъ, въ упоеніи своего восторга, принимался нѣсколько разъ цѣловать руки добраго Государя. — Какъ приятно Рускому наслаждаться подобными зрѣлищами — приятно видѣть, что и чуждые народы умѣютъ постигать всю великость души нашего ИМПЕРАТОРА!

По окончаніи церемоніальнаго марша войска начали расходиться по назначеннымъ для нихъ мѣстамъ; гренадеры наши, составя ружья въ козлы, отдыхаютъ теперь на Елисейскихъ поляхъ. Офицеры наши, прельщенные миловидностію домика подъ вывѣскою: Jardin d'Isis (*садъ Изиды*), стоящаго въ густой аллеѣ Антенъ, на берегу Сены, потянулись шумнымъ роемъ въ жилище Египетской богини. Наружность домика насъ не обманула; мы нашли во внутренности ограды его много прекраснаго: во первыхъ, услужливыхъ хозяина и хозяйку, двухъ милыхъ дочерей съ робкимъ взоромъ, съ движеніями ловкими и вмѣстѣ скромными, принимающихъ нежданыхъ гостей; во вторыхъ, нашли мы, на самомъ маленькомъ кускѣ земли, прекрасной садикъ, пересѣченный извивистыми, желтымъ пескомъ усыпанными дорожками, которыя ведутъ васъ то къ темнымъ боскетамъ, приготовленнымъ, кажется, для отдыха самаго Амура, то къ красивымъ качелямъ, легкою сѣтію одѣтымъ, то ко множеству другихъ затѣйливыхъ игръ; въ третьихъ — къ вамъ, застольные Епикурейцы Московскіе! къ вамъ посылаю вздохъ сожалѣнія, что вы не можете присутствовать теперь въ кругу нашемъ — въ третьихъ, въ одинъ изъ тѣнистыхъ боскетовъ подали намъ вкусные котлеты en papillote (въ завитакахъ), чудесно изжаренную пуларду подъ

трюфлями, саладъ, благоухающій оливами Прованса и бутылку стараго Бургонскаго! — Разговаривая съ Француженками, спросили мы ихъ: что онѣ думаютъ о сѣверныхъ варварахъ? — „Узнавъ вашего ИМПЕРАТОРА" отвѣчала одна изъ нихъ (самая любезнѣйшая): „узнавъ васъ, государи мои! надобно признаться, что насъ заставляли ужасно ошибаться на счетъ вашъ. Мы раскрываемъ теперь глаза, и видимъ ясно, что сѣверъ можетъ дать югу уроки милости, скромности и любезности." Отвѣтъ лестной для Русскихъ, тѣмъ болѣе лестной, что онъ сказанъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Парижанами! . . .

Что такое *Елисейскія поля*? — спросите вы — конечно мѣста райскія, очаровательные лѣсочки, шумные ручейки, бѣгущіе другъ ко другу и другъ отъ друга убѣгающіе по волѣ упрямыхъ береговъ своихъ, бархатные лужки, тысячами цвѣтовъ испещренные, храмы, посвященные любви и нѣгѣ, олтари, памятники, гроты? — Совсѣмъ нѣтъ! Поля сіи нечто иное, какъ зеленый четвероугольный лугъ, хорошо расчищенный, хорошо сбереженный, огражденный небольшимъ правильнымъ лѣскомъ; на етомъ лугу стоитъ очень маленькой домикъ, или лучше сказать, порядочно раскрашенная караульня; сверьхъ того въ аллеѣ Антенъ, принадлежащей къ

Елизею, есть три, четыре трактира, довольно красивые — и болѣе ничего! — Но *поля Елисейскія* составляютъ одно изъ первѣйшихъ украшеній города! — Это правда, а именно по тому, что находятся въ самой шумной и веселой части Парижа, рядомъ съ прекрасною площадью *Согласія*, близь Сены и мостовъ ея, въ виду дворца Тюльерійскаго; онѣ почитаются пріятнѣйшимъ убѣжищемъ народа въ праздники, въ которые собирается онъ толпами на зеленый лугъ играть въ воланы, въ шары, коньки и прочія любимыя игры. Надобно еще прибавить, что каждый лѣсокъ, каждый садикъ можетъ, среди Парижа, почесться драгоцѣнностію — среди такого города, гдѣ все застроено и гдѣ каждый аршинъ земли цѣнится золотомъ.

Прекрасенъ видъ съ площади *Согласія*, а особливо съ мосту того же имени! Стоя на немъ, видишь впереди слѣдующіе одинъ за другимъ мосты: *Тюльерійской*, *Новой*, *Размѣнной* (Ponts neuf et au change), которые можно считать первѣйшимъ, самымъ щеголеватымъ украшеніемъ города; въ право отъ нихъ возносятся, какъ будто на островѣ, готическія башни *соборной церкви* Nôtre Dame и близь нее куполъ *дворца Юстиціи* (le Palais de la Justice); еще правѣе тянутся, вдоль берега Сены, прекрасныя *набережныя Вольтерова и Буонапартева*;

въ лѣво представляется вамъ великолѣпная *Луврская* колоннада и тамъ же, ближе, *Тюльерійской дворецъ* съ павильонами своими, съ садомъ и красивою его оградою. Оборачиваюсь назадъ — и *дворецъ Законодательнаго Корпуса* (le Palais du Corps legislatif), и *Домъ инвалидовъ* съ золотымъ куполомъ своимъ, и *Елисейскія поля* съ *площадью Согласія* и богатыми ея зданіями не менѣе восхищаютъ мое зрѣніе. Мѣсто ето очень живописно; но чтобы насладиться вполнѣ красотами Парижа и окружностей его, надобно взойти на верхъ *павильона Флоры* въ Тюльерійскомъ дворцѣ: — такъ сказали мнѣ городскіе жители, и я постараюсь совѣтомъ ихъ нѣкогда воспользоваться.

Французской народъ смотритъ еще на насъ, какъ на людей, пришедшихъ изъ другаго, совершенно неизвѣстнаго міра. Наши тѣсные мундиры, наши шляпы и султаны, обыкновеніе наше крѣпко подтягиваться шарфомъ, порядокъ и однообразіе одежды нашей, все ето приводитъ въ удивленіе тѣхъ, которые привыкли видѣть своихъ воиновъ въ широкихъ, свободныхъ, какъ халатъ, мундирахъ, съ высочайшею шляпою à la *Суворовъ* (какъ они называли въ Италіянскую кампанію), отягченною высочайшимъ султаномъ, въ нижнихъ платьяхъ различнаго покроя, въ сапогахъ разныхъ формъ и даже въ башма-

кахъ! Но удивляетъ ихъ болѣе всего то, что нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ изъясняются прекрасно пофранцузски и говорятъ на немъ такъ легко, какъ Парижане. Лишь только Французское словцо сорвется съ языка котораго нибудь изъ насъ, сей-часъ окружаетъ его толпа любопытныхъ, и безпрестанно задаетъ ему тысячи вопросовъ, въ числѣ которыхъ есть очень неразумные и показывающіе большой недостатокъ въ свѣдѣніяхъ. Во время прилива и отлива толпы, окружившей меня со многими офицерами нашего корпусу на площади *Согласія*, подошла ко мнѣ одна дама, посредственныхъ лѣтъ, довольно дородная и хорошо одѣтая. Вступленіемъ ея со мною въ разговоръ было то, что она жила нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, имѣла свое пребываніе на Кузнецкомъ мосту, была вхожа въ лучшіе домы древней Столицы и часто необходима была для семействъ нашихъ Князей и Графовъ, которыхъ фамиліи она мнѣ объявила. Когда я исполнилъ передъ нею долгъ учтиваго чужеземца, особенно Московитянина, и когда она отъ меня удалилась, я спросилъ стоявшаго подлѣ меня Француза, кто была ета дама. — „*Прачка*, живущая въ улицѣ *Сентъ-Оноре*!" отвѣчалъ онъ мнѣ съ какою-то подозрительною улыбкою. — Здѣсь такія дамы прачки, а у насъ играютъ онѣ роль знатныхъ выходцевъ, и что горе-

отнѣе всего, берутся воспитывать дѣтей нашихъ! Думаю, что Руские, побывавъ во Франціи, откроютъ глаза родственникамъ и знакомымъ своимъ на счетъ такихъ дамъ и подобныхъ имъ господъ, которые у насъ, Богъ знаетъ, въ какой чести и въ какомъ уваженіи! . . .

Первый день пребыванія нашего въ Парижѣ показалъ намъ довольно разительный образчикъ вѣтренности Французскаго народа. Мы стояли уже съ часъ на площади *Согласія* и удовлетворяли любопытству Парижанъ, какъ вдругъ увидѣли толпы, бѣгущія на *площадь Вандомскую.* Увлеченные стремленіемъ бѣгущихъ и желаніемъ узнать, что было причиной народнаго волненія, мы туда же подошли. Чтожъ нашли мы? — Нѣсколько смѣльчаковъ взлѣзло на вершину *колонны великой арміи* (la colonne de la grande armée), и надѣвъ петлю на шею колоссальной статуи Буонапарта, бросило концы веревки народу, который съ шумными, радостными восклицаніями готовился уже тащить ее; но караулъ, присланный вскорѣ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, просилъ очень учтиво Французовъ позволить занять постъ свой около столпа. . . „До другаго времени!" закричалъ народъ, и въ большомъ безпорядкѣ разошелся. Надобно замѣтить, что на етой же площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ

сооружена колонна съ изображеніемъ Наполеона, стояло нѣкогда бронзовое изваяніе Людовика XIV, отлитое Келлертомъ по рисунку извѣстнаго Жирарда! . . . Колонна великой арміи есть богатый, величественный и смѣлый памятникъ честолюбія Буонапартова — памятникъ, который собственною красотою своею могъ бы исполнить желаніе его: предать безсмертію военные его подвиги и дѣянія служившихъ подъ его знаменами воиновъ! На столпѣ изображены главныя его побѣды, торжественные въѣзды и тріумфы. Высота колонны 133 фута; поперечникъ ея 12-ти; вышина статуи 12 футовъ. — Площадь Вандомская четвеостоpонняя съ отсѣченными углами; пиластры и портики домовъ ея Коринѳскаго ордена.

И. Лажечниковъ.

Опытъ критическихъ мыслей и замѣчаній.

Дурная картина изобличаетъ въ невѣжествѣ болѣе покупщика нежели живописца; равномѣрно переводъ дурной книги болѣе предосудителенъ переводчику нежели сочинителю.

Безъ зодчаго нестройте дому; безъ лѣкаря не лѣчите себя.

Съ деньгами безъ вкуса не принимайтесь убирать комнатъ.

Многіе портреты потому только нехороши, что бываютъ слишкомъ схожи.

Для дураковъ много есть вредныхъ книгъ, для умнаго ни одной.

Дурна та книга, которая скучна.

Домашній безпорядокъ показываетъ безпорядокъ въ головѣ.

Уроды при каждомъ новомъ платьѣ бранятъ портнаго.

Непригожая барышня чаще всего бьетъ свою служанку (и не рѣдко прекрасную).

Сварливая женщина пожаръ для домашнихъ.

Зависть подобна ржавчинѣ.

Почему за хорошій столъ хвалятъ хозяина, а не повара?

Если бы чувствовало перо, оно болѣе бы всѣхъ страдало.

Въ которой домъ съѣзжаются играть въ карты, тамъ или почитаютъ хозяина дуракомъ, или хозяинъ гостей почитаетъ дураками.

Не рѣдко почитаютъ воспитаніемъ то, когда учатъ играть на клавикордахъ и плясать поцыгански.

Полагаютъ время вывозить дѣвушекъ въ гости тогда, когда онѣ выучатся Французскому языку, да Италіянскимъ *аріямъ*.

Мальчика же полагаютъ время выпускать въ люди тогда, когда онъ перебранится съ отцомъ и съ матерью.

Когда сынъ побьетъ учителя, тогда родители полагаютъ, что время уже уволить наставника.

Родители обыкновенно спрашиваютъ у учителей, какъ дѣти ихъ учились, а не какъ себя вели.

Родители прежде разцѣлуютъ дѣтей своихъ, а потомъ уже разспрашиваютъ объ нихъ у учителя.

Не всякой учитель смѣетъ пожаловаться матери на избалованнаго ею сынка.

Обыкновенно тотъ учитель и хорошъ, который учитъ тому, чего въ домѣ никто неразумѣетъ.

Домашнія испытанія въ наукахъ по большей части состоятъ во Французскомъ языкѣ, да въ Римской Исторіи.

Родители конечно полагаютъ, что Русскому языку и Россійской Исторіи сынокъ ихъ научится въ обществѣ.

Домашній кругъ ученія обыкновенно проходится на иностранныхъ языкахъ, почему отучившійся воспитанникъ все еще остается невѣждою въ Россіи.

Рѣдкая дѣвушка знаетъ порусски писать, хотя рѣдкая дѣвушка не знаетъ Французскихъ стиховъ.

Вь домахъ по большей части Руской грамотѣ учатся самоучкою.

Россійскія книги по большей части валяются по *переднимъ* и *дѣвичьимъ*.

Во многихъ домахъ найдете только три книги: *календарь* въ спальнѣ у отца или матери — *сонникъ* въ углу у барышни — *Кумъ Матвѣй* за перегородкою у сына.

Весьма опасно при взрослыхъ дочеряхъ держать наемныхъ старушекъ.

Каждый со званаго обѣда спѣшитъ выѣхать.

Каждый, кто даетъ балъ, ожидаетъ, чтобы оный скорѣе кончился.

Сочинитель театральнаго представленія обыкновенно есть послѣдняя причина, для которой ѣдутъ въ театръ.

Въ театръ обыкновенно ѣздитъ одна половина зрителей для другой половины; для актеровъ нѣсколько знатоковъ, и тѣ болѣе для актрисъ; собственно же для сочинителя обыкновенно ѣздятъ одни только его пріятели.

Въ театрѣ многіе садятся въ креслы для того только, чтобы сидѣть впереди портера.

Въ театръ въ первой ярусъ ложъ по большей части ѣздятъ не смотрѣть на представленіе, но себя показать.

Въ театрѣ иная зрительница болѣе себя выставляетъ, нежели актриса.

Въ театрѣ тѣ не заплачутъ, которымъ не о чемъ плакать внѣ театра.

Послѣ сытнаго обѣда любятъ слышать оперу, или видѣть балетъ; послѣ умѣреннаго обѣда комедію; голоднымъ нравится болѣе трагедія.

Оперы пишутъ для забавы, комедіи для похвалы, трагедіи для славы.

Музыка для оперы то же, что стихи для трагедіи.

По комедіи узнаютъ умъ сочинителя, а по трагедіи его чувства.

Дурна та трагедія, въ которой болѣе ума нежели чувствъ; дурна та комедія, въ которой болѣе чувствительности, нежели ума.

Трагедіею поражаютъ, комедіею смѣшатъ, оперою забавляютъ; худой тотъ сочинитель, которой перемѣшаетъ сіи правила.

Трагедіи нужно величіе, комедіи пріятность, оперѣ прелесть.

Тотъ, кто написалъ трагедію наскоро, передѣлай оную лучше въ драму.

Всякую дурную трагедію можно передѣлать въ порядочную драму.

Кто неудачно пишетъ трагедіи, принимайся тотъ лучше за драмы.

Нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ драмъ, но есть посредственныя и скучныя.

Въ драмѣ какъ ни скрывай скуку, но оная гдѣ нибудь да проглянетъ.

Ни гдѣ такъ много не зѣваютъ, какъ при драмахъ.

Многія поученія были бы лучшимъ лѣкарствомъ отъ безсонницы, если бы ихъ по вечерамъ говорили.

Отъ зѣвоты лучшее средство закрыть книгу.

Много написать дурнаго хотя для себя и легко, но для ближнихъ тяжело.

Страсть писать не иначе можно вылѣчить какъ отсѣченіемъ руки.

Злословіе слѣдовало бы наказывать отрѣзываніемъ языка.

Лгутъ тѣ, которымъ никто не вѣритъ.

Лгунъ есть словесный воръ.

Нѣкоторые лгутъ отъ стыда, многіе лгутъ безъ стыда, а большая часть лгутъ къ стыду.

Лгунъ имѣетъ многихъ товарищей, но ни одного приятеля.

Ложъ есть чадо безстыдства и глупости.

Лгунъ болѣе всѣхъ обижаетъ слушателей.

Никто бы не лгалъ, если бы за каждую ложъ имѣли право давать пощечину.

Злословіе есть чадо зависти и мщенія.

Наградить легче нежели обидѣть, и потому большею частію обижаютъ.

Наказанный преступникъ дѣлается уже невиннымъ.

Наказанія должны быть соразмѣрны не преступленію, но человѣчеству.

Наказанія большею частію обращаются во мщеніе.

Месть есть мѣра злости и безсилія ума.

Пословица говоритъ: у страха глаза велики; напротивъ, если бы страхъ лучше видѣлъ, тогда бы менѣе боялся.

Страхъ происходитъ большею частію отъ слѣпоты умственной.

Во многихъ заведеніяхъ смѣшиваютъ значеніе словъ: *воспитаніе* съ *пропитаніемъ*.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей *упитаны*, либо *напитаны*, а не *вос-питаны*.

Если бы кто взялся вымарывать всѣ дурные стихи въ книгахъ, тотъ бы потерялъ и руку и голову.

Напрасно говорятъ, что легко вещь видѣть передъ носомъ, подъ носомъ, или на носу; — стоитъ только испытать сіе въ точности.

Кто охотникъ до лошадей, или собакъ, тотъ не можетъ быть столько же человѣколюбивъ; доказательствомъ служитъ то, что онъ для лошади, или собаки обманетъ лучшаго своего пріятеля.

Считать богатство чужими душами значитъ своей не имѣть.

Въ сватовствѣ прежде всего спрашиваютъ обыкновенно: *сколько за ней душъ?* сколько за нимъ душъ? . . . А: *какова съ*

ней душа? или: *какова въ немъ душа?* такого и вопроса нѣтъ.

Рѣчь: *за нимъ столько-то душъ, за мною столько то душъ* — принадлежитъ болѣе разбойнику, или душегубцу, почему и слѣдовало бы рѣчь сію вывести изъ нынѣшняго употребленія.

Каждый *разбойникъ* или *душегубецъ* имѣетъ за собою нѣсколько душъ.

Почему сію *уголовную рѣчь: за нею столько-то душъ*, приписываютъ къ невинной и благороднѣйшей дѣвушкѣ? . . . Уже ли другихъ нѣтъ у ней достояній окромѣ чужихъ?

По всѣмъ правамъ мѣсто *Предсѣдателя Уголовной Палаты* должно быть важнѣе и чиновнѣе *Оберъ-Егермейстера*.

Крѣпостнымъ человѣкомъ правильнѣе назвать *колодника*, а не невиннаго въ услуженіи находящагося.

Крѣпостными людьми должно называть преступниковъ, по *крѣпостямъ* и *острогамъ* содержимыхъ.

Вмѣсто *крѣпостнаго* назовите *домашнимъ, дворовымъ* или *жилымъ*, и тѣмъ вы отдѣлите невинность отъ преступленія.

Вмѣсто *душъ* считайте *доходы*, и вы спасете многихъ отъ душегубства.

Кто умѣетъ только что повиноваться, тотъ еще быть можетъ слабымъ начальникомъ.

Кто знаетъ кому повиноваться, тотъ будетъ умѣть повелѣвать.

У солдата все вычищено, а ничего не вымыто.

Въ военной службѣ слова: *какъ нибудь, не могу знать, признать* развѣ смертною казнію запретишь.

Въ статской службѣ за слово: *авось съ рукъ сойдетъ*, слѣдовало бы вѣшать.

Введите смертную казнь для статскихъ чиновниковъ за слово *завтра*, и всѣ дѣла *нынѣче* кончатся.

Если бы за каждое неправильно рѣшенное дѣло судьи платили пѣню на бѣдныхъ, тогда бы богадѣльны обогатились.

Сколько такихъ людей, которымъ мѣсто или должность даетъ ножъ въ руки!

Слово *правосудіе* большая часть изъ судей толкуетъ такимъ образомъ, что *право судить*, то есть по своему произволу.

Большая часть изъ судей присвоила себѣ *право-судить* по должности, не имѣя никакого на то права по достоинству.

Многіе при *должностяхъ* безъ всякой *должности*.

Если бы мѣста или *должности* не доставляли чиновъ, тогда бы справедливѣе мѣста занимали.

Нельзя ли не *по мѣстамъ* и *должностямъ* назначать жалованья, а по трудамъ и успѣхамъ?

Ни мѣсто, ни должность не заслуживаютъ награды, но труды и успѣхи.

Нѣтъ ни благороднаго, ни подлаго мѣста въ государственныхъ должностяхъ.

Обязанность гражданъ есть общая: хранить спокойствіе Государства.

Всѣ граждане не должны быть равны передъ законами, если нѣтъ равенства состояній.

Если бы безъ *мѣста* и *должностей* не было *чиновъ*, тогда бы всѣ *безчинные* сдѣлались *чиннѣе*.

Чиновникъ безъ *мѣста* и *должности* подобенъ Капитану корабля въ отставкѣ.

Каждое почетное названіе отъ *благородія* до *свѣтлости* достаточно означить великаго человѣка.

Ничто такъ чаще не унижаетъ почетное названіе, какъ *прилагательное* прозвищь особы.

Весьма справедливо заключаютъ, что кто чиновнѣе, тотъ долженъ быть и умнѣе.

Выраженіе: *онъ* или *тотъ долженъ* быть умнѣе и проч. не значитъ еще: *онъ уже есть* и проч.

О! сколькимъ бы слѣдовало помѣняться: чинами, должностями, мѣстами, состояніемъ, именами, ремеслами!

Говорятъ, что глаза суть зеркало души; по сему всѣ кривые и близорукіе дурной души?

Дорого платитъ подчиненный, если онъ умнѣе начальника.

Кто по своей волѣ что дѣлаетъ, тотъ *своевольничаетъ*.

Кто по волѣ другаго дѣлаетъ, тотъ дѣлаетъ съ принужденіемъ.

По волѣ начальника дѣлать значитъ исполнять его прихоти.

Воля неможетъ дать отчету.

Кто занимается мѣлочьми, тотъ не успѣетъ дойти до важнаго дѣла.

Худой тотъ будетъ атаманъ, который въ козакахъ натерпѣлся.

Произведите капрала прямо хоть въ Фельдмаршалы, онъ долго еще будетъ оправляться.

Многіе чиновны потому только, что возведены на степень.

Многіе офицеры не упражняются въ наукахъ потому только, что они въ офицерскомъ чинѣ.

Многіе мѣшаются въ чужія дѣла не изъ дружбы, а изъ нужды.

Не всегда тотъ сострадателенъ, кто былъ въ несчастіи, но тотъ, кто оное чувствовалъ.

Несчастіе иногда озлобляетъ человѣка.

Многіе капитаны полагаютъ еще, что солдатская спина подобна *нагольному тулупу*.

Обыкновенная офицерская расправа надъ солдатомъ заключается въ одномъ словѣ: *палокъ!*

Никто такъ, кажется, не пренебрегаетъ обществомъ какъ сочинитель.

Нѣтъ легче какъ написать книгу, но, вопросъ, какую?

Ни чѣмъ не льзя такъ отвести отъ чтенія какъ дурными стихами.

Въ полкахъ тогда только о солдатѣ и пекутся, когда онъ захвораетъ.

Дешевыя и домашнія лѣкарства только что прикрываютъ болѣзни.

Крестьянинъ только въ *уголовномъ дѣлѣ* извѣстенъ суду.

(*Будетъ продолженіе.*)

А. Писаревъ.

Политическія происшествія.

Испанія.

Во многихъ публичныхъ листахъ упоминается о письмахъ изъ Мадрита, свидѣтельствующихъ, что Е. В. Король Испанскій наименовалъ С. Игнатія Лоіолу Генералъ-Капитаномъ своей арміи и Кавалеромъ большаго креста Ордена *Карла* III. Сіе почитаютъ признакомъ благорасположенія Его Величества къ

Iезуитам. История сохранила подобные примеры. Король Карл III наименовал С. Антония Падуанскаго главным предводителем экспедиции своей против Алжирцев. Набожное обыкновение поручать войско особому покровительству какого-либо угодника Божия ведется в Испании еще от времен войны против Мавров. — По известиям от 7 Августа, всем Испанцам, в хищническое правление бывшим в звании Министров, Генералов, полицейских чиновников, Префектов и проч. решительно запрещено возвращаться в свое отечество.

Турция.

В конце минувшаго Iюня известный вождь Сербов *Георгий Черный* схвачен Турками в Семендрии вместе с провожавшим его Греком. Обоим в тот же день *отрублены головы* и привезены потом в Белград, а оттуда отправлены в Константинополь. Незадолго до сего, по некоторым отношениям весьма важнаго происшествия, в *Рейнских листках* было напечатано следующее: „Великая катастрофа готовится на востоке Европы. Империя Султана, давно уже находящаяся в естественной борьбе сама с собою, приближается к своему падению. Члены ея враждуют против главы своего и взаимно между собою. Провинции возстают

противъ своего Государя, не умѣющаго Намѣстниковъ заставить себѣ повиноваться. Турція, во всѣхъ вѣтвяхъ образованности отставшая на цѣлые вѣки отъ Европы, подобна безобразному и вредоносному наросту на тѣлѣ нашей части свѣта. Турки, исполненные гордыни и глупаго презрѣнія къ нашимъ обычаямъ, къ нашимъ успѣхамъ въ искусствахъ и наукахъ, живучи подъ прекраснѣйшимъ небомъ, остаются варварами, и земля ихъ, сія древняя, классическая страна мужей великихъ, всегда была неприступною для свободныхъ мыслей, для мудраго законодательства, для науки управлять народами, науки, на правотѣ и на благѣ людей основанной. Даже военное наше искусство немогло проникнуть въ сіе государство, гдѣ могущество предразсудковъ совершенно уничтожило предприятія одного благоразумнаго Султана и одного по душевнымъ качествамъ своимъ рѣдкаго вельможу, которые въ тактикѣ, въ дисциплинѣ, въ военномъ порядкѣ Европейской службы искали своего и цѣлой Имперіи спасенія, и можетъ быть успѣли бы найти его. Насильственная кончина злополучнаго Селима и погибель Байрактара произнесли смертный приговоръ надъ Портою, которая безъ всякаго сомнѣнія исполнитъ его сама надъ собою, если бы сосѣдственныя Державы отказали ей въ этой дружеской услугѣ.

Франція.

Сіе Королевство будетъ въ непродолжительномъ времени управляемо по духовной части на основаніи новаго Конкордата, заключеннаго въ Римѣ между Піемъ VII и Лудовикомъ XVIII, посредствомъ уполномоченныхъ ими. По содержанію первой статьи онаго „Конкордатъ, состоявшійся между Папою *Львомъ* X и Королемъ Франциськомъ I, будетъ имѣть по прежнему всю свою силу.“ *Для* объясненія сего должно вспомнить, что въ средніе вѣки Франція много терпѣла притѣсненій отъ Папъ, требовавшихъ отъ нее денежныхъ взносовъ, и сей безпорядокъ продолжался до тѣхъ поръ, покуда Карлъ VI не прекратилъ его такъ называемымъ *прагматическимъ постановленіемъ*, которое и на Базельскомъ соборѣ принято было 1438 года. Мѣра сія весьма непонравилась Двору Римскому. Долго неослабѣвали его усилія возвратить себѣ утраченныя выгоды. На конецъ Левъ X успѣлъ въ Бононіи заключить съ Франциськомъ I Конкордатъ (1515), силою котораго Королю предоставлено право раздавать духовныя мѣста, назначать пенсіи и пользоваться доходами праздныхъ Епископскихъ престоловъ; а Папа удержалъ за собою право подтверждать Епископовъ и получать аннаты (т. е. доходъ перваго года) по установленной таксѣ. Это продолжалось

до начала революціи. Второю статьею „Конкордатъ, заключенный 15 Іюля 1801 года, совершенно отмѣняется.“ Замѣтить должно, что симъ Конкордатомъ Буонапартъ предоставилъ себѣ власть жаловать въ Епископы съ тѣмъ, чтобы они какъ и прежде получали церковное посвященіе отъ Папы; но Боунапартъ ничего не упомянулъ объ *аннатахъ* и прочихъ прерогативахъ Апостольскаго Престола. При хищникѣ Архіепископамъ (ихъ считалось только 10) положено было по 15,000 франковъ годоваго жалованья, а Епископамъ (ихъ было 60) по 10,000, между тѣмъ какъ до революціи Франція, гораздо меньшая пространствомъ и многолюдствомъ, заключала въ себѣ 18 Архіепископовъ и 112 Епископовъ, изъ коихъ многіе получали свыше 100,000 франковъ ежегоднаго дохода, и сверхъ того почти всѣ владѣли богатыми аббатствами и другими духовными имѣніями. Существенное содержаніе другихъ статей Конкордата есть слѣдующее. Статьи, прибавленныя къ прежнему Конкордату безъ вѣдома и согласія Его Святѣйшества и обнародованныя вмѣстѣ съ онымъ 8 Апрѣля 1802 года, также уничтожаются касательно всего того, въ чемъ онѣ противорѣчатъ законамъ и ученію церкви. Число церквей въ Королевствѣ Французскомъ, уничтоженныхъ Папскою Буллою отъ 12 Ноября 1801 года, бу-

дѣтъ опять умножено до такого количества, какое признается нужнымъ для блага религіи. Его Святѣйшество приметъ возможныя мѣры для отвращенія всѣхъ бѣдствій церкви немедленнымъ учрежденіемъ Епархій и опредѣленіемъ границъ оныхъ. Его Христіаннѣйшее Величество, желая дать новый опытъ усердія своего ко благу Религіи, употребитъ также для сего предмета всѣ средства, въ возможности его состоящія.

— Касательно сего же Королевства одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Теперь уже совершенно перестали говорить объ уменьшеніи союзной арміи, охраняющей Францію. Лордъ Веллингтонъ, какъ сказываютъ, рѣшительно отозвался, что не беретъ на себя отвѣтственности за слѣдствія вывода всѣхъ войскъ изъ Королевства.

Южная Америка.

Португальскій Генералъ-Маіоръ Мелло одержалъ надъ Пернамбукскими мятежниками совершенную побѣду — такъ гласятъ послѣднія извѣстія изъ Багіи. Взятые при семъ случаѣ трофеи отправлены въ Ріо-Янейро. Кромѣ того досталась побѣдителямъ и вся военная казна мятежниковъ, около одного милліона рейсовъ. — По извѣстіямъ изъ Пернамбуко, все имущество тамошнихъ мятежниковъ конфисковано,

а ненаказанные еще зачинщики мятежа отправлены въ Багію, гдѣ понесутъ заслуженную ими участь.

Мая 8 числа открыты въ Каріако засѣданія Венецуельскаго Конгресса. За отсутствіемъ Генерала Боливара, Генералъ Марино произнесъ Рѣчь къ собранію. По опредѣленію Конгресса Марино и Боливаръ наименованы опять начальниками армій соединенныхъ провинцій.

Письмо къ Редактору.

Къ вашему и читателей вашихъ человѣколюбію обращаюсь съ представленіемъ жребія несчастной женщины и еще несчастнѣйшей матери. Именемъ добродѣтели прошу васъ напечатать въ Журналѣ своемъ слѣдующую, ни мало не увеличенную исторію горестнаго семейства:

Настасья Гавриловна Чудновская, вдова аптекаря, служившаго 27 лѣтъ въ Екатерининской больницѣ и умершаго въ слѣдствіе побоевъ отъ неприятеля за ревностное стараніе о сбереженіи казенной аптеки, осталась безъ всякой помощи, при совершенномъ разореніи, съ пятью человѣками сиротъ. На другой годъ, по смерти мужа, лишилась она 18-лѣтней дочери. За нею похоронила 7-лѣтнюю дочь, всегда больную и подъ конецъ страдавшую цѣлый годъ ужаснѣйшимъ образомъ. Напослѣдокъ погребла и лучшую надежду свою, сладостнѣйшее утѣшеніе печальной жизни своей, — 20-лѣтняго сына, учившагося въ здѣ-

шнемъ Университетѣ съ большимъ прилѣжані-емъ и хорошими успѣхами, умнаго и чувствительнаго. Я зналъ добраго, честнѣйшаго, усерднаго къ службѣ и нѣжнаго къ семейству отца его, равно какъ знаю и злополучную мать; и потому молодой человѣкъ, въ свободное время, хаживалъ ко мнѣ, и всякой разъ доставлялъ мнѣ новое удовольствіе разговоромъ своимъ, а особливо въ отношеніи къ матери, которую любилъ съ рѣдкою горячностію: черта привлекательнѣйшая въ юномъ сердцѣ! Она ручается за прекрасное свойство его во всѣхъ возрастахъ. — Остальные два сына учатся въ Гимназіи, но все требуютъ нѣкоторой заботливости со стороны матери, существующей одними дарами Евангельскаго милосердія. Она и нынѣ живетъ въ той же больницѣ, но не увѣрена, будетъ ли жить всегда.

Вмѣсто собственныхъ убѣжденій моихъ къ состраданію о сей несчастной, прилагаю письма ея сына такими точно, какъ я получилъ ихъ отъ матери. Онѣ доказываютъ необыкновенный духъ юноши, воспитаннаго въ святой нашей религіи, подающей силы и спокойствіе въ то время, когда всѣ другія блага міра исчезаютъ подобно ночнымъ призракамъ, когда отверстый гробъ, прежде нежели приметъ бренные остатки наши, похищаетъ у насъ все, кромѣ христіянскаго упованія! Какъ великъ истинный христіанинъ на краю могилы! Явитесь къ нему въ сіи торжественныя минуты съ могуществомъ, со властію, съ богатствомъ, съ почестями, — съ угрозами или наградами: онъ вздохнетъ о ничтожествѣ вашемъ, и обратитъ радостные взоры на небо! Тамъ его милое отечество; тамъ ожидаютъ

его преимущества, передъ которыми — щлѣнъ и прахъ всѣ преимущества надменныхъ сыновъ земли!

Кого не тронутъ послѣднія строки юнаго героя вѣры и добродѣтели, написанныя къ нѣкоторымъ особамъ безъ всякаго уже соблюденія свѣтскихъ условій: онъ писалъ ихъ за нѣсколько часовъ предъ отшествіемъ въ страну, гдѣ нѣтъ иныхъ различій, кромѣ полагаемыхъ заслугами!

Вотъ сіи письма, безцѣнный памятникъ для неутѣшной матери:

„Друзья мои товарищи!

„Простите меня, если я изъ васъ оскорбилъ кого-нибудь. Сожалѣю о моей неосторожности. — Что же дѣлать? всѣ мы слабы. — Оставляю вамъ любовь по смерти братскую. — Вы живите и веселитеся. Меня смерть застигла въ цвѣтѣ лѣтъ. — Оставляю васъ и удаляюся. — Вѣчность есть мое пристанище. Ежели можетъ кто, утѣшьте мать мою — пособите ей въ несчастіи. —

„Прощайте. Другъ вашъ *Чудновскій*.“

„Добрый С....ъ!

„Ты имѣлъ сожалѣніе къ моей бѣдности, принялъ меня на казенной коштъ, желалъ мнѣ добра, заступилъ мѣсто отцовское, и для того до гробъ мой помню твое благодѣяніе. — Пожалѣй же теперь о несчастной моей матери и ея семействѣ. — Нѣтъ ей теперь утѣшенія и судьба преслѣдуетъ несчастную. — Помоги ей чрезъ добрыхъ людей въ ея бѣдности и симъ уменьши печаль ея. — Если будешь гдѣ-нибудь у знатнаго, попроси моей матери пособія; у ней нѣтъ ни родныхъ, ни благодѣтелей: не-

тинно сирота круглая. — Неоставитъ тебя Богъ за то; пошлетъ тебѣ и дѣтямъ твоимъ счастіе.

Умирая, проситъ студентъ *Наѳанаилъ Чудновскій.*"

"Добрый М...ъ!

"Такъ называетъ тебя мое сердце. — Неоставь несчастную мать мою съ дѣтьми. Я чувствую конецъ дней моихъ и не могу воздать ей сыновнюю благодарность, кромѣ одного желанія добра. Ты имѣешь большое знакомство — и если будешь у знатнаго и добраго, увѣдомь его о бѣдствіи моей матери. Скажи: она несчастна, терпитъ горести уже пятый годъ, не видя отрады ни малѣйшія. — Лишена имущества непріятелемъ; отъ него погибъ и мужъ ея; дочь скончалась отъ горести по отцѣ своемъ; отъ нужды все семейство страдало болѣе года; маленькая дочь больна и по сіе время; наконецъ умеръ старшій сынъ ея, на котораго имѣла надежду, что онъ въ бѣдности поможетъ ей и братьямъ маленькимъ; скажи: онъ при смерти просилъ меня облегчить участь несчастной своей матери. Да наградитъ тебя Богъ за сердце доброе! Умирая прошу, неоставь мать мою.

Чудновскій."

"Любезные братья,

Христофоръ и Андрей!

"Я васъ любилъ, желалъ вамъ добра, старался объ васъ, и для того при смерти прошу васъ, меня послушайте: — любите другъ друга, какъ я васъ любилъ, почитайте мать и утѣшайте ее; кромѣ васъ ее утѣшить некому. Не будьте горды, корыстолюбивы, зло-

памятны, но добры и почтительны; не теряйте времени напрасно, учитесь; — незабудьте сестру; берегите свое здоровье. Я вамъ болѣе ни чѣмъ служить немогу. Вотъ вамъ мое наставленіе!

„*Наѳанаилъ Чудновскій.*“

Изнемогая подъ бременемъ бѣдности и не имѣя достаточнаго здоровья для безпрерывныхъ трудовъ къ своему пропитанію, несчастная будетъ конечно обрадована всякимъ даяніемъ благотворительности, за которую воздастся Отцомъ небеснымъ не по великости его, но по готовности вашей облегчать скорби страждущихъ.

К. П. Шаликовъ.

Москва.
30 Августа 1817.

От Редактора.

На внутренней стороне красной обертки при каждой книжке сего Журнала объявляется, что *пересылка Вестника Европы совсем не зависит от Редактора*; не смотря на то, я иногда получаю от подписавшихся особ требования о доставлении к ним вышедших книжек. В отвращение недоразумений и неудовольствий за нужное почитаю сим дополнить, что почтенные субскрибенты, в случае неполучения ими одной, или несколька книжек сего Журнала, имеют право требовать их от того места,* в которое взнесли деньги; при могущих же и за тем встретиться затруднениях, покорно прошу относиться не ко мне, но в Типографию Императорскаго Московскаго Университета, *от которой издается* Вестник Европы, или даже и в Правление упомянутаго Университета, которое без всякаго сомнения примет надлежащия меры к справедливому каждаго удовлетворению.

На той же красной обертке обыкновенно упоминается, *в каком именно случае Редактор может печатать сочинения, доставляемыя к нему от посторонних особ*; не смотря на то, я нижеподписавшийся иногда от благосклонных участников в труде своем

получаю разнаго роду письма (вопросныя, требовательныя и даже понудительныя) касательно их піесъ, особливо же стихотвореній. По причинѣ разныхъ обязанностей своихъ и занятій не имѣя времени переписываться, нахожусь принужденнымъ рѣшительно чрезъ сіе донести всѣмъ, что я не могу отступить отъ объявленнаго мною правила, и потому прошу не ставить мнѣ въ вину моего молчанія.

Отсутствіе мое продлилось сверхъ моего чаянія; по сей причинѣ и книжки *Вѣстника Европы* выходятъ позже обыкновеннаго. Смѣю надѣяться, что благосклонные читатели простятъ мнѣ сію непроизвольную остановку; а я обязуюсь выдачу книжекъ какъ возможно скорѣе привести къ надлежащимъ срокамъ, и постараться, чтобы впредь всегда выходили онѣ въ свое время.

М. Каченовскій.

КОНЕЦЪ XCIV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

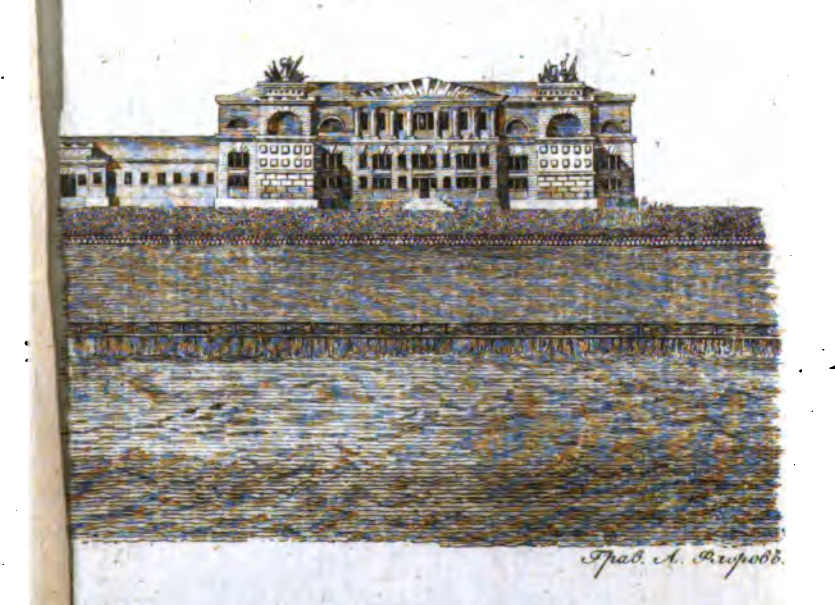
I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ сей книжкѣ прилагаются двѣ гравиро-ванныя картинки.

Къ № 15 и 16 вѣст. Европы. 1817.



Грав. А. Флоровъ.

стороны плотины.

къ № 15 и 16 Вод. гор

...зодѣлательнаго

...довъ.

U, Для литейныхъ печей.
V, Для дѣйствія мѣховъ.
W, Небольшія кузницы при Инструментальной и Сверлильной фабрикахъ.
X, Угольныя сараи.
Y, Магазейны для чугуна.
Z, Магазейны для точилъ, канатовъ, кожъ, желѣзныхъ, стальныхъ и другихъ инструментовъ; мѣди, бронзы, Штіаутеру для деревянныхъ подѣлокъ, масла, смолы и пр.
1, Плотничная палата для приуготовленія болвановъ и для дѣла разныхъ колесъ и мѣховъ.
2, Столярная.
3, Водопроводныя канавы.
4, Старой шаревой проѣзъ.
5, Новой шаревой проѣзъ.
6, Пріемныя и пробныя избы.
7, Лѣсницы.

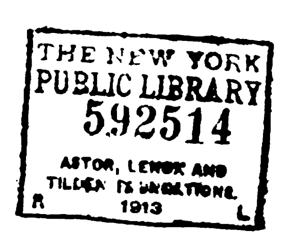
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

составляемый

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XCV.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1817.



Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщнія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Сентября 17 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 17 и 18.

СЕНТЯБРЬ. 1817.

1. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Олиндъ и Софронія.

(Отрывокъ изъ II пѣсни Освобожденнаго Іерусалима.)

Между тѣмъ, какъ тиранъ приготовляетъ воинство къ новой брани, Исменъ ему является, — Исменъ, который извлекаетъ волшебными словами тѣла усопшихъ изъ заклеповъ мраморныхъ и даетъ имъ жизнь и чувство, — Исменъ, который ужасаетъ Плутона во глубинѣ преисподней, располагаетъ по волѣ его демонами, разрѣшаетъ ихъ и связуетъ. Нѣкогда служитель Хріста, нынѣ покланяется онъ Магоммеду; но древнихъ обрядовъ и истинъ святой вѣры не могъ отринуть совершенно, и часто, безбожный волхвователь, обѣ вѣры сливаетъ во едино. Вызванный народною опасностію изъ пустынь, гдѣ

скрываясь отъ взоровъ любопытства, онъ совершалъ страшныя чары, спѣшитъ нынѣ къ своему владыкѣ: злобнаго Царя совѣтникъ злобный!

„Государь!“ вѣщаетъ онъ: „быстро приближается побѣдоносное воинство; исполнимъ долгъ нашъ: и небо и міръ пріидутъ намъ въ помощь. Ты вручилъ Царямъ и вождямъ охраненіе града: все устроилъ, все предвидѣлъ, и если каждый подобно тебѣ исполнитъ долгъ свой, то горе врагамъ! Земля сія поглотитъ ихъ воинство.

„Наступило время трудовъ и опасностей, и я прибѣгаю на помощь.

„Все, что могу въ преклонныхъ лѣтахъ принести въ дань тебѣ, приношу: и совѣтъ и искусство дивное волхва, которое принудитъ ангеловъ отринутыхъ Небомъ содѣйствовать намъ. Гдѣ и когда начну совершать чары, возвѣщу тебѣ. Теперь знай, что во храмѣ христіанъ таится подъ землею олтарь, и на ономъ ликъ Той, которую ослѣпленный народъ именуетъ своею Богинею, Матерію Бога, Бога рожденнаго и погребеннаго! предъ иконою, покровенною пеленой, пылаетъ неугасимо лампада, и кругомъ во множествѣ зрятся дары, приносимые суевѣрными поклонниками. Спѣши, о владыко! похитить сей образъ и собственною рукою поставови его въ

мечетпи. Удвою, утрою волхвованія, и клянусь тебѣ, что доколѣ сей образъ останется во храмѣ пророка нашего, дотолѣ, какъ охраненное незыблемыми стѣнами, пребудетъ нерушимо Царство твое!“

Вѣщалъ, и убѣдилъ. Въ нетерпѣніи Царь спѣшитъ къ дому Божію, и принуждаетъ священнослужителей открыть его. Рукою святотатственною похищаетъ священный ликъ, и вноситъ его торжественно въ капище, въ капище лжепророка, гдѣ невѣрные раздражаютъ Небеса преступнымъ и безсмысленнымъ поклоненіемъ; тамъ, въ сей обители нечестія, волхвъ нашептываетъ на святомъ образѣ неизреченныя клятвы и хуленія.

Но съ утренней зарею стража не узрѣла иконы на томъ мѣстѣ, гдѣ водрузилъ ее Царь; и тщетны были ея поиски! Съ страхомъ извѣщаетъ раздраженнаго владыку, который всю вину похищенія на христіанъ возлагаетъ. Неизвѣстно, рука ли правовѣрнаго похитила образъ, или то было дѣяніе неба, неба, которое съ отвращеніемъ зрѣло, что ликъ Владычицы его покоится во гнусной обители нечестія; и молва не знаетъ, кому приписать событіе дивное: дѣлу рукъ человѣческихъ, или силѣ чудесной! О! сколь слабо усердіе человѣческое, когда и сей подвигъ отнести должно небу, а не поборникамъ Бога истиннаго!

Между тѣмъ прозорливый Царь повелѣваетъ осматривать и церкви и всѣ жилища; онъ грозитъ похитителю гнѣвомъ и местію; Исменъ чародѣйствами испытуетъ открыть истину: напрасное стараніе! Небеса, къ стыду его науки, осѣняютъ истину непроницаемою завѣсою. Тайная ненависть Царева воспрянула при новомъ проступкѣ правовѣрныхъ; онъ воскипѣлъ гнѣвомъ неукротимымъ, безмѣрнымъ. Забываетъ послѣднее уваженіе къ человѣчеству, желаетъ мести, желаетъ утолить жажду ея въ крови неповинныхъ. „Не напрасенъ будетъ гнѣвъ мой!" взываетъ онъ; „ненапрасенъ! Погибнетъ съ толпою народа преступникъ неизвѣстный. Не спасетъ себя виновный; съ нимъ да погибнетъ правый и невинный. Правый? что вѣщалъ я! Каждый виновенъ, каждый есть врагъ нашъ, каждый преступенъ, и если не теперь, то прежде былъ виновенъ предъ нами. Спѣшите, спѣшите вы, слуги мои вѣрные! уничтожьте, истребите ихъ огнемъ и мечемъ."

Такъ вѣщалъ толпѣ клевретовъ своихъ разъяренный Аладинъ, и быстрая молва разнесла велѣнія его въ жилищахъ правовѣрныхъ. Устрашились они; недвижимы, въ трепетѣ ожидали грозящей гибели. Никто не дерзаетъ ни скрыться, ни оправдать себя, ниже просить. Но робкіе, нерѣшительные спасены неожиданно. Межъ ними находилась

дѣва, возраста уже зрѣлаго, исполненная и мыслей и чувствъ возвышенныхъ. Она сіяла красотою чудесною, но, безпечная къ прелестямъ своимъ, не гордилась даромъ Небесъ благосклонныхъ. Въ стѣнахъ мирной обители таилась отъ взоровъ кипящей юности, скрывалась отъ суетныхъ хваленій. Но позволитъ ли любовь утаить красоту небесную, утѣшеніе и сладость очей? Любовь, то слѣпецъ, то Аргусъ, то съ повязкою на глазахъ, то съ открытымъ и быстрымъ взоромъ, любовь! ты проникаешь сквозь стражу въ тайныя дѣвическія убѣжища и указуешь ее взорамъ пылкаго юноши. Ей имя Софронія, ему Олиндъ. Жители одного града, они покланяются одному Богу. Онъ столько же скроменъ, сколь она прелестна. Онъ желаетъ пламенно, мало надѣется, ничего не требуетъ; не умѣетъ открыться въ любви своей, или не смѣетъ: она его презираетъ, или не видитъ, или не примѣчаетъ. Такъ до сихъ поръ страдалъ несчастный, незнаемый Софроніей, или отверженный.

Но повсюду гремитъ ужасная вѣсть: приготовляется казнь правовѣрному племени — и Софронія, великодушная дѣва, помышляетъ о его спасеніи. Смѣлая мысль раждается въ ея сердцѣ; но стыдъ и робость дѣвическая ее останавливаютъ: она борется съ собою. Наконецъ добродѣтель побѣждаетъ ро-

бость, укрѣпляетъ ее, даетъ новую силу и смѣлость. И вотъ проходитъ красавица сквозь толпы народныя; не покрыла прелестей своихъ, не открыла ихъ взорамъ. Она потупила ясныя очи; она осѣнила чело тончайшимъ покровомъ; и поступь ея была свободна и величественна! Трудно рѣшить: искусство, или милая небрежность — ея украшенія; казалось, что все въ ней, даже и сія прелестная небрежность, есть даръ щедрой Природы, любви, или Небесъ благосклонныхъ. Зримая всѣми, никого невидитъ гордая красавица, и прямо шествуетъ ко трону царскому. Безстрашно взираетъ на разгнѣваннаго тирана, твердымъ, но умильнымъ голосомъ вѣщаетъ: „Укроти, укроти гнѣвъ свой, обуздай разъяренный народъ свой, о Царь всемогущій! Я пришла открыть и представить предъ лице правосудія преступника, тебя столь сильно оскорбившаго.“

При видѣ непорочной и гордой дѣвицы, при внезапномъ сіяніи прелестей небесныхъ, Царь пораженный, смущенный, обуздалъ гнѣвъ свой, укротилъ разъяренное чело. Такъ! если бы онъ имѣлъ сердце и чувство, и встрѣтилъ хотя одинъ благосклонной взоръ Софроніи; то воспылалъ бы любовію вѣчною. . . Но суровые взгляды ея не побѣдили суровой души варвара. Не любовь, не состраданіе, но удивленіе и тайная, сильная прелесть красо-

ты склонили его вниманіе. Повѣдай, воскликнулъ онъ, все повѣдай; я ручаюсь, что мечь не коснется главы поклонниковъ Христа. — „Ты желаешь, чтобы я вѣщала? И такъ внимай . . . Преступница предъ тобою. Сія рука похитила образъ; я та, которую ищещь повсюду, та, которую казнить должно.“

Такъ для спасенія народнаго жертвовала собою Софронія; такъ желала обрушить на себя гнѣвъ царскій. — О ложъ великодушная! какую истину во всей красотѣ и сіяніи можно уподобить тебѣ!

Удивился жестокій владыка. Гнѣвъ долго не могъ овладѣть его душею. Онъ снова вопросилъ: открой, кто подалъ совѣтъ тебѣ, кого имѣла сообщникомъ?

„Нѣтъ! никому не желала удѣлить отъ славы моей. Сама себѣ была сообщницею, совѣтовалась съ собою и одна совершила отважное дѣло.“ — И такъ на тебя одну обрушится гнѣвъ мой. — „И справедливо. Одна получила славу, одна заслуживаю и казнь.“

Но гдѣ же таишь образъ? (воскликнулъ тиранъ, коего ярость болѣе и болѣе возрастала) — „Не утаила его, но предала огню, и учинила дѣло не противное небесамъ. Нечестивый не занесетъ на него святотатственной руки своей! И такъ, грозный владыко, не требуй похищеннаго; оно исчезло навѣки:

требуй похитителя; онъ предъ тобою! . . Но я не хищница; нѣтъ! я небесамъ возвратила то, что было несправедливо похищено.“

Тиранъ дрожалъ отъ гнѣва и ярость его была необузданная. Ахъ! не надѣйся прощенія, красота чистѣйшая, душа возвышенная! Напрасно Любовь сама вооружила тебя прелестію; и красота не защита отъ гнѣва царскаго! Онъ повелѣваетъ предать ее на кострѣ мучительной смерти; уже совлекаютъ и кровы и одежды чистѣйшія; нѣжныя руки жестокимъ вервіемъ связуютъ. Она безмолвна. Дѣвственная грудь ея легкими вздохами едва едва волнуема; измѣнилось прекрасное лице: румянецъ его исчезъ — но то была не блѣдность, а бѣлизна прелестная (*)!

Между тѣмъ печальная вѣсть раздается въ городѣ; уже толпами народъ стекается, и съ ними Олиндъ. Ему извѣстно, что образъ похищенъ; но кто похитилъ его? Если она? . . думаетъ онъ, и что же? видитъ прелестную узницу, осужденную и клевретами тирана влекомую на страшную казнь. Быстро раздвигая шумную толпу народа: „нѣтъ! нѣтъ! она не преступница! (восклицаетъ юноша, приближаясь къ Царю) она безумно похваляется похищеніемъ иконы. Ни осмѣлиться помыслить, ни приступить къ дѣлу не могла

(*) Ето напоминаетъ стихъ Петрарки: Pallida nò, ma più che neve bianca.

дѣвица безопытная. Какимъ образомъ обманула стражу? какъ похитила икону? пусть объявитъ. Нъ что сказать ей? Я, я хищникъ иконы.

„Такъ!" продолжалъ пламенный юноша: „туда, гдѣ высокая мечеть приемлетъ свѣтъ солнечный, я достигъ, сокровенный ночною темнотою, сквозь узкое отверстіе, и я прошелъ путемъ непроходимымъ. Мнѣ честь, мнѣ казнь. Да не похититъ она сладостныхъ мученій! Вы, клевреты! отдайте мнѣ цѣпи ея; онѣ мои; для меня несите свѣточи, для меня костеръ уготовляйте.

Софронія обратила къ нему прелестные взоры, исполненные состраданія. Что дѣлаешь, несчастный и вмѣстѣ невинный! какое изступленіе влечетъ тебя на гибель неминуемую? Или безъ тебя не могу выдержать гнѣва человѣческаго! И я имѣю мужество, и для смерти не требую товарища.

Такъ вѣщала страстному любовнику; но слезы ея были напрасны: жестокой не перемѣнилъ мысли. О великое божественное зрѣлище! Здѣсь ведутъ споръ между собою любовь и великодушная добродѣтель! Здѣсь награда побѣдителю — смерть; казнь побѣжденному — жизнь. —

Такъ обвиняли себя великодушные соперники, и ярость тирана возрастала болѣе и

болѣе. Ему казалось, что весь отыдъ обрушился на его главу; что, презирая мученія, они власть его презираютъ. Обоимъ вѣрю! воскликнулъ онъ: обоимъ вручаю пальму побѣды, достойную обоихъ. Даетъ страшный знакъ клевретамъ своимъ; сіи спѣшатъ съ узами къ безтрепетному юношѣ. И онъ и дѣва прикованы къ одному столпу одними узами, но не видятъ другъ друга; лица ихъ обращены въ разныя стороны. Заранѣе сооруженъ высокій костеръ, и мѣхи раздуваютъ въ немъ смертоносное пламя. Юноша не могъ долго таить горести въ стѣсненной груди своей и въ рыданіяхъ воскликнулъ: „Такими ли узами надѣялся соединить съ тобою жизнь мою? Такой ли огонь долженъ былъ воспламенить сердца наши? Ахъ! другое пламя, другія узы обѣщала любовь; судьба судила иначе. Она разлучила насъ въ теченіи жизни, и для смерти только, жестокая, соединяетъ. Но мнѣ, осужденному на смерть, сладостно быть твоимъ супругомъ на роковомъ кострѣ. Ахъ, Софронія! участь твоя сокрушаетъ сердце мое; моя, достойна зависти: я умираю съ тобою. Какъ сладка была бы кончина моя, какъ сладостны были бы жестокія мученія мои, когда бы позволили соединить намъ грудь съ грудію и всю душу мою вдохнуть въ уста твои, и мнѣ, при послѣднемъ часѣ, исчерпать слабѣющее твое дыханіе!“ Такъ говорилъ страдалецъ, заливаясь горькими

слезами. Софронія отвѣчала ему, и сладостенъ былъ голосъ ея: Другихъ помышленій, другихъ жалобъ требуетъ сей важный часъ, о другъ мой! Помысли о душѣ твоей; помысли о наградѣ, обѣщанной праведнику Богомъ земли и неба! Страдай во имя Его, надѣйся на радости и награды небесныя, и мученія твои будутъ легки и сладостны. Воззри на небо . . . какъ оно прекрасно! Воззри на солнце . . . какъ оно величественно! Небо и солнце призываютъ насъ въ обитель горнюю. Они утѣшаютъ насъ въ мученіяхъ. —

При сихъ словахъ рыданія и громкій плачь раздавались въ толпѣ невѣрныхъ. Тихо плакали устрашенные хрістіане. Но что чувствуетъ жестокій Аладинъ! Неизвѣстное ему чувство, жалость проникла въ жестокое сердце его. . . Напрасно; онъ заглушаетъ голосъ нѣжный сострадания, отвращаетъ взоры свои, и удаляется быстрыми шагами. Все рыдаетъ, все въ отчаяніи; ты одна спокойна, о Софронія, ты одна оплаканная всѣми слезъ не проливаешь!

Между тѣмъ приближается воинъ роста великаго, осанки благородной; оружіе и одежда чужеземныя являютъ воина героя странъ отдаленныхъ. Изваянный тигръ, ужасный, ослѣпляющій очи, покрываетъ шлемъ его. Извѣстное знаменіе Клоринды на полѣ брани: по немъ узнаютъ славную ратницу.

Отъ самаго младенчества Клоринда презирала нравы и обычаи нѣжнаго пола. Къ трудамъ Арахны, къ иглѣ и веретену не приложила гордой руки своей. Для стана воинскаго, обители строгой честности, покинула она одѣяніе и сокровенныя жилища слабыхъ женъ; вооружила строгостію чело свое. Но и въ суровости была прелестна. Въ младенчествѣ, слабою десницею смиряла коня ретиваго; въ младенчествѣ привыкла дѣйствовать копьемъ и мечемъ; въ борьбѣ укрѣпила мышцы и въ бѣгѣ быстрыя ноги свои. Въ пустыняхъ отдаленныхъ, по скаламъ кремнистымъ, устремлялась за грозными львами, за яростными медвѣдями. Являлась со славою на полѣ брани, и воинамъ и звѣрямъ равно ужасная! Она покинула обширныя поля Персидскія, и желаетъ снова сразиться съ христіанами. Доселѣ поля и источники Азіи обагрялись кровію враговъ Магоммеда отъ руки мужественной Клоринды. Она вступаетъ во градъ осажденной, и что поражаетъ ея взоры? Страшныя приуготовленія ко смертной казни. Нетерпѣливая Героиня желаетъ увидѣть, узнать вину осужденныхъ, и быстрый конь несетъ прелестную всадницу сквозь шумныя толпы народныя.

Видитъ двухъ страдальцевъ на роковомъ кострѣ и останавливаетъ коня своего; видитъ смиренное безмолвіе дѣвы; слышитъ

страданія юноши: твердость духа слабой жены удивляетъ ее. Но юноша плачетъ отъ состраданія; не о себѣ плачетъ онъ, о милой узницѣ. Сія безмолвствуетъ; очи ея устремлены на небо. Кажется, духъ ея отдѣлился отъ земли сей и въ обители горней витаетъ. Жалость проникла въ твердое сердце, слезы навернулись на прекрасныхъ очахъ Героини. Она была тронута участью мужественной дѣвы, ея молчаніемъ, болѣе нежели плачемъ и слезами юноши, и немедленно вопросила старца, близь ней стоящаго: „Вѣщай, кто сіи страдальцы, и кто повергаетъ ихъ на костеръ мучительный? слѣпая судьба, или ихъ преступленіе?“

Такъ вопрошала его, и отвѣтъ старца былъ кратокъ и справедливъ. Клоринда ужаснулась. Яснѣе солнца казалась ей невинность любовниковъ. Прозьбою, или оружіемъ рѣшилась спасти ихъ. Повелѣваетъ отъять гибельные свѣточи, пылающіе въ рукахъ стражи, и обращаетъ рѣчь свою ко клевретамъ Царскимъ: „Да не дерзнетъ никто изъ васъ приступить къ ужасному дѣлу, доколь я не узрю Царя вашего. Не страшитесь! ваша медленность не раздражитъ его; я, я въ томъ порукою.“ Клевреты, пораженные величественною осанкою Героини, въ безмолвіи повиновались. Она полетѣла къ Царю на быстромъ конѣ, и на половинѣ пути узрѣла

его идущаго на встрѣчу. „Я Клоринда!“ вѣщала она: „тебѣ, можетъ быть извѣстно имя сіе, Государь! Я притекла защищать съ тобою вѣру праотцовъ и Царство твое. На все готова; повелѣвай, я совершу твои повелѣнія. Великихъ предприятій не страшусь, малыми не гнушаюсь. На чистомъ полѣ, или на стѣнахъ града велишь сражаться? Вотъ рука моя!“

— Есть ли такая страна, — воскликнулъ Аладинъ: — страна столь отдаленная отъ Азіи, или отъ пути солнечнаго, гдѣ бы не гремѣла твоя слава! О дѣва! честь правовѣрныхъ! Чего страшиться, когда мечь твой за меня? Онъ надежнѣе, вѣрнѣе цѣлаго воинства. Нынѣ медленность Годофреда мнѣ тягостною становится. Пускай приходитъ онъ; ты со мною. Тебя достойны одѣ великія опасности, великія предприятія. Тебѣ вручаю воиновъ моихъ, да повинуются, и побѣждаютъ. — Такъ вѣщалъ онъ, и Клоринда благодарила владыку Солима. „Странно требовать воздаянія за дѣла, не совершa ихъ; но я полагаюсь на доброту сердца твоего. Желаю, чтобы ты за будущіе подвиги мои вручилъ мнѣ сихъ преступниковъ; требую ихъ въ награду. Преступленіе ихъ сомнительно, наказаніе ужасно. Умалчиваю о признакахъ невинности ихъ; но должна объявить, что слухъ о похищеніи иконы поклонниками ея, слухъ

несправедливый! Совѣты волхва преступны и пагубны. Какъ въ храмѣ бога нашего ставить идолы, чуждыхъ боговъ изображенія? И такъ припишите Магоммеду сіе дѣло: онъ совершилъ его въ знаменіе воли своей. Пускай Исменъ совершаетъ чары свои, пускай дѣйствуетъ онъ посредствомъ мрачной науки своей: мы, воины, станемъ дѣйствовать желѣзомъ: вотъ вся наука и надежда наша.

Клоринда умолкла. Царь, незнающій жалости, изъявилъ согласіе на прозьбы славной воительницы. Ея слова и совѣты разсудка убѣдили его. „Жизнь и свободу возвращаю имъ,“ сказалъ Аладинъ: „ибо въ чемъ могу отказать такому заступнику? . . .“

Они свободны. Судьба Олинда чудесна по истинѣ! . . Доселѣ нелюбимый, теперь обожаемъ Софроніею, съ костра идетъ къ жертвеннику брачному! . . . *В.*

Изступленіе Орланда.

Конецъ пѣсни XXIII, и начало XXIV (*).

Кто осмѣлится занести ногу свою въ сѣти любовныя, немедленно пойманъ бываетъ; напрасно желаетъ исторгнуть ее, напрасно:

(*) Желая сохранить единство въ разсказѣ, мы осмѣлились сдѣлать нѣкоторыя перестановки.

въ сѣтяхъ коварныхъ и крылья оставитъ. Любовь есть забвеніе себя, вѣщаютъ мудрые. Если не каждый любовникъ доходитъ до бѣшенства Орландова, то все какъ нибудь свое дурачество обнажаетъ; ибо не есть ли дурачество, друзья мои, забвеніе себя для гордой красавицы?

Различны послѣдствія, но дурачество одно у любовниковъ. Подобно страннику въ дикомъ и дремучемъ лѣсу, они туда, сюда, здѣсь и тамъ во мракахъ блуждаютъ и не видятъ конца своему странствію! Скажу въ заключеніе: тому кто предается погибельной страсти, мало мученій извѣстныхъ, мало цѣпей и веригъ тяжелыхъ! — Конечно и мнѣ вы молвить вправѣ: приятель! на другихъ указываешь перстомъ, а какъ ты самъ поступаешь? — Справедливо, друзья мои! Я предаюсь мудрости на малое время; но я стараюсь исправиться, отдохнуть душею и вырваться изъ вихря любовнаго. А теперь. . . скажу вамъ краснѣя, не могу сего сдѣлать: любовь, жестокая любовь еще управляетъ мною, и день и ночь мое сердце терзаетъ. . .

Но возвратимся къ Орланду. Онъ два дни преслѣдовалъ Срацина. Изнуренный усталостію останавливается на берегу кристальнаго ручья, кругомъ котораго разстилается

веселая долина, испещренная яркими цвѣтами, осѣненная зеленымъ кустарникомъ. Легкое вѣяніе вѣтерка прохлаждало палящій зной полуденный и оживляло стада и пастырей, едва покрытыхъ одеждою; но Орландо подъ тяжелымъ панцыремъ, шлемомъ и щитомъ не могъ наслаждаться вѣяніемъ прохлады. Посреди прелестной пустыни утомленный витязь желаетъ укрѣпиться кратковременнымъ отдыхомъ, и печальное, гибельное избралъ убѣжище въ сей день, для него стократъ злополучный! Бросая взоры свои вдоль по сѣнистому берегу, видитъ начертанія на корѣ кудрявыхъ кустарниковъ. Всматривается, и что же? Познаетъ въ начертаніяхъ сихъ руку богини своей, незабвенной Анжелики. Сіе убѣжище не рѣдко посѣщала Царевна Катайская съ юнымъ Медоромъ, съ счастливымъ юношей, когда обитали они въ простой хижинѣ сосѣдняго пастыря. Имена ихъ, имена *Анжелики и Медора*, онъ видитъ на корѣ древесъ безчисленныхъ, и каждое слово, каждая черта проницаютъ глубоко въ его сердце. Желаетъ обмануть себя, желаетъ не вѣрить ненавистнымъ свидѣтелямъ измѣны; другая Анжелика, повторяетъ онъ, другая начертала имя свое на сей корѣ предательской. Я видалъ подобныя начертанія, читалъ подобныя слова; можетъ быть имя Медора есть вымыселъ: подъ нимъ мое имя скрывается. Такъ обманываетъ себя не-

счастный рыцарь, такъ питаетъ въ душѣ смутную надежду. Но, желая погасить жестокую ревность, болѣе и болѣе распаляетъ свой гнѣвъ. Такъ неосторожная птица, запутавшись въ тайной сѣти, чѣмъ болѣе трепещетъ крылами, чѣмъ болѣе желаетъ выбиться, тѣмъ сильнѣе запутывается въ тенетахъ коварныхъ. Орландо слѣдуетъ по теченію ручья туда, гдѣ каменная гора подобно луку сгибается надъ пѣнистою влагою и пещеру скалами образуетъ. Тамъ, едера и виноградникъ переплетяся густо кривыми корнями, украсили убѣжище любви и нѣкогда своею тѣнію покрывали счастливыхъ любовниковъ. Тамъ повсюду каждый камень, каждая кора древесная имена ихъ сохранили; уголь, мѣлъ и остріе желѣза, все служило имъ орудіемъ для начертанія любовной повѣсти.

Несчастный Графъ Анжерскій сошелъ съ коня своего, и увидѣлъ при входѣ въ пещеру новыя слова, Медоромъ написанныя въ счастливыя минуты любви и наслажденія. На языкѣ Арабскомъ изъясняли они свое блаженство, въ стихахъ прелестныхъ безъ сомнѣнія, ибо любовь, вы знаете, всегда краснорѣчива.

Древа тѣнистые, долины злачныя, ручьи студеные, и ты хладная пещера, обильная тѣнями гостепріимными, гдѣ Анжелика, дочь Галафрона, втунѣ обожаемая моими со-

перниками, въ моихъ объятіяхъ покоилась! Чѣмъ можетъ воздать вамъ бѣдный Медоръ? хвалою вѣчною и вѣчной признательностію.

Счастливые любовники, рыцари смѣлые, дѣвы прелестныя, жители сихъ долинъ счастливыхъ! и вы, прохожіе, волей или случаемъ сюда завлеченные! умоляю васъ, скажите, скажите, привѣтствуя сіе убѣжище: травы и тѣни зеленыя, источники мирные, пещера тѣнистая! да будутъ вамъ благодатны солнце и мѣсяцъ небесный, и нимфы полевыя да удалятъ пастуховъ съ стадами шумными отъ сихъ убѣжищъ завѣтныхъ!

Къ несчастію ученый витязь понималъ языкъ Арабскій совершенно, какъ языкъ Латинской. Сіе знаніе было нѣкогда полезно, и въ землѣ Сарациновъ избавляло его отъ многихъ встрѣчь неприятныхъ, а нынѣ — гибельное знаніе! горькій плодъ ученія! три раза, четыре и шесть и болѣе, все перечиталъ несчастный ревнивецъ, желая находить не то, что ясно было начертано; но истина при новомъ чтеніи ярче и ярче блистала, и сердце его сжималось льдяною рукою. Безмолвенъ, мраченъ, вперилъ неподвижные очи въ хладный камень; горесть несказанная, какъ свинецъ лежала на сердцѣ и всѣ чувства замерли. О вы, испытавшіе подобное несчастіе! вы знаете, сколь оно горестно! ахъ! вы знаете, что оно всѣ муки адскія превышаетъ!

О Орландо! нѣкогда столь гордый и мужественный, что съ тобою сдѣлалось? Чело твое поникло на грудь, уста скованы горестію и ни одна слеза не облегчаетъ ее! Такъ вода, заключенная въ широкомъ сосудѣ, но имѣющемъ узкое горло, съ силою будучи внезапно опрокинута, съ силою желаетъ вырваться, но, съ трудомъ протекая чрезъ тѣсное отверстіе, рѣдкими каплями упадаетъ на землю. Снова прибѣгаетъ къ разсудку рыцарь нашъ, снова себя вопрошаетъ, и старается заглушить голосъ истины. Можетъ быть, мечтаетъ онъ, кто нибудь желалъ повредить имени моей любезной, можетъ быть тайный соперникъ желаетъ обрушить на меня все бремя свинцовой ревности, и сокрушить мое сердце. Такъ! злодѣйская рука подражала начертаніямъ Анжелики. Слабый лучь надежды проницаетъ въ его душу и даетъ ей новую силу; Графъ садится на вѣрнаго Златогрива, и быстро удаляется. Солнце уступало мѣсто задумчивой сестрѣ своей. Недалече отъ полей пагубныхъ путешественникъ видитъ курящійся дымъ гостепріимныхъ хижинъ, слышитъ протяжный лай псовъ, мычаніе стадъ, и къ селу приближается. Тамъ покидаетъ вѣрнаго Златогрива на руки попечительнаго слуги, и самъ въ глубокой печали желаетъ сбросить съ себя тяжелыя латы. Ласковый хозяинъ и дѣти его обезоруживаютъ высокаго гостя: кто снимаетъ

златыя шпоры, кто прахъ съ тяжелаго шлема и щита его сметаетъ. Но гдѣ находился онъ? Подъ тѣмъ кровомъ, гдѣ Медоръ лѣчилъ рану свою въ объятіяхъ Царевны прекрасной. Орландо, снѣдаемый тоскою, бросается на мягкое ложе; но покой очей его убѣгаетъ. Все умножаетъ горесть. Опять имена ненавистныя всюду начертаны, и двери и окна и стѣны ими исписаны. Желаетъ спросить — и невольно уста его сжимаются; страшится обнаружить страшную тайну, и въ туманахъ неизвѣстности ее заключаетъ. Но къ чему обманывать себя? Каждый готовъ открыть всѣмъ извѣстное. Гостепріимный пастырь, видя гостя своего столь пасмурнаго и печальнаго, желая развеселить его веселою повѣстію — о двухъ любовникахъ, безъ злаго умысла начинаетъ разсказывать: какимъ образомъ по прозьбѣ Анжелики прекрасной онъ принялъ раненаго Медора въ свою хижину; какимъ образомъ она вылѣчила его тяжелую рану въ короткое время; но любовь и ее сразила: любовь воспламенила ея сердце и ничто не могло затушить ея страсти. Наконецъ, увлеченная, ослѣпленная любовію, она забываетъ высокое рожденіе свое, забываетъ, что она дочь перваго, сильнѣйшаго Царя на Востокѣ, и отдаетъ руку свою, кому же? бѣдному, неизвѣстному юношѣ. — Пастухъ въ заключеніе своего разсказа приноситъ показать драгоцѣнный перстень, который, отъѣзжая,

вручила ему Анжелика въ знакъ своей благодарности.

Сей ударъ былъ послѣдній ударъ жертвѣ, отъ руки жестокаго Амура. Орландо желаетъ скрывать мученія, но печаль превыщаетъ его усилія; она противъ воли вырывается изъ груди его глубокими вздохами и невольныя слезы заструились изъ очей грознаго Паладина.

Пастухъ удаляется. Орландо, находясь безъ свидѣтелей, предается всей тоскѣ, и слезы снова частымъ градомъ падаютъ на грудь его. Рыдая какъ младенецъ, ищетъ постели своей, повергается на нее; но покой убѣгаетъ его — мягкое ложе кажется ему тверже голаго камня, острѣе дикаго тернія.

Ахъ! онъ воображаетъ, что на немъ покоилась неблагодарная въ объятіяхъ любовника своего. Встревоженный сею мыслію, вскакиваетъ съ постели быстрѣе селянина, который, желая отдохнуть на зеленой полянѣ, легъ нечаянно на змію ядовитую.

И ложе, и домъ, и пастырь ему столь противны, столь ненавистны, что, не дождавшись мѣсяца, или зари утренней, хватаетъ оружіе, вскакиваетъ на коня и удаляется въ густоту угрюмаго лѣса. Тамъ ужасные крики и вопль отчаяннаго раздается по всей обширности дикой пустыни. Всю

ночь, весь день продолжаетъ стенать; убѣгаетъ селеній и слѣдовъ человѣческихъ; ночью на хладную землю повергается, и самъ дивится себѣ, что очи его столько слезъ, сердце столько горести вмѣщаетъ; самъ себѣ говоритъ несчастный: Нѣтъ, не однѣ слезы текутъ ручьями изъ глазъ моихъ; съ ними истекаетъ жизнь моя! Нѣтъ, не вздохи вылетаютъ изъ груди моей, а пламень разженный любовію. Жестокая любовь! за чѣмъ не прерываешь жизнь мою, за чѣмъ продолжаешь мои страшныя мученія. . . . Нѣтъ! нѣтъ! я не то, чѣмъ кажусь: Орландо погибъ уже; онъ въ землѣ, несчастный. Его погубила жестокая своею невѣрностію; она, она его умертвила. Я духъ злополучнаго Орланда, низверженнаго въ мрачный тартаръ, я духъ безплотный, но долженъ служить примѣромъ для живыхъ, для тѣхъ изъ смертныхъ, которые на любовь полагаютъ надежды свои!

Въ теченіи всей ночи онъ скитался по излучинамъ мрачнаго лѣса, и судьба привела его на разсвѣтѣ къ источнику, надъ коимъ Медоръ вырѣзалъ гибельную надпись. Ужасное зрѣлище! Оно вдругъ уничтожило весь разсудокъ его, всѣ чувства, кромѣ ненависти, гнѣва, ярости. Мечь засверкалъ въ рукѣ и надпись и твердый гранитъ отъ ударовъ сильныхъ и быстрыхъ въ дребезги разлетаются.

Несчастная пещера! убѣжище сладострастія, исполненное Медора и Анжелики! ты не будешь укрывать въ тѣни своей ни пастырей, ни стада ихъ! Источникъ прохладный и ясный, какъ лазурь небесная! исчезнетъ вся прелесть твоя! Вѣтви и камни и кочки и глыбы земныя повергаетъ въ него неистовый; возмущаетъ отъ дна до поверхности и всю ясность его уничтожаетъ. Силы его не могутъ выдержать всей тягости мрачнаго гнѣва, кипящей ярости, ненависти несказанной; онѣ истощаются. Внѣ себя, покрытый холоднымъ потомъ, повергается на сырой дернъ, и устремя на небо смутные, неподвижные взоры, отъ глубины сердца вздыхаетъ.

Три раза солнце всходило и садилось за черный лѣсъ, а Орландо все безмолвенъ, безъ пищи, безъ сна, лежитъ на землѣ въ одномъ положеніи. Горесть его часъ отчасу умножалась и разсудокъ вовсе затмился. На третій день въ ужасномъ изступленіи сдираетъ съ груди своей крѣпкія латы. Туда сюда кидаетъ шлемъ и щитъ и мечь, все оружіе по рощѣ разметываетъ; наконецъ, свергаетъ съ себя послѣдніе покровы и могучіе плечи и мохнатую грудь свою обнажаетъ. Обуянный страшнымъ бѣшенствомъ, неслыханнымъ отъ вѣка, лишается послѣдней памяти и забываетъ огромный мечь свой, которымъ бы много чудесъ къ чудесамъ своимъ

прибавилъ! Но къ чему и мечь и сѣкира съ такою исполинскою силою? Десница его вырываетъ съ корнями высокую сосну, какъ слабый укропъ, или злакъ огородный; исторгаетъ одно за другимъ, то вязъ, то липу, то вѣковый дубъ: такъ птицеловъ очищаетъ отъ кустарника и камыщей топкій берегъ болотный, чтобы раскинуть на немъ коварныя сѣти.

Пастухи, любопытствуя узнать причину необычайнаго шума и треска, покидаютъ стада свои посреди мрачнаго лѣса, и со всѣхъ сторонъ сбѣгаются; но увидя странныя дѣла бѣшенаго, его силу чудесную, желаютъ укрыться, и страхъ удерживаетъ имъ ноги. Между тѣмъ онъ быстро за ними гонится, настигаетъ одного, и срываетъ ему съ плечъ голову, какъ съ вѣтви яблоко, или спѣлую сливу. Земледѣльцы, устращенные участію товарищей своихъ, оставляютъ въ поляхъ серпы, косы и плуги, и видя что подъ тѣнію вязовъ и липъ укрыться не можно, спасаются на кровы домовъ и храмовъ. Оттуда смотрятъ, содрогаясь отъ страха, на бѣшенство Графа Анжерскаго, какъ онъ кулаками, зубами, ногтями, ногами, грудью, коней и воловъ побиваетъ и раздираетъ. О! счастливъ, кто могъ найти спасеніе въ бѣгствѣ! Между тѣмъ въ сосѣднихъ селеніяхъ раздается плачь, стонъ и вой; звукъ ро-

говъ, сельскихъ трубъ и звонъ колоколовъ безпрестанный. Вооруженные дрекольями, древними бердышами, копьями и пращами на звонъ шумнаго набата безчисленныя толпы селянъ спускаются съ горъ, обходятъ излучинами долины, и спѣшатъ сдѣлать сельское нападеніе на бѣшенаго героя.

Какъ восточный вѣтеръ, вначалѣ слегка играя, съ поверхности моря медленно приближаетъ соленую волну къ песчаному берегу, поднимаетъ другую выше первой, и третью еще сильнѣе; часъ отчасу волны усиливаются, возрастаютъ и терзаютъ стонущій берегъ: такъ усиливаются толпы возмущеннаго народа, такъ сходятъ онѣ съ горъ и наводняютъ долину. Но Орландо убиваетъ десять, еще десять изъ тѣхъ, которые въ безпорядкѣ на него нападаютъ. Печальный опытъ товарищей научалъ дѣйствовать издали; но стрѣлы и камни сыплются напрасно: Орландо неуязвимъ. Его спасаетъ благодать небесная, которая предназначила его быть нѣкогда защитникомъ святой вѣры. Безъ сей милости небесной онъ палъ бы безъ сомнѣнія подъ тяжкими ударами толпы разъяренной; ибо, безумный! отбросивъ оружіе свое, копье и мечь, въ одной храбрости искалъ защиты.

Видя, что всѣ нападенія безуспѣшны, толпы начали разсѣяваться, и Орландо без-

препятственно идетъ въ ближнее селеніе. Тамъ отъ мала до велика всѣ спасались, всѣ оставили хижины свои на произволъ судьбѣ. Рыцарь, томимый голодомъ, изнуренный трудами и безсонницею, находитъ пищу сельскую: жолуди и хлѣбъ, сырое и вареное мясо поглощаетъ одно за другимъ. Вскорѣ покидаетъ опустошенное селеніе, блуждаетъ тамъ и здѣсь, нападаетъ на людей, нападаетъ на звѣрей пустынныхъ. Иногда, пробѣгая лѣсами, онъ похищаетъ на бѣгу легкихъ сернъ и оленей; часто сражается съ кровожадными медвѣдями, съ лютыми вепрями и однимъ ударомъ руки низлагаетъ ихъ и пожираетъ. *Изъ Аріоста. В.*

Предчувствіе,

или Графъ Загоровскій и Яшка Кривошея,

справедливая повѣсть.

(Окончаніе.)

Письмо XII.

Отъ Графа Загоровскаго къ Гоноратѣ.

Усердно благодарю тебя, добрая мать моя, что позаботилась о себѣ меня увѣдомить. Знаю, какъ было трудно тебѣ съ непривычки приниматься за перо, особливо еще

при домашнихъ твоихъ недосугахъ. — Возобновленныя въ памяти нѣжныя твоя попеченія о моемъ дѣйствѣ растрогали меня до глубины сердца, и усилили въ немъ, если ето возможно, чувство благодарности, которое питать буду въ душѣ до конца моей жизни. Но скажи мнѣ, любезная матушка! откуда взялась ета недовѣрчивость? что могло послужить тебѣ поводомъ къ убѣжденію меня неуклоняться отъ добродѣтели и твердо идти по прямой дорогѣ? Не уже ли я подалъ причину? не уже ли проницательный взоръ любви твоей возмогъ открыть? . . . . Ахъ, такъ! онъ открылъ во мнѣ страсть, страсть, коей свирѣпство терзаетъ мою душу, но съ которою . . . я былъ и впредь надѣюсь быть невиннымъ. — Бѣдное мое сердце, прежде спокойное, нынѣ мучительными, адскими огнями пылаетъ на жертвенникѣ обожаемаго предмета! Но . . . не пугайся, любезная матушка! сынъ твой всегда будетъ тебя достойнымъ, всегда будетъ достойнымъ тѣхъ трудовъ, которые ты перенесла при моемъ воспитаніи, и несмотря на плачевную борьбу, непереступитъ за черту добродѣтели. Если ты угадываешь мою тайну, если проницательность твоя столь далеко углубляется въ мое сердце; то надобно, чтобы я все открылъ передъ тобою. Пусть я несчастливъ, но пускай же въ глазахъ твоихъ небуду виновнымъ, по

крайней мѣрѣ дотолѣ, пока еще на самомъ дѣлѣ незаслужилъ сего названія.

Послѣ долголѣтнихъ военныхъ странствій по Европѣ я возвратился на родину. Тереза, которую покинулъ я младенцемъ, явилась предъ мною во всемъ блескѣ едва только созрѣвшей юности, съ ангельской красотою, съ очаровательной любезностію. Подхожу къ ней, хочу обнять ее, и чувствую въ себѣ трепетное біеніе сердца, и вижу алой румянецъ на прекрасномъ лицѣ Терезы. Ближайшее обхожденіе, неразрывное сообщество, а слѣдственно отчасу болѣе открывающаяся любезность характера, качества сердца, рѣдкіе таланты раздували во мнѣ огонь, пожирающій всю мою душу; я узналъ, и хотѣлъ таить передъ самимъ собою, узналъ, что въ любимой сестрѣ обожаю владычицу души моей! Чѣмъ болѣе замѣчалъ въ ней благосклонной взаимности, тѣмъ болѣе терпѣлъ внутреннихъ страданій, и наконецъ, не могши долѣе нести тяготящаго меня бремени, воспользовался случаемъ поспѣшно уѣхать изъ Варшавы. Исторгнувшись изъ несчастнаго дома, я твердо рѣшился никогда въ него не возвращаться болѣе. Такъ, любезная матушка! имя сіе собственно тебѣ принадлежитъ; ты приобрѣла его своею любовію и попеченіями о моемъ младенчествѣ; такъ, любезная матушка! уже болѣе не уви-

дишь ты любящаго тебя сына! Утѣшайся по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ неуклонился съ пути добродѣтели, и что лучше захотѣлъ быть несчастнымъ нежели преступникомъ.

Письмо XIII.

Отъ Графа Загоровскаго къ Полковнику Щеропольскому.

Любезный другъ! о, какъ завидую спокойной твоей добродѣтели, той холодности твоего разсудка, которую въ письмахъ твоихъ замѣчаю! Позволь однакожъ сказать тебѣ въ укоризну, что ты мало входишь въ страданія своего друга, что не испытавши собою насилія страстей, неимѣешь объ нихъ понятія и невѣришь ихъ могуществу. Но, другъ мой! врачь невылѣчитъ больнаго, только увѣряя его, что онъ неболѣнъ; и тотъ очень, очень ошибается, кто страданія души хочетъ прогнать шутками. — Сердечный другъ мой! завѣса упала; полное сердце излило свою тайну. Повидайся съ Гоноратою, и ты все отъ нее узнаешь. Женщина лучше умѣла понимать меня, и все отгадала прежде нежели я открылся; пусть же ей принадлежитъ и первенство въ моемъ признаніи.

Прости, будь здоровъ и жалѣй о несчастномъ, коего страданія и тѣмъ еще уве-

личились, что онъ неимѣетъ надежды не только скоро, но и когда нибудь увидѣться съ тобою.

Письмо XIV.

Отъ Полковника Щеропольскаго изъ Плоцка Графу Загоровскому.

По дню отпуска сего письма, любезный Графъ, узнаешь, что мнѣ не долго удалось погостить въ Варшавѣ. Меня послали въ Плоцкъ. А какъ мнѣ достанется тутъ промедлить двѣ три недѣли, то я и просилъ одного добраго приятеля сообщать мнѣ Варшавскія новости. Спѣшу раздѣлить съ тобою вѣсти, привезенныя сюда съ послѣдней почтою, и спѣшу для того чтобы кто нибудь невстревожилъ тебя пустымъ, или увеличеннымъ слухомъ. — Съ сестрой твоей случилось приключеніе, правда, опасное, но, слава Богу, совершенно безвредное. Княгиня Вервицкая давала дѣтской балъ, къ которому приглашено было все, что ни есть наилучшимъ образомъ воспитаннаго въ Варшавѣ. Легко себѣ догадаться можешь, что сестра твоя принадлежитъ къ етому же разряду. Вотъ она и поѣхала вмѣстѣ съ своею гувернанткой, съ госпожей Кастелянше́й, и съ милою ея племянницей. Всѣ онѣ сидѣли

въ большой четверомѣстной каретѣ. Въ то самое время какъ уже подъѣзжали къ воротамъ, пьяной лакей со сна подумалъ, что госпожа его ѣдетъ со двора; вскочилъ въ передней съ своего мѣста, бросился въ стекляное до самаго полу окно, которое показалось ему отворенной дверью, и упавши на козлы подъѣхавшей кареты, тяжестію своего тѣла спихнулъ съ нихъ кучера. Бодрыя, а къ тому еще молодыя лошади, испуганныя крикомъ и шумомъ, быстро помчались; расталкивая колясочки, санки, и все, что имъ ни попадалось на дорогѣ, безъ памяти бѣжали къ Грыбову (*), и тѣмъ скорѣе чѣмъ болѣе стекалось народу на помощь. Лишь только минули *желѣзныя* ворота, вдругъ близь открытой камевы — лопнула рессора. Кузовъ кареты бился о заднее колесо, и немощенная улица въ Грыбовѣ угрожала большою опасностію. Но вотъ на противной сторонѣ появляется какая-то колясченка; отважный возница ея, между тѣмъ какъ всѣ кричатъ ему, чтобы сторонился, съ удивительнымъ присутствіемъ духа правитъ лошадей своихъ прямо на карету; поровнявшись съ нею, во мгновеніе ока становится на своихъ козлахъ; съ очевидною опасностію, какъ искусный волтижеръ, вскакиваетъ на испуганныхъ лошадей,

(*) Предмѣстіе въ Варшавѣ.

хватаетъ повода, останавливаетъ живошныхъ на всемъ бѣгу ихъ, въ то самое время когда погнувшаяся уже на одну сторону карета готова была опрокинуться, и — спасаетъ жизнь сѣдащимъ въ ней особамъ, нечаявшимъ уже себѣ никакого спасенія. Немедленно прибѣжали люди и подали нужную помощь полумертвымъ дамамъ. Потомъ обращено было вниманіе и на ихъ избавителя, въ которомъ тотчасъ узнали *Яшку Кривошею*, — такъ обыкновенно здѣсь его называютъ. Это сынъ нашей Гонораты изъ Служева, а тебѣ онъ молочной братъ. Незнаю, извѣстна ли тебѣ его исторія; ибо она случилась послѣ твоего отъѣзда изъ отечества. Онъ росъ при своей матери и былъ на все употребляемъ, какъ обыкновенно въ небольшомъ хозяйствѣ водится. Пришедши въ возрастъ, онъ вздумалъ никого неслушаться и никому неуступать, даже родной матери; этотъ духъ неповиновенія оказывался въ немъ при всякомъ случаѣ, особенно же въ обращеніи съ товарищами: вездѣ хотѣлъ онъ быть первымъ, вездѣ хотѣлъ господствовать; отсюда безпрестанныя ссоры. Измученная, выведенная изъ терпѣнія мать, рѣшилась отдѣлить отъ себя Яшку, отсчитала ему принадлежащія 500 талеровъ, и отпустила его жить совершенно по своей волѣ. — Яшка захотѣлъ быть извощикомъ, купилъ себѣ пару лоша-

дей и подержаную, однакожъ довольно изрядную, колясочку, и началъ возить ѣздоковъ по городу; это единственный промыселъ, которымъ онъ достаетъ себѣ пропитаніе, ни отъ кого не принимая никакой милости, и нанимаясь только на день, дабы, какъ говоритъ онъ, быть господиномъ своей воли, и ни передъ кѣмъ нераболѣпствовать. Опытность, ловкость и отважность сдѣлали его извѣстнымъ въ Варшавѣ; всѣ его ищутъ, всѣ даютъ ему преимущество передъ другими. Онъ бывалъ и въ нашемъ домѣ, и охотно оказывалъ неважныя услуги, за которыя однакожъ не только нехотѣлъ брать заплаты, но даже сердился, когда ему оную предлагали. Послѣ нынѣшняго подвига на силу убѣдили его принять пенсію и пожизненное владѣніе хозяйствомъ Служевскимъ, въ которомъ живетъ мать его, и которое конечно ей будетъ приятно оставить сыну своему въ хорошемъ состояніи. Только не долго же Гонората будетъ для него трудиться; ибо ко мнѣ пишутъ, что она очевидно изнемогаетъ, и что недалека уже ея кончина. Казалось бы, послѣднее происшествіе должно ее утѣшить; напротивъ того оно еще болѣе погрузило ее въ уныніе. — Прости и будь здоровъ! Надѣюсь, что посланный на почту съ симъ письмомъ принесетъ въ замѣну что нибудь и отъ тебя, моего сердечнаго друга.

Письмо XV.

Отъ Терезы къ Павлинѣ.

Хоть я сама еще не оправилась; никакъ однакожъ не могла утерпѣть, чтобъ неосвѣдомиться о здоровьѣ твоемъ, милая подруга, и о почтенной твоей тетушкѣ. Какое приключеніе, и притомъ какое счастіе въ несчастьи! Что могло бы случиться, еслибъ почтенный избавитель невстрѣтился съ нами на ту пору! Вчера приказала я позвать его къ себѣ, и обняла какъ искренняго друга. О, какъ сладко для сердца быть благодарною, какъ приятно платить за оказанное благодѣяніе! Я долго съ нимъ говорила, и скажу тебѣ, нашла въ немъ необыкновеннаго человѣка. Какое безкорыстіе, какое благородство въ мысляхъ и чувствахъ! Етотъ подвигъ великодушія кажется ему самымъ обыкновеннымъ поступкомъ, и онъ крайне удивляется, почему приписываютъ ему такую важность! Признаюсь, онъ тронулъ меня до глубины сердца, и еслибъ только я небоялась твоихъ обыкновенныхъ насмѣшекъ надъ мнимымъ жаромъ головы моей, то сказала бы тебѣ, что разговоръ его оставилъ въ душѣ моей глубокіе слѣды и произвелъ въ немъ непреоборимое стремленіе дружбы. Жаль, что ты не со мною, милая подруга! Теперь, избавившись, благода-

ря Богу, отъ столь великой опасности, намъ было бы о чемъ побесѣдовать. Внезапное безпамятство счастливо предохранило меня отъ мученій продолжительнаго страха; твоя и г-жи Сенваль спокойная флегма также благополучно избавила васъ отъ бѣды, хотя другимъ способомъ: мы только безпокоимся о твоей тетушкѣ.

Письмо XVI.

Отъ Павлины къ Терезѣ.

Тетушкѣ легче; она уже поднялась съ постели, и отдыхаетъ на канапе; горячка ея прошла; остается только отъ контузіи боль, которой нельзя унять такъ скоро. Не спокойная, какъ ты говоришь, флегма меня избавила, я какое-то безчувствіе, отъ котораго не прежде я освободилась, какъ уже была вытащена изъ кареты. И правду сказать, жаль было бы неопамятоваться: какая сцена! Теперь, находясь въ безопасности, можно уже вспомнить объ ней безъ страху. Меня вытащили первую, слѣдственно я имѣла полную свободу любоваться, на васъ глядя. Ты лежала на тетушкѣ; блонды, которыми обшитъ низъ ея платья, зацѣпившись за букетъ твоихъ цвѣтовъ, представили фестонъ красоты необычайной, между тѣмъ какъ легкій твой розовый башмачокъ, упавши на шляпку г-жи Сенваль, забавно выглядывалъ

изъ за бѣлыхъ перьевъ. Все ето могла я видѣть очень явственно; ибо такое множество набѣжало мальчишекъ съ фонариками, что ихъ должно было разгонять угрозами. Хотѣла бы еще кое-что написать тебѣ о томъ же происшествіи; но нетерпѣніе принуждаетъ меня приступить къ важнѣйшему дѣлу. — Какая тамъ у васъ дома происходитъ сумашоха? Ничего не могу понять, но вижу, должно быть чему-то наобыкновенному. Сего дня два раза былъ у насъ твой батюшка: сперва поутру рано, лишь только мы встали, вошедши безъ докладу и запыхавшись, онъ потребовалъ тетушку для какого-то тайнаго разговора. Двери были заперты и я ничего не могла слышать, кромѣ жалобъ и нареканій, которыхъ съ обѣихъ сторонъ нещадили. Непреодолимое любопытство овладѣло мною; я обѣжала кругомъ, подошла къ другимъ дверямъ, ближайшимъ къ тому канапе, на которомъ лежала тетушка; тутъ застала уже только *отказы и уголовный судъ*, а понять дѣла все таки не могла. Вошедши въ другой разъ, принесъ онъ какія-то бумаги и письмо, которыя тетушка приказала нашему конюшему въ ту же минуту послать со штафетой. Послѣ узнала я отъ конюшаго, что пакетъ отправленъ къ *Довѣринскому*, любимцу Старосты, управляющему Украинскими его деревнями. — Приходили къ тетушкѣ еще какія-то заповѣдныя

фигуры, которыхъ я прежде никогда невидывала, и которыхъ тетушка, послѣ краткой бесѣды, отсылала къ твоему родителю. — Мнѣ казалось, будто въ разговорѣ съ ними упоминаемо было о Служевѣ и о старушкѣ вашей Гоноратѣ. Болѣе ни о чемъ не могу тебя увѣдомить, и удивляюсь, что тебѣ ничего неизвѣстно; ибо писавши ко мнѣ, ты что нибудь бы упомянула.

Письмо XVII.

Отъ Полковника Щеропольскаго къ Графу Загоровскому.

Любезный другъ! Уже два дня нахожусь въ Варшавѣ. Получивши письмо твое, я все бросилъ и сюда пріѣхалъ. Но ни ты, который написалъ его, ни я, отосланный тобою къ Гоноратѣ для уразумѣнія письма, оба, говорю, мы не могли предвидѣть того, чему доспалося мнѣ здѣсь быть свидѣтелемъ. — Еще и теперь немогу придти въ себя отъ изумленія. . . Но я непремѣнно долженъ извѣстить тебя . . . тебѣ непремѣнно узнать должно. . . . Другъ мой! вооружись всею твердостію души своей; ибо едва ли когда-либо имѣлъ ты подобную нужду въ сей предосторожности. Во первыхъ увѣдомляю тебя, что Гонораты нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ . . . на моихъ рукахъ она скончалась. Можетъ быть привычка съ младенчества, при-

знательность за ея попеченія, какое-то предчувствіе, неизъяснимый голосъ Природы сжали твое сердце при семъ извѣстіи; но выслушай до конца и узнай всю важность своей утраты. Гонората была мать . . . *родная* мать твоя, и въ семъ священномъ качествѣ посылаетъ тебѣ родительское свое благословеніе. Такъ, любезный другъ мой, ты не сынъ Старосты. Но отдавши долгъ первыхъ движеній Природѣ, отдавши долгъ удивленія новымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ теперь находишься, дослушай всѣ подробности. — Прискакавши въ Варшаву, я тотчасъ приказалъ подать лошадей, и полетѣлъ въ Служево; тамъ нашелъ Гонорату, почтенную мать моего друга, изнемогшую отъ болѣзни, но находящуюся въ совершенномъ присутствіи разума. Подлѣ одра ея сидѣли публичный Нотаріусъ и Полицейской чиновникъ изъ Варшавы, а на другой сторонѣ Служевскаго прихода Священникъ и Лѣсничей изъ Пышнева. Увидѣвъ меня, она воскликнула: „Ахъ, доброй господинъ! само Небо послало сюда васъ въ эту минуту, чтобы вмѣстѣ съ сими почтенными особами быть свидѣтелемъ послѣдняго моего признанія, къ которому принуждаютъ меня честь, совѣсть и справедливость, и которое доставитъ мнѣ возможность умереть спокойно.“ И тотчасъ приказываетъ достать изъ подъ кровати своей ящичекъ, и вынимаетъ

изъ него своеручную записку, заключающую въ себѣ подробности ея признанія. — Сынъ Старосты, ввѣренный ея присмотру, несчаестнымъ случаемъ упавши съ опрокинувшимся возкомъ, свернулъ себѣ шею. Гонората, убоявшись наказанія, и незахотѣвъ лишиться обѣщанныхъ себѣ за воспитаніе господскаго дитяти выгодъ, подмѣнила его своимъ собственнымъ сыномъ. Дальнѣйшее воспитаніе сдѣлало васъ обоихъ такими, какими теперь находитесь; но въ самомъ дѣлѣ *Яшка Кривошея* есть сынъ Старосты Пышневскаго, а другъ мой — сынъ Гонораты Служевской. Лѣсничей изъ Пышнева, осмидесятилѣтній, честнѣйшихъ правилъ старикъ, какъ очевидный всему тому свидѣтель, вмѣстѣ съ Гоноратой, присягою подтвердилъ истину ея признанія, которое письменно засвидѣтельствовалъ и Служевскій Священникъ, сряду многіе годы, хотя безполезно, подававшій матери твоей духовное утѣшеніе, когда она ввѣряла ему тайные упреки своей совѣсти. Публичный Нотаріусъ и Полицейскій чиновникъ писали формальной актъ; а я стоялъ какъ вкопанный, и не могъ выговорить ниже одного слова. Напослѣдокъ всѣ вышли; остались только я и Священникъ. Мать твоя, утомленная сильнымъ волненіемъ чувствъ, ощутила изнеможеніе въ силахъ и потребовала, чтобы Священникъ совершилъ надъ нею одинъ изъ послѣднихъ обрядовъ религіи. Я между тѣмъ

сѣлъ на коня и поѣхалъ, самъ незная куда, лишь бы только отдохнуть и освѣжиться чистымъ воздухомъ. Возвратившись назадъ спустя часъ, нашелъ мать твою уже при послѣднемъ издыханіи. Она однакожъ узнала меня, взяла мою руку и слабымъ голосомъ произнесла сіи послѣднія слова: „Проси Загоровскихъ, чтобы меня простили, и будь отцемъ, будь покровителемъ несчастному моему сыну, котораго еще разъ благословляю.“ Сказавши это, впала въ канвульсіи, и черезъ нѣсколько минутъ скончалась. Я пріѣхалъ домой уже поздно ночью, препоручивши Священнику стараться о всемъ нужномъ. — Легко догадаешься, что я немогъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Сегодня нехочу пропустить почты и пишу къ тебѣ; что далѣе случится, неоставлю увѣдомить. Прости, любезный другъ! будь великодушенъ и негнись подъ бременемъ несчастія. Во мнѣ ты имѣешь друга; въ себѣ имѣешь все, что составляетъ истинное достоинство человѣка: слѣдственно и безъ Староства Пышневскаго можешь еще быть счастливымъ.

Письмо XVIII.

Отъ Полковника Щеропольскаго къ Графу Загоровскому.

Обѣщавшись увѣдомить о продолженіи необыкновенныхъ здѣшнихъ происше-

ствій, отправляю къ тебѣ штафету; ибо онѣ очень важны, достойны всего твоего вниманія. Во вчерашнюю ночь *Яшка Кривошея* вдругъ пропалъ изъ Варшавы. За мѣсяцъ прежде никто не сталъ бы говорить объ етомъ; но послѣ всего недавно случившагося онъ сдѣлался для публики лицемъ весьма занимательнымъ. Начали выводить разныя догадки; нѣкоторые даже мнѣ приписываютъ похищеніе *Яшки Кривошеи*, полагая, что я симъ образомъ захотѣлъ тебѣ сдѣлать приятельскую услугу. Но воинъ благородный гнушается обманомъ; и еслибъ дѣло шло о твоей чести, то я готовъ бы сто разъ лучше сразиться, нежели замарать себя подлымъ поступкомъ. Я презрѣлъ такіе слухи, они очень скоро и сами собою замолкли, когда вышло въ публику отъ Пышневскаго Старосты обвѣщеніе, въ которомъ сильно вооружаясь противу признанія твоей матери, онъ изображаетъ ее самыми черными красками; называетъ ее плутовкой, обманщицей, орудіемъ подлаго коварства, истощая всѣ пособія клеветы и злобы. По поводу сей бумаги наряжена особая Коммиссія, на тотъ конецъ чтобы по разсмотрѣніи документовъ признаніе покойницы уничтожить, память ея провозгласить безчестною, все дѣло объявить уголовнымъ преступленіемъ, а Нотаріуса и Полицейскаго чиновника отрѣшить отъ должности, яко сообщниковъ. — Стараго Лѣсничаго, какъ

слышно, уже нѣтъ на свѣтѣ. — Крайне прискорбно мнѣ, что именно теперь полкъ мой выступаетъ изъ Варшавы на Литовскую границу; гдѣ назначены ему новыя квартиры. Для отвращенія побѣговъ, мнѣ самому, подъ опасеніемъ строгаго штрафа, предписано довести полкъ до самаго Сейна; слѣдственно ни здѣсь немогу болѣе дѣйствовать въ твою пользу, ни доставлять къ тебѣ извѣстій. — Что касается до совѣтовъ, думаю, ты неимѣешь въ нихъ нужды. Знаю образъ твоихъ мыслей и ниже на одну минуту неостаюсь въ сомнѣніи, какую ты выберешь для себя дорогу. Я совершенно увѣренъ, что тебя ниже на одну минуту несоблазнитъ вздорная мысль, будто Старостa единственно *для прекрасныхъ очей твоихъ* такъ много о тебѣ хлопочетъ. Холодная душа его никакъ неспособна чувствовать сладкую привязанность дружбы; честолюбіе, одно честолюбіе! Съ той поры, какъ ты живешь въ Петербургѣ, гордынѣ его нѣтъ предѣловъ; онъ ходитъ, вздернувши носъ къ верху, и всѣмъ обѣщаетъ свое покровительство; толкуетъ о преобразованіи присудственныхъ мѣстъ, отмѣняетъ конституцію и вездѣ выставляетъ себя на посмѣяніе. Впрочемъ не думай, чтобы всѣ были о немъ такого мнѣнія; есть еще, именно между закоренѣлыми въ ползаньи и ласкательствѣ нѣкоторыхъ богатыхъ домовъ кліентами, есть та-

кіе, въ которыхъ непогасъ еще духъ старинняго безначалія, духъ уклончивости и личныхъ уваженій, духъ подкуповъ; и дѣло очень, очень вѣроятное, что Старосста успѣлъ уже купить рѣшеніе учрежденной по его же проискамъ чрезвычайной Коммиссіи. Пока ты у должности, пока нуженъ для его плановъ и видовъ; до тѣхъ поръ онъ будетъ беречь тебя: какъ же скоро узнаетъ, что ты иначе мыслишь, что нехочешь слѣпо исполнять его желаній; то въ ту минуту первой онъ отъ тебя отречется.

Письмо XIX.

Отъ Довѣринскаго, управителя Украинскихъ деревень Старосты, къ Полковнику Щеропольскому.

Извѣстное мнѣ знакомство Вашего Высокоблагородія съ домомъ господина моего, особенно же связи ваши съ Его Сіятельствомъ молодымъ бариномъ, послужили мнѣ поводомъ прилѣжнѣйше освѣдомляться о вашей особѣ, моего милостивца и благодѣтеля. Но къ сущему прискорбію узналъ я нижайшій, что Ваше Высокоблагородіе съ полкомъ своимъ изволили отправиться въ походъ за день до прибытія моего въ Варшаву. Чувствую, сколь великую несу отъ того утрату; ибо при нынѣшнемъ затруднительномъ своемъ положеніи единственно отъ васъ чаялъ получить

наставленіе касательно того, въ какую силу и какимъ образомъ мнѣ поступать надлежитъ. Призванъ будучи сюда для весьма важныхъ дѣлъ, до молодаго барина касающихся, я предался имъ, какъ говорится, тѣломъ и душею; понеже, искренно признаюсь Вашему Высокоблагородію, я рѣшился, по разуму старинной пословицы, держаться лучше восходящей на горизонтъ звѣзды, нежели склоняющейся уже къ своему западу. Въ слѣдствіе чего я и вознамѣрился пріобрѣсть благоволеніе молодаго барина, особливо же увѣдомившись, что онъ теперь въ великомъ благополучіи обрѣтается; ибо нетолько всѣ повелѣнія Царскія идутъ, какъ говоритъ молва, черезъ его руки, но увѣряютъ даже, будто бы Его Сіятельство для большей важности самъ ихъ подписываетъ. Все сіе возбудило во мнѣ непреодолимое желаніе взвѣсить важность своей услуги, и обратить умный взоръ на принадлежащую мнѣ награду. Мысленно пробѣгая всѣ должности, всѣ мѣста нашего Государства, и разсуждая, которую бы должность или мѣсто выбрать для себя, я было остановился на главномъ директорствѣ дворцовыхъ имѣній, какъ вдругъ всѣ мои надежды рушились, и дѣло наше приняло вовсе непонятное для меня направленіе.

Мы уже благополучно (что, какъ полагаю, и Вашему Высокоблагородію небезъизвѣ-

стію), безъ всякаго шуму схватили въ Варшавѣ и выпроводили въ Украинскія помѣстья слпаго самозванца, котораго подсунули были намъ вмѣсто молодаго барина; уже и судебное дѣло, цѣлую недѣлю длившееся, приближалось къ вожделѣнному окончанію: ибо хотя къ недоступному Президенту и неудалось намъ проложить дорогу, однакожъ судей преклонили мы на свою сторону, обѣщавши одному выгодное мѣсто въ администраціи, а другому трехлѣтнюю аренду жирной волости. Такимъ образомъ устроивши все во благо, мы были надежны вразсужденіи рѣшительнаго опредѣленія; оставалось только прочесть его громогласно. Вдругъ въ присудственной залѣ слышится шумъ: къ несказанному всѣхъ удивленію является Его Сіятельство молодой баринъ, на курьерскихъ прискакавшій изъ Санктпетербурга: громкимъ и убѣдительнымъ голосомъ объявляетъ себя сыномъ Служевской старухи, отрекается отъ отца и отъ милліоннаго по немъ наслѣдства и предлагаетъ изумленнымъ судьямъ такія доказательства, что они провозглашаютъ его настоящимъ сыномъ Гонораты, а увезеннаго нами калѣку законнымъ наслѣдникомъ Старосты. — Я тутъ вовсе ничего не понимаю. Прости Господи, ужь не рѣхнулся ли нашъ молодой баринъ? Или не министерская ли какая штука? Ибо статочное ли дѣло, добровольно отказываться отъ богатаго имѣнія? Вѣдь одно только

Украинскія деревни стоятЪ больше двухЪ миллионовЪ! Того ради, опасаясь вЪ чемЪ нибудь проступиться, изЪ суда пошелЪ прямо я кЪ себѣ на квартиру, а на барской дворЪ послалЪ своего Ивана, приказавши ему тотчасЪ дать мнѣ знать, чѣмЪ кончится свиданіе отца сЪ сыномЪ; ибо ко всему прибавить еще должно, что молодой баринЪ изЪ суда тотчасЪ, какЪ будто сдѣлалЪ славное дѣло, полетѣлЪ — куда бы вы думали? — прямо кЪ Старостѣ! ВотЪ и видно, что они стакнулись. ОхЪ, если ето какія нибудь сѣти, вЪ которыя хотятЪ поймать можетЪ быть и меня, старую лисицу, Довѣринскаго! Избави Боже отЪ напраслины!

Письмо XX.

ОтЪ Терезы кЪ Павлинѣ.

Теперь лишь я опамятовалась. Вижу себя вЪ своей комнатѣ; но какимЪ образомЪ здѣсь очутилась и что дѣлалось со мною, никакЪ не могу описать тебѣ. Помню только, и ахЪ! во вѣки незабуду етаго случая. . . . Не знаю, увижусь ли ввечеру сЪ тобою; но, хотя бы мы и увидѣлисѣ, о подобныхЪ происшествіяхЪ не разсказываютЪ при свидѣтеляхЪ. Лучше теперь тебя предЪувѣдомлю. — Я лишь только было кончила утреннее свое сЪ г-жею СенвальЪ чтеніе, которое, какЪ тебѣ извѣстно, очень плохо идетЪ вЪ продолженіе послѣднихЪ

двухЪ недѣль, чрезвычайными для нашего дома происшествіями исполненныхЪ, — лишь только сбиралась одѣваться; вдругЪ входитЪ Маріанна, и говоритЪ, что батюшка возвратился изЪ суда такой сердитой, какимЪ его еще ни разу невидывали; ни слова неотвѣчалЪ дворецкому, которой спросилЪ было его, дома ли изволитЪ кушать; оттолкнулЪ каммердинера, подошедшаго снять сЪ него шубу, и бросился на кресла, по видимому вЪ чрезвычайномЪ огорченіи. Сказавши это, горничная вышла; но вЪ тужЪ минуту бѣжитЪ назадЪ запыхавшись, и кричитЪ мнѣ: баринЪ, молодой баринЪ пріѣхалЪ! — Сердце во мнѣ затрепетало; вЪ первомЪ движеніи, вырвавшись изЪ рукЪ г-жи Сенваль, я побѣжала черезЪ нашЪ гардеробЪ, вЪ прилежащій кЪ нему кабинетецЪ, только ширмами отдѣляемый отЪ батюшкиной комнаты; на силу донесли меня туда дрожащія колѣна; я упала на ближнія кресла; удерживая дыханіе, чтобы непроронить ни одного слова, стала прислушиваться кЪ разговору, и наконецЪ узнала, что дѣло рѣшено, что ГрафЪ не братЪ мнѣ, что честность его и характерЪ обьяснили все вопреки собственнымЪ его выгодамЪ. — УслышавЪ это, я ощутила вЪ себѣ какую-то чрезвычайную смѣлость; великодушіе Графа наполнило и мою душу; я толкнула вЪ дверь, и забывЪ строгость батюшки, забывЪ природную пола моего застѣнчивость, упала кЪ ногамЪ роди-

теля и громко сказала, что Графъ владѣетъ моимъ сердцемъ, что никто кромѣ его не получитъ руки моей, и что батюшка, утративши сына, лишится еще и злополучной дочери, ежели незахочетъ сдѣлать насъ, обоихъ вмѣстѣ, счастливыми. Послѣ того я лишилась чувствъ, и уже сама незнаю, какъ очутилась въ постелѣ, гдѣ теперь лежу раздѣтая. Ахъ, еслибъ какъ нибудь, подъ какимъ нибудь предлогомъ ты навѣстила меня хоть на одну минуту! . . . По чему знать, можетъ быть монастырь, можетъ быть отверженіе навсегда отъ родительскаго дома . . . Всего ожидаю равнодушно; ибо ежели не съ нимъ, то для меня все равно, и ничто не можетъ устрашить меня.

Письмо XXIе и послѣднее.

Отъ Графа Загоровскаго, изъ Варшавы, къ Полковнику Щеропольскому.

Любезный другъ! для чего ты не здѣсь! Сердцу, до избытка наполненному чувствомъ, необходимо нужно излить его; а лѣнивое письмо въ подобныхъ дѣлахъ бываетъ худымъ посредникомъ. Какъ бы теперь было кстати броситься въ твои объятія! Ахъ, другъ мой! есть, есть на земли счастье, ибо я, именно я, достигъ самой его вершины! Слушай, и вмѣстѣ со мною благослови Провидѣніе! Письмо твое, полученное со вча-

фетой, взволновало всю мою душу; я побѣжалъ къ доброму Государю, немедленно получилъ отпускъ, бросился въ коляску, днемъ и ночью скакалъ, неимѣя впрочемъ никакого рѣшительнаго въ головѣ плана, и въ осмой день около полудня очутился въ Варшавѣ. Я въѣхалъ прямо къ тебѣ на квартиру. Тутъ старый твой Антонъ, повторивъ описанное тобою, прибавилъ, что въ сію время вся Варшава собралась въ залѣ судебной Коммисеіи, гдѣ по дѣлу моему *съ какою-то плутовной*, называющей себя моей матерью, должно быть прочтено окончательное опредѣленіе. Въ безпамятствѣ кинулся я бѣжать изо всей мочи; подоспѣвши въ залу въ самое то время, когда оставалось только приступить къ объявленію приговора, я испросилъ дозволеніе говорить къ судьямъ. Что именно говорилъ я, теперь не помню; знаю только, что слова мои и убѣжденія, изъ глубины сердца излившіяся, были приняты судьями, и что послѣ совѣщанія, около половины часа продолжавшагося, объявленъ приговоръ, сохранившій честь покойной моей матери, а мнѣ доставившій радостную увѣренность, что я исполнилъ свой долгъ, священный долгъ сына. — Послѣ того я направилъ путь къ Старостѣ; нашелъ его неподвижно сидящаго въ креслахъ, съ выкатившимися наружу глазами и не могущаго управлять языкомъ. Обстоятельство

сіе дало мнѣ удобный случай предложить свои мысли; и во первыхъ я просилъ его даровать матери моей прощеніе, за которое обѣщавался быть ему навѣки благодарнымъ; послѣ того объявилъ ему, что данное мнѣ благотворительностію его воспитаніе ставитъ меня въ возможность содержать себя безъ всякой посторонней помощи, и что не смотря на то, безъ всякихъ видовъ и надеждъ, я всю жизнь свою посвящаю его услугамъ. Молча слушалъ онъ рѣчь мою, и не прежде четверти часа, какъ бы выходя изъ безпамятства, громко воскликнулъ: но все это возвратитъ ли мнѣ сына, кредитъ, значительность?... — „Возвратитъ, возвратитъ, любезнѣйшій батюшка!" — раздался пронзительный голосъ Терезы, въ утреннемъ платьѣ, съ заплаканными глазами, съ растрепанной головою выскочившей изъ ближняго кабинетца: — „возвратитъ; иначе, дочери твоей нежить на свѣтѣ." — Слезы и замѣшательство заставили ее умолкнуть; она упала къ ногамъ отца, и немогла подняться. Я, окаменѣвшій отъ изумленія, стоялъ безгласенъ: Ангельскій видъ ея и необычайность происшествія отняли у меня употребленіе силъ душевныхъ. Напротивъ того она, скрѣпившись, продолжала рѣшительнымъ голосомъ: „Родитель мой! здѣсь, предъ тобою находится тотъ, съ которымъ разставшись, какъ съ братомъ, тому уже полгода, я неимѣла до нынѣ вовсе никакихъ сно-

шеній; отъ котораго никогда ниже одного слова о любви неслыхала, и которому въ первой разъ, въ твоемъ присутствіи, признаюсь теперь, что люблю его, и что безъ него немогу жить на свѣтѣ. Изъ оставшихся послѣ Гонораты писемъ извѣстно мнѣ, что и онъ питаетъ ко мнѣ тѣ же чувства. Государь батюшка! со счастіемъ дѣтей своихъ вы можете соединить выгоды дома и фамиліи, принявши себѣ зятемъ того, кого привыкли называть своимъ сыномъ. Принадлежащее мнѣ матушкино имѣніе, съ прибавленіемъ той части, которую вы мнѣ пожаловать соизволите, достаточнымъ будетъ поддержать имя Загоровскихъ. Милосердый нашъ Монархъ не отречется утвердить его имя, когда вы отдадите ему мою руку. Все прочее пускай въ свое время получитъ истинный наслѣдникъ, въ которомъ Небо даровало мнѣ брата..." — Можетъ быть она еще бы продолжала рѣчь свою, ибо мое и Старосты изумленіе давали полную свободу словамъ ея; но изліяніе чувствъ и напряженіе силъ совершенно ее истощили, такъ что она въ безпамятствѣ упала на ближнюю софу, и прибѣжавшими на помощь женщинами была немедленно отнесена въ ея комнату. Отецъ далъ мнѣ рукою знакъ, чтобы я вышелъ, и я, самъ не вѣдаю какимъ образомъ, дотащился до твоей квартиры, бросился на кровать и пролежалъ до другаго дня какъ бы въ совершенномъ безчув-

ствія. Рано по утру пришедшій ко мнѣ Довѣринскій объявилъ, что Староста желаетъ говорить со мною. Я нашелъ его наединѣ съ отцемъ Провинціаломъ Піарскаго братства, ослабѣвшаго въ силахъ и совсѣмъ перемѣнившагося. — „Нехочу бороться съ Провидѣніемъ;“ такъ говорилъ онъ: „я всегда зналъ тебя добрымъ сыномъ: будь же имъ до конца жизни; даю тебѣ руку моей дочери, и съ нею имя Загоровскихъ; надѣюсь, что и то и другое сохранишь достойнымъ образомъ. Ты получишь здѣшнее помѣстье; Украинскія деревни пускай остаются при несчастномъ Яшкѣ; а я по окончаніи дѣлъ съ вами, переселюсь въ Познаньское Княжество. Будущая жена твоя теперь находится у Каштелянши, которая заступитъ мѣсто ея матери и назначитъ день вашей свадьбы.“ Тутъ онъ кончилъ; я упалъ передъ нимъ на колѣна, но не могъ выговорить ни одного слова. Отецъ Провинціалъ, осыпавши меня поздравленіями, хотѣлъ было кое-что развѣдать о Петербургѣ; но я просилъ его оставить это до другаго времени. Тотчасъ вошли разныя особы, которымъ объявилъ отецъ мой (теперь уже имѣю право такъ называть его), что я призванъ имъ для окончанія славнаго дѣла, что въ этомъ дѣлѣ каждой исполнилъ свою должность, и что меня, прежняго сына, представляетъ имъ нынѣ въ качествѣ своего зя-

тя. Я поскорѣе далъ тягу и побѣжалъ в Каштелянш, у которой полагалъ найт дражайшую свою Терезу. . . Такъ, любезны другъ! я видѣлъ ее, видѣлъ. Но, нетребуй отъ меня подробныхъ описаній: сіе первое чувствительныхъ сердецъ сближеніе . . . сія радость, только одной развѣ небесной подобная . . . для нее нѣтъ ни словъ, ни понятій . . . ее надобно чувствовать, ее можно только чувствовать. — Отправляю къ тебѣ нарочнаго; пріѣзжай, другъ любезный, раздѣлить мои чувства, чувства еще ни однимъ изъ смертныхъ неиспытанныя. Въ двѣ, въ три недѣли, Боже! какія перемѣны, какія происшествія! . . . Но не стану задерживать нарочнаго. Жду тебя нетерпѣливо, и заклинаю выдти изъ службы. Отдыхающее отечество наше, врачуя свои раны, не требуетъ болѣе звуковъ оружія; довольно, ахъ! слишкомъ уже довольно сдѣлано для славы! — Я въ Петербургъ невозвращуся; Министръ, котораго я временно отправлялъ должность, самъ на сихъ дняхъ туда ѣдетъ. Тебя только, тебя недостаетъ для моего блаженства! Будемъ жить вмѣстѣ, и я стану повторять ежедневно: *есть, есть на земли счастье!*

(*Изъ Pamiet. Warsz.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Памятникъ вельможѣ.

Честей нежаждуща, ни злата,
Не льстяща сильнымъ на земли,
Сокровищь всѣхъ превыше чтуща
Спокойну совѣсть, честный нравъ,
Правдолюбива, строга Муза!
Приди бесѣдовать со мной!

*

Приди со мной вельможу славить,
Сіяюща не блескомъ звѣздъ,
Не древнимъ родомъ знаменитымъ,
Но духомъ твердымъ и прямымъ,
Который слабыхъ человѣковъ
Богоподобными творитъ,

*

Который гнусной чуждъ корысти,
Презрѣнну гонитъ подлу лесть,
Не дорожитъ приязнью сильныхъ,
Идущихъ не прямой стезей,
Разитъ перуномъ правды злобу,
Коварство, ненасытну мзду!

*

О доблій мужъ, Царемъ избранный
На подвигъ славный и святый
Изгнанну изъ судилищъ правду

Въ ея жилище водворить,
Закона власть возставить падшу,
Невинность страждущу спасти!

*

Въ нашъ вѣкъ, когда корысть презрѣнна
Всѣхъ стала идоломъ сердецъ,
Когда достоинству смиренну
Ползти во прахѣ суждено,
Явилъ ты честность Аристида,
И дивомъ праведно почтенъ.

*

Уже рѣзецъ правдивой Кліо
На мраморной, нетлѣнной дскѣ
Твой подвигъ предаетъ безсмертью;
Сердца потомковъ возжигать
Съ безстрашнымъ будешь Долгорукимъ,
Сіять съ нимъ доблестью въ вѣкахъ.

*

Карай злодѣйство ухищренно,
Карай безчеловѣчну мзду,
Исторгни древо ядовито,
Пустивше корни въ глубину,
Не внемли стону крокодила,
И кровь піющихъ не щади!

*

Сиротъ и вдовъ отрешь ты слезы,
Отцовъ семействамъ возвратишь,
Спасешь отъ казни осужденныхъ,
Ихъ съ Провидѣньемъ примиришь;

О, сколько вздоховъ благодарныхъ
Къ Творцу возшлется за тебя!

*

О, сколько въ судный день простится
Проступковъ, слабостей тебѣ!
Сколь милосердъ къ тебѣ явится
Земныхъ племенъ всѣхъ Судія:
Зане ты былъ Его подобье,
Безстрастенъ, правосуденъ, благъ. . . .

*

Но ты, мечтательница Муза!
Гдѣ тотъ мужъ правды и добра,
Кому ты памятникъ воздвигла?
Въ воображеньи онъ твоемъ. —
Катоновъ строгихъ, Долгорукихъ
Твой любомудрый взоръ не зритъ.

* *
*

1817 Августа 26.
Кострома.

Сила физіономіи.

Лице есть зеркало души.
Я зрѣлъ тебя лишь разъ единый,
И тщетно умъ твердитъ: въ сужденьяхъ не спѣши!
Я чтить тебя готовъ, не вѣдая причины,
Не знаю какъ и самъ, навѣкъ, навѣкъ я твой...

Такъ! прелесть я позналъ сей власти надъ собой,
Которою душа прекрасна обладаетъ;
Ея величіе въ чертахъ твоихъ сіяетъ,
И чувство сильное живитъ твой нѣжный взоръ!
Оно въ улыбкѣ сей блеститъ краснорѣчивой,
Имъ красится твой умъ, имъ дышетъ разговоръ,
Ему — не красотѣ минутно горделивой —
Ему вѣнецъ любви почтительной, прямой! —
Дивись, прелестная! признанью откровенну:
Взглянулъ — и въ мигъ проникъ во грудь мою смущенну
Таинственный огонь симпатіи святой. . . .
Но что я вымолвилъ? — Какое заблужденье!
То чувство — двухъ сердецъ взаимное влеченье;
Имъ оба счастливы; а я, на зло судьбѣ,
Отъ малыхъ лѣтъ ко мнѣ безжалостной, угрюмой,
Могу ли равнаго вниманья ждать къ себѣ?
Какъ льститься бѣдному столь сладкой сердцу думой? . .
Природа, щедрая къ тебѣ,
Какъ нѣжна мать тебя дарами наградила, —
Какъ злая мачиха всего меня лишила,
Всего! — одинъ лишь даръ могла мнѣ удѣлить:
Въ немъ скрыта тайна вся тоски моей унылой,
Сей даръ мучительной, но вмѣстѣ столько милой, —
Тебя и безъ надеждъ въ душѣ боготворить!

Нечаевъ.

Твой умъ, шьвой добрый нравъ и Ангельскій
твой видъ:
Онъ много чувствуетъ, хотъ мало говоритъ,
Онъ часто на тебя взоръ томный устремляетъ—
И сладостио мечтаетъ. . . .

2.

Вмѣщаю въ трехъ словахъ твое изображенье:
Добра, прелестна и умна —
Семьѣ любезной въ украшенье —
Друзьямъ въ отраду ты дана.

С. Н. — ъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Послѣднее время жизни Жана Франсуа Лагарпа (*).

Въ 1786 году открылся Лицей въ Парижѣ. Цѣлью сего новаго заведенія было не столько ученіе классическое, сколько распро-

(*) Отрывокъ изъ сочиненія *Vie de La Harpe*, которое г. Ожеръ помѣстилъ при вновь изданномъ *Курсѣ Литтературы*. Вся біографія знаменитаго Лагарпа представлена Авторомъ весьма искусно, съ благоразумною критикой

спраненіе хорошаго вкуса и любви къ изящнымъ наукамъ и искусствамъ. Катедра словесности была поручена Лагарпу — выборъ самый счастливый, заслужившій всеобщее одобреніе и благоуспѣшными слѣдствіями своими оправдавшій всѣ надежды; но судьбѣ угодно было и здѣсь показать примѣръ чудесной игры своей. Чтенія, предназначенныя единственно для пріятнаго, легкаго занятія двухъ или трехъ сотъ праздныхъ слушателей, составили одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Французской Литтературы и сдѣлались твердымъ оплотомъ противу порывовъ дурнаго вкуса и лжеученія; тѣ самыя лекціи, коихъ благосклонное принятіе ничего Лагарпу необѣщало кромѣ неважной побѣды надъ модными мнѣніями и мало завидное поприще дѣйствованія, положили основаніе знаменитости его въ ученомъ свѣтѣ и той прочной славѣ, которая одна въ состояніи сдѣлать безсмертнымъ имя сего Писателя, когда бы время истребило всѣ прочія его творенія. Всѣмъ симъ какъ Лагарпъ, такъ и мы обязаны нѣкоторымъ любителямъ сло-

и рѣдкимъ безпристрастіемъ. Но отрывокъ, сообщаемый нами здѣсь въ переводѣ, какъ по времени, въ которое случились описываемыя происшествія, такъ и по блистательной ролѣ, какую игралъ тогда Лагарпъ, стоитъ особеннаго вниманія публики.

Прим. Нѣм. Перев.

Къ больной Елеонорѣ
въ день ея рожденія.

Ты всегда, мой другъ, хвалила
Музу робкую мою,
И ласкала, и щадила
Въ ней любимицу свою:
Посмотри, что ей внушаетъ
Благодарности законъ!
Милый день твой наступаетъ —
И съ стихами на поклонъ
Торопливая приходитъ
Къ колыбели дорогой;
Чувство здѣсь рукою водитъ,
Сердце въ мирѣ съ головой. —

*

Еслибъ мнѣ была судьбиной
Власть дана въ юдоли сей,
Подѣлиться половиной
Всѣхъ назначенныхъ мнѣ дней
Съ другомъ избраннымъ душою,
Кто потерью мнѣ грозилъ, —
Я охотнобъ сей цѣною
Жизнь драгую мнѣ купилъ:
Жилъ бы меньше — но счастливѣй!
Нѣжной дружбой подкрѣпленъ,
Умъ мой былъ бы прозорливѣй
Къ пользѣ ближнихъ устремленъ;
Съ нею слаще бы казались

И плоды отъ дѣлъ благихъ,
Съ ней бы въ розы превращались
Терны горестей мірскихъ;
Ябъ двойнымъ существованьемъ
Въ свой короткой вѣкъ дышалъ,
И съ спокойнымъ ожиданьемъ
На послѣдній день взиралъ. . .
\+
Но свободы сей волшебной
Не пріялъ я отъ судьбы;
Мнѣ одинъ бальзамъ цѣлебной:
Къ небу теплыя мольбы!
Всякой часъ ихъ повторяю,
Да любезны дни хранитъ!
Слезы лью, и уповаю:
Другъ меня не упредитъ.

Нечаевъ.

Мадригалы.

1.

Простившись съ дѣтскими лѣтами,
Съ бездѣлками, играми,
Съ безпечностью златой,
Ты въ возрастъ юности едва теперь вступила —
И всѣ сердца уже невольно покорила
Своей наружностью одной.
Но окруженная влюбленною толпой,
Не знаешь ты, кого всѣхъ болѣ восхищаешь

жесности, одной счастливой мысли ихъ учредить новое и единственное тогда заведеніе, котораго польза конечно немогла быть скоро для всѣхъ равно ощутительною и отъ котораго еще менѣе надѣялись столь драгоцѣнныхъ плодовъ для потомства.

Чтенія сіи (сдѣлавшіяся въ послѣдствіи времени извѣстными подъ названіемъ *Курса Литтературы*) были единственнымъ занятіемъ Лагарпа въ продолженіе трехъ лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ революціи. Во все это время ревностное стараніе Профессора и живое участіе слушателей, весьма выгодно дѣйствуя другъ на друга, взаимно предохраняли себя отъ утомленія. Съ появленіемъ революціи и словесность, въ спокойное время доставляющая уму пріятнѣйшее наслажденіе, среди ужасныхъ смятеній потеряла совершенно занимательность свою; она служила какимъ-то скучнымъ и только, по тогдашнему положенію дѣлъ, необходимымъ разсѣяніемъ для людей, которые, находясь безпрерывно между страхомъ и надеждою, были увѣрены, что все драгоцѣнное ихъ сердцу отдано на произволъ ежедневнымъ бореніямъ страстей и предразсудковъ, скрывающихъ себя подъ пышными названіями любви къ отечеству и вѣрности къ Монарху. Тщетно уже Лагарпъ старался удержать слушателей у литтературной катедры своей, гдѣ Геній спокойно взві-

живалъ заслуги писателей, гдѣ каждому изъ нихъ назначалъ по достоинству приличное мѣсто. Всѣ усилія его были напрасны: ибо о судьбѣ самыхъ слушателей произносились тогда уже приговоры на кашедрахъ — политическихъ.

Самъ Лагарпъ не могъ долго оставаться вѣренъ любимымъ идеямъ своимъ и занятіямъ до такой степени, чтобы во многихъ случаяхъ непринимать участія въ необыкновенныхъ происшествіяхъ своего времени. До сихъ поръ во всѣхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ своихъ онъ показывалъ себя защитникомъ, такъ въ то время называемыхъ *философскихъ*, правилъ, но защитникомъ всегда умѣреннымъ и осторожнымъ. За годъ до революціи, именно когда названіе *философа* цѣнилось выше всякихъ титлъ и почестей и когда самъ Лагарпъ поставлялъ себѣ за высокую честь украшаться имъ, отважился онъ на кафедрѣ своей въ Лицеѣ опровергать пагубныя и противныя здравому разсудку софизмы Гельвеція. Со всею вѣроятностію можно было догадываться, что во имя чистой нравственности подъятая брань не совсѣмъ была чужда личныхъ отношеній и пристрастія, и что трагическій Стихотворецъ намѣренъ былъ мстить Философу за одно изъ тѣхъ язвительныхъ словъ, которыхъ оскорбительная истина будучи

прикрашена ѣдкостію сатиры, становится еще оскорбительнѣе (*).

Какъ бы то ни было, Лагарпъ показывалъ себя ревностнымъ приверженцомъ новой секты реформаторовъ; одобрялъ намѣреніе ихъ ниспровергнуть всѣ древнія учрежденія, извѣстныя на языкѣ сихъ людей подъ именемъ старыхъ злоупотребленій; даже явно радовался тому, что судьба даровала ему возможность нанести нѣкоторымъ *злоупотребленіямъ* такіе удары, которые должны или ускорить ихъ паденіе, или по крайней мѣрѣ приготовить оное. Симъ неограничилось еще рвеніе Лагарпа. Въ то время, когда съ каждымъ днемъ появлялись на сцену новые писатели, которые почитали себя довольно свѣдущими, чтобы трудиться къ общей пользѣ просвѣщенія Французовъ и всей Европы, онъ незахотѣлъ подвергать себя опасности придти въ забвеніе у публики, давно привыкшей слышать и читать его сочиненія, и принялся снова за изданіе оставленнаго имъ прежде Французскаго Меркурія (Mercure de France), въ которомъ, несмотря на литтературное содержаніе онаго, часто разсуждалъ о предметахъ политическихъ, въ намѣреніи сообщать публикѣ мысли свои какъ относительно суще-

(*) Гельвецій сказалъ однажды: La Harpe a beau faire, il ne sera jamais que le Campistron de Voltaire.

ствовавшихъ уже преобразованій, такъ равно и тѣхъ, которыхъ, по мнѣнію его, непремѣнно требовало тогдашнее положеніе дѣлъ во Франціи.

Между тѣмъ пламя революціи усиливалось отчасу болѣе; призракъ свободы и общественнаго благоденствія, которымъ бо́льшая часть даже благомыслящихъ гражданъ была обольщена, исчезъ въ глазахъ легкомысленныхъ. За разрушительными дѣйствіями необузданнаго своевольства слѣдовали страшныя сцены безначалія — и вѣнценосная глава Короля пала на ешафотѣ, и ужасъ воцарился во Франціи, и сему гнусному божеству надлежало приносить, какъ угодную жертву, всякое злодѣяніе. Въ послѣдствіи уже времени нѣкоторымъ удалось умилостивить, или, лучше скажу, обмануть его пустымъ крикомъ и притворнымъ изступленіемъ. Самъ Лагарпъ былъ столько слабъ, что въ нелѣпыхъ стихахъ непостыдился обнаружить свое легкомысліе, и сверхъ того еще явился на катедрѣ своей въ Лицеѣ, имѣя на головѣ ненавистную шапку, которая, бывъ нѣкогда признакомъ отпущенныхъ на волю рабовъ, означала теперь одно постыдное рабство того, кто носилъ ее.

Сіи поступки, коихъ единственною причиною были страхъ и малодушіе, удаливъ Лагарпа отъ предположенной цѣли, весьма ненадеж-

ную обѣщали ему защиту отъ всеразрушающихъ варваровъ. Онъ почувствовалъ ошибку свою и старался поправить ее тѣмъ, что послѣ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ твердую неустрашимость. Глупость и грубое невѣжество тогдашнихъ тирановъ столь же были разительны для образованнаго ума его и вкуса, сколько жестокость ихъ была противна чувствительному его сердцу. Онъ болѣе или менѣе скрытнымъ образомъ обнаруживалъ ненависть къ нимъ въ сочиненіяхъ своихъ; а въ обществѣ неотращился явно говорить о томъ чувствѣ ужаса и презрѣнія, которое питаетъ онъ къ симъ извергамъ Франціи. Одинъ изъ нихъ, превосходившій всѣхъ товарищей своихъ въ жестокости сердца и по самой справедливости заслужившій названіе ихъ предводителя, соединяя въ себѣ гордое честолюбіе съ рѣдкимъ невѣжествомъ, вздумалъ обьявлять требованія свои на славу отличнаго оратора и писателя. Лагарпъ дерзнулъ назвать кровопійцу сего безразсуднымъ глупцемъ: это причли ему въ неизвинительное преступленіе; погибель его была рѣшена, и онъ брошенъ въ одну изъ тѣхъ ужасныхъ темницъ, которыя доставляли безпрестанную пищу кровавому ешафоту революціи.

Здѣсь (въ Люксембургской тюрмѣ) всякой день своими глазами Лагарпъ видѣлъ плачевныя сцены, видѣлъ какъ неумолимые служители тирановъ извлекали изъ мрачныхъ

пропастей несчастныя жертвы и съ зверствомъ вели ихъ на смерть неизбежную; онъ трепеталъ за сихъ страдальцевъ и каждую минуту ожидалъ себе подобной участи. Въ сто страшное время случился чудесный переворотъ въ душе его. Многiе изъ несчастныхъ его товарищей, изнемогая подъ бременемъ скорби и отчаянiя, искали отрады и утешенiя сердцамъ своимъ въ недрахъ небесной, спасительной религiи, единомъ верномъ прибежище для человека въ минуту неотвратимаго несчастiя. Между ними находилась одна умная, благочестивая и любезная женщина, которая, почитая великимъ деломъ обращенiе заблуждшаго Лагарпа къ вере Евангельской, решилась на такой редкой подвигъ христiанской добродетели: она стала предлагать ему чтенiе псальмовъ Давидовыхъ, которыхъ однe пiитическiя красоты могли уже пленить пылкiй умъ сего человека, хотя бы сердце его и неощутило въ нихъ пламени божественнаго вдохновенiя. После того просила она, чтобъ онъ на псальмы сiи написалъ ей свои замечанiя въ отношенiи къ одному только стихотворному изяществу, некасаясь таинственнаго, божественнаго ихъ смысла. Лагарпъ охотно обещался исполнить ея желанiе. Прежде всего, разбирая священныя песни Пророка и находя въ нихъ величественныя картины и истинно высокiя мысли, былъ онъ пораженъ необыкновеннымъ удивленiемъ; но по окончанiи

работы, сердце его невольнымъ образомъ почувствовало всю святость божественныхъ истинъ, проповѣданныхъ устами царственнаго Пѣснопѣвца. Сіи два различныя чувствованія весьма сильно изобразилъ онъ въ прекрасномъ предисловіи къ переводу своему Псальмовъ Давидовыхъ. Оставшіяся отъ него своеручныя записки, въ которыхъ содержатся описанія частныхъ случаевъ его жизни, удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Богъ, для совершеннаго обращенія сего человѣка на истинный путь спасенія, соблаговолилъ явить надъ нимъ почти то же самое чудо, какимъ ознаменовано, какъ извѣстно, дѣйствіе благодати Его надъ Св. Августиномъ. Лагарпъ не зрѣлъ видѣнія, не слышалъ гласа, вѣщающаго къ нему: возьми и читай; но когда взывалъ онъ къ Господу о ниспосланіи утѣшенія стѣсненному печалію своему сердцу, то, раскрывъ безъ всякаго намѣренія лежавшую на столѣ книгу *о подражаніи Іисусу Христу*, напалъ онъ невольно глазами на слова: „Я здѣсь, сынъ Мой! иду къ тебѣ, когда призываешь Меня.“ Пусть самъ Лагарпъ изобразитъ то дѣйствіе, какое Божественныя слова сіи произвели въ душѣ его.

„Далѣе немогъ я читать;“ говоритъ онъ: „быстрое потрясеніе, которое тогда ощутилъ я въ себѣ, не можетъ быть выражено „ни на какомъ языкѣ человѣческомъ, и для ме-

„ня стольже невозможно дать другимъ ясное „понятіе о немъ, какъ самому забыть его. „Съ воплемъ, горькими слезами и рыданіемъ „упалъ я ницъ на землю. Тутъ почувство-„валъ я, что сердцу моему становилось лег-„че; оно расширялось и какъ бы хотѣло со-„всѣмъ разорваться въ груди моей. Волнуе-„мый различными мыслями и чувствованіями, „долго проливалъ я сладостныя слезы „умиленія, и находился въ такомъ необык-„новенномъ забвеніи самаго себя, что отъ „сего состоянія души моей неосталось мнѣ „другаго воспоминанія, кромѣ только что „оно было самое приятное и драгоцѣнное въ „цѣлой моей жизни, и что слова: Я здѣсь, „сынъ Мой! безпрестанно отзываясь во глу-„бинѣ сердца, сильно потрясали всѣ мои „члены." —

Нельзя понять, какую причину имѣютъ нѣкоторые люди сомнѣваться въ истинѣ не-притворнаго обращенія Лагарпа. Сужденія ихъ о такомъ положеніи, въ которомъ они сами никогда не находились, о дѣйствіи, какое производятъ такія положенія въ сердцахъ другихъ, бываютъ весьма часто ошибочны и несправедливы. Кто въ состояніи опредѣлить тѣ великія, необычайныя перемѣны, кото-рыя могутъ быть произведены въ образѣ мы-слей и чувствованій человѣка рѣшительнымъ ожиданіемъ неизбѣжной смерти, потребно-

стію имѣть отраду въ безпомощномъ несчастіи, присутствіемъ людей, обрѣтшихъ въ вѣрѣ сладкое утѣшеніе? Душа Лагарпова может статься была способнѣе всякой другой для необыкновенно сильныхъ чувствованій, раждающихся отъ вліянія на нее бѣдственныхъ обстоятельствъ. Гордость и самолюбіе были его слабости. Углубляясь въ самаго себя и представляя въ умѣ всю важность прежнихъ своихъ заблужденій, Лагарпъ не могъ вѣрить, чтобы революція, бросившая его въ темницу для позорнаго возведенія послѣ на ешафотъ, была только ужасное, хотя по видимому естественное, слѣдствіе человѣческихъ страстей и стеченія несчастныхъ обстоятельствъ. Такой страшной безпорядокъ въ Природѣ, произведшій столь много зла, казался ему дѣйствіемъ нѣкоей адской силы, которой всемогущій Зиждитель допустилъ опустошить Францію, въ наказаніе за ея нечестіе и въ ужасный примѣръ для цѣлаго свѣта.

Если бы Лагарпъ былъ только простымъ зрителемъ ужасовъ революціи; то, питая въ душѣ отвращеніе къ причинамъ оныхъ, онъ взиралъ бы впрочемъ на нихъ испытующимъ окомъ философа, разсматривающаго великія событія въ Исторіи рода человѣческаго. Но съ той минуты, когда онъ самъ сдѣлался жертвою бѣдствія, постигшаго его отечество, ему казалось, что небо и адъ соединились вмѣстѣ

для отмщенія беззаконкой земль и для ея опустошенія. Сіе простое, близко подходящее къ понятіямъ человѣческимъ изъясненіе такого происшествія, которое многихъ изумило, многихъ заставило даже сомнѣваться въ истинѣ онаго, нимало непрепятствуетъ намъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ видѣть въ обращеніи его дѣйствіе небесной благодати и особенный промыслъ о немъ Всевышняго. Но дабы совершенно увѣриться въ дѣйствительности и непритворномъ чувствѣ Лагарпова обращенія, нѣтъ нужды приписывать его какой-либо причинѣ сверхъестественной. Надобно только спросить самихъ себя: какую пользу въ настоящее, или отдаленное время Лагарпъ могъ предполагать себѣ отъ того, что онъ устами будетъ признавать хрістіанскую вѣру, а въ сердцѣ отвергаетъ ея ученіе? Стыдъ, постигающій человѣка, когда онъ неожиданно перемѣняетъ всѣмъ извѣстный образъ мыслей своихъ, — поруганіе отъ невѣрующихъ, неблагосклонность и даже гоненіе со стороны правительства, котораго ненависть къ вѣрѣ Католической простиралась до такого безумія, что оно имѣло планъ ввести на мѣсто ея другую религію — вотъ все, чего могъ онъ ожидать въ награду за свой поступокъ, и что онъ, по отторженіи своемъ отъ сонма нечестивцевъ и по присоединеніи къ избранному стаду вѣрующихъ во Еѵангеліе, дѣйствительно испыталъ на себѣ. — Долж-

но признаться, что если онъ искалъ однѣхъ только земныхъ наградъ, если ненадѣялся восприять мзду благочестія своего въ жизни будущей; то выгоды, полученныя имъ чрезъ обращеніе, нимало неравняются тѣмъ пожертвованіямъ, какія сдѣлалъ онъ, отрекшись отъ прежнихъ мнѣній, которымъ преданъ былъ съ начала своей жизни.

Бывъ забытъ въ темницѣ своей, или, можетъ статься, пощаженъ только до времени, имѣлъ онъ счастіе дождаться наконецъ освобожденія Франціи отъ жестокихъ палачей ея. Вскорѣ получилъ онъ свободу, и спустя нѣсколько времени, опять занялъ мѣсто свое въ Лицеѣ. Здѣсь торжественно отрекся онъ отъ прежняго своего ученія, назвалъ его старымъ заблужденіемъ ума своего, и объявилъ себя защитникомъ тѣхъ высокихъ истинъ, которыя открыло ему собственное несчастіе. Онъ со всею силою живаго и разительнаго краснорѣчія изобразилъ ужасную картину бѣдствій недавно минувшаго времени, и вопіялъ противъ поверженной, но все еще дышущей язвою гидры безначалія. Слушатели ощущали въ себѣ порывы тѣхъ же самыхъ страстей, терзались тѣми же горестными воспоминаніями, какими одушевленъ былъ ихъ ораторъ; изъ плѣнительныхъ устъ его изливались чувства, которыя всякой почти раздѣлялъ съ нимъ, и всѣ осыпали похвалами рѣдкой талантъ витіи.

Вѣра, перемѣнивъ образъ мыслей Лагарпа, не смягчила, къ сожалѣнію, въ немъ характера и не истребила сильныхъ страстей его. Властолюбіе, гордый и повелительный тонъ отличали его и теперь въ обращеніи съ тѣми людьми, которые были неодинакаго съ нимъ мнѣнія. Жестокость и язвительность, господствовавшія прежде въ однѣхъ литтературныхъ его сочиненіяхъ, перешли теперь на сторону подъятой за вѣру брани, и соединившись въ душѣ его съ чувствомъ мщенія за оказанную ему несправедливость, съ строгостію новоисповѣдуемыхъ имъ правилъ христіанской религіи и съ неумѣреннымъ стремленіемъ обращать въ оную другихъ, еще болѣе усилились. Онъ сдѣлался мизантропомъ, деспотомъ и врагомъ всякой терпимости. Въ семъ несчастномъ расположеніи духа вздумалъ онъ пересмотрѣть старыя Части своего *Курса Литтературы*, и написать еще нѣсколько новыхъ. Такимъ образомъ испортилъ онъ прекраснѣйшее произведеніе ума, ознаменовавъ его печатію революціоннаго духа, и къ тону спокойной бесѣды Музъ, дышущей остроуміемъ, нѣжнымъ чувствомъ и вкусомъ, примѣшалъ грубый и отвратительный языкъ враждующей злобы и страстей неукротимыхъ.

Лагарпу казалось, что для опроверженія господствовавшихъ мнѣній, противныхъ ново-

му образу его мыслей, одной катедры въ Лицеѣ было недостаточно. Онъ захотѣлъ непремѣнно проповѣдывать съ двухъ въ одно и то же время, и принялся за изданіе журнала *Le Mémorial*. Сіи періодическіе листки и нѣкоторыя другія сочиненія, въ которыхъ съ большею или меньшею смѣлостію нападалъ онъ на тогдашнее правительство, подвергли его явной опасности быть изгнаннымъ, за силою постановленія, изданнаго въ 18 день Фруктидора.

По счастію успѣлъ онъ отъ поисковъ полиціи укрыться въ смрадныхъ болотахъ Синнамарскихъ. Друзья его приготовили ему въ Корбелѣ, по близости отъ Парижа, вѣрное убѣжище, которое и донынѣ остается неизвѣстнымъ, не смотря на то, что онъ пользовался частыми посѣщеніями благодѣтелей своихъ и даже имѣлъ ежедневное сообщеніе со столицей, гдѣ печатался въ то время его *Курсъ Литтературы*. Рвеніе и быстрота, съ какими онъ обыкновенно работалъ въ семъ уединеніи, гдѣ провелъ двадцать восемь мѣсяцовъ, казалось, пріобрѣли несравненно большую силу. Тутъ предпринялъ онъ написать въ защиту вѣры три важныя сочиненія, и всѣми тремя занялся въ одно время. Цѣль перваго изъ нихъ (La Philosophie du dixhuitième siècle) была та, чтобъ отличить философовъ осьмнадцатаго

столѣтія, исповѣдывавшихъ истины Евангельскія, или по крайней мѣрѣ невозстававшихъ противу нихъ, отъ софистовъ сего времени, которые были явными оныхъ врагами. Второе (L'Apologie de la Religion) долженствовало содержать въ себѣ защищеніе вѣры хрістіанской отъ ухищреній лютыхъ гонителей ея всѣхъ временъ отъ начала міра. Въ третьемъ наконецъ (La Religion, poëme) авторъ намѣренъ былъ всѣми прелестями Поезіи украсить исторію божественнаго ея происхожденія, претерпѣнныхъ ею гоненій, и торжества надъ нечестіемъ. Смерть воспрепятствовала ему окончить начатое дѣло. Истинные сыны церкви сердечно жалѣли о такой невозвратной потерѣ, тѣмъ болѣе что, по увѣренію многихъ, Лагарпъ въ сихъ духовныхъ бесѣдахъ своихъ показалъ такую возвышенность духа и мыслей, какой невидно ни въ одномъ изъ свѣтскихъ его сочиненій. Нѣтъ сомнѣнія, что слогъ Лагарпа могъ получить сію необыкновенную силу и движеніе, которыхъ онъ не имѣлъ прежде; но приписывая причину таковой перемѣны единственно существу предмета, должно ли отнимать славу у превосходнаго таланта автора? Кто имѣлъ одинаковый образъ мыслей съ Лагарпомъ и вмѣстѣ съ нимъ одушевленъ былъ равнымъ стремленіемъ къ одной и той же цѣли; тотъ природную пылкость характера въ защищ-

никѣ вѣры легко могъ принять за новое приращеніе жара ораторскаго и піитическаго, а пареніе генія, презирающаго всѣ преграды на пути своемъ, смѣшать съ дѣйствіемъ набожнаго изступленія, для котораго нестрашны никакія опасности.

18го Числа Брюмера окончилось продолжительное заточеніе Лагарпа. Онъ возвратился въ Парижъ и при всеобщемъ одобреніи занялъ опять мѣсто свое въ Лицеѣ. Тутъ въ многочисленномъ кругу друзей, при вновь возникающей любви къ наукамъ пользуясь уваженіемъ всѣхъ людей благомыслящихъ, онъ долженъ бы окончить вѣкъ свой благополучно; но появленіе въ свѣтъ *Литтературной переписки* (*) нанесло его спокойствію и тому выгодному мнѣнію, которое многіе имѣли о немъ, величайшій вредъ. Въ семъ собраніи писемъ, начиная съ 1774 до перваго года Французской революціи, заключается краткое обозрѣніе всѣхъ литтературныхъ произведеній, которыя выходили въ публику въ теченіе упомянутаго времени. Судя по той непреклонной строгости, съ какою Ла-

(*) Переписка сія (Correspondance litteraire) издана была въ свѣтъ 1801 года въ четырехъ Томахъ въ 8 д. Два остальныя Тома напечатаны, четыре года спустя послѣ смерти Автора.

гарпъ критиковалъ сочиненія на публичной каѳедрѣ — тамъ, гдѣ различныя отношенія къ нему слушателей заставляли его быть еще нѣсколько снисходительнымъ, — заключить можно, что въ тайныхъ и далеко за предѣлы Франціи посылаемыхъ письмахъ онъ былъ менѣе остороженъ въ своихъ приговорахъ, особливо же, что при сочиненіи сихъ писемъ ему совсѣмъ неприходила въ голову странная мысль сдѣлать ихъ когда-либо извѣстными публикѣ. Во время изданія Переписки большая часть писателей, выставленныхъ на позорище его немилосердою критикою, находилась еще въ живыхъ. Сколько забытыхъ неприятностей начали снова тревожить духъ Лагарпа! сколько раскрылось язвъ, давно уже рукою времени изцѣленныхъ! съ какимъ рвеніемъ воспрянула на брань усыпленная злоба, когда роковая Переписка распространила въ публикѣ порицанія на счетъ многихъ сочиненій, дотолѣ неизвѣстныя, — порицанія, которыя казались тѣмъ досадительнѣе, что онѣ небыли прикрыты ласкою, или готовностію щадить самолюбіе авторовъ, не были приправлены снисхожденіемъ, смягчающимъ строгій голосъ критики!

Изданіемъ сего, для многихъ писателей оскорбительнаго собранія писемъ, Лагарпъ пренебрегъ двѣ христіанскія добродѣтели: любовь къ ближнему и смиреніе. Сверхъ того

нѣкоторые утверждали, что онъ погрѣшилъ также противъ чистоты нравовъ, помѣстивъ будто бы слишкомъ вольныя и соблазнительныя мысли въ своемъ сочиненіи. Первымъ слѣдствіемъ такого неблагоразумнаго поступка было то, что на бѣднаго Лагарпа со всѣхъ сторонъ обрушились оправданія, упреки, ругательства, эпиграммы. Друзья жалѣли о сдѣланной имъ ошибкѣ, но почитали безразсуднымъ дѣломъ защищать его отъ сихъ нападеній.

Нѣкоторые другаго рода неосторожные поступки навлекли Лагарпу новыя бѣдствія. — Онъ принужденъ былъ удалиться опять въ то скрытное мѣсто, которое послѣ 18 го Фруктидора служило ему вѣрнымъ убѣжищемъ отъ предстоявшей смерти; но теперь оно немогло укрыть его отъ грознаго ея приговора. Разстроенное здоровье заставило его испросить позволеніе возвратиться въ Парижъ. Тутъ друзья его съ радостію примѣтили счастливую перемѣну въ его характерѣ. Природныя качества души его, доброта, честность и великодушіе, отдѣлившись отъ слабостей, помрачавшихъ нѣкогда сіяніе ихъ, явились во всемъ своемъ блескѣ. Тотъ, котораго видѣли прежде гордымъ, жестокимъ, своенравнымъ и мстительнымъ, былъ теперь снисходителенъ къ погрѣшностямъ ближняго и строгъ къ своимъ собственнымъ, и охотно прощалъ вра-

гамъ своимъ то, чего нехотѣлъ простить самому себѣ. Искренній другъ, принявшій въ минуту вѣчной съ нимъ разлуки послѣднее пожатіе руки его, краснорѣчивый Фонтанъ, изливая сердечныя сѣтованія свои надъ гробомъ незабвеннаго о невозвратной потерѣ, сказалъ между прочимъ: „Наконецъ тихія, сладостныя чувства наполнили сердце, столь долго терзаемое огорченіями отъ людей, незнавшихъ его; онѣ вознаградили его за всѣ претерпѣнныя имъ несправедливости.“ Лагарпъ готовился по прежнему занять мѣсто свое въ новообразованной Французской Академіи, какъ вдругъ занемогъ жестокою болѣзнію, которой опасность была очевидна. Съ етаго времени всѣ желанія и мысли его устремлены были къ тому, чтобъ окончить дни свои какъ истинному хрістіанину прилично. Благотворенія и кроткія, назидательныя слова, излившіяся изъ глубины спокойной души, украсили послѣднія минуты его жизни. Лагарпъ умеръ среди оплакивающихъ его друзей 11 го Февраля 1803 года на 64 году своей жизни.

(*Изъ* Morgen=Bl. — *У.*)

О степеняхъ образованія людей и народовъ (*).

Переносясь мыслями отъ настоящаго времени къ древности, отдаленной отъ насъ многими вѣками, я вижу Царства возникающія, Царства достигшія всего своего величія, Царства упадающія и сокрушающіяся, подобно огромному колосеу; вижу Царства, въ распространеніи своемъ поглощающія чуждыя области, и поглощаемыя новыми чуждыми областями; наконецъ вижу Царства, на лицѣ земли несуществующія, извѣстныя изъ Исторіи по одному имени; вижу на мѣстѣ Антіохіи — дремучій лѣсъ, на мѣстѣ гордаго Вавилона — развалины, на мѣстѣ плодоносныхъ странъ Месопотаміи — дикую пустыню; разсматриваю сіи великія явленія, опредѣленныя въ книгѣ судебъ Божіихъ, и думаю, что у всѣхъ народовъ и у всѣхъ племенъ земли вѣкъ варварства и невѣжества всегда предшествуетъ вѣку ихъ просвѣщенія.

Таковъ естественный ходъ жизни человѣческой. Люди постепенно переходятъ изъ возраста въ возрастъ. Съ минуты рожденія

(*) Изъ разсужденія, читаннаго въ Обществѣ любителей Россійской Словесности, при Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ Наукъ Училищѣ учрежденномъ.

они не помнятъ начала бытія своего. Тогд пѣсная колыбель — ихъ цѣлый міръ; тогд вся ихъ потребность — одна пища; потомъ съ возрастающимъ дѣтствомъ, ихъ занятія — однѣ игры, однѣ забавы, однѣ веселости. Настаютъ лѣта кипящей молодости, и въ сей періодъ быстрымъ потокомъ приливаютъ къ нимъ дикія страсти, которыя, какъ разъяренныя волны утлую ладію, волнуютъ ихъ душу; въ вихренныхъ движеніяхъ сердца они, подобно кораблямъ на распущенныхъ парусахъ, несутся по океану жизни; и тамъ изъ множества ихъ, при всей ихъ твердости, при всей красотѣ, иные терпятъ крушеніе, другіе влекутся въ бездны, — иные невозвратно среди поприща погибаютъ; и сколько мы оставили позади себя несчастныхъ жертвъ преждевременной смерти! Немногіе сохраняютъ всю цѣлость свою. Люди становятся людьми не иначе, какъ наученные опытами бѣдствій своихъ и бѣдствіями чужими. Когда въ лѣта мужества разумъ торжествуетъ надъ мечтами, когда владычество страстей побѣждается силою разсудка; тогда наконецъ они достойно начинаютъ носить на себѣ санъ человѣка, и тогда достигаютъ счастія. Такъ безъ сомнѣнія и Царства и народы необходимо должны перейти различныя степени своихъ возрастовъ, дабы возвышаться въ успѣхахъ благосостоянія. Въ природѣ нѣтъ быстрыхъ

перемѣнъ безъ связи, безъ причинъ, безъ слѣдствій, и нравственная человѣческая природа не можетъ переступить предѣлы сего общаго порядка.

Первые Греки жили въ дебряхъ и пещерахъ; первые Римляне нарушали права и опустошали жилища своихъ мирныхъ сосѣдей. Исторія ихъ войны противъ Сабинцевъ представляетъ исторію ужасовъ, неслыханныхъ между народами просвѣщенными.

Первые жители Европы — суровые герои Сѣвера, вторгшіеся въ столицу міра, низпровергаютъ все: ихъ нашествіе, подобно сильному наводненію, какъ бездною поглотило всѣ украшенія жизни человѣческой. Законы, нравы, религія попираются и погибаютъ; и надъ Европою погасился свѣтъ — и горизонтъ сего великаго края обложился глубокою тьмою.

Первые Славяне, преклонявшіе колѣна предъ Перуномъ, когда олтари сего Ваала дымились кровію человѣческою, носятъ на себѣ печать всего варварства, неразлучнаго съ первымъ происхожденіемъ народовъ.

Люди, обращающіе на себя вниманіе, становятся совершеннѣе въ мысляхъ и поступкахъ, въ характерѣ и нравственности, единственно въ продолженіи времени. И народы и Царства только въ продолженіи времени ос-

являютъ звѣрскую дикость; а народы и Царства только въ продолженіи времени возвышаются въ успѣхахъ благодѣтельнаго просвѣщенія.

Но отъ чего въ нѣкоторыхъ народахъ, въ Неграхъ, въ Готтентотахъ, въ Самоѣдахъ, постоянная дикость, постоянное варварство? отъ чего Индѣйцы пребываютъ въ томъ же положеніи, въ какомъ они были за нѣсколько столѣтій до нашего времени? отъ чего иныя націи быстро, другія медленно достигаютъ просвѣщенія? Въ Германцѣ XVIII и XIX го столѣтій мы не видимъ того Германца, какимъ изображаетъ его живописная кисть Тацита. Нынѣ снова вся Европа, какъ рай, отличается отъ пустыни; и нынѣ Россія, любезное наше Отечество, какъ рай отличается отъ Россіи древней.

Богъ единымъ маніемъ своей воли создалъ землю. Рекъ — и ничто облеклось въ бытіе; рекъ — и хаосъ принялъ видъ гармоніи и красоты. Белги воздвигли на топяхъ, на зыбяхъ морскихъ берега: столько силенъ человѣкъ! онъ полубогъ, въ обществѣ просвѣщенномъ, при трудахъ своихъ, при довольствѣ, при мудромъ правленіи.

Климатъ, произведенія Натуры, промышленность, образъ жизни человѣческой и образъ правленія имѣютъ великое вліяніе на нрав-

ственное бытіе человѣческое. Успѣхи ума почти всегда идутъ равнымъ шагомъ съ состояніемъ физической натуры и съ степенью успѣховъ политическихъ обществъ.

Мм. Гг. позвольте, при открытіи Общества Россійской Словесности, занять васъ разсужденіемъ, въ которомъ хочу представить *нѣкоторыя черты, показывающія степени образованія людей и народовъ*, много зависящаго отъ климата, отъ произведеній Натуры, отъ образа жизни и отъ образа правленія, и тогда по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ увидимъ, по чему Негры и Готтентоты доселѣ дики, по чему Индійцы доселѣ пребываютъ въ одинакомъ положеніи, и отъ чего иные народы быстро, другіе медленно достигаютъ своей образованности.

Человѣкъ дѣйствуетъ на Природу; — Природа взаимно дѣйствуетъ на человѣка. Человѣкъ можетъ побѣждать все, такъ какъ онъ можетъ жить во всѣхъ краяхъ свѣта; но побѣда надъ крайностями выше его; и самое неутомимое его трудолюбіе должно уступить силѣ непреодолимой. Въ странахъ, гдѣ полюсы арктической и антарктической окованы вѣчнымъ льдомъ, самый сильный пламень ума погаснетъ; гдѣ земля пышетъ палящимъ зноемъ, — тамъ самое великое богатство сего небеснаго дара утратится.

Жители Сіама томятся въ вѣчномъ бездѣйствіи. На берегахъ Бенгальскихъ, гдѣ всѣ животныя, всѣ растѣнія, отъ пламенныхъ лучей солнца истощаются въ силахъ, повѣявшій въ полудни вѣтръ убиваетъ ихъ на поляхъ, и въ минуты бурнаго его дыханія даже скрывшіеся въ прохлаждающей сѣни домовъ чувствуютъ онѣмѣніе. Занятія, продолжаемыя съ размышленіемъ, образуютъ способности человѣка: на берегахъ Бенгальскихъ, въ Западной Индіи, и въ другихъ подобныхъ земляхъ всякой сдѣлается неминуемою жертвою преждевременной смерти, если рѣшится предаться трудамъ съ тѣмъ духомъ рвенія, съ какимъ мы Европейцы имъ предаемся. Въ столь тягостномъ для здоровья климатѣ Сіамецъ или Индѣецъ сдѣлаетъ ли успѣхи въ образованіи себя? Въ одномъ здоровомъ тѣлѣ роскрываются мысли и въ здоровомъ только тѣлѣ возбуждается сила ума при добромъ его направленіи. Попы и Пиппы, имѣвшіе слабое сложеніе, сіи и другіе подобные геніи, не могутъ служить опроверженіемъ почти всеобщей истины.

Въ печальныхъ краяхъ сѣверной Сибири въ зимнее время солнце едва показывается на горизонтѣ. Хотя вмѣсто благотворнаго свѣтила являются на мрачномъ сводѣ небесномъ разнообразные огни, представляющіе прелестную игру цвѣтовъ радужныхъ; но

и сіе великолѣпное зрѣлище Природы не избавляетъ людей отъ бездѣйствія; и сія очаровательная картина, пылающая яркимъ, но холоднымъ пламенемъ, не оживляетъ ни ихъ сердца, ни ихъ ума. Въ Новой Землѣ мѣсто дня, продолжающагося многіе мѣсяцы, заступаетъ глубокая ночь, неменѣе продолжительная. Нельзя полагать, чтобы въ людяхъ, живущихъ среди толь долговременной тьмы, скоро могла открыться заря умственнаго свѣта.

Я вижу новое зрѣлище, когда обращаю взоръ отъ Сіама, отъ Западной Индіи, отъ холоднаго Сѣвера на другія страны благословенныя. Здѣсь другой климатъ, другія естественныя произведенія, другіе люди, другіе народы, хотя мы всѣ дѣти одного праотца. Въ Греціи небо чисто, какъ лазурь; весна прелестна, какъ Майское утро; перемѣны года кротки, какъ тихо журчащій ручей; воздухъ благорастворенный, какъ животворящій бальзамъ; въ Греціи вся Природа — великолѣпный олтарь, украшенный благовонными цвѣтами; и въ Греціи, столь счастливой странѣ, я вижу Гомеровъ, Пиндаровъ, Софокловъ, Еврипидовъ, Платоновъ, Аристотелей, донынѣ удивляющихъ свѣтъ своими великими, неподражаемыми твореніями.

Россія, наше Отечество, занимаетъ пространства болѣе, нежели вся Европа; она об-

пространнѣе, самаго Древняго Рима. Ея непоколебимаго владычества предѣлы: къ сѣверу — океанъ Гиперборейскій; къ востоку — океанъ Восточный; къ западу — Норвежская Лапландія, Швеція, Балтійское море, Пруссія, Польша, Галиція, Европейская Турція; къ югу — Понтъ Евксинъ, Персія, Киргизскія Степи до Иртыша, отъ сей рѣки, до Восточнаго океана — Зюнгорія, Монголія, Манжурія, Даурія, земли подвластныя скипетру далекаго отъ насъ Китая. Я теряюсь въ мысляхъ, когда съ народами разныхъ племенъ и разныхъ языковъ хочу обнять воображеніемъ всю величину Россіи. И въ столь неизмѣримомъ Государствѣ поля и нивы, горы и долины, дубравы и сады, моря и рѣки, сокровища нѣдръ земныхъ и богатство произведеній, войны и побѣды надъ врагами, религія и святыя ея дѣла, нравы и законы, равнымъ образомъ какъ Греція, представляютъ необозримое поприще восторгамъ поэтовъ, грому ораторовъ, тихимъ сужденіямъ философовъ, изслѣдываніямъ физиковъ, открытіямъ натуралистовъ.

Каменистая Аравія, гдѣ уединенный путешественникъ встрѣчаетъ однѣ горы песку, который, какъ море разъяренное вѣтрами, волнуется, и какъ море поглощаетъ несчастные по зыбямъ его проходящіе караваны, — гдѣ былинка едва имѣетъ жизнь, гдѣ найденная глубоко кроющаяся вода почитается бо-

лѣе, нежели безцѣннымъ сокровищемъ — каменистая Аравія, при безплодіи своемъ, не можетъ быть отечествомъ творческихъ геніевъ. — Не прочна сила и не долговременно бытіе Царствъ, когда онѣ состоятъ не въ изобиліи естественныхъ произведеній, но въ одномъ необъятномъ избыткѣ дикихъ степей: такъ пуста область ума, когда натура не представляется ему со всѣми, или многими, своими избытками.

Сокровища земли — истинное богатство и людей и народовъ; сокровища земли первое основаніе нравственнаго образованія. Такъ устроенъ скудельный составъ человѣка, что онъ не можетъ существовать безъ естественныхъ произведеній; съ богатствомъ ихъ жизнь его, какъ тихая, величественная рѣка съ берегами въ край, течетъ спокойно среди удовольствій, и съ богатствомъ ихъ онъ тѣмъ счастливѣе, тѣмъ возвышеннѣе въ чувствахъ и мысляхъ, тѣмъ совершеннѣе и тѣмъ болѣе можетъ приближиться къ своему достоинству.

Если бѣдность въ естественныхъ произведеніяхъ служитъ величайшею преградою народоселенію; если мѣра ихъ всегда бываетъ мѣрою числа людей: то бѣдность въ произведеніяхъ натуры служитъ подобно величайшею преградою успѣхамъ ума человѣческаго. Бѣд-

ность оковываетъ таланты и удерживаетъ быстрые порывы ума и воображенія.

Мы живемъ въ обществѣ; наше богатство — золото, серебро, драгоцѣнные камни. Мы говоримъ, что величіе духа состоитъ въ презрѣніи сего богатства; но если бѣдность столь ужасна по своимъ слѣдствіямъ, и если знаемъ, сколь трудно ей продираться сквозь золотую толпу блестящаго невѣжества: то не можемъ не сказать, что то же, или почти то же, величіе духа составляетъ законное пріобрѣтеніе нашего богатства.

Труды человѣка, образъ его жизни столь же дѣйствуютъ на него и на его образованіе, сколько климатъ и произведенія Натуры.

Первыя занятія человѣческія — звѣриная ловля, скотоводство, земледѣліе; торговля — плодъ земледѣлія. Сколько первыя три состоянія отличны одно отъ другаго, столько по самой натурѣ отлично въ нихъ одно отъ другаго образованіе, если допустимъ, что первыя два состоянія служатъ первыми началами раскрытія силъ душевныхъ.

Воображая человѣка въ лѣсу, гоняющагося за звѣремъ, я вижу его окруженнаго всѣми опасностями. Въ обществахъ почти безпрестанная война между людьми; въ физическомъ

мірѣ воюютъ стихіи противу стихій; въ моральномъ человѣкъ возстаетъ на человѣка, Царства ополчаются противу Царствъ. Но, благополучіе наше! мы при безпрестанныхъ буряхъ между людьми и между обществами, среди браній отъ ихъ утѣсненій ограждены оплотомъ законовъ, защищающихъ и личность и собственность нашу, и наше гражданское бытіе. А когда отъ сосѣдственныхъ Державъ несется на насъ грозное облако бѣдствій; тогда острый мечь нашихъ Царей, оружіе ихъ дружины, облеченной непреодолимымъ мужествомъ, достойно караютъ злодѣя, дерзающаго нарушить наше благосостояніе; и мы, при торжествѣ надъ нимъ, при Царяхъ - герояхъ, среди благословенной тишины, купленной цѣною крови, всегда наслаждаемся радостями жизни, и всегда подъ ихъ руководствомъ стремимся къ дальнѣйшему совершенству.

Въ какомъ печальномъ состояніи вижу я человѣка, когда представляю его занимающагося звѣриною ловлей! Въ семъ положеніи ему грозитъ безпрестанная, несравненно болѣе страшная война; ему предстоитъ война съ нуждами, война съ людьми ему подобными, война со звѣрями, война съ призраками ужасовъ, война съ темною неизвѣстностію. И ему, среди цѣлаго міра, какъ пустынному жителю, законы — крѣпость его силы и

щитъ и ограда — его лукъ, безопасность — его ломкія стрѣлы. Въ семъ состояніи человѣкъ самое жалкое твореніе; тогда надъ его головою всегда носятся бури; падаетъ подъ его ударами добыча и удовлетворяетъ его голодъ: но сколь ненадежно такое средство! Бѣдному Индійцу съ бѣдною его женою, утомленнымъ безуспѣшными стараніями снискать себѣ добычу, должны были служить пищею звѣриныя кожи, прикрывавшія ихъ наготу; бѣдному Индійцу, мучимому голодомъ, ужаснѣйшимъ самой смерти, съ бѣдною его женою, наконецъ должны были служить пищею двое ихъ собственныхъ дѣтей. Не при видѣ, при одномъ повѣствованіи о семъ страшномъ событіи содрогается сердце! Вообще родители имѣютъ къ дѣтямъ своимъ беспрестанно возрастающую любовь; ихъ нѣжность къ нимъ продолжается до послѣдней минуты ихъ бытія. Но между нѣкоторыми дикими ордами, которыхъ ремесло — одна звѣриная ловля, какъ бы пламенныя чувства ни имѣли къ плоду супружества, попускаютъ только двумъ дѣтямъ рости и дышать жизнію. Если раждаются близнецы, тогда одинъ изъ новорожденныхъ предается смерти; и если мать жалкаго, беззащитнаго младенца умираетъ, тогда погребаютъ его живаго въ одной могилѣ вмѣстѣ съ виновницею его существованія. Такіе ужасные случаи весьма обыкновенны въ Новой Голландіи. Съ столь суровою жизнію,

съ столь труднымъ способомъ добывать себѣ пищу, можно ли людямъ сдѣлать хотя слабые успѣхи ума, хотя слабое приращеніе въ понятіяхъ? съ столь суровою жизнію можно ли помышлять о образованіи? Иктеофаги, народъ питавшійся одною рыбою, народъ блуждавшій нѣкогда по берегамъ Персидскаго залива и Чермнаго моря для приобрѣтенія себѣ тамъ добычи, не имѣли ни нравовъ, ни обычаевъ, ни искусствъ, ни законовъ; Иктеофаги почти даже не знали употребленія языка.

Скотоводство — второе состояніе человѣческое. Люди предоставляются въ новомъ, лучшемъ видѣ, когда они занимаются скотоводствомъ. Въ семъ менѣе дикомъ состояніи обладая несравненнымъ довольствомъ въ готовыхъ средствахъ къ сохраненію себя, они начинаютъ имѣть несравненно большее время обращать мысли и на себя, и на окружающую ихъ Природу. Но пастыри со скотомъ своимъ, съ табунами коней, съ женами, съ дѣтьми своими, переходя изъ страны въ страну, мало подвигаются впередъ въ успѣхахъ образованія, по причинѣ безпрестанныхъ заботъ объ открытіи новыхъ пажитей. И какое необъемлемое пространство земли потребно для многихъ пастырей! Авраамъ и Лотъ, близкіе родственники, друзья съ нѣжными чувствами, имѣя многія овцы, волы и

кущи, не могли жить вмѣстѣ даже тогда, какъ почти вся земля была достояніемъ малочисленнаго человѣческаго семейства. Добродѣтельные Патріархи, одинъ избралъ страну Іорданскую, другой вселился далеко у дуба Маврійскаго въ Хевронѣ. Враждебная пря пастуховъ раздѣлила ихъ между собою. Невыгодное состояніе пастырей, для умноженія рода человѣческаго, показываетъ всѣ невыгоды, препятствующія образованію ума и сердца. Гдѣ пастыри Авраама, и гдѣ пастыри Лота, которые живя вмѣстѣ могли бы другъ другу сообщать свои мысли, свои чувствованія, свои наблюденія, дѣлаемыя надъ явленіями Природы? Умы просіяваютъ познаніями, когда встрѣчаются съ другими умами, когда люди живутъ въ тѣснѣйшемъ сближеніи; взаимное обращеніе людей между собою обогащаетъ ихъ разумѣніе; одиночество бываетъ школою геніевъ, родившихся въ благоустроенныхъ обществахъ. И Сципіонъ Африканскій, на двадцать третьемъ году жизни своей побѣдившій непобѣдимаго Ганнибала, посѣдѣвшаго на поляхъ битвъ, не могъ бы говорить о себѣ, что онъ никогда не бываетъ столько занятъ, какъ въ то время, когда бываетъ одинъ, если бы не жилъ между Римлянами, въ государствѣ своемъ обогатившими себя тысячами различныхъ опытовъ.

Представляя себѣ людей, ведущихъ жизнь пастушескую, по причинѣ недостатка

мъ нихъ нравственнаго образованія, я не могу отдѣлить отъ нихъ варварства, невѣжества, дикости. —

Аравійскіе пастухи, кочующіе въ пространной пустынѣ, дышутъ всею нечеловѣческою злобою, свирѣпствуютъ всею нечеловѣческою жестокостію противъ умышленныхъ и противу неумышленныхъ убійцъ ихъ родственниковъ. Когда Каисъ, въ простой ссорѣ съ молодымъ Арабомъ, получилъ отъ него колкой, разительной отвѣтъ: „и лучше было бы, когда бы ты показалъ геройство не на мнѣ, но на убійцахъ твоего отца и дѣда“ — Каисъ отъ такого отвѣта оцепенѣлъ, оставилъ ссору и тронулся такъ сильно, что приступилъ къ матери съ угрозами умертвить себя, или ее, если не объявитъ ему злодѣевъ его дому. Мать, всегда скрывавшая тайну злодѣйства, опасаясь, дабы въ битвѣ не лишиться единственнаго сына, который въ глазахъ ея былъ и послѣднею надеждою и первою радостію ея дней, наконецъ открыла, что отецъ и дѣдъ его погибли отъ убійственной руки единоплеменниковъ. Каисъ не пошелъ, полетѣлъ странствовать по пустынѣ, чтобъ найти на преступниковъ и имъ отмстить насильственную смерть Гатима и Ади, невѣдомыхъ ему ни по какимъ чувствамъ съ самаго его младенчества. И горькія слезы безутѣшной

матери не удержали Каиса среди семейства въ краю родины! Между Аравитянами умышленный и неумышленный убійца кого-либо отмщевается даже въ десятомъ колѣнѣ своего рода. У нихъ струя крови одного человѣка пролитой на землѣ сливается на той же землѣ съ кровію другаго человѣка.

Сей духъ мщенія въ племенахъ, ведущихъ пастушескую жизнь, сопровождается другимъ не менѣе низкимъ чувствомъ. Живя въ благоустроенныхъ обществахъ, мы почитаемъ всякаго человѣка не средствомъ, но цѣлію; для насъ ихъ личность священна, собственность неприкосновенна. Законы — плодъ общежитія — внушаютъ намъ столь высокія понятія о ближнемъ! Кочующіе съ стадами своими Аравійскіе пастухи издревле ведутъ жизнь разбойническую, и сей варварскій промыселъ не почитается у нихъ безчестнымъ дѣломъ; они даже и нынѣ называютъ хищническія добычи даромъ Бога. У нихъ каждаго рука подъята на всѣхъ, и всѣхъ руки подъяты на каждаго. Таковъ былъ Измаилъ и таковы его потомки. Плодъ дерева не далеко падаетъ отъ его корня. Пастырь Ефта, неполучившій отъ своихъ братьевъ наслѣдственнаго достоянія, сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. Сіе позорное званіе столь мало чернило его, что его избрали властителемъ своей страны; и Ефта при столь

лестномъ предложеніи еще сомнъвался, рѣшиться ли ему благодѣтельствовать своему отечеству, или остаться въ прежнемъ званіи. Судя по сему, кажется, люди, ведущіе пастушескую жизнь предъ звѣроловами однимъ только шагомъ впереди, съ которымъ они могутъ сдѣлать переходъ въ другую лучшую жизнь и лучшее состояніе.

Заря образованія начинаетъ просіявать тогда, когда люди, переставъ блуждать изъ края въ край, занимаются земледѣліемъ. Древнѣйшій и мудрѣйшій изъ всѣхъ законодателей Моисей, въ отвращеніе народа своего отъ пастушеской жизни и въ удержаніе его отъ хищеній, обидныхъ для каждаго ближняго; распредѣляетъ каждому Израильтянину извѣстную часть земли. Кто обработываетъ ее, тотъ не скитается по пустынямъ; тотъ разбойнически не бросается на расхищеніе мимо идущихъ каравановъ; тотъ даже не отваживается и мыслить о семъ позорномъ ремеслѣ; и потому что его земледѣльческое состояніе требуетъ отъ него, какъ непремѣннаго долгу, всегда быть привязану къ своему полю: — не воздѣланная земля не даетъ плодовъ; — и потому что удобренная земля стократно вознаграждаетъ труды его всѣмъ довольствомъ и для него и для всего его семейства.

Люди дѣлаютъ изъ себя какое-то чудное превращеніе, когда становятся земледѣлами.

Ж 2

Земледѣліе, собравъ ихъ во едино, возвращаетъ ихъ самимъ себѣ, потому что оно открываетъ имъ собою первое и главное основаніе ихъ начинающагося нравственнаго совершенства; и сколь великолѣпное, сколь величественное зрѣлище видѣть людей живущихъ вкупѣ, какъ братій среди одного семейства! Какъ трудолюбивые муравьи, союзомъ общества связанные, доколѣ благопріятствуетъ время, отвсюду влекутъ въ тѣсную подземную область свою запасъ продовольствія на будущую скучную зиму; какъ трудолюбивыя пчелы со всѣхъ цвѣтовъ собираютъ сладкій медъ и, отяготивъ себя бременемъ, несутъ его въ кровъ своей царицы: такъ люди земледѣлы, основавшіе твердыя жилища въ опредѣленномъ ими кругу земли, несутъ другъ къ другу чувства свои, понятія свои, понятія чужія; познанія свои, познанія другихъ; опыты свои, опыты чужіе; наблюденія свои и наблюденія другихъ: и такъ земледѣлы въ новомъ состояніи своемъ трудолюбивы, какъ трудолюбивы муравьи и пчелы. — Земледѣлы отъ простаго искусства дѣлать плугъ нечувствительно переходятъ ко многимъ другимъ простымъ или сложнѣйшимъ искусствамъ. —

Въ земледѣльческомъ состояніи всѣ и все въ движеніи, въ дѣйствіи, въ трудахъ, въ заботахъ. Тамъ ковачь, для различнаго употреб-

ленія, тяжелымъ млатомъ разбиваетъ раж-женное въ горнилѣ желѣзо: тамъ созидаются домы; тамъ являются обширныя села; тамъ возникаютъ великолѣпные города; тамъ строются крѣпкія ихъ огражденія; тамъ спускаются ладьи или корабли на рѣки или моря; тамъ всѣ и каждый, по склонности предаваясь занятіямъ, удовлетворяютъ другъ для друга нужды и потребности; и тамъ каждый при разнообразіи промышленности, при маломъ обладаніи земли, вкушаетъ несравненно большія, несравненно пріятнѣйшія наслажденія, нежели какія можетъ имѣть самый гордый Емиръ, владычествующій на необозримыхъ равнинахъ надъ табунами дикихъ коней.

Столь благодѣтельно земледѣльческое состояніе, столь много оно способствуетъ образованію человѣческому! — Искусство Триптолема есть первое искусство, которое родило другія, и которое положило основаніе различнымъ званіямъ человѣческимъ. По словамъ Фридриха Великаго, безъ него не было бы, не говорю гражданъ, по его словамъ не было бы ни купцовъ, ни Царей, ни царедворцевъ, ни поетовъ, ни ораторовъ, ни философовъ; съ искусствомъ Триптолема люди, раздирая плугомъ нѣдра земли, раздираютъ завѣсу, скрывающую отъ ихъ глазъ таинства Натуры; съ нимъ, побѣждая дикость ея, изсушая болоты, очищая непроходимыя де-

бри, оплодотворяя безплодныя поля — они сами надъ собою одерживаютъ побѣду, побѣду надъ своимъ варварствомъ, одерживаютъ побѣду надъ своимъ невѣжествомъ. — Тамъ нынѣ обитаетъ самый образованный народъ, гдѣ нѣкогда возвышался дремучій лѣсъ Герцинскій, не очищенный сѣкирою земледѣльца; а тамъ, гдѣ нѣкогда горы обуревались вихрями, гдѣ озера покрывались туманами и инеями, гдѣ представлялись взору одни влажныя, топкія долины, на которыя Римляне, владыки благодатныхъ краевъ, взирали съ презрѣніемъ, — тамъ нынѣ сіи страны цвѣтутъ и всѣмъ богатствомъ, и всѣмъ изобиліемъ, и всѣми учрежденіями, украшающими жизнь человѣческую.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что земледѣліе образуетъ людей и народы. Въ первобытныя времена, равно какъ нынѣ въ нѣкоторыхъ Американскихъ странахъ, занимались обработываніемъ земли совокупными силами; такъ нѣкогда поступали Ессены, и такъ нѣкогда жили первыя христіанскія общества. — Земля была ихъ общимъ достояніемъ. Взаимная любовь, внушаемая святою Религіей, соединяла ихъ труды и направляла ихъ къ одной цѣли. Но когда первый жаръ ревнія къ пользамъ братій своихъ началъ потухать, безпечность заступила мѣсто общаго старанія объ общихъ плодахъ: одни снискивали хлѣбъ въ потѣ лица; другіе, потому что видѣли трапезу

готовую безъ всякой съ ихъ стороны заботы объ ней, предавались порочной лѣности. Собственность совершенствуется тогда, когда она принадлежитъ людямъ исключительно. Земледѣліе тогда имѣетъ благодѣтельное дѣйствіе на народъ, когда земли между нимъ раздѣлены на особенные для каждаго человѣка удѣлы. Можетъ быть, Моисей, и древнѣйшій и мудрѣйшій законодатель, съ симъ намѣреніемъ раздѣлилъ земли между старѣйшинами Израильскихъ семействъ, и, можетъ быть, по его плану правленія съ симъ же намѣреніемъ достояніе земли, принадлежащее одному семейству, не могло переходить навсегда во владѣніе другихъ семействъ. Испанія, страна обильнѣйшая, еще и нынѣ въ образованіи не можетъ сравниться съ прочими Европейскими Державами, по одной той причинѣ, что многія земли остаются въ рукахъ у правителей монастырей. Въ Англіи земледѣліе достигло возможно-цвѣтущаго состоянія съ того времени, какъ правительство уничтожило общія владѣнія, — и Англія нынѣ уже не опоритъ, но первенствуетъ въ успѣхахъ просвѣщенія предъ самыми знаменитыми Государствами.

Въ древнія времена первые Римскіе Консулы и Диктаторы были земледѣлами; нынѣ Императоръ Китайскій, въ сопровожденіи всего Двора, возлагая Царскую руку на рало, ежегодно засѣваетъ опредѣленную имъ часть

земли; за нимъ то же дѣлаютъ его царедворцы. Европейскіе Монархи оставятъ ли между подданными своими земледѣліе въ пренебреженіи, когда оно есть первое основаніе образованія человѣческаго, когда оно есть главный источникъ народнаго богатства, когда оно почти единственное начало и нравовъ, и законовъ, и искусствъ и наукъ? И мы будемъ ли не имѣть всего вниманія къ почтенному состоянію трудолюбивыхъ земледѣлсвъ?

Земледѣлію неразлучно сопутствуетъ сперва внутренняя, потомъ внѣшняя торговля, которая производитъ дѣйствія благотворнѣйшія для рода человѣческаго. Свобода торговли приноситъ ему всѣ возможныя выгоды, хотя въ то же время она можетъ приносить ему съ собою различныя заразы, прежде ему невѣдомыя. Но что въ семъ подлунномъ мірѣ не имѣетъ доброй и дурной стороны? — Довольно много значитъ, если добро превышаетъ зло, которое въ послѣдствіи времени почти во все вырадывается.

I. Торговля доставляетъ намъ вещи, безъ которыхъ почти не можно обойтися. Не всякая страна богата всѣми, или по крайней мѣрѣ многими произведеніями Натуры. Представьте себѣ въ примѣръ землю, въ которой не было бы желѣза. Мы высоко цѣнимъ золото, серебро; но желѣзо по необходимому

его употребленію, несравненно выше нашихъ драгоцѣнностей. Многіе совершенно обходятся безъ золота и серебра; но кто обойдется безъ желѣза?

II. Торговля открываетъ намъ различные случаи передавать иностранцамъ различные свои избытки или за деньги, или въ видѣ мѣны на употребляемые у насъ товары. Въ противномъ случаѣ, наши избытки терялись бы сами собою, или не имѣли бы надлежащей цѣны. Англичане вывозятъ отъ насъ наши естественныя произведенія; но сей примѣрно промышленный народъ и другія націи оставляютъ намъ за нихъ или милліоны золота, или свои превосходные товары.

III. Торговля возбуждаетъ духъ соревнованія. При ней жители съ большею рачительностію удобряютъ свои поля, съ большимъ прилѣжаніемъ трудятся надъ ремеслами, съ большею охотою обращаютъ въ деньги свои избытки. Съ распространеніемъ сей отрасли промышленности рѣдко случаются примѣры, когда рука земледѣльца или гражданина обагряется кровію человѣческою, или оскверняется грабежами и разбоями; чаще бѣдность — сперва доведенная нуждою, потомъ, по легкости выгоднаго промысла, увлеченная навыкомъ — чаще бѣдность бываетъ причиною злодѣйствъ; но довольство людей отъ нихъ

удерживаетъ. Верресъ Римлянинъ и другіе другихъ Царствъ Верресы не опровергаютъ важности святой истины, которую предлагаю. Не довольство, но алчность Тантала, ненаказанная развращенность нравовъ низпровергаютъ права человѣчества.

IV. Торговля знакомитъ насъ съ естественными произведеніями другихъ земель и, если могу такъ выразиться, она водворяетъ ихъ между нами. Цвѣты, травы, плоды нынѣ растущія въ нашихъ садахъ, большею частію суть плоды другихъ странъ. Яблоко — естественное произведеніе Италіи, виноградъ — плодъ Сициліи, масличное дерево, емблема блаженнаго мира — плодъ западной части свѣта, ленъ — произведеніе Египта, люцерна — произведеніе Индіи —

Съ другой стороны, торговля приноситъ роду человѣческому другую не менѣе важную пользу — высшее образованіе, нежели какое можемъ имѣть въ состояніи земледѣльцевъ. Надобно быть необыкновенному государственному генію, чтобы однимъ простымъ его содѣйствіемъ, безъ связей съ другими племенами, одно племя могло имѣть великое образованіе и лучшія учрежденія. Спарта, республика, сама въ себѣ заключавшаяся, съ самыми мудрыми законами Ликурга была менѣе образована прочей Греціи. Аѳины были свѣтиломъ всея

страны, потому что въ нихъ сосредоточивались всѣ, и гражданскія и политическія сношенія. Стѣна Китайцевъ, отдѣляющая ихъ отъ прочихъ народовъ, препятствующая свободному сообщенію съ ними, есть преграда ихъ высшему образованію. Мы понимаемъ вещи чрезъ сравненіе, чрезъ сравненіе отличаемъ ихъ одну отъ другой, чрезъ сравненіе опредѣляемъ имъ цѣну, — и мы подобнымъ образомъ чрезъ сравненіе подражаемъ другимъ націямъ въ гражданскихъ и политическихъ добродѣтеляхъ, и превосходимъ образцы нашего удивленія. Мы, Россіяне, чрезъ различныя торговыя сношенія подражали нѣкогда въ Петрѣ Великомъ Голландцамъ, Нѣмцамъ, Англичанамъ; мы и нынѣ подражаемъ симъ же народамъ, — мы нынѣ подражаемъ еще Французамъ; Французы въ свое время подражали Италіянцамъ, сіи древнимъ Римлянамъ, Римляне Грекамъ, Греки Египтянамъ, Египтяне промышленнымъ Финикіянамъ. Свѣтъ образованія послѣ Крестовыхъ походовъ пролился на Европу. Съ открытія Америки онъ распространился во всѣхъ обширныхъ ея предѣлахъ. Европейцы, какъ нѣкогда думали Римляне, уже не почитаютъ океанъ предметомъ ужаса, и доска, отдѣляющая жизнь отъ смерти, въ глазахъ то же что и домъ, построенный на сушѣ. Тиръ и Сидонъ, Карѳагенъ древній и Карѳагенъ новый, Англія — которую самая

исполинская сила Наполеона не могла поколебать — вѣрные свидѣтели спасительнаго вліянія торговли на образованіе народовъ.

Великая, важная, священная цѣль счастливаго бытія Царствъ — цѣль ихъ нравственнаго образованія — достигается не раздѣльными, но соединенными силами. Къ такимъ силамъ, способствующимъ тому и другому, кромѣ земледѣлія и торговли, я отношу еще образъ правленія.

Гдѣ подданными управляетъ не политическая добродѣтель, которая раждаетъ въ народѣ пламенный патріотизмъ, не честь, которая служитъ пружиною всѣхъ дѣйствій, возвышающихъ достоинство человѣка; гдѣ ихъ поражаетъ страхъ, гдѣ они въ оковахъ неволи, въ оковахъ, которыя томнымъ стономъ своимъ изображаютъ ихъ горестное состояніе; гдѣ надъ ними вознесена карательная рука: тамъ сокрыты умы, какъ золото и серебро отъ алчности властей погребенныя лежатъ въ нѣдрахъ земли. Поклонникъ Магоммеда уже нѣсколько вѣковъ обладаетъ благодатною Греціею; но мы видимъ Мусульманъ въ томъ же неизмѣняемомъ невѣжествѣ, въ какомъ были ихъ предки, которые поработили сію страну, нѣкогда обильную творческими геніями. —

Тѣло въ тѣснѣйшей связи съ душею. Тираннія, дѣйствуя на физическое бытіе людей,

подавляетЪ, уничтожаетЪ способности душевныя. Представьте вЪ вашемЪ воображеніи народы, порабощенные оружіемЪ РимлянЪ, и вы увидите ихЪ, можетЪ быть, еще вЪ большемЪ страдальческомЪ состояніи, нежели вЪ какомЪ нынѣ находятся Мусульмане, — вы увидите ихЪ совершенно переродившихся подЪ бременемЪ бѣдствій. Покоренныя племена сдѣлались добычею хищныхЪ правителей, которые и безжалостно и ненаказанно ихЪ грабили. Непомѣрные налоги довели ихЪ до такого уничиженія, что они болѣе не стали имѣть ни силы, ни благородства мыслей. ИхЪ предки отличалися духомЪ мужества, духомЪ непреодолимой твердости, духомЪ независимости. Но между ними, подЪ игомЪ тиранническаго правленія, сей духЪ погасЪ, и они не только навыкЪ, утратили даже способность дѣйствовать добровольно. Британцы нѣкоторымЪ образомЪ ожили, когда оставили ихЪ Римскіе легіоны; но отЪ утѣсненій сего войска они такЪ изнемогли, что не вЪ состояніи были противиться ПиктамЪ и КаледонцамЪ, которые, можетЪ быть, не превышали ихЪ ни вЪ силѣ, ни вЪ военномЪ искусствѣ. Отчаянные островитяне просятЪ себѣ защиты у РимлянЪ противЪ своихЪ непріятелей; — несчастные! сами просятЪ, чтобы опять тяготѣла надЪ ними рука прежняго ихЪ суроваго завоевателя. „Мы не знаемЪ,“ говорили они: „куда намЪ

обратиться; варвары гонятъ насъ къ морю, море гонитъ насъ обратно къ варварамъ; намъ теперь остается избрать изъ двухъ смертей одну — или живымъ погребстися въ волнахъ, или пасть бездыханными подъ ударами меча.“ Кто повѣритъ, что Британцы сего времени были потомки того славнаго, того неустрашимаго, того воинственнаго народа, который прежде столь долго защищалъ независимость свою и противъ самаго Цезаря и противу другихъ героевъ Имперіи? Британцы въ трепетѣ не мужествомъ ополчаются противу неприятеля; они, подобно робкимъ женщинамъ, прибѣгаютъ къ другому оружію, — прибѣгаютъ къ воплямъ, прибѣгаютъ къ стонамъ, которые напрасно потрясаютъ чувствительность Римскаго полководца Еція. Такъ тиранніа унизила жителей Британіи, которыхъ отцы охотно бы умерли тысячу разъ, чѣмъ носить на челѣ своемъ позоръ бѣдственной неволи.

Человѣкъ совершаетъ подвиги громкіе, славные, героическіе, когда чувствуетъ свое достоинство. Выгодное его мнѣніе о себѣ возбуждаетъ въ немъ силы душевныя, настроиваетъ его къ дѣламъ, соотвѣтственнымъ высокому его назначенію. Окажите ему общее вниманіе, отличите его общимъ уваженіемъ, украсьте его честію, — и тогда мысли и слова потекутъ у него рѣкою. Движенія будутъ

свободны, каждая способность блистательна, воображеніе быстро, умъ рѣшителенъ; тогда можетъ быть, если только пробудятся всѣ душевныя силы, вы увидите въ немъ Генія. Чувство собственнаго достоинства всегда возвышаетъ человѣка; чувство собственнаго достоинства и важности при мудромъ и благодѣтельномъ правленіи подобнымъ образомъ всегда возвышаетъ Государства, Имперіи; цѣлыя страны свѣта.

Противное дѣйствіе замѣтите въ человѣкѣ, гонимомъ злою судьбою. Кто подвергнется презрѣнію другихъ, часто не дорожитъ своимъ бытіемъ; кто, снѣдаясь горестію, расточаетъ всѣми способами сокровище своего здоровья, у того самый острый умъ день ото дня становится тупымъ, не гибкимъ, бездѣйственнымъ; съ помраченіемъ его чести, которое происходитъ отъ него самаго, или отъ злобы другихъ, у него гнѣздятся въ сердцѣ чувства низкія, въ душѣ мысли черныя; его таланты теряютъ весь свой блескъ, и онъ наконецъ становится твореніемъ чувственнымъ. Даже въ Монархахъ, которыхъ троны окружены и славою и могуществомъ и властію, упадаетъ духъ, когда посѣщаетъ ихъ несчастіе. Генрикъ I, Король Англійскій, внезапно получаетъ печальное извѣстіе о бѣдственной кончинѣ своего сына въ волнахъ моря, и съ сей минуты здо-

ровье Генриха оставляетъ, какъ оставилъ его навѣки сынъ, и съ сей минуты до дня смерти своей онъ никогда не улыбался.

Такъ — что я говорю, такъ? — несравненно болѣе упадаетъ духъ въ народахъ, которые управляются свинцовымъ скипетромъ тиранніи; въ деспотическихъ Государствахъ подданные не что иное, какъ махины безъ души; тамъ народы не что иное, какъ стада невольниковъ, служащихъ орудіемъ страстямъ своихъ владыкъ; тамъ представляютъ собою стада невольниковъ, у которыхъ вся чувствительность притупляется отъ претерпѣнія бѣдствій. И какого ума, какого образованія можно ожидать отъ людей, которые во власти безчувственныхъ Султановъ? Европа и Азія намъ представляютъ разительнѣйшую противность правленій; и Европа и Азія, первая благоденственнымъ состояніемъ, вторая всякаго рода несчастіями, ясно показываютъ, что правленія кроткія, человѣколюбивыя, правленія мудрыя — не суровый деспотизмъ — бываетъ причиною возвышенія народовъ въ образованности.

Науки проводятъ послѣднюю черту, показывающую образованіе человѣческое. Онѣ вѣнецъ всѣмъ прочимъ образованіямъ; онѣ приносятъ плоды самые благодѣтельные для рода человѣческаго, и ихъ пользы въ благоустроенныхъ Государствахъ тѣмъ больпія,

чѣмъ болѣе въ нихъ распространяется кругъ ихъ области.

Между дикими народами, по образу ихъ жизни, болѣзни, хотя сихъ число у нихъ меньше, несравненно ужаснѣе болѣзней, какія бываютъ между гражданами просвѣщенныхъ государствъ. Езуитъ Фокъ увѣряетъ, что, странствуя между дикими племенами, онъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ престарѣлыхъ лѣтъ. Робертсонъ пишетъ, что между ними самыя среднія лѣта кратковременнѣе нашихъ. Рейнисъ повѣствуетъ объ Индійцахъ, обитающихъ въ Канадѣ, что немногіе изъ нихъ достигаютъ той глубокой старости, какой достигаютъ Европейцы.

Въ сѣверной части Америки со всею яростію свирѣпствуютъ моровыя заразы. Путешествователь Капитанъ Ванкуверъ переплылъ почти сто пятьдесятъ миль вдоль сѣверныхъ береговъ сего края, и онъ ничего тамъ не видалъ, кромѣ ужаснаго опустошенія: въ селахъ и деревняхъ царствовала мертвая пустота; страна, идущая отъ гавани Дисковери, по его свидѣтельству, вся была усѣяна человѣческими трупами, черепами, костьми. Не война съ убійственнымъ оружіемъ, — но зараза, но заразою вооруженная алчная смерть, пожала столь великое множество жертвъ, павшихъ на такомъ великомъ пространствѣ земли!

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки домы строятся для нѣсколькихъ семействъ вмѣстѣ. Тамъ подъ однимъ кровомъ часто живутъ по сту человѣкъ. На сѣверномъ берегу сей части свѣта, въ странѣ, называемой Ношки-Зундъ, сооружаются столь чрезвычайныя громады, что въ нихъ живутъ вмѣстѣ со всею тѣснотою по осьми сотъ человѣкъ. Путешественники единодушно жалуются на нечистоту жилищъ и людей; само собою разумѣется, что они вмѣстѣ жалуются и на необыкновенную смертность обитателей сего варварскаго края.

Какими безцѣнными благодѣяніями науки украшаютъ родъ человѣческій! У насъ Медицина, искусство врачеванія, не только исцѣляетъ многообразные наши недуги, многообразныя наши опасныя болѣзни; она укрѣпляетъ наше здоровье, продолжаетъ бытіе краткихъ нашихъ дней. Съ Архитектурою мы не только имѣемъ, по состоянію своему, удобныя жилища; мы обитаемъ въ чертогахъ, которые блистаютъ красотою, пышностію, великолѣпіемъ; мы обладаемъ домами, въ которыхъ пьемъ благорастворенный воздухъ, текущій къ намъ чистыми струями; и наша опрятность, нашъ вкусъ къ изящному, наше довольство раждаемое промышленностію, наше довольство распространяемое правилами наукъ, наши Гиппо-

;раты далеко гонятъ отъ насъ подобныя убійственныя моровыя повѣтрія.

Между народами древности кораблестроеніе и кораблеплаваніе были и грубы и несовершенны. Они совсѣмъ не знали правилъ, которыя нынѣ почитаются главнымъ основаніемъ сей науки. Финикіане были первые мореплаватели; имъ путеводителями по влажной стихіи служили или солнце, или звѣзды. Опасность сопровождала ихъ въ путешествіяхъ, когда небо обкладывалось черными облаками, когда мракъ ночи скрывалъ отъ нихъ невѣрныхъ ихъ небесныхъ вождей; трепетъ обнималъ всѣ ихъ чувства, когда среди тьмы буря отторгала ихъ отъ береговъ твердой земли. Но нынѣ наши Колумбы съ компасомъ небоязненно пускаются въ безвѣстныя страны или для открытія новыхъ народовъ, или для производства съ другими, уже извѣстными имъ народами, полезной торговли; и нынѣ съ симъ вождемъ плаваютъ корабли по всѣмъ морямъ. Древніе почли бы безразсудною дерзостію, если бы кто тогда въ зимнее время осмѣлился предаться на кораблѣ ярости волнъ и вѣтровъ; нынѣ наши отважные путешественники, зная астрономію, странствуютъ около свѣта во всѣ четыре времена года.

Механика могущественнымъ своимъ рычагомъ творитъ чудеса. Сія наука подъемлетъ

неподъемлемыя силами человѣческими тяже-
сти; она дѣлаетъ то, чего милліоны ру-
съ самымъ упорнымъ трудолюбіемъ не въ со-
стояніи исполнить. Памятникъ воздвигну-
тый Екатериною Петру, — гранитъ на
которомъ возвышается образъ Великаго, си-
дящаго на конѣ, указывающаго перстомъ на
страну опаснаго неприятеля, — завистливый,
въ ярости извивающійся змій, сокрушаемый
не копіемъ знаменитаго всадника, но сего
коня копытомъ — поражаютъ всякаго удивле-
ніемъ. Но что творитъ сила сей науки, не
для украшенія, не для блеску столицъ,
но для блага и пользъ рода человѣческаго, —
исчислить не возможно.

Успѣхи земледѣлія, сіе истинное богат-
ство народовъ, равнымъ образомъ происте-
каютъ изъ сего же источника; науки при
трудолюбіи, при содѣйствіи промышленно-
сти, возводятъ его на самую высокую сте-
пень совершенства. Въ Виргиліевыхъ Георги-
кахъ приводятъ насъ въ восторгъ и нѣжная
свирѣль пастуха, и круторогій волъ реву-
щій подъ тяжелымъ плугомъ, и жужжащій
въ воздухѣ рой злато-крылыхъ пчелъ, и ни-
вы волнующіяся какъ море, и злачные луга;
и мы, кромѣ стихотворнаго описанія бла-
женной сельской жизни, въ безсмертномъ его
твореніи находимъ еще новую пищу не для
воображенія, но для ума нашего; мы по-

пяемъ въ немъ правила, показываю- я время счастливаго или несчастнаго по- ва различныхъ плодовъ. Наука распростра- ла между Англичанами способы удобрять возделанныя поля, доставляющія плоды десять кратъ более противу семянъ, вве- нныхъ недрамъ земли.

Существованіе многихъ Царствъ облечено) тусклый светъ неверныхъ преданій. Не- верныя преданія причиною, что находимъ толь много чудеснаго при возникающемъ роисхожденіи обществъ. Потомки симъ пре- даніямъ охотно верятъ; темъ более имъ верятъ, что чрезъ нихъ отражается слава ла ихъ неизвестныхъ предковъ. Въ Мивo- логіи Грековъ вы видите одну ткань, всю испещренную различнымъ нелепымъ басно- творствомъ. Ихъ верховный богъ — Зе- весъ, и сонмы ихъ боговъ, кроме Зевеса, смертные человеки. Но кто ныне, при све- те наукъ, почитаетъ слабыхъ людей все- сильными Богами? Ныне не воздвигаются олтари порокамъ подобно божеству, какъ воздвигали ихъ некогда непросвещенные Ри- мляне. И къ чему такіе олтари могутъ ве- сти людей, которыхъ назначеніе высокое, священное, небесное?

Многія Государства существовали на лице земли, — и ихъ деянія покрыты глу- бокою неизвестностію. Можетъ быть спра-

видливо, что Цельтическіе народы были когда владыками почти всей Европы; может быть справедливо, что ихъ области простирались отъ Оби до мыса Финистерскаго. ни ихъ преданія, ни пѣсни ихъ Бардовъ унесенныя превратностію дѣлъ человѣческихъ не сохранили намъ во всей точности ихъ подвиговъ и ихъ славы. Одинъ древній ихъ языкъ остался ихъ памятникомъ, — и ни только слѣды его, находимые въ мѣстахъ далеко отстоящихъ одно отъ другаго, служатъ нѣкоторымъ свидѣтельствомъ ихъ столь великому могуществу; но сіи слѣды отбрасываютъ самое слабое мерцаніе на ихъ Исторію. Я воображаю восемь сотъ шестьдесятъ второй годъ по Р. Х., и я вижу, что однѣ лѣтописи Преподобнаго Нестора пробудили отъ мертваго сна бытіе нашего Государства. Нѣтъ сомнѣнія, что оно существовало прежде сего періода. Хочу воображеніемъ моимъ летѣть къ началу его происхожденія; и я вижу предъ глазами моими завѣсу, за которою его истинная дальнѣйшая древность таится во мракѣ неизвѣстности.

Безъ сомнѣнія можно открывать бытіе Царствъ въ бытіи кургановъ, олтарей, столповъ, развалинъ, статуй, картинъ, монетъ безъ надписей, праздниковъ, торжественныхъ обрядовъ; но сіи первые историческіе источники, изъ которыхъ почерпаются повѣство-

ванія о происшествіяхъ, суть памятники нѣмые, и они слѣдственно темны для самаго любопытнѣйшаго изыскателя. Въ нихъ заключаются одни гаданія; они носятъ на себѣ только общія черты правдоподобія. Одна Исторія, — памятникъ живой, говорящій съ нами въ письменахъ; одна Исторія открываетъ намъ истину въ полномъ ея видѣ; и мы безъ нее не знали бы ни воинственныхъ Мильтіадовъ, ни справедливыхъ Фокіоновъ, ни строгихъ Катоновъ, ни безкорыстныхъ Фабриціевъ, ни неустрашимыхъ Дециевъ, всегда готовыхъ положить жизнь за спасеніе отечества. Герои, защитники человѣчества, невозвѣщенные потомству, навѣкъ умерли; многія дикія племена, неозаренныя свѣтомъ наукъ, погибли и не оставили по себѣ ниже слѣдовъ существованія своего на земли. Безъ Исторіи мы не знали бы никакихъ учрежденій славныхъ народовъ, бывшихъ въ свѣтѣ. Исторія, сія нелицемѣрная свидѣтельница временъ, сіе чистое зерцало истины, сіе всегдашнее хранилище памяти, сія благодѣтельная наставница жизни, сія вѣрная вѣстница древности, — Исторія чрезъ многіе ряды столѣтій донынѣ соблюдаетъ намъ законы Моисея, Ликурга, Солона. — И безъ Исторіи вѣчно младенчествовалъ бы нашъ умъ и въ познаніи человѣка, и въ познаніи Творца, и въ познаніи путей Его небеснаго провидѣнія, милующаго за добродѣ-

тель, и карающаго за пороки родъ человѣческій.

Мы, созданіе всемогущаго Бога и дѣло рукъ Его, мы, предъ всѣми прочими твореніями одаренные высокими качествами душевными, съ науками, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ приближаемся къ источнику безконечной Его мудрости. Представьте себѣ просвѣщеннаго человѣка и представьте невѣжду.

Человѣкъ образованный науками, предаваясь глубокимъ размышленіямъ о природѣ, о Создателѣ ея, о Его промыслѣ, какъ полубогъ умножаетъ съ ними бытіе свое; онъ какъ полубогъ мыслями переносится въ отдаленнѣйшія времена; какъ полубогъ мгновенно протекаетъ воображеніемъ вселенную; какъ полубогъ изъ опытовъ многихъ вѣковъ отъ поступковъ предвидитъ счастливыя и бѣдственныя событія въ жизни своей и въ жизни другихъ; и какъ полубогъ, зная сцѣпленіе вещей, причинъ и ихъ дѣйствій, читаетъ въ настоящемъ, какъ въ книгѣ будущую судьбу и Царствъ и народовъ.

Совсѣмъ другой человѣкъ невѣжда. — Его зрѣніе простирается не далѣе роднаго его края, гдѣ онъ получилъ свое существованіе — назначеніе, которое ему столько же непонятно, сколько можетъ быть непонятно суще-

ствованіе другихъ творений, его окружающихъ. Невѣжда пригвожденъ къ землѣ подобно физическому существу. Невѣжда растетъ однимъ тѣломъ, не укрѣпляяся въ способностяхъ души; и умъ невѣжды, сжатый въ тѣсной сферѣ, едва ли имѣетъ предѣлы большіе инстинкта живошнаго, которое раздѣляетъ съ нимъ тяжелые труды его.

Властелины свѣта! вы распространяете науки. Безъ сомнѣнія вы изъ опытовъ столѣтій и изъ собственныхъ своихъ опытовъ знаете, что лучше царствовать надъ просвѣщенными умами, нежели надъ дикимъ варварствомъ. Кто понимаетъ обязанности свои и обязанности другихъ, тотъ исполняетъ ихъ несравненно съ большею точностію.

Но если кто, образованный науками, имѣетъ волю испорченную; тогда позоръ прямо падаетъ на виновника своего позора, совсѣмъ не на науки: потому что ихъ единственная цѣль — исправленіе воли и сердца человѣческаго. Когда полезнымъ, нужнымъ орудіемъ отнимается жизнь у людей, намъ подобныхъ; тогда не орудіе, человѣкъ злодѣйствуетъ; тогда не орудіе, но злодѣй судится за свое злодѣйство и подвергается достойному наказанію. И человѣкъ, знающій науки, но не имѣющій добрыхъ качествъ и добрыхъ склонностей, не почитается обра-

зованнымъ, но такимъ, въ которомъ науки разсѣяли только нѣкоторый мракъ, а не озарили его всѣмъ свѣтомъ своимъ. По крайней мѣрѣ, между людьми, занимающимися науками, мы видимъ болѣе такихъ, которые со всею кротостію повинуются ихъ полезнымъ наставленіямъ. И гдѣ науки процвѣтаютъ, тамъ не только частные люди, тамъ цѣлые народы оставляютъ варварство въ своихъ поступкахъ. — Суровые Греки перестали быть суровыми, когда услышали сладостное пѣніе Поэзіи Аполлона, Орфея, Амфіона. Но до сей епохи живя въ дебряхъ и пещерахъ, они болѣе походили на дикихъ звѣрей, нежели на человѣковъ.

Гдѣ науки насаждены, тамъ онѣ вообще смягчаютъ дикость нравовъ. У просвѣщенныхъ Европейцевъ общества супружескія — общества равныя. Мужъ и жена пользуются одинакими правами; они несутъ на себѣ бремя одинакихъ обязанностей; у Европейцовъ мужъ и жена составляютъ одно лице, имѣютъ одни желанія, одни отвращенія, имѣютъ одни чувства, одну душу, которая движетъ и направляетъ ихъ жизнь ко благу семейственнаго состоянія. И если у Европейцевъ отъ несогласія характеровъ происходятъ между мужемъ и женою распри и несчастные разрывы супружескаго союза, то между ими не случается жестокостей и

варварскихъ поступковъ другъ съ другомъ. У Европейцевъ въ обоихъ лицахъ одинаково уважается достоинство человѣка. —

Какая мрачная картина представляется мнѣ, когда отъ Европы обращаю взоръ мой на отечество нѣкоторыхъ Американскихъ варваровъ! Тамъ слабый женскій полъ въ столь бѣдственномъ состояніи, что суровое выраженіе *неволя* не изображаетъ его въ настоящемъ видѣ. Жалкія Американки, подобно животнымъ, носятъ на себѣ всѣ тяжести, тогда какъ ихъ мужья сидятъ въ бездѣйствіи, или дремлютъ въ безпечности. Жалкія Американки, обреченныя на всегдашніе труды, исполняютъ самыя несносныя работы, свойственныя крѣпкимъ силамъ однихъ мущинъ. Американцы безъ всякихъ чувствъ сострраданія возлагаютъ на нихъ дѣла за дѣлами, требуютъ отъ нихъ всей возможной услуги, и не изъявляютъ имъ за нихъ ниже знака благодарности, ниже знака удовольствія. Въ нѣкоторыхъ странахъ Америки сіе унизительное состояніе женщинъ столь ужасно, что сердобольныя матери, въ предотвращеніе безконечно бѣдственной замужней жизни своихъ дочерей, убиваютъ ихъ въ минуту ихъ рожденія. Невинный младенецъ родится, чтобъ жить; но смерть, нанесенная ему убійственною рукою матери, сноснѣе для него жизни съ вѣчными страданіями.

Просвѣщенныя Европейскія націи принимаются за оружіе съ холоднымъ равнодушіемъ. Онѣ начинаютъ войну по убѣжденіямъ мудрой политики, или съ тѣмъ чтобъ отразить грозящую опасность, или чтобы предупредить далекое бѣдствіе, которое къ нимъ можетъ стать близко, если не возмутъ осторожности противъ замысловъ коварнаго сосѣда. Ихъ война свободна отъ половины ужасовъ, обыкновенно ее сопровождающихъ; въ ихъ войнѣ строго уважаются священныя права народныя.

Но что мы видимъ, когда читаемъ о войнахъ между дикими народами? Слѣды ихъ войны — слѣды крови и самыхъ страшныхъ разореній. Вообразимъ Вандаловъ, двинувшихся изъ Испаніи въ Африку. Тридцать тысячь — горсть дикихъ ратаевъ — опустошаютъ сей край болѣе, нежели сколько можетъ опустошить язва, или голодъ. Ихъ мечи нещадятъ ничего, ни возраста, ни пола, ни старости, ни сана; ихъ пламя пожигаетъ все, поля и нивы, города и села; и страна богатая, страна цвѣтущая, страна плодоносная въ короткое время превращается въ пустыню. Африка, говоритъ историкъ Прокопій, претерпѣла столь великія бѣдствія, столь великое опустошеніе, столь великое избіеніе людей, что путешественникъ, странствуя по ея областямъ, не-

встрѣчается по нѣскольку дней на пути своемъ ни съ однимъ человѣкомъ. Отъ рукъ варваровъ легли костьми на полѣ кровавой сѣчи около пяти милліоновъ жителей. Страшная картина, приводящая въ трепетъ всѣ чувства человѣческія! Я отвратилъ бы мой взоръ отъ нее, и не представлялъ бы ее вамъ; но вы, смотря на нее, видите въ ней разительнѣйшія черты, отличающія образованный народъ отъ необразованнаго.

Цицеронъ въ похвалу наукамъ говоритъ: прочія вещи неприличны ни всякому времени, ни всякому возрасту, ни всякому мѣсту. Науки юношество питаютъ; науки украшаютъ въ счастіи; въ несчастіи подаютъ прибѣжище и утѣшеніе; увеселяютъ дома; не препятствуютъ въ другихъ мѣстахъ; науки всегда пребываютъ съ нами; съ нами странствуютъ и съ нами неразлучно обитаютъ въ сельской нашей жизни. Такая Цицеронова похвала наукамъ должна воспламенить въ сердцахъ юношества всю любовь къ нимъ, все прилѣжаніе, все усердіе къ образованію себя ими. . . .

Профессоръ Покровскій.

Ярославль.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Для чего Англія требуетъ отъ другихъ Державъ уничтоженія торга черными невольниками?

Audiatur et altera pars.

Четыре уже года Англія, касательно торга Неграми, подражаетъ Гелону Сиракузскому, которой, побѣдивши Кареагенцевъ, при заключеніи съ ними договора за главное условіе предложилъ, чтобы они перестали закалать людей на жертву. Въ самомъ дѣлѣ торгъ черными невольниками есть такое беззаконіе, противъ котораго, какъ только зайдетъ о немъ рѣчь, должно вооружаться и кричать изо всей мочи!

Посмотримъ, какъ остроумно и какъ мѣтко говоритъ о семъ знаменитый Монтескій:

„Если бы надлежало мнѣ защищать право, „по которому мы порабощаемъ Негровъ, то „вотъ что бы я сказалъ:

„Европейскіе народы, истребя Американ„цевъ, должны были дѣлать рабами Африкан„цевъ, чтобы посредствомъ ихъ обработывать „такое множество земель.

„Сахаръ очень бы вздорожалъ, если бы надъ „растѣніемъ, его производящимъ, не заставляли трудиться рабовъ.

„Тѣ, о которыхъ мы говоримъ, черны съ „ногъ до головы, и носъ у нихъ такъ сплюснутъ, что почти не возможно сожалѣть о „нихъ.

„Никакъ не можно вообразить, чтобы „Богъ, Существо толико премудрое, вложилъ „душу, а особливо добрую, въ черное тѣло.

„Мысль, что цвѣтъ составляетъ сущ„ность человѣчества, столь естественна, что „Азіятцы, дѣлающіе евнуховъ, всегда лишаютъ „черныхъ того особеннаго сходства, которое „они имѣютъ съ нами.

„О цвѣтѣ кожи можно судить по цвѣту „волосъ, который Египтяне, первые въ свѣ„тѣ мудрецы, считали дѣломъ столь важ„нымъ, что осуждали на смерть всѣхъ ры„жихъ людей, которые попадались къ нимъ „въ руки.

„Что у Негровъ нѣтъ здраваго разсудка, „доказательствомъ можетъ служить и то, „что они предпочитаютъ стеклянное оже„релье золоту, которое у просвѣщенныхъ „народовъ считается столь важнымъ.

„Никакъ не льзя повѣрить, чтобы сіи „люди были люди; ибо, если вѣрить, что они

„люди, то начнешь думать, что мы и сами „не хрістіяне.

„Малоумные слишкомъ увеличиваютъ не„справедливость, дѣлаемую Африканцамъ; ибо „если бы она была въ самомъ дѣлѣ такова, „какъ они говорятъ, то не уже ли не при„шло бы въ голову Европейскимъ государямъ, „заключающимъ между собою такое множе„ство безполезныхъ договоровъ, сдѣлать одинъ „общій въ пользу милосердія и сострада„нія (*)?“

Можно ли что-либо сильнѣе етаго сказать о торгѣ черными невольниками? можно ли придумать вопреки ему доказательства болѣе основательныя, почерпнутыя изъ политики, нравственности и религіи? Но отложимъ въ сторону гнусность етаго торгу; ибо наше дѣло только показать побудительныя причины той ревности, съ какою Англійское правительство старается уничтожить сей постыдной промыселъ. Гнусность упомянутаго торгу существуетъ уже не одно столѣтіе; и однакожъ не въ тѣхъ Европейцахъ сперва пробудилось нравственное отъ него отвращеніе, для которыхъ донынѣ не переставалъ онъ быть прибыточнымъ. Имѣть колоніи или полезно для Европы (такъ гово-

(*) *О существѣ законовъ, книга XV, глава V.* Въ Русскомъ переводѣ Ч. II, стран. 251 и 252. Москва 1810. 8.

рятъ они), или безполезно. Допустивши первое, надобно заботиться и о средствахъ, обезпечивающихъ владѣніе колоніями. Еслижъ имѣть ихъ безполезно, то и споръ о несправедливости торга черными невольниками самъ собою прекращается. Предметъ сей принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ одобрять никакъ не можно, но которые должны быть терпимы, потому что мы не умѣемъ замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучшимъ. Не все то что криво, можетъ быть выпрямлено за одинъ разомъ; и кто затѣялъ бы вводить внезапныя перемѣны въ политическихъ отношеніяхъ государствъ Европы, тотъ безъ сомнѣнія прослылъ бы вреднымъ человѣкомъ. Не былоль говорено въ самой Англіи, что судьба Африканцевъ, находящихся въ колоніяхъ Америки, хотя и кажется строгою, но что она гораздо сноснѣе злосчастной доли людей, служащихъ въ самой Англіи по разнымъ ея провинціямъ. Принимаясь исправлять что нибудь, лучше всего начать съ себя самихъ; и потому трудно понять, для чего бы Англійское правительство имѣло болѣе человѣколюбія и состраданія къ жителямъ Гвинеи, нежели къ своимъ собственнымъ подданнымъ.

Причины общія, изъ человѣколюбія и умозрѣній выводимыя, часто бываютъ подозрительны. Г. Кларсонъ, извѣстный противникъ торга черными невольниками, доказалъ Англичанамъ, что сей торгъ есть не иное

что какъ открытый гробъ для Англійск[...]
матросовъ, что онъ приноситъ болѣе ущ[...]
ба нежели прибытка, что вмѣсто его бы[...]
бы гораздо выгоднѣе торгъ земными про[...]
веденіями, и что наконецъ уничтоженіе о[...]
го торга и для Англіи и для ея колоній [...]
только не будетъ вреднымъ, но даже дост[...]
витъ великія выгоды какъ первой, такъ и п[...]
слѣднимъ. Ежели ето разсужденіе осно[...]
тельно, то какое должны мы выводить и[...]
него заключеніе? Именно то, что уничтоже[...]
торга черными невольниками будетъ чрезвыча[...]
но полезно; но чтобы равнымъ образо[...]
и для другихъ народовъ, вмѣстѣ съ Англич[...]
нами въ семъ торгѣ участвующихъ, произо[...]
шли отъ сего какія нибудь выгоды — ето н[...]
какъ еще не доказано. Англія имѣетъ колоні[...]
на Гвинейскомъ полуостровѣ и при рѣкѣ Се[...]
негалѣ; слѣдственно имѣетъ она и возмож[...]
ность съ немаловажною для себя пользою в[...]
ести мѣновой торгъ земными произведені[...]
ми. Англійскія колоніи не только ничего не
потеряли въ двадцатилѣтнее продолжені[...]
Французской революціи, но еще упадокъ дру-
гихъ приумножилъ богатства ихъ и возвы-
силъ благосостояніе. Англія съ помощію сво-
ихъ флотовъ господствуетъ надъ морями, и
имѣетъ тысячи такихъ средствъ, какихъ
другія Державы имѣть никакъ немогутъ;
слѣдственно дивиться не чему, если она от-
ступается отъ торга черными невольниками,

торымъ сама исключительно не можетъ поль-
оваться, и который должна была бы вести
ъ совокупной пользѣ Франціи, Испаніи и Пор-
тугалліи. Но давно ли вошло въ обычай, что-
ы одно государство, достигши до извѣстныхъ
выгодъ, и другимъ государствамъ предписы-
ало непремѣнно пользоваться ими? давно ли
ринято такое правило, чтобы достигшій
цѣли отъ своихъ сподвижниковъ, хотя впрочемъ
отставшихъ назади, домогался, дабы и они
себя воображали при тѣхъ же выгодахъ? Лег-
ко можно удостовѣриться, что принятыя
Англіею правила касательно торга черными
невольниками не суть слѣдствіемъ одного ве-
ликодушія, и что онѣ проистекаютъ не изъ
самаго чистаго источника. Но, неговоря ничего
рѣшительно по сему предмету, положимъ,
на примѣръ, что Франція, Испанія, Порту-
галлія или другія Державы, или изъ признатель-
ности, или побуждаемыя терпимостію вѣро-
исповѣданій, при заключеніи договоровъ сво-
ихъ возлагали бы на Англійское правительство
обязанность даровать всѣ гражданскія права
Ирландскимъ католикамъ. Униженіе и полити-
ческая тѣснота Ирландскихъ католиковъ гораз-
до тягостнѣе, какъ мы знаемъ, состоянія чер-
ныхъ невольниковъ на островахъ Антиль-
скихъ; ибо сіи бѣдняки, принадлежа госпо-
дамъ своимъ, пользуются ихъ снисхожденіемъ
столько по крайней мѣрѣ, сколько самолюбіе
требуетъ того отъ послѣднихъ. Предположимъ,

я повторяю, что тронутые состраданіемъ и слѣдуя примѣру Англичанъ, Франція, Испанія, Португаллія и другія государства стали бы у Англійскаго правительства домогаться освобожденія Ирландскихъ католиковъ. На вѣрное оно отвѣчало бы такимъ образомъ: Признаю и уважаю ваши правила терпимости, даже руководствуюсь ими, сколько позволяетъ мнѣ возможность; но вашего требованія никакъ немогу исполнить. Даровавъ политическія права Ирландскимъ католикамъ, надлежало бы нарушить конституцію, на которой утверждены могущество и благосостояніе Англіи. Епископы и Перы католическіе не могли бы засѣдать въ Парламентѣ, не причинивъ замѣшательства. Еще должно прибавить, что ни одинъ изъ Министровъ, а тѣмъ болѣе Король Англіи, не могутъ быть католиками. Жаль, очень жаль Ирландскихъ католиковъ; должно признаться, что весьма обидно запрещать человѣку пользоваться всѣми правами гражданства, потому только что онъ родился и воспитанъ въ другой религіи: но доколѣ не исчезнутъ противурѣчія между ученіемъ католическимъ и протестантскимъ, до тѣхъ поръ не льзя прекратить существующаго раздѣленія. Нѣтъ, въ Британіи никакъ неможно согласиться на предлагаемую вами терпимость вѣроисповѣданій. — Что сказать на ето? Каждой человѣкъ воленъ знать болѣе, или менѣе, почему не можетъ поступать по правиламъ.

умозрѣній; а если такъ, то для чего же бы равно Франціи, Испаніи и Португалліи не вольно было изъясняться, на примѣръ, такимъ образомъ; Мы совершенно согласны, что нехорошее дѣло насиліемъ, или хитростію исторгать людей изъ нѣдра ихъ отечества и семейства, запирать ихъ какъ скотину, перевозить ихъ въ страну чужую, въ страну, которая навѣки останется для нихъ чужою; продавать ихъ колонистамъ, во сто разъ жесточайшимъ нежели самые ихъ похитители; на конецъ побоями принуждать ихъ къ работѣ, изнурительнѣйшей нежели на галерахъ: Но какъ же намъ отказаться отъ такой неприятности, имѣя у себя колоніи, которыя въ теперешнее время, болѣе нежели когда-либо, требуютъ заботъ и стараній? Бѣлыхъ на тѣ работы употребить не можемъ, ибо долголѣтніе опыты намъ показали, что въ климатѣ жаркомъ и вмѣстѣ влажномъ, въ которомъ хорошо родится сахарной тростникъ и кофе, бѣлые люди не способны къ такой работѣ. Можемъ вовсе лишиться нашихъ колоній, когда необходимость того потребуетъ; но пока еще ими владѣемъ, до тѣхъ поръ неможемъ отказаться отъ торга черными невольниками, ни отъ способовъ доставать сихъ работниковъ. —

Такое изъясненіе столько же основательно, или даже еще основательнѣе приведеннаго

нами выше въ пользу Англичанъ. А если такъ, то почему же бы Франція, Испанія Португаллія неимѣли равнаго права отклонить требованіе Англіи, права, какое послѣдняя конечно почитала бы законнымъ вразсужденіи отказа на домогательства упомянутыхъ Державъ, когда бы онѣ вздумали главнымъ условіемъ мирнаго трактата предложить освобожденіе Ирландскихъ католиковъ? Ежели торгъ черными невольниками противенъ всякой справедливости; ежели онъ возбуждаетъ отвращеніе въ человѣколюбивомъ сердцѣ: то, кажется, очень довольно будетъ, когда Англія отъ него отречется и тѣмъ отдалитъ отъ себя всякія нареканія. Англія весьма хорошо все это знаетъ, и однакожъ хочетъ быть избавительницею міра. Предположимъ на часъ, что етотъ ненавистной торгъ равно вреденъ и для колоній Французскихъ, Испанскихъ, Португальскихъ, какъ для Англійскихъ; въ такомъ случаѣ тѣмъ выгоднѣе для Англіи, когда она одна отъ него откажется. Но за чѣмъ уничтоженіе торга неграми провозглашать въ качествѣ политическаго закона для всей Европы? Англія немогла не предвидѣть, что торгъ черными невольниками часъ отчасу будетъ ей убыточнѣе, и для того нашлась принужденною возвратить нѣкоторыя завоеванныя ею колоніи, или потому что не въ силахъ была долѣе удерживать ихъ за собою, или же по той причинѣ что етаго требова-

а политика. Теперь, чтобы упомянутыя колоніи снова не пришли въ цвѣтущее состояніе, она провозглашаетъ себя защитницею Негровъ къ сущему вреду свободы Европейцовъ. Она безъ сомнѣнія лучше всякой другой Державы знаетъ, что колоніи составляютъ и предметъ и подпору морскихъ силъ, и что колоніи не иначе могутъ быть снова полезны Франціи, Испаніи, Португалліи, а отчасти и Голландіи, какъ ежели будутъ подкрѣпляемы народомъ, привозимымъ изъ Африки. Чтожъ ей дѣлать остается, дабы отчасу болѣе утверждать перевѣсъ свой на морѣ? Уничтожить торгъ черными невольниками, и тѣмъ истребить въ самомъ основаніи торговлю другихъ націй. Одною рукою она отдаетъ, другою истребляетъ. Она чувствуетъ перевѣсъ свой въ теперешнее время, и знаетъ, что можетъ все получить, чего только ни пожелаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое начнутъ государства, принимающія въ морской торговлѣ ближайшее участіе? Воспротивиться Англіи — значило бы дать поводъ къ новой войнѣ, которой всѣ хотятъ избѣгнуть; согласиться — значило бы дать возможность привести себя въ безсиліе, при которомъ правда можно пользоваться спокойствіемъ, но уже безъ тѣхъ средствъ, коими обезпечивается народная независимость. Не разъ уже сдѣлано было замѣчаніе, что съ уничтоженіемъ рабства въ Европѣ надлежало для нее учре-

дить новую подпору въ колоніяхъ. Не входимъ теперь въ изслѣдованіе, какъ далеко простирается необходимость сей мѣры; но опыты научаютъ, что свобода Европы основана по видимому, большею частію на отношеніяхъ ея колоній къ Африкѣ. Нынѣ пришлось бы подвергнуться новымъ опытамъ, согласившись на требованія Англіи. О покореніи острова Сенъ-Доминго Франція, кажется, вовсе уже не помышляетъ; и тѣмъ для нее лучше: ибо всѣ по сему предмету усилія, скорѣе должно думать, обратились бы въ ничто, нежели доставили бы какую нибудь пользу. Что же будетъ съ другими колоніями безъ острова Сенъ-Доминго? Положеніе Франціи тѣмъ еще болѣе незавидно, что Англія послѣднимъ трактатомъ лишила ее способовъ защищать свои колоніи, или получать отъ нихъ выгоды. Онѣ каждую минуту подвержены произволу могущественной Англіи, а это уже одно должно удерживать отъ значительныхъ издержекъ, которыя слѣдовало бы употребить или для обороны ихъ, или съ тѣмъ чтобы поправить ихъ состояніе. Одно только остается средство сохранить общую свободу и независимость — это отреченіе отъ правъ собственности надъ колоніями, разумѣя въ обыкновенномъ смыслѣ сіе выраженіе; а какъ сего сдѣлать иначе не можно, развѣ только даровавъ колонистамъ свободу и отечество, то и надобно рѣшиться на сію чрезвычай-

чую жертву, а прочее оставить на волю Провидѣнія.

Когда бы Англія въ самомъ дѣлѣ пеклась о свободѣ и благосостояніи Европы и когда бы чистосердечно хотѣла охранять ее; то конечно бы обратила вниманіе свое на предметъ важный, достойный благороднаго образа ея мыслей, — я разумѣю прекращеніе разбоевъ на Средиземномъ морѣ. Уже нѣсколько вѣковъ продолжается етотъ ужасной безпорядокъ, и Англія смотритъ на него спокойнымъ окомъ, единственно потому что онъ вовсе для нее невреденъ, между тѣмъ какъ отъ нее совершенно зависитъ истребить разбойническія гнѣзда, столь гибельныя для Испанской, Португальской и Италіянской торговли. Если бы правило: *неограниченная свобода торговли служитъ основаніемъ общему благосостоянію*, еслибъ сіе правило имѣло истинную цѣну свою въ глазахъ Англичанъ, то бы ненужно было другимъ заохочивать ихъ къ совершенію столь прекраснаго подвига. Но Англія во всѣ времена навлекала на себя подозрѣніе, яко бы она съ удовольствіемъ смотритъ на разбои, которые безпрерывно свирѣпствуютъ на морѣ Средиземномъ. Тотъ способъ, которымъ она вступается за свободу черныхъ невольниковъ, дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ оное подозрѣніе. Народамъ, неимѣющимъ значительнаго участія во всемірной

торговлѣ, Англія всегда можетъ казаться въ выгодномъ свѣтѣ; но въ состояніи ли она судить о ней надлежащимъ образомъ? На это согласиться трудно. Всего надежнѣе судить по дѣяніямъ; и потому не хотимъ порицать тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что чужое благополучіе всегда возбуждаетъ въ Англичанахъ зависть и недоброхотство, что успѣхи другихъ народовъ они почитаютъ себѣ обидными, и что они походятъ на сребролюбца, сѣдящаго на мѣшкѣ золота и жадными глазами смотрящаго на послѣдній талеръ, въ рукѣ бѣдняка свѣтящійся. По мнѣнію Англіи, она только одна должна быть средоточіемъ всемірной торговли, быть мануфактурой, изъ которой всѣмъ людямъ надлежитъ запасаться нужными для себя потребностями. Англія думаетъ, что ей принадлежитъ право черпать изъ всѣхъ источниковъ и распространяться въ каждую сторону, куда только ей заблагоразсудится: можетъ быть въ сихъ мнѣніяхъ есть излишество, а можетъ быть причина ихъ сокрыта во внѣшнихъ отношеніяхъ. Поступки ея оправдываются внутри государства: тотъ однако же грубо ошибся бы, кто всѣ шаги ея сталъ бы приписывать единственно безкорыстнымъ побудительнымъ причинамъ. И къ народамъ, не только къ людямъ, въ особенности относить можно извѣстное изреченіе: Vitiis nemo sine nascitur;

ptimus ille est, qui minimis urgetur (*). И такъ положимся на Промыслъ! Каждой доброй поступокъ влечетъ за собою невидимыя слѣдствія, которыя рано, или поздно сдѣлаются явными. Хотя и могутъ казаться подозрительными тѣ причины, кои убѣждаютъ Англичанъ неотступно требовать уничтоженія торга черными невольниками; но дѣло сіе само по себѣ есть препохвальное и слѣдствія его непремѣнно откроются: а будутъ ли онѣ полезны и для самыхъ даже Англичанъ — это покажетъ время. Ошибается Англія, если думаетъ, что ей суждено поправлять порчу въ старинномъ порядкѣ общежитія, какъ въ самой Европѣ, такъ и внѣ оной. Будетъ ли она въ состояніи удержать въ неизмѣняемости свою сущность, также причастную недостаткамъ, когда все окрестъ ея самой измѣнится? Мы видимъ чрезвычайныя происшествія въ мірѣ; хотя и кажутся онѣ маловажными неопытному оку, однакожъ онѣ носятъ въ себѣ бремя будущихъ событій и заставляютъ ожидать великихъ перемѣнъ въ нынѣшнихъ дѣлахъ Европы. Движеніе въ народахъ, на которое смотримъ уже двадцать четыре года, дотолѣ не можетъ утихнуть, пока не установится равновѣсіе — не то, которое мы подъ симъ словомъ разумѣть привыкли.

(*) Нѣтъ человѣка, которой бы не имѣлъ своихъ пороковъ; изъ всѣхъ лучшій тотъ, въ комъ пороки самые маловажные.

Всегда такѣ было, что дѣла человѣческія, ходясь подѣ вліяніемѣ нѣкоей особливой, нынѣ еще мало извѣстной, но тѣмѣ не нѣе собственной роду человѣческому сил обыкновенно простирались далѣе той цѣл которую предполагали принимавшіе на се заботу управлять теченіемѣ оныхѣ. И сим но очевиднѣйше доказывается бытіе Проми сла, обѣемлющаго всю громаду міра. Возл жимѣ же упованіе наше на сей Промыслѣ обращающій во благое и добрыя и злыя на чинанія слабыхѣ смертныхѣ! Предпріяті людей возникаютѣ вѣ одно мгновеніе ока, вѣ одно же мгновеніе исчезаютѣ; но ест вѣчность, независящая отѣ ихѣ произвола.

(Изъ Нѣм. Бухгольцова Жур.)

IV. СМѢСЬ.

Опытѣ критическихѣ мыслей и замѣчаній.

(Продолженіе.)

Почему пишутѣ, что такой-то началь никѣ *разбилѣ непріятеля, взялѣ городѣ, положилѣ на мѣстѣ столько-то* и проч.

— онъ, который въ то время едва ли шагу вынималъ?

Я бы совѣтовалъ дурнымъ писателямъ болѣе заниматься своими нарядами; способъ сей, можетъ быть, придалъ бы болѣе *опрятности* ихъ сочиненіямъ.

Лучше просидѣть цѣлое утро за туалетомъ, нежели за убійственною поемою.

Лирическому поету весьма нужно покойнѣе спать и слаще ѣсть, чтобы онъ тяжелѣ *возносился.*

Комедію должно писать въ обществѣ, трагедію у себя въ кабинетѣ, оперу при женщинахъ; почему и написанную вами комедію читайте пріятелямъ, трагедію другу, оперу женщинамъ.

Если баснописецъ при дворѣ, то онъ либо худой баснописецъ, либо худой придворной.

Каждый можетъ написать епиграмму и каждый можетъ быть предметомъ оной.

Мадригалы невлюбленнаго стихотворца подобны стариннымъ моднымъ *мушкамъ*, безобразившимъ красавицъ.

Сколько *пѣсней*, которыхъ никто не поетъ и которыхъ не льзя пропѣть!

Многія пѣсни, если положить ихъ на ноты, будутъ безъ смыслу.

Ни чья память такъ неиспорчена, какъ *актеровъ*, *стряпчихъ* и *военныхъ людей.*

Ничто такъ не соблазнительно, какъ женская честность.

Ничто такъ необрусѣло, какъ шт...
и *ура*.

Никто такъ не портитъ *словъ*, какъ при-
казные и военные люди.

Никто такъ не близокъ къ монахамъ по
образу жизни своей какъ солдатъ, и никто
такъ не далекъ отъ солдата какъ монахъ.

Никто такъ скоро не забываетъ ближ-
нихъ своихъ, какъ дурной сочинитель и воен-
ной человѣкъ.

Трагикъ почитаетъ себя всѣхъ жесточе,
а комикъ будто бы замысловатѣе прочихъ.

Тѣ же люди въ военной службѣ дѣлают-
ся обходительнѣе, а въ статской спѣсивѣе.

Морскіе, посмѣваясь надъ водою, мало
оную употребляютъ.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба
никогда бы не пропадала, если бы не было по-
средниковъ.

Многимъ писателямъ нужнѣе, чтобы
здоровѣе у нихъ былъ умъ, нежели ихъ рука.

Нѣтъ неблагодарнѣе читателя и нѣтъ
терпѣливѣе типографщика.

Рѣдкой книгопродавецъ своимъ умомъ раз-
жился.

У ростовщика честь, у купца совѣсть,
а у сочинителя умъ въ продажѣ.

Епиграммы какъ спиртъ — выдыхаются.

Кто далъ каждому право бранить сочи-
нителя?

Сорвать личину съ лицемѣра можно одною только личностію.

Лицемѣръ пользуется околичностями.

Бранчиваго болѣе бьютъ, нежели бранятъ.

Въ семействѣ, говорятъ, не безъ урода: сколько же должно быть уродовъ! . . .

Глупому сыну не въ помощь богатство, говорятъ промотавшіеся родители.

Иную огромную книгу легко написать, но трудно прочесть, а и того труднѣе понять.

Никто не отнималъ права у сочинителя уличать порочнаго.

Пишите противъ пороковъ и выставляйте на видъ порочныхъ.

Поразивъ перомъ злодѣя, вращайте оное въ его ранѣ!

Какъ многимъ стихотворцамъ нужно *денегъ, денегъ, денегъ!* столько же многимъ изъ нихъ нужно *не писать, не писать, не писать!* . . .

Иной и много на своемъ вѣку видѣлъ, но ничего не замѣтилъ.

При длинномъ предисловіи часто книга ни куда не годится, а при хорошей книгѣ нѣтъ и предисловія.

Не рѣдко случается: чтобы понять переводъ книги, надобно заглянуть въ подлинникъ.

Каждый переводчикъ находитъ погрѣшности въ подлинникѣ.

Лѣкаря не больные, а здоровые помнят
Если бы больные сами составляли лѣкарства, они бы научили лѣкарей.

Рѣдкій лгунъ слышитъ вопросы.

Невѣжду не такъ затрудняютъ отвѣты какъ вопросы.

На глупой вопросъ всегда надобно приискивать глупой отвѣтъ.

Не такъ по отвѣтамъ, какъ по вопросамъ узнаютъ невѣжду.

Умъ, чувства и языкъ другъ друга изобличаютъ.

Не столько головы теряли ума, сколько умъ терялъ головъ.

Иные больные такъ пересказываютъ свои болѣзни, что давно бы имъ умереть надобно.

Никто такъ равнодушно не слушаетъ больнаго, какъ другой же больной.

Между учеными тотъ властвуетъ, кто менѣе изъ нихъ знаетъ.

Въ рѣдкомъ переводѣ не найдете глупости, либо умничанья.

Многіе переводы теряютъ отъ того, что они не подлинники; а болѣе есть подлинниковъ, которые теряютъ отъ того что они въ переводѣ.

Многія *подражанія* ни на что непоходятъ.
Подражанія тогда хороши, если не знаемъ подлинника.

Нѣкоторые переводы лучше подлинниковъ; многіе подлинники лучше переводовъ; еще и того болѣе есть подлинниковъ и переводовъ, которые никуда негодятся.

Многіе ученые на все смотрятъ глупо.

Многіе невѣжды одарены важнымъ видомъ.

Осанка невѣжды всегда важнѣе осанки ученаго.

Чиновный невѣжда всѣхъ Академиковъ переспоритъ.

По какому праву знатный невѣжда полагаетъ знать болѣе ученаго?

Знатная порода чаще надѣляетъ богатствомъ, нежели умомъ.

Часто богатство выгоняетъ умъ.

Богатство любитъ просторъ, почему не рѣдко умъ и честь не находятъ себѣ мѣста.

Деньгами можно закупить преученаго, но не науку его.

Познанія приобрѣтаются трудами.

Омировы герои ничто передъ нашими военными по донесеніямъ ихъ! . . .

Когда начальникъ во время сраженія самъ много суетится, знакъ, что ищетъ безопаснаго для себя мѣста.

Кто много хлопочетъ, тотъ не увѣренъ въ своемъ дѣлѣ; суетливый не досмотритъ, безпечный просмотритъ свое дѣло.

Безпечность военнаго равняется съ *куричей слѣпотою* часоваго.

Почему старая рана почтительнѣе новой? — Потому что та не всегда награждалась.

Иное перо острѣе ножа.

Иной умъ хмѣльнѣе самаго хмѣля.

Многіе умы опаснѣе глупости.

Дурака чаще можно узнать по смѣху; невѣжду по первому слову, умнаго по послѣднему — лгуна съ перваго до послѣдняго слова — порочнаго по глазамъ — гордеца по носу — злаго по бровямъ — сердитаго по волосамъ — обжору по щекамъ — ученаго по лбу — лѣниваго по бородѣ — и многихъ узнаешь по ушамъ! . . .

Многіе судьи безъ своихъ секретарей неvѣрятъ указамъ.

Лѣкарю, аптекарю и гробовому мастеру слѣдовало бы жить подъ одною крышкою.

У лѣкаря съ аптекаремъ и гробовымъ мастеромъ одно на умѣ и на сердцѣ.

Безъ лѣкарей обнищали бы и аптекари.

Аптекарь радуется болѣзни самаго лѣкаря.

Хорошо старое вино и старый другъ; хороша молодая жена и молодыя лѣта.

Никто такъ *неустрашаетъ* какъ мамки, да няньки.

Зубной врачъ пусть лучше обманываетъ, нежели обманывается.

Юноши боятся зубнаго врача; старики гробоваго мастера.

Многимъ сочинителямъ спасительнѣе *чернить* свои сочиненія, нежели оныя *перебѣлить* (переписать начисто).

Въ иной книгѣ ни чему такъ не удивишься, какъ хладнокровію *цензора*.

Простительно сочинителю, простительно типографщику, простительно книгопродавцу выпустить въ свѣтъ иную книгу, но не *цензору!* . . .

Сочинитель радъ сто разъ перечитывать свои сочиненія.

Ни что такъ не страждетъ отъ учтивства, какъ уши.

Учтивство вооружило многихъ наглостью.

Сама благопристойность даетъ поводъ многимъ къ неблагопристойности.

Болѣе всего надобно опасаться языка, глазъ, ушей!

Языкъ, глаза, уши почти всегда вооружаютъ сердце.

Богатые чаще употребляютъ *дѣйствительные глаголы*, бѣдные *страдальные!* ..

Одни стихотворцы да влюбленные чаще говорятъ *междометіями*.

У льстецовъ свой языкъ и свои обороты реченій.

Лесть взлелеяна на пуховикахъ,

Въ знатныхъ домахъ, кажется, и самы стѣны льстятъ.

Нигдѣ такъ не мучительны часовы маятники, какъ въ *приемныхъ* у вельможъ.

Сколько у чиновныхъ въ *переднихъ* каятниковъ безъ часовъ! . . .

Слово *такъ* обдумано льстецомъ передъ вельможею.

Слово *авось* вырвалось у бѣднаго смѣльчака.

Съ какимъ попеченіемъ запечатываютъ письма къ знатнымъ, и съ какимъ пренебреженіемъ оныя распечатываются! . . . .

Что лѣкарь испортитъ, то едва ли сама Природа исправитъ.

Переплетчикъ и портной самые дурные цѣнители достоинствъ.

Смотря по особѣ, весьма правильно ставить при почетныхъ названіяхъ *удивительные знаки*! . . .

Если бы лѣкари платили за каждаго умершаго пѣню въ больницу, тогда бы менѣе умирало.

Больные вспоминаютъ о здоровьѣ, но здоровые не помнятъ о болѣзни.

Вѣрность мужа ни чѣмъ не уступаетъ въ вѣрности жены.

Если бы у мужей дѣйствительно выростали рога отъ супружней невѣрности, тогда бы только что перемѣнили ческу волосъ.

Скупой сосѣдъ хуже неурожая хлѣба; *тяжебный* сосѣдъ хуже моровой язвы.

О! сколько непонятныхъ книгъ освященныхъ временемъ!

Если бы захотѣли вникнуть въ то, что многія книги содержатъ, то, право, стыдились бы имѣть ихъ въ библіотекѣ своей.

Почему, казалось бы, сердиться за правду, когда всѣ знаютъ, что отъ несправедливости родятся всѣ несчастія!

По *приказамъ* легко узнать начальника.

Многіе начальники вмѣшиваются въ дѣла своихъ *адъютантовъ*, а и того чаще многіе *адъютанты* вмѣшиваются въ дѣла начальничьи.

Говорятъ, что для слуги не было еще великаго человѣка, такъ равно и для горничной служанки нѣтъ красавицы.

Часы, показывая время, показываютъ и насъ самихъ.

Въ вѣчности нѣтъ времени — въ вѣчности одинъ часъ! . . .

Каждая красавица находитъ недостатки въ другой красавицѣ.

Обогатите нищаго, онъ едва ли подастъ милостыню.

О достоинствахъ военнаго человѣка надобно слышать отъ военныхъ же людей.

Иной храбръ потому только, что между трусами находился.

Хвастливый трусъ всегда впереди въ мирное время.

Никто такъ непорочитъ военное состояніе какъ хвастливый трусъ.

Спяжательные судьи и хвастливые трусы суть язвы въ своихъ сословіяхъ.

Хвастливый трусъ наиболѣе въ мирное время говоритъ о своихъ военныхъ подвигахъ.

Примѣтьте, что хвастливый трусъ болѣе на словахъ рубитъ, нежели милуетъ.

(Будетъ продолженіе.)

А. Писаревъ.

Московскія записки.

Древняя Столица наслаждается неизъяснимымъ счастіемъ зрѣть въ стѣнахъ своихъ Августѣйшаго своего Возстановителя, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, соизволившаго прибыть въ нее съ Высочайшею Фамиліей 30 числа Сентября въ 10 часу по полудни. Ничто не можетъ сравниться съ восторгомъ жителей Московскихъ, многочисленными толпами встрѣчающихъ появленіе обожаемаго МОНАРХА и провождающихъ ЕГО по стогнамъ царствующаго града.

— Красная площадь, бывшая позорищемъ безсмертныхъ подвиговъ Минина и Пожарскаго, скоро еще болѣе украсится бронзовымъ памятникомъ, въ честь сихъ избавителей Отечества воздвигаемымъ. Сіе знаменитое произведеніе

вательнаго искусства уже ставится на своемъ мѣстѣ. По мановенію АЛЕКСАНДРА упадетъ завѣса, и Герои, живущіе въ памяти и сердцахъ благодарнаго потомства, явятся любопытствующимъ его взорамъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Въ *Казанскихъ Извѣстіяхъ* содержатся нѣкоторыя, ненапечатанныя въ другихъ вѣдомостяхъ, обстоятельства касательно посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ *Михаиломъ Павловичемъ*, Казанскаго Университета. У крыльца главнаго корпуса Его Высочество былъ встрѣченъ Гг. Ректоромъ *Брауномъ*, Заслуженнымъ Профессоромъ, Директоромъ Гимназіи *Яковкинымъ*, и четырьмя Деканами. Вошедши въ залу, въ коей собрались учащіе и учащіеся Университета и Гимназіи, Его Высочество изволилъ принимать представлявшихся Ему Университетскихъ чиновниковъ. При семъ случаѣ Е. Профессоръ *Перевощиковъ* поднесъ сочиненное имъ привѣтствіе отъ лица Университета; Орд. Профессоры *Городчаниновъ* и *Вердерамо* поднесли сочиненные ими стихи; Заслуженный Профессоръ *Яковкинъ* свои сочиненія, а О. Профессоръ *Фуксъ* выгравированныя изображе-

нія рѣдкихъ древнихъ Татарскихъ монетъ своего минц-кабинета. Потомъ Его Высочество осматривалъ Музеумъ Естественной Исторіи и Кабинетъ Физическій, подаренный Университету г-мъ Турчаниновымъ. Когда Его Высочество изволилъ оттуда возвращаться, то представилось Ему *Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности*. Первый Членъ онаго, Заслуженный Профессоръ *Яковкинъ*, поднесъ недавно отпечатанный первый Томъ *Трудовъ* Общества; а сочленъ онаго, Адъюнктъ *Ибрагимовъ* сочиненное имъ на сей случай привѣтствіе въ стихахъ отъ имени Общества. Потомъ представлены были чиновники Казанской Гимназіи Директоромъ оной. Послѣ сего Его Высочество посѣщалъ залу Университета, въ коей бывали прежде публичныя собранія и Университетской Совѣтъ, и гдѣ нынѣ, по причинѣ истребленія пожаромъ Гимназическихъ зданій, помѣщаются ученики и нѣкоторые классы. Отсюда изволилъ пройти чрезъ залы Совѣта Университетскаго и Правленія въ Библіотеку, гдѣ изволилъ разспрашивать о многихъ предметахъ касательно оной Суббибліотекаря Е. Профессора *Кондырева*. При семъ представлены Его Высочеству отчетъ Библіотеки, печатныя сочиненія, читанныя на публичныхъ собраніяхъ Университета и обозрѣніе Университетскихъ пре-

подаваній. Наконецъ, осмотрѣвъ комнаты Студентовъ и учениковъ, Государь Великій Князь былъ препровожденъ Ректоромъ и Профессорами до коляски. Изъ Университета въ исходѣ 12го часа Его Высочество изволилъ отправиться въ Военно-Сиротское отдѣленіе.

*

Ерфуртская Академія полезныхъ наукъ предложила для рѣшенія слѣдующую задачу: „Освободительная война съ 1813 года по 1815 й „какое оказала вліяніе на человѣчество, разсма„триваемое во всей чистотѣ его? Война сія при„ближила ли его къ своей цѣли, или отъ нее отда„лила? По какимъ явленіямъ въ общественной и „гражданской жизни можно узнать ето, и въ ка„кихъ именно государствахъ Европы примѣтны „явленія, служащія доказательствомъ успѣховъ, „или обратнаго отступленія?“ Изъ многихъ предложенныхъ задачь сія преимущественно предъ всѣми избрана Княземъ Гарденбергомъ, Прусскимъ Канцлеромъ. По сему обстоятельству судить можно, съ какою свободою и безпристрастіемъ будетъ написано отвѣтное разсужденіе.

— Виже, Французскій поетъ, будучи въ болѣзни, написалъ себѣ слѣдующую епитафію, похожую на Пиронову:

Ci gît, qui fit des vers, les fit mal, et ne put,
Quoique il fut sans ésprit, être de l'Institut.

нія рѣдкихъ древнихъ Татарскихъ монет его минц-кабинета. Потомъ Его Высоч во осматривалъ Музеумъ Естественной рія и Кабинетъ Физическій, подаренный верситету г-мъ Турчаниновымъ. Когда Высочество изволилъ оттуда возвраща то представилось Ему *Казанское Об Любителей Отечественной Словесност* вый Членъ онаго, Заслуженный Профессоръ Я кинъ, поднесъ недавно отпечатанный пер Томъ *Трудовъ* Общества; а сочленъ Адъюнктъ *Ибрагимовъ* сочиненное имъ на случай привѣтствіе въ стихахъ отъ име Общества. Потомъ представлены были чин вники Казанской Гимназіи Директоромъ оно После сего Его Высочество посѣщалъ за Университета, въ коей бывали прежде публич ныя собранія и Университетской Совѣтъ, и гдѣ нынѣ, по причинѣ истребленія пожаромъ Гим назическихъ зданій, помѣщаются ученики и нѣкоторые классы. Отсюда изволилъ пройти чрезъ залы Совѣта Университетскаго и Пра вленія въ Библіотеку, гдѣ изволилъ разспра шивать о многихъ предметахъ касательно оной Суббибліотекаря Е. Профессора *Кондырева*. При семъ представлены Его Высочеству отчетъ Библіотеки, печатныя сочиненія, читанныя на публичныхъ собраніяхъ Университета и обозрѣніе Университетскихъ пр

[illegible]ваній. Наконецъ, осмотрѣвъ [illegible] Профессоровъ и учениковъ, Государь [illegible] былъ препровожденъ Ректоромъ и Профессорами до коляски. Изъ Университета въ [illegible]дѣ 12го часа Его Высочество изволилъ [illegible]правиться въ Военно-Сиротское отдѣленіе.

Ерфуртская Академія полезныхъ наукъ предложила для рѣшенія слѣдующую задачу: „Освободительная война съ 1813 года по 1815 й какое оказала вліяніе на человѣчество, разсматриваемое во всей чистотѣ его? Война сія приближила ли его къ своей цѣли, или отъ нее отдалила? По какимъ явленіямъ въ общественной и гражданской жизни можно узнать ето, и въ какихъ именно государствахъ Европы примѣтны „явленія, служащія доказательствомъ успѣховъ, „или обратнаго отступленія?“ Изъ многихъ предложенныхъ задачъ сія преимущественно предъ всѣми избрана Княземъ Гарденбергомъ, Прусскимъ Канцлеромъ. По сему обстоятельству судить можно, съ какою свободою и безпристрастіемъ будетъ написано отвѣтное разсужденіе.

— Виже, Французскій поэтъ, [illegible] болѣзни, написалъ себѣ слѣдующую [illegible] на Пиронову:

Ci gît, qui fit des vers, les fit mal [illegible]
Quoique il fut sans esprit, [illegible]

(Здѣсь лежитъ тотъ, который пис дурные стихи, и которой даже и безъ д рованій не могъ попасть въ Члены Инст тута.)

— Нѣкоторый адвокатъ очень малаго ро ста явился въ Англійскомъ судѣ въ качеств свидѣтеля. Другой адвокатъ исполинскаго ро ста спросилъ его, какого онъ званія человѣкъ. Первой объявилъ себя законовѣдцемъ. „Какъ!" восклицаетъ гигантъ: „вы законовѣдецъ? я могъ бы васъ вмѣстить въ своемъ карманѣ!" — Вы ето конечно можете сдѣлать; — опять от вѣчаетъ первой: но въ такомъ случаѣ у васъ въ карманѣ будетъ гораздо болѣе юридическихъ познаній, нежели въ головѣ вашей. —

Въ послѣднемъ 77 нумерѣ Петербургской газеты *Le Conservateur impartial* помѣщена статья подъ названіемъ: *Взглядъ на нынѣшнее состояніе Русской словесности.* По видимому, ето еще только начало; но мы переведемъ его, предоставляя впрочемъ мнѣніе автора суду нашихъ читателей.

„Въ царствованіе Императрицъ Анны и Елисаветы Европа видѣла рожденіе Изящной Словесности и Поезіи у народа, которой тогда еще самъ, такъ сказать, недавно былъ созданъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, ино-

тіе писатели, изумленные гигантскимъ шествіемъ Россіи на пути просвѣщенія, неусомнились первые опыты Русскихъ Музъ сравнивать съ образцовыми произведеніями языка Расиновъ и Вольтеровъ. Историкъ Левекъ смѣло поставилъ Сумарокова на ряду съ Лафонтеномъ, съ неподражаемымъ Лафонтеномъ, которому, по общему признанію, до сихъ поръ еще небыло равнаго.

„Нынѣ оставлены мнѣнія столь высокопарныя, столь вредныя успѣхамъ искусства. Наши Виргиліи, наши Цицероны, наши Гораціи исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенной древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ. Наши литтераторы уже принимаютъ сторону здравой Критики: г. *Мерзляковъ* доказалъ первой, что Херасковъ, впрочемъ весьма почтенной Писатель, очень далекъ отъ того чтобы быть вторымъ Гомеромъ, и что самая лучшая поема его далека даже отъ Вольтеровой Генріады. При такихъ обстоятельствахъ не безполезно бросить взглядъ на нынѣшнее состояніе Русской словесности и показать оное иностранцамъ. Мы ограничиваемся здѣсь Поезіей, съ нѣкотораго времени испытавшею перемѣну важную, достойную вниманія ученаго свѣта.

„Не смотря на усилія Радищева, Нарѣжнаго и нѣкоторыхъ другихъ, на усилія, которымъ, быть можетъ, со временемъ узнаютъ цѣну, въ нашей Поэзіи даже до начала 19 столѣтія господствовало ученіе, совершенно основанное на правилахъ Французской литтературы. Стихи безъ рифмъ непочитались стихами; одни только Лагарпомъ одобренные образцы имѣли у насъ достоинство; нехотѣли вѣрить, чтобы у Нѣмцовъ и Англичанъ могли быть хорошіе Поэты. Тиранство мнѣнія простиралось такъ далеко, что не смѣли принимать никакой другой мѣры кромѣ ямбической.

„Въ 1802 году г. Востоковъ изданіемъ своихъ *Опытовъ Лирической Поэзіи* изумилъ, можно даже сказать привелъ въ смущеніе публику; въ сей книгѣ увидѣли многія Оды Гораціевы, переведенныя мѣрою подлинныхъ стиховъ Латинскихъ. Онъ показалъ образцы стиховъ Сафическаго, Алцейскаго, Елегическаго, и говорилъ съ восторгомъ о произведеніяхъ Германской словесности, дотолѣ неизвѣстныхъ, или неуважаемыхъ.

„Но скоро, съ чѣмъ нельзя не согласиться, явились два человѣка, которые стараются исполнить на дѣлѣ то, что было начато Востоковымъ. *Гнѣдичь* вводитъ у насъ герои-

ческіе стихи древнихъ; сія новизна содѣлаетъ Иліаду его достопамятною епохой нашей словесности и будетъ торжествомъ хорошаго вкуса надъ предубѣжденіями. Съ другой стороны *Жуковскій* не только перемѣняетъ внѣшнюю форму нашей поезіи, но даже даетъ ей совершенно другія свойства. Принявши образцами своими великихъ Геніевъ, въ недавнія времена прославившихъ Германію, онъ далъ (выразимся словами одного изъ нашихъ молодыхъ поетовъ) *Германическій* духъ Русскому языку, ближайшій къ нашему національному духу, какъ тотъ свободному и независимому."

— Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ совѣтуютъ противъ многословія адвокатовъ принять обыкновеніе, извѣстное въ Венеціи, а именно: назначать по солнечнымъ часамъ время, въ продолженіе котораго господа адвокаты могутъ блистать своимъ талантомъ. Въ царствованіе Римскихъ Императоровъ въ подобныхъ случаяхъ были употребляемы водяныя часы, служившія для измѣренія времени, когда судебные ораторы произносили свои Рѣчи. Марціалъ въ одной епиграммѣ своей, говоря объ адвокатѣ, которой, прервавши утомительную Рѣчь свою, просилъ себѣ воды для утоленія жажды, совѣтуетъ напиться изъ часовой машины, и тѣмъ сократить время слушанія.

— Въ одномъ Французскомъ журналѣ п
мѣщенъ анекдотъ, хотя не новой, однакож
мало извѣстной, потому что въ свое врем
разглашать о немъ было бы крайне безразсудно
Въ день Буонапартовой коронацiи пущенъ был
на воздухъ шаръ съ короною ужасной величи
ны. Корона опустилась въ Римѣ, упала прям
на гробницу Нерона и разбилась въ дребезги
Етотъ случай разсказанъ былъ Буонапарту,
разумѣется съ возможною осторожностью. „Ну,
чтожъ?" отвѣчалъ онъ, подумавши съ мину
ту: „лучше такъ упасть, нежели въ грязь."

— Въ Италiи входитъ въ моду давать театральныя представленiя днемъ и подъ открытымъ небомъ. Такой театръ существуетъ въ Бононiи, а недавно открытъ подобной же и въ Венецiи.

О благотворительныхъ пособіяхъ бѣднымъ.

1.

Присланныя къ Редактору Вѣстника Европы при письмѣ изъ Вязьмы отъ неизвѣстной Особы, подписавшейся буквами Е. П., деньги 25 рублей, по назначенію благотворящей руки, отданы Настасьи Гавриловнѣ Чудновской (Вѣст. Евр. 1817, No. 15 и 16, стран. 312-316).

2.

Въ Nо 10 Вѣстн. Евр. сего года, на страницѣ 160 й неизвѣстная Особа, приславшая изъ Самары при письмѣ отъ 26 числа прошедшаго Апрѣля *двадцать пять* рублей, была увѣдомляема, что *Редакторомъ Вѣстника Европы* условіе ея принято быть не можетъ, и что ежели въ теченіе *двухъ мѣсяцовъ* не пришлетъ своего адресса, для отсылки упомянутой суммы обратно къ ней въ Самару, то деньги будутъ отданы бѣднымъ по обыкновенному порядку, *безусловно*.

Въ слѣдствіе чего *Редакторъ* Вѣстника Евр. почитаетъ себя въ правѣ изъ тѣхъ денегъ *пятьнадцать* рублей отправить въ городъ Севастополь къ Его Превосходительству Петру Михайловичу Рожнову для доставленія бѣдной, больной и престарѣлой *Подполковницѣ Авдотьи Алексѣевой*. Ходатайствующій о ней г. Заставскій пишетъ къ Редактору слѣдующее: „Уже 18 лѣтъ, какъ померъ мужъ ея, служившій въ морской артиллеріи Подполковникомъ; „а 10 лѣтъ какъ лишилась она и сына, такъ „же Подполковника, въ 12 Егерскомъ полку „служившаго, на войнѣ противъ Французовъ „раненаго и въ плѣну умершаго. Сверхъ того

„увѣрена она въ несуществованіи и другихъ ея „4-хъ сыновей, служившихъ Богу и Государю „въ неизвѣстныхъ ей коммандахъ. Пока здо„ровье позволяло, питалась она трудами рукъ „своихъ. Нынѣ же, имѣя болѣе 80 лѣтъ, „лишилась вовсе дневнаго пропитанія съ до„черью и пятью малолѣтными внуками, и „живетъ въ землянкѣ. Сего довольно, чтобъ „имѣть ей участіе въ состраданіи чувстви„тельныхъ людей. Пособія къ ней могутъ „адресованы быть въ городъ *Севастополь* „*на имя Его Превосходительства Петра Ми„хайловича Рожнова.*“

Достальные *десять* рублей препровождены въ городъ Богучаръ къ господину Предводителю Дворянства, Маіору Якову Васильевичу Чуничову для врученія *Коллежскому Регистратору Ивану Ѳедоровичу Склабовскому*, который, имѣвши достатокъ умѣренный и сельское хозяйство, вдругъ всего лишился отъ пожара и доведенъ до нищеты съ многочисленнымъ своимъ семействомъ. Ходатайствующій о немъ Старобѣльскій Г. Штабъ-Лѣкарь Донецкій пишетъ къ Редактору между прочимъ: „Я видѣлъ ихъ всѣхъ въ полуобгорѣлыхъ пла„тьяхъ и въ самомъ жалкомъ положеніи.“ Г. Донецкій призванъ былъ для подаянія помощи престарѣлой тещѣ Склабовскаго, которая, бросившись въ средину пламени для избавленія двухъ-недѣльной своей внуки, подверглась сильной обжогѣ. Желающіе сдѣлать вспоможенія сему семейству могутъ относиться къ упомянутому господину Предводителю Дворянства, или къ самому Склабовскому.